

A black and white artistic photograph. In the foreground, a woman with short, light-colored hair is shown in profile, looking towards the left with a slight smile. In the background, a man with short dark hair, wearing a suit and tie, is looking directly at the camera with a serious expression. The lighting is dramatic, with strong highlights and shadows.

Горовая Ольга

Интервенция Любви

Современный любовный роман

При первой встрече он убил ее мужа. Ну и что, что почти «бывшего»? Инга была из тех, кто умел сохранить при расставании дружеские отношения. Так что такое начало вряд ли могло сулить хорошее развитие знакомства. Когда они встретились во второй раз – он пришел убивать ее. Не подумайте, что он маньяк или пытался свести какие-то счета. Ничего личного, только работа. Он – наемный убийца и привык все в жизни подвергать холодному анализу и планированию. Опыт научил, что безрассудные порывы не приводят ни к чему хорошему. Но и тут вмешалась жизнь, переиначив все его расчеты. Все пошло не так, внеся в продуманный план ненужные никому из них чувства. То, с чем он совсем не привык справляться. Да и те, кто нанимал его, определенно не хотят видеть Ингу в живых. И с этим тоже надо что-то делать, если он не собирается выполнять заказ

- [Ольга Горová](#)

-

- [Пролог](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)

Ольга Горовая

Интервенция любви

Интервенция – агрессивное, как правило, вооружённое вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела какой-нибудь страны.

Весь день был расписан буквально по секундам. Она должна была столько успеть сделать, решить, выяснить, согласовать и уладить, что Инга не задумывалась даже о том, во сколько сегодня будет обедать. Допускала, что в принципе, не вспомнит о еде.

Потому эта «просьба» ее непосредственного босса, переданная от самого владельца центра, была не просто «не вовремя». Она «ни в какие ворота не лезла». Ну, куда ей сейчас еще интуриста? Неужели этому англичанину больше делать нечего, кроме как по их торговому центру бродить? Да ну, серьезно? Что он тут может надеяться купить?

Она совершенно не понимала. Но послать начальника с этой просьбой не могла. Инга вовсе не собиралась портить ни свою репутацию, ни свой послужной список. Потому сейчас, сжав зубы, пыталась решить три дела одновременно, чтобы выкроить время для сопровождения этого англичанина по бутикам центра.

Еще раз бросив короткий взгляд на часы, Инга смирилась с мыслью, что в ближайшем времени у нее во рту не окажется ни крошки. С раздраженным вздохом она несколько раз сжала и разжала пальцы, прогоняя возникшее искушение. А потом все же потянулась к верхнему ящику своего рабочего стола, подавляя укол вины в душе. Она выкурит только одну сигарету. Глупо, конечно, глотать дым вместо еды, но это хоть немного притупит чувства голода, и она будет ощущать себя бодрее во время предстоящего непростого часа. Конечно, Инга уже месяц, как почти успешно борется с этой некрасивой и немодной нынче привычкой. Но, раз уж так сложились обстоятельства... Одна сигарета, и все.

Спустя сорок минут она могла заключить, что все не так уж страшно – тот самый англичанин оказался немолодым, но высоким, подтянутым и довольно бодро шагал следом за ней по переходам и бутикам, не особо задерживая Ингу. Еще одним неоспоримым плюсом этого интуриста оказалась его молчаливость. Хотя, тут Инга больше была склонна «винить» застрявшего в какой-то пробке переводчика, который не смог сопроводить иностранца в этом походе по их торговому центру. Потому, к ее счастью, Мэтт Поллак, как представился мужчина, в основном молча изучал витрины магазинов и оформление самого центра, лишь иногда, на ломаном русском, что-то уточняя и сообщая, что он хотел бы посмотреть. Саму цель его прогулки Инга так до конца и не поняла – то ли он искал подарки родным, то ли присматривался к потенциальному бизнесу, планируя и самому открыть какую-то сеть бутиков в их стране.

Английский Инга знала неплохо, вроде бы, но Мэтт оказался шотландцем, и это добавляло нюансов в общение, в виде специфического акцента и искажения звуков, порой до неузнаваемости. Инга как-то посещала Англию, побывала она и в Эдинбурге. Правда, проездом, но все же сейчас узнала это звучание. В общем, в результате особого общения у них не вышло. Возможно, потому Инга как-то сама собой погрузилась в привычное наблюдение за работой центра, пока сопровождала Мэтта. Его присутствие не напрягало ее, и уже спустя десять минут Инга мысленно делала пометки, кому из арендаторов напомнить о ежеквартальной оплате, а кому стоит намекнуть, что украшения витрин вовсе не соответствует общему оформлению и политике центра.

Сейчас же она ожидала, пока англичанин что-то рассмотрит в витрине ювелирного, с удивлением поймав себя на мысли что, несмотря на возраст и полное отсутствие волос на голове, этот интурист даже кажется интересным мужчиной. Не в том смысле, что он был

красив суровой мужской красотой или что-то типа этого. Нет. Но он вызвал ее интерес, пусть отстраненный, с четким пониманием неуместности и прочих доводов. Все-таки некоторых мужчин, даже не особо красивых в молодости, возраст красит. Они стареют красиво. Достойно. Видимо, это можно было отнести и на счет этого англичанина.

И это при том, что Инге никогда не нравились лысые.

Ладно, если быть честной, одно исключение имелось.

Вин Дизель.

Да. Ему бы она отсутствие волос простила.

Англичанин, с точностью ста процентов, Вин Дизелем не был. Хотя кожа его казалась смугловатой, да и в чертах лица имелся какой-то намек, больше характерный для восточных народов, нежели для англо-саксов, как Инга их себе представляла. Впрочем, при нынешней популярности Англии среди народов бывших колоний, ничего удивительного. Возможно, кто-то из его родителей был вовсе не европейцем.

В общем, как бы там ни было, Инге этот мужчина показался интересным. Даже при отсутствии волос на голове и своем возрасте, вопреки всем ее пристрастиям в мужчинах.

Тут она почему-то вспомнила, как утром звонил Михаил (очень даже «волосатый» и старше ее лишь на три года), мысленно чертыхнулась и почти полностью утратила любой интерес к интуристу.

Бывший муж настаивал на встрече завтра вечером. Снова не вовремя. Совсем. Вечно он как выберет время. Инга забыла об этом совершенно. А теперь надо будет проверить график, как только вернется в кабинет. И как-то втиснуть туда эту встречу. Еще одна головная боль.

Мэтт продолжал рассматривать какое-то украшение в витрине, правда, отрицательно покачал головой, когда она по-английски предложила ему зайти внутрь и оценить весь выбор.

Инга не очень понимала, что именно привлекло внимание англичанина. Как-то она сомневалась, что у них в центре можно увидеть какое-то эксклюзивное ювелирное украшение. Хотя, конечно, хозяин этого бутика, Боруцкий Вячеслав Генрихович, казался серьезным человеком, который вряд ли будет торговать ширпотребом. К тому же, у него имелась сеть ювелирных магазинов по всему городу, а не только бутик у них в центре. Так что за ассортиментом он, наверное, следил.

Да и не так прост был этот Боруцкий. Ходили слухи, что он то ли в прошлом, то ли сейчас связан с криминалом. Но Инга в это не вникала. В круг ее обязанностей изучение таких деталей не входило, а чувство самосохранения у нее было развито достаточно, чтобы самой никуда не лезть с глупым любопытством.

А вот следить за тем, чтоб качество товара в бутиках отвечало уровню их центра – относилось к ее обязанностям. Потому Инга четко знала, что украшения здесь хорошие, но вряд ли чтоб лучше, чем в Англии. Тем не менее, она спокойно ожидала, пока их гость удовлетворит свой непонятный интерес. И ничего не спрашивая повела его дальше, когда Мэтт выпрямился и знаком показал, что готов продолжать экскурсию по центру.

За оставшееся время такой же пристальный интерес у него вызвал только бутик, в котором продавались часы и швейцарские ножи. Там они провели минут десять.

После чего Мэтт сдержанно поблагодарил Ингу, заверив, что всем доволен, и простился. А она с воодушевлением вернулась к своему завалу, надеясь, что все-таки сумеет освободиться до одиннадцати вечера и выспаться.

Он был доволен результатами сегодняшнего дня. Кто-то, возможно, счел бы эту вылазку лишней. Данных и так было достаточно. Но он привык знать все. Абсолютно все, каждую мелочь о тех, на кого получал заказ. И потому не сомневался, что с пользой потратил это время. Теперь он действительно знал все об объекте, который ему поручили устранить.

Глава 1

Иногда ваша жизнь меняется кардинально за несколько секунд. И эти изменения от вашей воли не зависят.

– Что ж, я рассчитывал, что тебя порадует наша встреча, а ты что-то скучна и кисла, как и обычно, – Михаил ехидно усмехнулся, наблюдая за ней.

Инга не поддавалась на провокацию бывшего мужа. У нее давно выработался иммунитет к его специфическому чувству юмора и отношению к жизни. Политик, что с него взять? По ее скромному мнению, основанному на пяти годах совместной жизни с самим Михаилом, нормальные и адекватные люди редко становились политиками. И тебе либо приходилось мириться с особенностями этих людей, или же надо было отойти в сторону, для сохранения собственного здравого ума и душевного равновесия. Что она в итоге и выбрала, радуясь тому, что успела сделать это до того, как он начал играть хоть сколько-нибудь значимую роль в своей партии. И благодаря этому практически нигде не было известно, что Инга вообще с ним хоть как-то связана. Они даже умудрились при расставании сохранить достаточно теплые и дружеские отношения с Мишей. Ну, настолько, насколько это было, в принципе, реально.

– Я рада. Просто опасаясь проявить чрезмерную эмоциональность и того, что мои ожидания в результате не оправдаются. В который раз, – сдержанно улыбнулась Инга, подцепив вилкой кусочек мяса с тарелки.

Ужин оказался замечательным. Миша определенно заказал тот в ресторане. Где, разумеется, не мог появиться с ней – то ли бывшей, то ли настоящей женой. Ему, политику, которого наконец-то признали перспективным и «подающим большие надежды», следовало думать о своем имидже и репутации, а особенно о репутации партии. Из-за которой, репутации в смысле, они и не могли последние три года официально развестись. Руководство партии не считало, что бракоразводный процесс (пусть и мирный), который может вызвать лишнее внимание прессы, пойдет на пользу имиджу молодого политика, на которого делались большие ставки в ближайшем будущем.

Они сидели на кухне его дома, который он купил уже после их разрыва. Из приоткрытой двери на веранду долетал теплый ветерок, наполняя пустоту помещения вечерними звуками пригорода.

Миша поднял бокал, салютуя ей:

– Нет, в этот раз все. Сейчас самое подходящее время, внимание прессы и общественности сосредоточено на иных событиях, так что мы спокойно можем завершить процедуру развода. Но, разумеется, ты должна будешь подписать бумаги о том, что не претендуешь на какую-то публичность, и не будешь разглашать...

– Разумеется, – прервала его Инга, прожевав мясо. – Мы уже можем подписать документы?

Она промокнула губы салфеткой, отложила ту в сторону и с ожиданием посмотрела на Мишу.

Он улыбнулся шире:

– Не терпится?

– Есть немного, – Инга продолжала смотреть ему в глаза.

Михаил отставил свою тарелку.

– Завтра. Инга, завтра мы подпишем все документы. В семь вечера в офисе моего адвоката. Он уже все уладил с судьей. Но, сама понимаешь...

– Конечно, понимаю. Никакой огласки.

Инга поднялась из-за стола, подумав, что ее ожидания все же не оправдались. Оставалось надеяться, что завтра все и правда закончится.

– Не куксись, Инга, завтра уже поставим точку в этом.

Миша поднялся следом за ней.

Она приподняла брови в ответ на такое замечание мужа – Инга никогда не «куксилась».

– Я устала от неопределенности собственного положения, Миша. От того, что мою жизнь решают какие-то партийные менеджеры и пиарщики. Мне в избытке хватало этого всего, пока я была твоей женой, – она выделила прошедшее время. – И сейчас я просто действительно хочу поставить на этом точку и идти дальше.

Не видя причин задерживаться, она вышла в коридор, который вел в прихожую. Миша пошел ее провожать:

– Я понимаю, Инга. И обещаю – завтра все закончится.

– Вот и хорошо, – она кивком головы поблагодарила Мишу, когда он подал ей сумочку, дождавшись, пока Инга обуется. – Созвонимся завтра в три.

Миша кивнул, и Инга вышла, махнув бывшему мужу на прощание ладонью. Открыла сумочку, пытаясь разыскать ключи от машины, которую припарковала снаружи, перед воротами. И уже нажав кнопку брелока, вдруг поняла, что не заметила в сумке своего смартфона. А поскольку тот заменял ей и ежедневник, а зачастую и ноутбук, Инга вновь заглянула в сумку, застыв в калитке, чтобы автоматические двери не закрылись. Ее подозрения подтвердились – она забыла телефон на столе кухни. Все-таки Миша всегда умел нарушить ее собранность и хладнокровие.

Инга развернулась и пошла назад, пересекая небольшой дворик перед крыльцом. Входные двери он за ней не закрыл, и Инга беспрепятственно вошла внутрь:

– Миш! – крикнула она в пустой коридор. – Я телефон забыла. Миш? – снова позвала она, не дождавшись ответа.

Но и сейчас муж не отзывался.

Инга пошла в сторону кухни, по пути заглянув в гостиную. Миши там не было.

– Миш? – недоумевая, куда он делся, снова позвала Инга. – Ты где? – она зашла на кухню.

Осмотрелась и тут же заметила свой телефон. А так же отметила, что дверь на веранду открыта полностью. Ей, кажется, даже показалось, что в саду кто-то ходит. Решив, что Миша вышел туда, она ступила вперед, наклонившись к столу за телефоном.

Но так и осталась в нелепой позе, застыв над столом, оторопело глядя на красное пятно какой-то жидкости, расплывающееся у нее под ногами. Мозг отказывался анализировать и выдать самый реальный вариант. И хоть она почти понимала, что это – не могла осмыслить. Наклонилась еще ниже. Даже рука дернулась, словно бы Инга решила на ощупь попробовать странную жидкость. Но так и замерла на полпути. Зато взгляд продолжал исследовать обстановку кухни. Пока и он не замер на том, чего здесь не было еще три минуты назад.

Инга ощутила, как сдавило горло, как легкие обожгло из-за того, что она не могла

сделать вздох – прямо на нее смотрели удивленные и безжизненные глаза мужа. Теперь точно – бывшего.

То, что она сделала в следующую минуту, Инга не могла объяснить себе позже ничем, кроме как шоком. Потому как никто, наверное, в здравом уме не совершил бы подобной глупости:

– Миша?! – словно не понимая, что он точно мертвый, еще раз позвала Инга бывшего мужа. И вдруг резко выпрямилась и с какой-то дури выбежала на веранду, туда, где мгновение назад видела кого-то в саду, зайдя в кухню. – Помогите, человеку плохо!

Ну, казалось бы, не дура совсем и должна была бы понимать, что в частном саду вряд ли будет просто прогуливаться какой-то прохожий. Тем более если хозяина этого сада только что убили, а через входные двери никто не входил и не выходил кроме нее самой. И все-таки, Инге еще не доводилось вот так «лицом к лицу» сталкиваться с насилием и смертью, и разум не сумел адекватно отреагировать.

Был ли кто-то в саду или нет? Бог знает.

Она могла бы поклясться, что видела движущийся силуэт, замерший у кустов возле забора, когда она выбежала со своим нелепым хрипом-криком. А может ей и почудилось, потому как вглядываясь в весенние сумерки Инга ничего не могла разглядеть толком.

А в следующую секунду ее мозг наконец-то начал анализировать происходящее, и на Ингу обрушилось понимание: единственный, кто сейчас мог быть в саду – это убийца Миши. В одну секунду она заскочила снова в кухню, захлопнув за собой стеклянные двери, провернула замок, ощущая безумно колотящееся сердце. Тело начала сотрясать нервная, не поддающаяся контролю дрожь, но Инга отчаянно стараясь не смотреть на пол, пыталась набрать на своем телефоне номер «скорой», хотя вроде и понимала, что Мише уже не помочь.

Следующие несколько часов превратились для нее в кромешный ад: Инга никак не могла понять, что это действительно реальность, и Миша мертв, хоть сама видела, как увезли его тело, накрыв какой-то простыней. Она забыла о том, что бросила курить, и пока разговаривала с врачами, а потом и со следователями, которых вызвал диспетчер «скорой», выкурила пять сигарет, одолженных у этих же милиционеров.

Ее вновь и вновь просили рассказать о причинах встречи, о том, что они обсуждали с убитым, что ели, даже как сидели во время каждого действия. Как-то отстраненно и с иронией Инга подумала о том, что теперь ни о каком «неразглашении» речь уже и не идет. И Миша страшно злился бы. Хотя теперь, наверное, даже ему все равно.

В том же оглушенном состоянии она несколько раз уточнила, что видела кого-то в саду. Даже указала, возле каких именно кустов. И следователь отправил туда криминалистов, приехавших самыми последними. Инга краем глаза видела, что они там что-то собирали и фотографировали. Но так и не узнала – нашли ли что-нибудь, ее все время спрашивали, а она говорила, говорила, говорила, повторяя одно и то же.

Наконец, уже около одиннадцати часов, кажется, ей разрешили отправляться домой, при этом предупредив, чтобы Инга не покидала город. Она, не споря подписала и свои показания, и согласие, что слышала это предупреждение. Все, чего Инга хотела – это оказаться дома, выпить рюмку коньяка и заснуть без всяких сновидений. И не просыпаться. Никогда. Или, хотя бы, до того момента, когда окажется, что все это – нелепая ошибка,

розыгрыш, галлюцинация. Что угодно, но только не правда.

Однако о таком и думать было нечего – уже в семь утра Инга должна была проснуться, чтобы успеть на работу. Потому, приехав домой, она ограничилась чашкой ромашкового чая и таблеткой успокаивающего на травах. И установила три будильника, чтоб точно не проспать.

Как оказалось, совершенно напрасно. В шесть утра ее разбудил звонок начальника:

– Инга, доброе утро.

– Доброе, Сурен, – еще не до конца проснувшись, поздоровалась она.

Голова болела и мысли казались какими-то вялыми и мутными из-за снотворного, что Инга выпила накануне. Тем не менее, она постаралась собраться. Раньше босс ни разу не звонил ей настолько рано.

– Не буду ходить вокруг, да около, Инга. Мы с вами оба предпочитаем прямопу и не любим терять время, – продолжил Сурен.

Она промолчала, не зная, что именно он собирается сказать, но уже подозревая, что ничего хорошего ей эти новости не сулят. Вряд ли бы Сурен позвонил в шесть утра, чтобы таким тоном сообщить ей о повышении.

– Только что мне позвонил владелец центра. Он настоятельно советует вам уйти в отпуск.

– Насколько длительным будет этот отпуск? – неоплачиваемый, к тому же, как поняла Инга.

– Инга, я не осведомлен об этом. Вы знаете, я уважаю вас, и мне предельно комфортно работать с человеком, который знает, что делает. Однако центром владею не я.

– Меня увольняют? – в голове зашумело, но Инга сохранила ровный тон.

– Я не имею точных сведений, Инга, – Сурен говорил так же невозмутимо. – Однако как я понял, пока вы замешены в этой ситуации с убийством, владелец не хотел бы, чтобы вы появлялись...

– Подождите, Сурен, – вот здесь Инга растерялась.

Нет, она не запомнила о том, что вчера произошло. Хотя, видит Бог, хотела бы этого. Но при чем это к ее работе?

– Я не замешана в деле об убийстве. Я свидетель. И категорически не понимаю, почему это может помешать мне исполнять мои обязанности...

– Инга, я не имею об этом никакой информации, – чуть более искренне вздохнул Сурен. – Я всего лишь передаю вам то, что мне велено. Более того, владелец просил бы вас вообще пока не появляться в центре. Ваши вещи доставят вам домой курьером, с делами мы разберемся. Всего доброго.

И он прервал разговор, больше ничего не добавив и не объяснив. А Инга, совершенно сбита с толку, откинулась на подушку, обхватив виски пальцами и попыталась понять: что же творится с ее жизнью?

Однако, спустя каких-то три часа, Инга поняла, что до этого момента у нее еще и не было особых проблем. И потеря работы – это пустое. Мелочи.

В девять часов на ее пороге стояло двое следователей. Тех самых, которые вчера приезжали в дом Миши. Тех, которым она и так уже раз десять рассказала все, что знала. Они настоятельно попросили ее проехать с ними, для уточнения показаний.

И Инга вдруг узнала, что из «свидетеля» вот-вот превратится в главного подозреваемого в убийстве собственного мужа. И она не имеет права покидать город. Более того, по всей вероятности, через несколько часов вообще выпишут ордер, позволяющий правоохрнительным органам задержать ее. Это не говорилось вслух, но Инга никогда не считала себя душой.

И все же, являясь, в принципе, неглупым человеком, она никак не могла понять – что за абсурд сейчас происходит?

– Подождите да зачем мне его убивать? – сбита с толку тем, что ей пытались это приписать, она даже возмущенно взмахнула рукой. – С какой стати?!

– Как с какой? – один из следователей, Каренко Сергей Игоревич, хмыкнул, и постучал пальцем по папке, лежавшей перед ним на столе. – Судя по показаниям людей, близко знавших покойного, он как раз собирался завершить бракоразводный процесс. А кому захочется терять такое положение и деньги? А как вдова...

– Да вы что? Вы о чем? – Инга рассмеялась бы, слушая этот бред, если бы не знала, что их милиции до правды дела нет, им бы «виновного» найти. – Я ни копейки от него не имел за последние три года. И не нужны мне его деньги, я сама себя обеспечу. И в завещании Миши я наверняка не значусь. Какие деньги? Какое положение? Я сама хотела с ним развестись, понимаете? Три года его дергала, чтобы он дал мне этот развод, а Миша все отнекивался из-за партии и неудобных обстоятельств. Господи! Да вы у адвоката его спросите!

– А мы и спросили, Инга Александровна, – противненько так улыбнулся второй детектив. – Мы как раз и спросили. А еще у коллег мужа вашего покойного поинтересовались, и они в один голос утверждают, что отношения у вас были натянутые. И особенно критично стоял вопрос развода, который вы никак не желали давать Михаилу. Да и завещания-то – не осталось, – Сергей Игоревич развел руками, будто сожалея о данном факте. – А вы – законная жена, все еще. И, следовательно – прямая наследница. Чем не мотив? Да и вы последняя, кто видел покойного...

Оба следователя уставились на нее так, будто бы уже и не сомневались – именно Инга убила Мишу. А она смотрела на них, совершенно не понимая, о чем эти люди твердят? И кто же мог сказать им подобное? Для чего соврал адвокат Миши?

– Быть может, вам стоит поговорить еще и с моим адвокатом? – попыталась Инга привести разумные доводы. – Он расскажет вам, сколько времени от моего имени вел переговоры о разводе и о том, чего я просила, а что и не думала требовать от бывшего мужа.

Ее настолько возмутили эти обвинения, да и если честно, настолько испугали, что она поднялась, испытывая потребность в каком-то движении. Сюрреализм какой-то. Все в ее жизни вдруг оказалось поставлено с ног на голову и полностью перекручено. Белое неожиданно стало черным. А какие-то люди, о которых она и не знала ничего, эти самые «коллеги Миши» и адвокат – зачем-то говорили милиции полный бред.

– А тот человек, которого я видела? – наверное, от отчаяния, Инга повернулась и властным тоном потребовала ответа от следователей. – Там, в саду. Что вы нашли?!

Впервые за весь «допрос» следователи слегка стушевались. Впрочем, этот момент был кратким, и очень быстро в их поведении восстановилась хамоватая наглость:

– Там не было обнаружено ничего определенного, Инга Александровна. Следы, которые с равным успехом мог оставить сам убитый, или даже вы, чтобы попытаться

отвести от себя подозрения, – они оба внимательно уставились на нее.

А у Инги начался какой-то истеричный смех:

– Бред! Господи, это же бред! Как вы не понимаете?! У нас были нормальные отношения с Мишей. И я не хотела оставаться ни его женой, ни вдовой! Я никогда не собиралась его убивать. И тем более не делала этого. Зачем? Если он наконец-то согласился дать мне развод?!

Следователи помолчали некоторое время. Потом Сергей Игоревич достал пачку сигарет и закурил. Инга почувствовала, как у нее дернулось горло и во рту пересохло. Ей тоже захотелось закурить. Но, несмотря на то, что в ее сумочке лежала пачка сигарет, она не спросила разрешения и не вытащила ее, и у следователей не попросила прикурить. Просто посмотрела на детективов, ожидая, что же они скажут дальше.

– Знаете, Инга Александровна, нам бы очень хотелось вам верить. Вот вы сейчас так убедительно говорите. Но факты – вещь упрямая. Хотя мы, разумеется, поговорим и с вашим адвокатом. Оставьте нам его контакты.

Инга быстро написала фамилию и имя, телефон и адрес конторы.

– Я могу идти? – оттолкнув от себя лист, враждебно уточнила она.

Детективы опять молчали. Видимо, специально, чтобы заставить ее нервничать.

– Пока, можете, – наконец проговорил второй, имени которого Инга не знала, так как он не представился. – Но я не советую вам даже пытаться покинуть город.

Инга молча поднялась и вышла из небольшого кабинета, насквозь прокуренного, с чахлым кактусом у компьютера на столе Сергея Игоревича. Так же быстро она постаралась покинуть и само здание. Но не потому, что решила не прислушиваться к совету детектива. Ей просто стало душно и противно там. И так страшно, что сердце закололо, а на затылке выступил холодный, противный липкий пот.

Ее пытались подставить. Она не знала: кто, зачем, ради чего? Но то, что ее пытались сделать виновной в этом убийстве – было очевидно. А Инга не имела ни малейшего желания нести ответственность за то, чего не делала. Тем более ей не хотелось стать козлом отпущения в убийстве Миши.

Эти мысли буквально распирали ее голову, пока Инга ехала домой. Медленно, почти с черепашной скоростью. Потому как следить еще и за дорогой у нее не было сил. Вся сосредоточенность Инги была посвящена одному вопросу: «что делать?».

Пока не получалось избавиться от страха, буквально запленившего ее всю в том старом и обшарпанном кабинете следователей. А следовало отодвинуть это все и попытаться найти выход. Понять, что делать? Разобраться, что происходит и кто устроил эту чертовщину вокруг нее?

Может самой съездить к адвокату Миши? Поговорить. Потребовать объяснений, что за нелепицу тот наплел милиции?! Еще и эти «коллеги».

Она остановила машину, паркуясь в своем дворе. И вдруг застыла за рулем, с наполовину вытащенными ключами от автомобиля, зажатыми в руке. словно в насмешку, чтобы добить Ингу, этакой «вишенкой на торте», на нее вдруг кристально ясно обрушилось понимание – она совершенна одна здесь. В этом городе. В этой области. И нет никого, на кого можно было рассчитывать или к кому она могла бы обратиться за помощью.

Родители далеко, да и нет у них ни связей, ни денег. Это Инга содержала родных последние семь лет, а не наоборот. Да и втягивать их в это, по крайней мере сейчас, когда

ничего не ясно, а и у отца, и у матери не особо крепкое здоровье – она не собиралась. О друзьях речи не шло: нельзя сказать, что у Инги имелись такие друзья или подруги, которые безоговорочно стали бы на ее сторону при обвинении в убийстве. То есть знакомых, приятелей и подруг существовало достаточно. Но с ними, скорее, можно было бы поболтать о погоде или последних событиях в жизни страны, нежели позвонить среди ночи со словами: «Эй, меня тут в убийстве бывшего мужа обвинили. Можешь поверить? Помогите, а?». А даже если и поверит кто-то именно в ее версию – опять-таки, особо влиятельных особ среди них нет.

Клиенты. Тут другой разговор. Тут влияния через край. Но исходя из утреннего разговора с Суреном и приказа владельца центра (он-то откуда раньше нее о подозрениях узнал?! Те самые связи?), вряд ли кто-то ринется помогать ей по доброте душевной или из благодарности за то, как Инга обслуживала их. Если уж руководство, на которое она честно вкалывала последние два года, так быстро открестилось от Инги.

Дать кому-то взятку за помощь? Может и сработает. Но кому? И сколько? У нее не так и много денег. Разве что продать квартиру и машину...

Хватит ли этого?

Она не представляла. И у кого спросить – понятия не имела. Инга уже позвонила своему адвокату, в панике передав тому разговор со следователем. Он мало чем мог помочь, специализируясь на разводах и тяжбах о разделе имущества. Но обещал найти ей адвоката, понимающего в криминальном праве среди коллег. А так же заверил, что обязательно поговорит со следователями об их с Михаилом разводе.

Все, больше никто не приходил пока в голову, как вероятный помощник. И от этого понимания не становилось радостней.

Но Инга решила, что опустошение и отчаяние вряд ли помогут найти выход. Она глубоко вздохнула и выбралась из машины. Сейчас придет домой, сварит себе кофе, закурит (гори оно синим пламенем это здоровье, когда она в такое влипла!) и попытается осмыслить все с начала. Однако, вызвав лифт, чтобы подняться на свой шестой этаж, Инга поняла, что до кофе не дотянет. Руки тряслись, как у какой-то истерички.

Сначала сигарета. А потом все остальное. Именно с этой мыслью она чуть ли не влетела в квартиру, лихорадочно звеня ключами и отбросив сумку на комод, торопясь к заветной пачке, припрятанной тут же в верхнем ящике.

Вот только, вытащив сигарету и схватив зажигалку, она так и не прикурила, четко поняв – это все чепуха. Смерть Миши, увольнение, обвинение в убийстве и полное отсутствие у нее необходимых связей. Полная туфта. Игрушки просто. И думать тут не о чем. И бояться этого – глупо.

Потому что, развернувшись к кухне, Инга уперлась взглядом в дуло пистолета, застывшее в сантиметре от ее лба.

Факт первый: еще вчера он не планировал ее убивать.

Факт второй: это и сегодня не казалось ему разумным.

Но у заказчика появились какие-то свои новые обстоятельства, и у него прибавилось работы.

Глупо.

Лютый не выяснял, что за причины свалились сегодня на голову клиента, приводя в панику. Не его это проблемы. Принял заказ и пришел его выполнить, насколько бы это не было тупо со стороны заказчика, если смотреть объективно.

«Меньше лезешь в суть – сохраняешь клиентов, а не заводишь врагов» – его девиз, если дело касалось политики.

Факт третий: жизнь ломает хорошие планы и добавляет хлопот. Жизнь – дерьмовая штука.

Что ж, приходилось подстраиваться.

Однако и сейчас он считал, что устранить в течение суток оба объекта – все равно, что выставить маячок для тех, кто захочет покопаться в этом деле поглубже. «Эй. Тут явно что-то не сходится». Вот, что заметит любой заинтересовавшийся следователь.

Факт четвертый: это все еще не его проблемы, что не могло не радовать.

Он за собой следов не оставит, как и обычно. Так что все не состыковки пусть разгребает заказчик, которому приспичило устранить и эту женщину.

С точки зрения Лютого, до этого утреннего звонка, клиент вел себя вполне разумно. Он не выяснял причин, по которым ему заказали первый объект – политика. Но подставить его жену в качестве виновной было хорошей идеей, и к тому же, как он понял из оговорок клиента, решало еще какие-то вопросы. Лютый сделал все на месте преступления, чтобы обеспечить жизнеспособность данной версии в глазах следователей. Даже потратил время и силы на маскировку, чтобы лично изучить жену объекта и откорректировать согласно этим данным свои действия. И все развивалось по его плану.

Пока какой-то бешеный петух не клюнул клиента в темечко и не заставил добавить Лютому работы.

Факт пятый: заказчики значительно усложняют жизнь любому наемнику. Тем более киллеру. Но это неудобство работы, с которым приходится мириться. Зато клиенты имеют деньги, чтобы оплачивать свои причуды.

Женщина напротив него, до этого неподвижно застывшая секунд на тридцать, моргнула и медленно опустила руку с сигаретой, так и не прикурив.

Факт шестой: да, пистолет в его руке часто приводил к такому эффекту.

Эта еще быстро пришла в себя. Впрочем, другим он обычно не давал на это времени. Но в его планы не входило убивать ее здесь, на пороге. Заказчик хотел создать иллюзию самоубийства. Словно бы объект, мучимая раскаянием из-за убийства мужа, совершенного вчера, решила покончить и с собой.

Определенно, она вряд ли занялась бы этим на пороге своей квартиры, не успев снять обувь и плащ. Эта женщина не производила впечатления настолько необдуманной и порывистой особы. А Лютый привык выполнять заказы качественно. Не оставляя ненужных следов и зацепок.

Хотя, если бы кто-то спросил его мнение обо всем этом деле – вторая смерть подряд, за одни сутки... Тем более из-за раскаяния в убийстве, которое и так еще можно было оспорить – подозрительна. Любой здравомыслящий человек задумался бы.

Но его клиента такие «мелочи» не волновали. Вероятно, имелись рычаги давления, чтобы расследование не проводилось тщательно, и дело закрыли, просто приняв очевидно представленные факты. Однако, и в таком случае, самоубийство в дверях – казалось неубедительным.

Его цель пришла в себя достаточно и сейчас, видимо ободренная тем, что пистолет еще так и не был пущен в дело, решила заговорить:

– Кто вы? Что...

Лютый покачал головой, ясно показывая, что лучше бы помолчать, и он не собирается просвещать ее о своих планах.

А для себя отметил, что голос женщины не дрожал. Хотя в глазах страх читался очень ясно. Она умела держать себя в руках, что уже было ему известно и подтверждало прежние наблюдения Лютого.

Факт седьмой: она была из тех женщин, которые ему нравились. Это он еще в торговом центре отметил.

Не из тех, которых он трахал, когда потребности тела давали о себе знать. А из тех, которые могли заинтересовать.

Очередной факт: данное наблюдение оставалось лишь наблюдением и не имело значения.

Слабым шевелением руки, в которой все еще держал направленный на нее пистолет, он дал понять, что женщине стоит снять верхнюю одежду. Она молча выполнила указ и снова посмотрела прямо на Лютого.

Очевидно, даже у собранной и умной женщины, оставалось внутри место для надежды.

Зря.

Кивком головы он велел ей забрать сумку и пройти в гостиную. Сам пошел следом, еще раз оценивая цель, обстановку и ситуацию целиком.

Инга Плыненко. Тридцать два года. Платиновая блондинка (не ее естественный цвет). Глаза карие. Рост метр шестьдесят семь.

Умная, привлекательная, целеустремленная. Настойчивая. Но при этом дипломатична и умеет находить общий язык даже с капризными и требовательными властимущими людьми. Даже интересно немного, как же это она оказалась его «целью» и кому дорогу перешла. Не настолько, впрочем, чтобы начать что-то выяснять.

Вышла замуж в двадцать три за Михаила Горш, с которым вместе училась в эконмическом. На этого Михаила у Лютого имелся свой мысленный «файл» с подробной, но уже не особо необходимой информацией. Три года назад супруги мирно разъехались, хоть и продолжали общаться время от времени. Без всякого напряжения и даже по-дружески, что он лично наблюдал вчера, пока следил за их ужином.

Итак, сейчас она являлась подозреваемой в убийстве своего мужа и находилась в одиночестве в гостиной своей квартиры (его здесь, разумеется, и в помине не было для тех, кто потом будет все осматривать).

Лично он не видел в ее биографии причин, по которым бы женщина решила закончить жизнь самоубийством. Но Лютого об этом спрашивать не будут, так что...

Дойдя до середины комнаты, Инга остановилась и обернулась, чтобы настороженно глянуть на него. Лютый указал ей на кресло, перед которым располагался небольшой кофейный столик. Она села, продолжая держать сумку в руке.

– Мы могли бы пого...

Он прервал ее, подняв свободную ладонь, а сам продолжал оценивать. Вроде бы все к месту. Но ему все равно что-то не нравилось ни в этом заказе, ни в обстановке.

И тут, словно подтверждая тлеющее внутри недовольство, заиграл рингтон ее мобильного. Да, Лютый узнал даже это про нее, когда собирал информацию. Во время той «экскурсии» центром Инге часто звонили. Он запомнил мелодию.

Женщина вздрогнула и глянула на него со страхом, не зная, как себя вести. Очередным жестом он велел ей достать мобильный и подошел ближе, чтобы посмотреть – кто пытается поговорить с его целью.

И мысленно выругался. Жизнь – дерьмовая штука, которая вечно пытается испоганить его планы. Он уже отмечал этот факт. Но как тут не повториться, если на экране мобильного светилось «Соболева Карина»?

Лютый не хотел бы иметь любой конфликт с Соболевым. А если его жена звонит Инге – это становилось возможным. Вероятно, Соболева являлась клиенткой его цели. Но... Но.

Тут лучше было узнать подробнее, с какой стати Карина Соболева лично звонит менеджеру торгового центра. Разве для этого не существуют секретари и помощники?

Еще одним молчаливым кивком он позволил настороженной Инге ответить на вызов, ясно дав понять глазами, что ей не стоит глупить. Она же не знает, что все равно умрет. Так что будет вести себя смирно.

Ужас.

Дикий, безумный, парализующий. Вот что владело Ингой последние минуты. С того мгновения, как она увидела ЕГО.

Пистолет, направленный прямо ей в лицо.

Честное слово, ей казалось, что он – живое существо, мрачное и безжалостное. И страх настолько дезориентировал Ингу, что даже тот человек, который держал этот самый пистолет, не воспринимался.

Господи, да только сейчас до нее дошло, что это не аморфный, темный и безликий придаток к пистолету, а действительно человек. Еще пару секунд ей потребовалось для того, чтобы понять, какого же он пола. Может кто-то Инге и не поверил бы, но она и правда не сразу поняла, что в ее квартиру пробрался неизвестный мужчина. Но какая разница? Кроме нее тут никого и не было. Существенным казалось только то, что данный мужчина в этот момент держал ее под прицелом.

Не заорать, не потерять сознание и не поддаться опасному приступу паники в первые же минуты ей помогло только то, что эта самая паника оказалась слишком глобальной. Всеобъемлющей. Такой, что заставила Ингу закаменеть. Видимо, суммировалось слишком много потрясений за последние сутки.

Возможно (сейчас она пришла в себя достаточно для того, чтобы допустить подобную мысль), так вот, возможно, это было даже хорошо. То, что Инга не заорала, не набросилась на этого мужчину, и не сотворила еще каких-нибудь глупостей. Мужчина держался ровно и спокойно, и пусть у нее все еще все было сведено внутри от страха настолько, что она даже не могла с четкостью рассмотреть черты его лица, Инге не казалось, будто бы мужчина нервничает или находится в состоянии ярости.

Может быть, ей удастся поговорить с ним? Как решить эту ситуацию? А потом можно будет и заорать, и сознание потерять...

Боже, она очень надеялась, что у нее будет это «потом».

Так или иначе, несколько раз глубоко вдохнув, пока шла в гостиную, подчиняясь безмолвному распоряжению темной фигуры этого мужчины, Инга постаралась мобилизоваться и взять себя в руки. Ей доводилось оказывать в трудных ситуациях и общаться с неуравновешенными людьми. Если подумать, большая часть их клиентов были такими. Надо просто сделать вид, что и этот мужчина – один из них. И в его руке нет никакого пистолета.

Сказать куда проще, чем сделать. Но ей следует очень постараться.

Очередное молчаливое распоряжение сесть в кресло оказалось как нельзя кстати – родные ноги Ингу едва держали. Неосознанно притянув сумку ближе к себе, словно надеялась ею защититься, она решила предпринять очередную попытку заговорить:

– Может быть, мы могли...

Но и сейчас он прервал Ингу. И в тот момент, когда она глянула прямо на него, пытаясь рассмотреть внимательней, начал звонить телефон, заставив Ингу вздрогнуть всем телом и с новым приступом паники уставиться на пистолет.

Видимо, у мужчины самообладание было куда лучше, чем у нее, потому как его руки не дрогнули. Инга не знала, радоваться этому или огорчаться.

Телефон продолжал звонить.

И тут этот мужчина подошел совсем близко и к полному недоумению Инги велел ей ответить. Впрочем, что-то в выражении лица ее «гостя» говорило Инге, что ей не стоит оголтело орать в трубку: «Помогите!! Убивают!!»

Да и помогло бы? Она не знала.

На экране светилось имя Карины Соболевой. И Инга догадывалась, что послужило причиной звонка – сегодня днем госпожа Соболева планировала посетить их центр для шоппинга. Инга, как и обычно, должна была помогать ей в этом.

Что оставалось непонятным – почему Сурен и другие не пояснили Карине, что Инга больше не работает в центре? Неужели постеснялись. Или Карина осталась недовольна обслуживанием? Такое Инга вполне могла допустить.

Клиентов не обсуждают, и она никогда этого не делала. Но, как бы Инга не восхищалась характером Соболевой; как бы ей не нравился ее забавный эконо и друг Фил (самый «геестый» из всех когда-либо виденных Ингой геев, да и негр, к тому же) – сложно было не признать, что за глаза многие их сотрудники еще два дня после таких визитов шептались о причудах и придирках «этой богатой сучки». Или стервы. Кто как предпочитал ее называть.

Характер у Карины действительно был «о-го-го». Впрочем, это не удивляло. Учитывая положение, которое занимал ее муж в их области, да и в стране. Крестными ее детей были нынешней Президент и премьер-министр, если уж на то пошло. Так что да, эта женщина могла позволить себе относиться к остальным свысока.

Тем более Инге часто было непонятно, почему она все-таки снисходит до покупок у них. Однако Карина так поступала, к тому же регулярно.

Но не могла Инга не признать и того, что едкие и саркастичные замечания Карины о товарах и сервисе некоторых бутиков были совершенно оправданы. И при этом она никогда не оскорбляла никого несправедливо, высоко ценя корректность и профессионализм.

Все эти мысли не заняли много времени, промелькнув ассоциацией в сознании, пока Инга включала динамик. Зато это, видимо, позволило разуму отвлечься от страха, и потому, хрипло проговорив:

– Алло?

Инга наконец-то смогла осмыслить то, что видела прямо перед собой – черты этого мужчины. И поняла, что они кажутся ей несколько знакомыми.

Или же ей за последние два дня очень везет на лысых мужчин «не европейской» внешности. Нет, это не был тот англичанин, Мэтт.

Кажется. Или... Ох, она не знала!

Во всяком случае, этот мужчина казался лет на двадцать моложе, и скулы другие. Да и не могла она с уверенностью сказать, был ли мужчина лысым – он не снял бейсболку, хоть и находился в квартире. На затылке и висках у него точно не имелось волос.

Но что-то в движении, когда он наклонился к ее телефону, заставило Ингу вспомнить, как интурист рассматривал украшения в витрине ювелирного...

– Инга, – как и обычно сдержанный и прохладный голос Карины сбил ее с данной мысли.

– Здравствуйте Карина, – вопреки всем стараниям, ей подобная сдержанность и не снилась. Голос дрожал и явно выдавал неуравновешенность.

На какой-то миг она даже испугалась, что может этим разозлить мужчину. Но он только слушал, а его глаза с непроницаемым выражением продолжали следить за Ингой.

Синие.

У него были нереально синие глаза. Словно ненастоящие. Чуть ли не как цветные контактные линзы. И на фоне смуглой кожи лица, эта синева казалась совершенно невероятной.

– Извините, я не смогу помочь вам сегодня, так сложились обст...

– Да, меня ввели в курс дела, – Карина прервала ее, не заботясь о такте или чем-то подобном. – С вами встретится адвокат, Чирков Анатолий Олегович, сегодня в три. Я уже с ним договорилась. Он один из лучших в криминальном праве. Учитывая ту информацию, что мне удалось выяснить и передать Анатолию Олеговичу, у следствия практически нет стопроцентных улик. Он уверен, что сумеет снять с вас все обвинения. После этого, думаю, мы сможем подать в суд и на владельца центра, явно ущемившего ваши права...

В очередной раз за эти несчастные десять минут, Инга была ошарашена.

Она в принципе ни от кого не ждала помощи. Особенно, если даже не успела попросить о ней. Тем более она не ждала помощи от Карины Соболевой.

И тут степень ее шока взвинтилась до небывалых высот, так как Инга отметила еще два факта: Карина не поинтересовалась – виновна ли Инга? Вообще не уточнила. Просто сообщила, что ее оправдают.

И второе – впервые за эти мгновения в лице мужчины, так и держащего ее на прицеле, мелькнули какие-то эмоции. Но это было настолько мимолетно, что Инга (не очень внимательная сейчас, и это явное преуменьшение) не смогла понять их суть.

– Так что, я думаю, мы просто перенесем нашу встречу и мои покупки на тот момент, когда вас оправдают, – суммировала свои новости Карина.

– Я не виновна, – зачем-то ляпнула Инга срывающимся голосом, вместо того, чтобы поблагодарить.

Это было бы разумней. Сказать «спасибо».

Карина несколько мгновений помолчала. Молчал и мужчина, продолжая внимательно следить за лицом Инги и самим разговором.

– Я достаточно знаю вас, Инга, чтобы быть уверенной: вы вряд ли убили бы кого-то, в том числе бывшего мужа, из-за завещания или корыстных намерений. Толкнуть на подобное вас могло бы только что-то экстраординарное, за что я не стала бы вас осуждать.

– Но я и правда не убивала Мишу, – для нее почему-то было безумно важно повторять это. Донести хоть до кого-то.

– Что ж, это только облегчит работу Анатолию Олеговичу, – голос Карины Соболевой звучал так, словно бы она улыбнулась.

Но Инга почему-то подумала, что она ей все равно не поверила. И все же Карина Соболева не просто предложила ей помощь, а уже все организовала, и пустило дело в ход. И она бы, наверное, испытала непередаваемое облегчение, что бы там после не пришлось сделать в благодарность.

Однако существовала еще одно «но». Внушительное, под два метра ростом, облаченное в серые джинсы и черный свитер «но», вооруженное пистолетом. «Но», которое сейчас слегка нахмурилось и плотно сжало губы.

Это не показалось Инге выражением радости за облегчение ее судьбы.

– Спасибо, Карина, – искренне поблагодарила она Соболеву. – Я вряд ли смогу выразить вам все безграничность своей благодарности за это. Но, – голос Инги вновь дрогнул, когда она опять сосредоточилась на дуле. – Я не уверена, что это уже поможет...

Мужчина нахмурился сильнее, и Инге даже показалось, что он сейчас заговорит. Возможно, велит ей заткнуться. Или пристрелит.

Но этому помешала Соболева:

– Почему? – Уточнила она голосом, полным уверенности. Потом будто бы задумалась. – Тебе угрожают? На тебя кто-то давит? Кто-то знает что-то более серьезное об этом деле?

Инга не ответила. Лишь напряженно вглядывалась в лицо мужчины, опасаясь хоть что-то сказать еще. Но к ее удивлению, этот человек скупно махнул рукой, будто бы веля ей продолжить разговор.

– Инга? Что у тебя происходит? – переспросила Карина, настороженная ее молчанием.

– Я... Я не знаю, – вдруг честно призналась она. И впервые за это время в ее голосе откровенно послышалась истерика. – Я не знаю! Но здесь какой-то мужчина и он...

– Инга! – Карина снова прервала ее. Только теперь и в голосе Соболевой не было ни спокойствия, ни невозмутимости. Он был полон напряжения и какого-то странного, лихорадочного возбуждения. – Инга! Кто бы там ни был, скажи, что у тебя есть покровители. Кто бы ни пытался давить, угрожать или шантажировать тебя, не важно. Я этого не оставлю. И мой муж тоже. Мы готовы на разумный компромисс, но... Скажи, что у тебя есть покровительство Соболевых...

– Эм, Карина, – в этот раз Инга сама перебила Карину, совсем утратив понимание происходящего. – Он... Думаю, он вас слышал... – неуверенным голосом сделала вывод Инга, почти уверенная, что мужчина беззвучно выругался.

И тут он опустил пистолет и протянул руку к ней, явно демонстрируя, что хочет получить телефон. Инга не споря отдала. Этот мужчина все еще был тем самым человеком из них двоих, у которого имелось оружие.

И она впервые услышала его голос.

Тихий. Без эмоций или чувств. Который звучал как-то странно глухо и отрывисто.

– Боруцкий. Пусть он позвонит, если вы хотите что-то решить, – проговорил мужчина в трубку и сбросил вызов.

Уже вообще ничего не понимающая, ощущающая себя жалкой щепкой, которую подхватили неподвластные ей и куда более могущественные силы, Инга не решилась попросить телефон назад. А только молчала. И, кажется, не могла перестать моргать.

Карина Соболева резко поднялась с дивана, на котором сидела во время этого разговора.

Попыталась сосредоточиться на великолепной картине, изображающей рассвет. Картине, которую она сама писала. Но это не помогло окончательно взять себя в руки.

Она приехала сюда, в офис своего мужа, около часа назад, когда выяснила, куда пропала Инга. Ей импонировала этот менеджер. Нравилось, как она находит баланс в общении с клиентами. Даже с такими непростыми, какой была и сама Карина. Кроме того, она просто привыкла к тому, что работает с Ингой. Ее в этом все устраивало. Да и нравилась Карине «зубастость» этой девушки, то, как она жила, стараясь ни перед кем не прогибаться и помнить о своем достоинстве.

А за то время, что Карина знала Ингу (чуть ли не три года уже) она стала считать ее... не подругой, нет. У Карины не было подруг. Ну, может, Агния Боруцкая. В какой-то мере. Откровенно говоря – Карина не совсем знала, что подразумевается под этим термином «подруга».

Ее отношение к Инге и Агнии разнилось.

И все же, Карина привыкла общаться с Ингой с определенным постоянством. И не хотела, чтобы это изменилось. А жена Соболева уже привыкла к тому, что ее желания исполнялись.

И когда сегодня в торговом центре какой-то идиот, которого назначили исполнять обязанности Инги, попытался «перемыть кости» бывшей начальнице, посвятив клиентку в грязные подробности – испытала гнев. Нет, она не показала этого. Прервала явно некомпетентного работника, и немного надавив, узнала те немногие факты, которые он и правда мог рассказать.

У нее появилось очень нехорошее ощущение после этого рассказа.

Этого было достаточно, чтобы Карина позвонила Никольскому, бывшему начальнику СБ этой области, а ныне – начальнику охраны ее мужа, да и всей корпорации Соболева. Пары ее слов хватило для начала сбора информации. Карина же тем временем направилась в офис к Косте, по пути велев еще одному их помощнику и «правой руке», Максиму Шлепко, связаться с адвокатом.

Она не собиралась допустить того, чтобы Ингу посадили по обвинению в убийстве. Она в принципе не собиралась допускать ареста молодой женщины.

И вот сейчас Карина перевела глаза на Константина, который работал, сидя за своим столом, а последние несколько минут внимательно слушал разговор Карины с неизвестной ему Ингой, когда сама Карина додумалась включить динамик в телефоне, ощутив, что с молодой женщиной что-то не так.

Сейчас, после того, как ее самые худшие опасения практически подтвердились (а Карина была экспертом по части предчувствий, слишком много довелось ей испытать в жизни на собственной шкуре), она пыталась быстро придумать какой-то выход.

У нее шумело в ушах, пальцы казались ледяными, а сердце пропускало удары.

Никто не сказал бы о ней этого, если бы посмотрел со стороны. Никто бы не заметил.

Кроме Константина. Ее муж в мгновение ока оценил состояние жены и уже через секунду был рядом, крепко обняв Карину.

Она знала – он тоже слышал мужской голос и условие. И так же как она сама, наверняка, Костя не мог не понимать, чем это могло угрожать Инге.

– Ты уверена, что хочешь помочь этой девушке, хорошая моя? – руки Кости всегда давали Карине опору и поддержку. Защищали от всего, какие бы кошмары прошлого не набрасывались на ее сознание. – Она может быть действительно виновной в убийстве мужа.

Разумеется, Никольский уже успел представить Константину предварительный отчет по запросу Карины, и муж был в курсе дела, которое так взволновало ее.

– Мне не важно. Я знаю Ингу. Достаточно знаю. – Карина закрыла глаза и глубоко вздохнула, умело пряча панику. Безосновательную. Порожденную лишь ее воспоминаниями. – Я хочу. Я помогу ей. Мы. Пожалуйста, Костя, – Карина подняла глаза и посмотрела на мужа. – Ты же понимаешь...

Костя сжал челюсти так, что у него что-то стрельнуло в голове. Два года подряд не меньше трех сеансов в неделю с психотерапевтом. А достаточно малейшего намека, невыразительной ассоциации, и Карина опять балансирует на грани. Он сильнее прижал жену к себе, нежно поцеловал ее в губы, провел по волосам, словно маленькую девочку успокоить пытался.

В какой-то мере так и было, пусть они оба никогда не озвучивали этой истины. И да, он понимал, что Карина любой ценой поможет этой Инге. Даже если та и правда убила своего супруга.

Потому что та, видимо, пришлась ей по душе, а не многие люди удостоивались подобной чести. И потому, что когда-то, когда Карина сама убила отца, на протяжении трех лет насилующего ее и подталкивающего к самоубийству, вместо помощи и понимания, вместо реабилитации, попала в руки еще большего психопата, превратившего жизнь девушки в ад.

Карине никто тогда не помог.

Больше ничего не спрашивая, он достал свой телефон и выбрал номер Вячеслава Боруцкого. В том, что этот человек откликнется на его просьбу, он не сомневался. И не только из-за общих дел. Партнерство – хорошо. Оно во многом помогает. Но в таких делах и самый хороший партнер мог бы поостеречься. Не тогда, однако, когда с подобной просьбой обращается кум. А Карина недавно стала крестной матерью новорожденной дочери Боруцкого.

Так что Соболев рассчитывал на быстрое решение вопроса, которое так беспокоило его жену, подталкивая к срыву.

Дерьмо.

Вот в чем он сейчас оказался по самую макушку. Или окажется, если быстро не придумает выход. Вот не зря он не любил работать в этой области. Вечно все здесь шло наперекосяк, вопреки всем схемам и планам. Геопатогенная зона тут для него, что ли?

Зато теперь он, кажется, точно знал, как зовут того «петуха», который заставил его заказчика поменять тактику в сторону менее умного поступка. Очевидно, суматоха, сопровождающая интерес к этому делу Карины Соболевой, не прошла незамеченной и спугнула его клиента.

Плохо. Причем, сразу несколько моментов.

Факт, что перейти дорогу Соболеву было плохо само по себе, но не только это беспокоило Лютого. В принципе, он мог сделать так, что на него не вышли бы, даже заверши он дело. Однако Соболев был тесно связан с человеком, чье мнение и интересы имели для Лютого значение.

Вячеслав Боруцкий, больше известный в их среде общения, как Боров. Человек, который долгое время держал здесь весь криминальный мир в своих руках. Разумеется, над ним было свое «начальство», куда же без этого. Но в данном городе он очень долго был тем, кто решал все. И именно благодаря своему влиянию и положению, однажды вытащил Лютого из достаточно серьезной передрыги.

Факт: он вряд ли стоял бы сейчас тут, если бы не помощь Борова. Собственно, уже лет двенадцать его просто не было бы в мире живых.

Почему Боров решил тогда его спасти – Лютый точно не знал до сих пор. Он в то время был не на тех правах, чтобы что-то спрашивать. Но он никогда не забывал, чем обязан этому человеку. Человеку, который, как оказалось, настолько доверял Лютому, чтобы взять с собой туда, куда не берут случайных людей. Даже опытных.

Месть – не то дело, которое люди подобные Боруцкому готовы разделить и с ближайшими друзьями. И тем более, далеко не всех, кого берут с собой на подобные дела, оставляют жить дальше.

И пусть Боров по итогу заплатил Лютому за то, что тот был рядом, это не меняло самого факта. Просто, так было принято. По понятиям. Сделал работу – получил свое. Лютый оценил другое, то, что содержала в себе сама просьба помочь тогда, три года назад.

И потому не хотел бы сейчас задеть интересы Боруцкого, переходя дорогу близкого ему человека. Да и о себе стоило подумать.

Так что он спокойно сел на кресло, расположенное напротив того, в которое велел опуститься Инге. И стал ожидать звонка, не сомневаясь, что любое дело, затрагивающее Соболева, решается быстро.

У Вячеслава Боруцкого был капец, какой долбаный день. И пусть сейчас часы показывали только час пополудни, он ощущал себя настолько выжатым, словно бы не спал двое суток. Это было не так. Он ночью спал, хоть Алинка немного и капризничала поначалу. И не болело вроде ничего, но и успокаиваться дочка не желала.

Упрямая малышка.

Они с Агнией даже поспорили, от кого именно дочка получила такой характер.

При мысли об этом он усмехнулся.

Нет, его точно вымотали не эти ночные бдения крохи и не шутливые препирания с женой.

Сейчас с Алиной гулял Федот, его лучший друг и по совместительству – крестный его дочери. Вячеслав видел, как они ходят по газону, на котором только-только выросла трава. Точнее, ходил-то Федот, таская Алинку на руках, типа показывая крестнице все, что попадалось на глаза. А следом за этой парочкой весело носилась Моня (сокращенно от Монстр). Их йоркширский терьер обожал Федота. Меньше, конечно, чем Агнию. Но все же. Федот так же отвечал собаке страстной любовью. Правда, тайной. На людях он продолжал ворчать на эту «крысу», хотя они все давно его раскусили.

Вячеслав был зол на Федота. Хоть и понимал, что эта злость результата не даст. И все же, далеко не в первый раз за долгие годы их дружбы, ему хотелось хорошенько стукнуть Федота. Не то, чтобы раньше он себя в таком желании ущемлял. Однако сейчас не думал, что подобное станет лучшим выходом.

Агния расстроится, если он побьет Федота. Ясное дело, Вячеслав не хотел расстраивать свою малышку. Свою ненаглядную Бусинку. Даже несмотря на то, что меньше трех часов назад она, меняя памперс Алинке, с сияющей улыбкой повернулась к Вячеславу и на полном серьезе заявила:

– Вячек, а я хочу научиться водить машину. Покажи мне, пожалуйста?

Бусинка.

Его Бусинка за рулем машины.

От одной мысли о чем-то подобном – его прошибал холодный пот. И сердце подозрительно давило, замирая колом за грудиной. В его возрасте такие новости наверняка опасны. Еще удар хватит, не дай Бог.

Почему-то Вячеславу не казалось нечто подобное хорошей идеей. Но разве он хоть раз сумел отказать своей Бусинке? С самого первого раза, когда она, пятнадцатилетняя сирота, пришла проситься певицей в ресторан к нему, человеку, держащему в своих руках весь криминал города. Нет, конечно, он тогда выставил ее, хорошенько припугнув.

Не то, чтобы это дало желаемый эффект. Разве, в итоге, он не сдался перед упорством этой девчонки?

И если пораскинуть мозгами, Вячеслав мог привести десятки подобных примеров. Радовало его только то, что по большей части, все обходилось. Потому, глядя на шикарные волосы своей обожаемой жены, которые уже доставали до лопаток, отрастая после того, как два с половиной года назад он таки сдался очередной ее придурочной идеи и помог Агнии остричь пряди перед алтарем церкви – Вячеслав не заявил вот так-вот, с ходу: «и не мечтай!».

Он попытался пропетлять, напомнив, как она сейчас устает с Алиной. И что он всегда готов ее отвезти, куда только Бусинке в голову не взбредет. И что Федот есть на подхвате. И пять парней самой близкой охраны...

– Да, не парься, Бусина. Если че, я могу тебе показать, чего и как. Делов-то, – перебил все его разумные доводы как раз подошедший Федот, лыбясь, как полный дебил.

И забрал Алинку из рук Агнии.

Знал же, падла, кем стопудово прикрыться.

– Ни фига, – отрезал Боров, выразительно глянув на друга, и глазами дал понять, что не забудет такой «помощи». – Я сам жену научу, – заявил он.

Одна радость – после этого заявления Агния просто расцвела от счастья. И так крепко обняла его, что у Вячеслава вообще появилось желание ее не отпускать. Имелось у Вячеслава пара идей о том, как отвлечь свою малышку...

Только она, похоже, твердо решила додавить его. И все тем же тоном уточнила, могут ли они этим после обеда заняться? Не прекращая отвечать на поцелуй Вячеслава при этом. То ли он старый стал, то ли прогрессивно глупел, впадая в маразм, но только ляпнув «да», более сосредоточенный на воплощение своего плана в жизнь, он сообразил, на что подписался.

В общем, несмотря на все, что последовало за этим поцелуем, этот день не казался ему особо удачным. И меньше всего ему хотелось бы решать еще чьи-то проблемы. Своих – по горло.

Однако когда ему позвонил Соболев, Вячеслав даже немного повеселел. Теперь у него появилось оправдание, чтобы перенести «урок по вождению». На неопределенное время. Агния поймет, что он не может не помочь кумовьям.

Телефон Инги зазвонил через десять минут. Как Лютый и ожидал, Соболев умел организовывать решение интересных ему вопросов. Этого времени оказалось достаточно, чтобы сам он составил себе приблизительный план действий, который, разумеется, подкорректируется по ходу разговора с Боровом. А так же, этих минут хватило, чтобы женщиной напротив него в полной мере завладел ужас. Что, тем не менее, не толкнуло ее ни в истерику, ни в откровенную глупость. Инга не падала на колени, умоляя помиловать ее, не заламывала руки и не пыталась что-то выторговать. Судя по страху в ее глазах, Инга прекрасно понимала, что в данный момент ее судьба ни на каплю не зависит от нее. И все же, старалась сохранять спокойствие, хоть ее руки дрожали, да и дыхание было неравномерным.

Лютый не мог не признать очевидного – у нее превосходная выдержка. Если так будет и дальше, это значительно упростит ему жизнь. Да и ей тоже.

Потому, отвечая на вызов, он уже примерно знал, как действовать.

– Боруцкий, – резко гавкнул телефон у самого его уха.

Если бы у Лютого имелось чувство юмора, он бы усмехнулся. Но беря заказ он, в принципе, отстранялся от любых эмоций и чувств, потому лишь отметил, что Вячеславу, определенно, не пришлось по душе лишнее и непонятное дело, с которым ему навязался Соболев.

– Здорово, Боров, – спокойно ответил Лютый на это приветствие.

– Лютый, – тон Боруцкого изменился в один момент, став собранным и задумчивым. – Бл...ин! – явно желая употребить другие слова, ругнулся он. – Что происходит? – не осталось ни следа от раздражения, только сосредоточенность.

И за это тоже Лютый всегда уважал Боруцкого.

– У меня заказ, – констатировал он очевидное, уверенный, что Вячеслава хоть в какие-то детали, да посвятили. – По факту выходит конфликт с интересами Соболева. Нет желания переходить тебе дорогу, – скупое и по делу изложил он обстановку.

Инга все это время напряженно и с каким-то отчаянием в глазах смотрела на него, видно стараясь понять что-то по обрывкам разговора. Если бы взгляд мог пробуравить дыру в человеке, у него во лбу уже было бы дыр пять.

Все-таки факт, что эта женщина ему импонировала.

– Заказ? На эту девчонку? Да кому она так насолила? Соболев же вроде сказал, что эта менеджер центра? – искренне удивился Боров.

Лютый вдруг понял, что несмотря на собственную отстраненность и общую не расслабляющую обстановку ему опять становится весело. Было что-то забавное в том, как пренебрежительно и несерьезно Боруцкий отзывался об Инге, словно о девочке-подростке, которая, максимум, могла стащить у кого-то конфету. И это при том, что Инга была на пять лет старше жены самого Вячеслава. Которую этот, совсем непростой человек, всегда, насколько Лютый знал, воспринимал очень серьезно. Не то, чтобы он глубоко лез в жизнь Борова. Но был информирован. Да и все то, что узнал, помогая Вячеславу с Шамалко – не забыл, хоть никогда не планировал сливать эту информацию ни одной живой душе. Такое отношение было целиком в духе Боруцкого – он уважал и ценил очень ограниченное число людей, а все остальные воспринимались им, как расходный материал. Лютый был рад, что попал в число избранных.

Но сказал он, само собой, совершенно другое:

– Я не уточняю причины заказа. Ты знаешь.

Боруцкий хмыкнул. Помолчал некоторое время, которое буквально тикало в мозге Лютого. Он вел счет секундам, чтобы успеть все. Имелось подозрение, что этих самых секунд у него осталось не так и много для решения возникшей проблемы.

– Соболев хочет, чтобы она выжила. Он готов на многое. В накладе не останешься. Но кроме этого, он хочет знать и то, кто именно сделал заказ.

– Ты знаешь мою схему. Я не выхожу на личный контакт.

Боруцкий еще раз хмыкнул:

– Какой шанс, что если ты умоешь руки, ее оставят в покое?

– Нулевой, – Лютый не видел смысла это утаивать.

– Так. Ладно, – цокнул языком Боруцкий. – Ты можешь разыграть ее убийство, пока мы придумаем, куда спрятать девчонку? Соболев выяснит, кто за этим стоит и тогда...

– Времени в обрез. Думаю, за ней вот-вот менты явятся. У меня похожий план, – Лютый все это время продолжал внимательно следить за Ингой, чтобы не позволить ей вытворить какую-то глупость. И сейчас женщина точно насторожилась. Похоже, поняла, что решается ее судьба. – Я сейчас ее уведу. Разыграю все, как надо. Свяжусь с клиентом. Только долго с ней нянчиться мне некогда. Пусть они это решат.

– Лады. Я быстро с Соболевым все решу, а вы убирайтесь подальше. Потом наберу тебя на твой номер, – Боруцкий отключился.

Лютый опустил телефон и полностью отключил его, продолжая смотреть в упор на Ингу. Аккуратно отложил тот на подлокотник кресла.

– Собирайся, – наконец, велел он настороженной женщине и поднялся. – Быстро.

Если Лютый правильно все рассчитал, у них еще имелся в запасе как минимум час.

– Куда? – Инга растерялась. Но поднялась за ним следом. – Что брать?

Очевидно то, что он вновь не направил на нее пистолет, придало женщине уверенности.

– Создай видимость, что сбежала. Бери мало. И не затягивай. У тебя десять минут.

Он подошел к окну и внимательно осмотрел двор. Инга еще немного помедлила, но все же направилась к спальне до того, как он бы решил, что вполне сойдет вытащить ее и так. Основательность. Он хотел, чтобы все выглядело правдоподобно. В итоге ведь еще надо убедить и заказчика.

Мысли путались и перепрыгивали с одной догадки на другую. В разуме Инги один за другим появлялись планы и варианты, спровоцированные тем, что ей удалось услышать. Но так же быстро и лихорадочно она и отвергала их.

Бежать... Куда? Как?

Глупым казалось пытаться скрыться от человека, у которого в руках все еще оставалось огнестрельное оружие, пусть он и перестал тыкать тем в сторону Инги.

Торговаться...

О чем? Не было похоже, чтобы Инга имела хоть что-то, необходимое этому человеку.

Она очень хорошо расслышала слово «заказ», когда этот мужчина разговаривал с Боруцким. И вот тут у Инги мысли начинали просто роиться: кем был этот мужчина, что за заказ?

Если вспомнить все догадки и слухи, окружающие персону самого Боруцкого, не забывая о пистолете, опять-таки (Господи! Как бы она не старалась, у Инги не выходило думать еще о чем-то, кроме этого проклятого пистолета), и оживить вчерашние воспоминания о теле Миши на полу кухни... У Инги получались какие-то неутешительные выводы о собственной судьбе и о том, что слово «заказ» имело к ней самое прямое и довольно погребальное значение.

За что? Почему? Инга совершенно не представляла: кому и когда могла перейти дорогу.

Мысли, прямо скажем, пугающие. Рождающие панику.

Но она старалась мыслить трезво и сохранять рассудок. Инге редко не удавалось владеть с собой. Именно это, кстати, являлось причиной, по которой они все же расстались с Михаилом. Бывшего мужа, обладающего куда более порывистым темпераментом, раздражала собранности и рассудочность жены. Он нередко замечал, что ее родители очень верно выбрали имя. Вот уж, истинно, зимняя женщина. Даже в постели, как казалось Михаилу, она не проявляла должного накала эмоций. Не настолько, во всяком случае, выраженного, как ему хотелось бы видеть.

Инга не спорила с Михаилом.

Однако в душе четко осознавала, что с накалом у нее все в порядке. Просто Миша, по всей видимости, не мог этот накал разжечь.

«Боже! О чем она думает?! Сейчас, когда ее жизнь висит на волоске? Идиотизм».

Заставив себя глубоко вдохнуть, Инга на секунду зажмурилась. А когда открыла глаза опять – поняла, что стоит перед открытым шкафом. Что ей брать? Для чего?

Ответов не было, и она сомневалась, что тот мужчина расскажет подробней, если она спросит. Да и времени нет, он явно не хотел здесь задерживаться.

Инга замерла, перестав лихорадочно сбрасывать в небольшую дорожную сумку белье, спортивные штаны и футболки.

Быть может это выход? Задержать его? Ведь за ней, в самом деле, могут приехать следователи. Они говорили что ее арест – дело времени, да и Этот (так она решила называть мужчину про себя) о чем-то таком, вроде бы, упоминал в разговоре с Боруцким.

Но и эту мысль Инга откинула очень быстро. Судя по утреннему обвинению и поведению этих самых следователей – милицию мало интересовало установление истины. И у нее не было повода считать, что что-то изменилось. Более того, если уж принять мысль, что кто-то по непонятной причине решил убить Ингу – что или кто помешает это осуществить,

когда она будет задержана? Только полный оптимист не был осведомлен, что творится у них в стране в тюрьмах и камерах предварительного следствия.

Пока, единственной, кто проявил неожиданное участие к ее судьбе, оказалась Карина Соболева. И именно Соболевы поспособствовали тому, что пистолет Этого был сейчас обращен не в ее сторону. Они же, как поняла Инга все из того же разговора, согласовали с Этим дальнейший план, который мог помочь Инге выбраться из данной непонятной и очень опасной ситуации.

Так что выбора у нее не имелось. Закусив губу, она принялась собираться дальше, не обращая внимания на падающие предмет одежды.

– Все. Пошли.

Этот появился на пороге ее спальни через три минуты. Он еще глубже натянул свою кепку, так что Инга почти не видела верхней половины лица мужчины. Может быть для того, чтобы его потом не могли описать случайные свидетели их ухода? Уточнить Этот ей не дал. Быстро обведя взглядом комнату, он кивнул, вроде бы довольный бедламом, что Инга устроила. Хотя, попробуй тут разбери. И больше ничего не говоря, развернулся, уходя. Помочь с сумкой он не предложил. Правда она и не ждала. Да и нести там особо было нечего. Не так уж много ей удалось взять со всеми этими попытками что-то понять и сохранить здравомыслие.

Инга быстро пошла следом, пусть ее ноги дрожали настолько сильно, что чуть более суеверный человек решил бы принять данную дрожь – за знак судьбы и остался бы дома, решив «будь, что будет». Но Инга уже все обдумала и приняла решение. Как бы там ни было, а что-то доказать о своей непричастности к убийству Миши она сумеет только в живом состоянии. И к тому же, это самое состояние ей очень нравилось. До сегодняшнего утра, во всяком случае.

Этот очень тщательно закрыл двери ее квартиры. Мелькнула мысль спросить – откуда у него ключи? Но тут же пропала. Инга пока не имела уверенности в ответе. По пути на улицу не попало ни одного соседа. Им повезло. Наверное. Да и двор казался пустым. Правда, это не исключало вездесущих бабулек любящих понаблюдать за жизнями окружающих из окон. Потому, видимо, Этот остановился под козырьком и впервые за последние пять минут глянул на Ингу прямо.

– Моя машина – серый «ниссан» старой модели. Стоит за углом. Я иду первым. Ты – когда сосчитаешь до пятнадцати. Будешь умничать – я умываю руки.

Выдав это все одним текстом, он отвернулся и пошел, не дав Инге ничего осмыслить. А она судорожно начала вести отсчет.

Следующий временной отрезок показался ей бесконечным.

Инга чувствовала себя так, словно бы ей на спину повесили огромную неоновую стрелку и все, кто видел ее, обязательно понимали – Инга убегает от милиции. Ноги дрожали все сильнее, заставляя сбиваться с шага. Но внутренний счет оставался ровным. Ей все время хотелось оглянуться, но Инга боролась с этим искушением, опасаясь привлечь чье-то внимание или опоздать. Сердце грохотало, как отбойный молоток. И когда она все же забралась на заднее сидение серого «ниссана», при этом очень надеясь, что не ошиблась с машиной, у Инги появилось опасения, а выдержит ли ее организм подобный стресс?

Но и несмотря на это, она подтянула колени, поставила сумку рядом с собой на сидение и выпрямила спину. И только после этого посмотрела на водительское сидение.

Там сидел Этот. И сейчас его нереально синие глаза смотрели на нее через зеркало заднего вида.

Инга не знала, что он думал. Его взгляд не выдавал чувств или эмоций.

Но отчего-то, когда Этот повернул ключ зажигания, продолжая смотреть в ее глаза, в разум, словно булыжником по голове, бухнулась мысль – а не доверилась ли она корню своих проблем? Ведь было очень много шансов, что именно Этот убил Михаила, если рассудить здраво.

Но что-то предпринять по этому поводу она уже не успела: машина тронулась с места. И как подозревала Инга, вряд ли пункт ее конечного назначения значился как «счастливое и светлое будущее».

Итак, ее нервная система все-таки не выдержала.

Лютый еще раз мельком глянул через зеркало заднего вида на свою нежданную и не особо желанную попутчицу. Стойкая. Сильнее и разумнее, чем он мог бы ожидать, даже изучив Ингу перед заказом. И все же Лютый сомневался, что она обладает настолько железными нервами, чтобы спокойно уснуть в машине своего возможного убийцы. Да и ее нынешнее состояние все же слабо походило на беззаботный сон. Мозг не выдержал такого напряжения и предохранители «сгорели», вызвав некое подобие обморока, насколько он это мог себе представить.

Что ж, такой вариант его устраивал как нельзя лучше. Он сам не смог бы придумать более «правильного» поведения для своей несостоявшейся жертвы, даже если бы постарался. Молчаливая, собранная, адекватная. Просто-таки идеальная женщина.

Мысленно хмыкнув, он вернулся к наблюдению за дорогой.

Ему эта морoka, конечно, лишняя головная боль, но иного выхода в данной ситуации он не видел. Придется прятать ее там, где сам привык «отдыхать», что еще хуже. Но это самое надежное место. А до этого Лютому придется в ближайшие сутки разыграть все так, будто бы она скрылась, намереваясь пересечь границу. И чтобы правоохрaнительные органы этому поверили. А заказчику предоставить очень убедительные доказательства «убийства» Инги. И это надо решить в первую очередь.

Факт, что в такой ситуации он еще не оказывался.

Хорошо еще, что они вовремя выбрались из ее квартиры и из города, раз уж на то пошло. Еще лучше, что они уже пересекли черту области. По всем признакам, до того, как Ингу успели объявить в розыск. Здесь у него уже были запасные варианты и «черные ходы», что позволяло действовать более уверенно и спокойно. Размеренно. По плану. Что не могло не устраивать Лютого.

Машина, которой он управлял, была уже не тем «ниссаном», на котором они покинули ее двор. Первый автомобиль они сменили через десять кварталов, в одном из тихих дворов, где Лютый заранее оставил еще одну подержанную машину. Он всегда продумывал отступление, учитывая даже самые худшие варианты, и готовил для себя такие «перевалочные пункты». Но и второе средство передвижения Лютый сменил, едва выехав из области. Инга не спорила с его решениями, молча и собранно выполняя указания.

А сейчас отключилась.

Проехав по шоссе еще десять километров, он свернул на боковом ответвлении. Инга еще не пришла в себя. Хотя теперь больше походило на то, что ее полуобморочное состояние перешло в напряженный сон. И судя по нервному движению глазных яблок под веками, она вот-вот проснется.

Его все устраивало. Пришло время решить вопрос с ее «убийством».

Инга проснулась, когда он съехал на очередную проселочную дорогу. И не удивительно. «Дорогой» это можно было окрестить довольно условно. Грунтовка, количество ухабов и ям на которой точно не способствовало размеренному сну.

Так уж вышло, что Лютый посмотрел в зеркало, проверяя состояние своей невольной попутчицы как раз в тот момент, когда Инга открыла глаза. И прекрасно уловил всплеск

страха в ее взгляде. А так же то, насколько быстро она постаралась тот подавить, заметив его молчаливое наблюдение.

Он еще раз мысленно хмыкнул. Ну, молодца, что еще сказать. Не всякий солдат спецподразделений умеет так быстро овладевать собой, несмотря на специальное обучение. Лютый это знал не понаслышке. Люди существа ленивые, и часто не желают напрягаться, выкладываясь на полную, даже там, где на кону их жизнь. Инга, видимо, с ленью не была знакома. Во всяком случае, в вопросе работы над собой.

Объект его размышлений тем временем выпрямился и попытался удобней устроиться на сидении, что не виделось вероятным при такой тряске. А потом Инга прокашлялась:

– Совершенно случайно, сигарет нет? Или ты, как многие... англичане, за здоровый способ жизни?

Она сознательно сделала на этом ударение.

А он вновь испытал несвойственное желание усмехнуться. Что ж, ко всем чертам ее характера, он добавил наблюдательность. Хотя, тогда в центре Лютый и не маскировал особо внешность. Так, «состарил» себя, да придал некоторой грузности телу. Ну и манера речи, поведение. Зачастую, этого хватало, чтобы обмануть большую часть людей. Они редко запоминали существенные детали, выделяя общие категории.

Однако ответил на ее вопрос он только ровным взглядом через зеркало и скупым:

– Не курю.

То, что Инга страдает этой привычкой, Лютый знал. Как и марку сигарет, которые она предпочитает. А так же то, что в последние недели эта женщина решила завязать с данной зависимостью. Разумное решение. Он в принципе считал, что любая пагубная привязанность мешает и вредит. И женщине с подобным характером, по его мнению, курение точно казалось лишним. С ее собранностью прекратить это окажется несложно. А то, что в последние дни она сорвалась, судя по некоторой нервозности, сухим губам и нервному характерному движению пальцев, словно ищущих невидимую сигарету – объяснимо стрессом.

Со стороны Инги после его заявления больше вопросов и комментарием не последовало. Она отвернулась к окну и рассматривала местность, по которой они ехали. Или пыталась это сделать, вглядываясь в стволы деревьев.

Ответвление, куда он съехал, было давно заброшено, и колея почти смылась дождями, больше напоминая тропу между густым кустарником и деревьями в лесу. Спасало то, что в этот раз они двигались на старой «ниве», какой-никакой, а все же полный привод, да и проходимость в разы больше любой легковушки. Но даже на этой машине сильно углубиться на такой дороге вряд ли получится. Потому Лютый заглушил двигатель и осмотрелся – место ничуть не лучше и не хуже любого другого.

– Пошли, – бросил он через плечо и вышел из машины.

Инга помедлила. Он заметил настороженность, с которой она осмотрела место. Не просто увидел, а кожей прочувствовал напряженный, опасливый взгляд, который Инга перевела на него. И как ни странно, понял, какие соображения появились у этой женщины.

Неудивительно. Он тоже не видел повода доверять кому-то, кроме проверенной группки людей. И у этой женщины не было ни одной причины ему верить. Она имела веские причины сомневаться в том, что он желает ей долгой и безоблачной жизни.

Собственно, факт, что он и не желал. Лютому не должно было быть дела до ее соображений, жизни, и всего прочего.

И не было.

Но он мог биться об заклад, что Инга вышла из машины с полной уверенностью в своей близкой и неотвратимой смерти. И пониманием, что ей нечего ему противопоставить.

У этой женщины были на редкость выразительные глаза. И потрясающее самообладание.

Он не мог не отметить этого еще раз. Там, в квартире, она еще на что-то надеялась, и этим можно было объяснить ее собранность. Сейчас в глазах Инги надежды не было. Но это понимание ситуации (ошибочное, что знал пока только он сам), не помешало Инге сохранить достоинство.

В этом что-то цепляло его внимание и сосредоточенность. В такой ее реакции. В ее осанке. Во всей этой жен... заказе.

Лютый видел много всякого. Он предостаточно насмотрелся на последние минуты и часы жизни такого количества людей, что совершенно обоснованно считал себя невосприимчивым ни к чему. У него выработался своеобразный иммунитет и к истерикам, и к мольбам, и к такому вот достойному самоуважению, встречающемуся не так уж и часто в его работе. Но все же попадающемуся.

Его ничего из подобного не трогало.

И сейчас не о чем заморачиваться. Тем более что в данном случае Инге ничего не грозит. Он-то знал определенно. Махнув головой, указывая направление, Лютый развернулся и пошел вглубь деревьев и кустарника, ища подходящее пространство.

Такое нашлось метров через пятьдесят, которые они преодолели все в том же молчании. Лютый остановился, с удовлетворением осмотрел небольшую ложбину, укрытую жухлой листвой, оставшейся с прошлой осени, ветками, да кое-где начавшей пробиваться травой. Вновь обернулся к своей спутнице, замершей в трех шагах от нее. Обвел ее взглядом с головы до ног. И вытащил пистолет.

– Снимай плащ, – распорядился он, посмеиваясь внутри от того, как Инга уставилась на него.

– Зачем? – в ее голосе слышалось искреннее удивление, похоже, немного отодвинувшее страх и уверенность в приближающейся скоростижной смерти на задний план.

Вместо ответа он приподнял одну бровь, ясно показывая, что не собирается устраивать диалоги и прения.

Она фыркнула. Натурально. Резко сдернула с себя плащ и бросила ему, Лютый поймал. Вытянул в руке, рассматривая.

– Размер не твой. Точно не для себя берешь. Подаришь девушке? Или на базаре толкнешь? – умудряясь сохранять иронию в голосе, поинтересовалась Инга, обхватив себя руками.

Он видел, что она начала дрожать. Возможно от холода: ее тонкая шелковая блуза плоховато грела на весеннем ветру. А может и от страха, который так старалась не показывать ему.

– Если продавать пойдешь, не продешеви, – не обратив внимания на его молчание, продолжила Инга. – Вещь настоящая, фирменная. Хоть и поношен. Проси не меньше тысячи.

Он не удержался, ухмыльнулся.

И выстрелил, продырявив плащ в районе левой половины груди.

– Думаю, цена на него только что упала до нуля, – заметил Лютый, бросив плащ на землю, пока Инга ошеломленно моргала, растерянно уставившись на него.

Он удержался от хмыканья. Достал из кармана штанов один из складных ножей, любовь к которым ему так же привили в спецподразделении. С настоящим внутренним удовольствием и даже удовлетворением открыл лезвие. Осмотрел качественную сталь. И вновь глянул на Ингу, которая мало что понимала в его действиях, судя по выражению лица.

– Подойди, – велел Лютый.

И ухватил ее руку, когда Инга выполнила распоряжение. Завернул рукав и, крепко сжав предплечье, ощущая, что Инга напряглась и вот-вот попробует вырваться, резко полоснул лезвием по наружной стороне.

Она зашипела. Дернулась, только уже поздно, да и не сумела вырваться из его хватки. И уставилась на Лютого таким разъяренным взглядом, что он снова не удержался от усмешки.

– Зачем?! – все еще с шипящими нотками в голосе, зло поинтересовалась Инга, продолжая пытаться освободить руку, по которой уже текла небольшая струйка крови. – Нельзя нормально убить? Надо еще и поглумиться?

Он мог бы просветить ее, что данный поступок к глумлению никакого отношения не имеет. И многие могли бы наглядно продемонстрировать ей отличие. Но сам Лютый не страдал тягой к бессмысленной жестокости. Не видел в этом смысла.

Потому, не комментируя вопрос, он поднял с земли простреленный плащ и прижал в области дыры к кровоточащей ране, тщательно пропитывая и размазывая кровь по ткани. Инга замолчала и внимательно начала следить за его действиями. Сквозь страх в ее глазах проступил интерес.

Осмотрев результаты своей работы, Лютый остался доволен. Перебросил плащ через свою руку, и уже своими пальцами провел по ее коже, собирая кровь, продолжающую сочиться из пореза. Крепче сжал пальцы другой руки, пережимая края раны. А испачканными пальцами, наклонившись, зачерпнул листья, грязь и прочий мусор. Отряхнул руку. И всем тем, что осталось на его ладони, провел, измазывая, по ее левому виску, волосам, щеке.

Она не отпрыгнула только потому, что не успела. Зато мимика ее лица очень наглядно выдавала растерянность и недоумение Инги. Лютый отпустил ее. Ткнул плащ ей в руки. Инга непроизвольно ухватила за испачканную ткань.

– Одевай, – распорядился он. – Ложись на землю. И очень, очень старательно делай вид, что умерла, – проинструктировал Лютый Ингу, вытирая лезвие ножа и аккуратно пряча его в карман. – Глаза не закрывай. Сделай рассеянный, «стеклянный» взгляд.

Поставил пистолет на предохранитель, засунул за пояс на спине и выразительно глянул на Ингу, пока не особо торопящуюся выполнять его распоряжение.

Видимо, взгляда оказалось достаточно. Без дальнейших понуканий, она натянула испорченный плащ, морщась, когда приходилось действовать порезанной рукой. И так же послушно опустила на землю. Неловко, явно не уверенная в том, как лучше это сделать, не особо ориентируясь в ситуации. Легла на землю у его ног, прямо в эти листья, ветки, грязь и прочую дребедень.

И посмотрела на него снизу вверх. Совсем не тем взглядом, о котором Лютый ей только что рассказал. Не было в ее глазах и недавнего страха.

Сосредоточенность, внимание, неуверенность и что-то такое... Не выражение даже, а

словно часть ее личности, сущности. Нечто такое, что ему доводилось видеть, не раз убивая людей. Возможно, это имело какое-то отношение к душе. Лютый теологией не увлекался и никогда не искал этому феномену объяснений. Просто принимал тот как реально существующий факт.

И в это мгновение, отчего-то растянувшееся в реальности немного дольше, чем было бы положено, он смотрел в глаза Инги, видя ту самую сущность этой, конкретной женщины, все еще не уверенной, будет ли она живой в следующую минуту. Смотрел, понимая еще один факт: все в этой ситуации было не так.

Все не соответствовало привычному ритму работы. Все выходило за границы имеющегося опыта.

Его интуиция настойчиво пыталась что-то осознать, проанализировать и понять. Лютый не ощущал себя уравновешенно и собранно последние пару часов из-за этого. И дело было в этой женщине.

Последний раз, когда он испытывал подобное, едва не окончился смертью Лютого. С тех пор он предпочитал доверять своей интуиции, пусть пока и не видел причин для настороженности. Надо быстро покончить со всем этим и перепоручать Ингу Боруцкому, Соболеву, или кто там еще проникся ее судьбой. Лютого это точно не касалось.

Моргнув, чтобы избавиться от давящего ощущения ее взгляда, он достал смартфон, выбрав режим фотоаппарата.

– Взгляд. Ты умерла. Понятно? – обратился он к ней, отметив, что голос хрипит сильнее обычного.

Надо быстрее заканчивать. Факт.

Она даже не представляла, что способна так реветь. В полный голос, задыхаясь и захлебываясь, не в состоянии взять себя в руки и прекратить это. Наверное, впервые в жизни Инга была доведена до такого состояния. Понимала, что сейчас, по сути, уже поздно рыдать, когда наступило какое-то подобие передышки. Однако не могла справиться с собственной нервной системой, наконец-то вышедшей из ступора, зато сорвавшейся вместо этого в истерику.

Хотя, если попытаться размышлять здраво, то сложно было не признать – именно тот ступор, видимо, и сохранил ей жизнь. Шок, отстранивший сознание от чувств и позволивший Инге вести себя более-менее адекватно, безусловно, оказался ее спасением. Она даже не представляла, что случилось бы с ней, случись вот такая вот истерика тогда, когда Этот навел на нее пистолет в коридоре собственной квартиры. Или потом, когда он гнал ее из машины в машину. Или когда притащил в лес, или...

Мысли обо всем том, что происходило с ней за последние часы, не помогли успокоиться. Они были лихорадочными, разорванными, перемежались бессмысленным ощущением страха и паники. А еще – гнева.

Сидя на дощатом полу, забившись в угол, Инга в очередной раз постаралась поглубже вдохнуть, чтобы все это подчинить собственной воле – и снова не справилась, зайдясь в новом приступе бессмысленных рыданий. Единственное, что немного утешало – Этот не стал свидетелем ее срыва. Еще час назад он уехал.

Хотя, возможно, по поведению Инги в последние полчаса их общения, он и догадывался, что она на пределе. Плевать. На все плевать. Зачем она вообще рыдает, если все еще жива, в отличие от того же Миши?!

Но и эта здравая мысль ничем не помогла. Новые всхлипы вырывались из ее груди, а тело тряслось, казалось, каждой, даже самой маленькой, мышцей. Но, тем не менее, она зачем-то заставила себя поднять трясущуюся руку и провела по волосам пальцами. Все тело обожгло новой волной истерики и бешенства. В данный момент она искренне ненавидела Этого. И пусть он велел называть его Лютым, Инга испытывала слишком сильное бешенство, чтобы удостоить его хоть какого-то подобия имени.

Гад он, и все!

Самым странным во всей ситуации было понимание, что этот самый гад спас ей жизнь. Наверное, стоило не злиться, а испытывать хотя бы долю благодарности и спокойно делать то, что говорил человек, точно поболее ее понимающий в подобных ситуациях. И не столь уж существенно было, что, не вмешайся Карина Соболева, этот Лютый вряд ли проявил бы столько участия (три ха-ха-ха) к ее судьбе. Важен итог, как ни как, в котором Инга жива и совершенно цела. Более того, этот Лютый сейчас отправился окончательно убедить милицию в том, что Инга скрылась в соседней стране, и предоставить заказчику убийства неопровержимые доказательства ее «смерти» в виде фото, сделанные в том самом лесу.

Она понимала, сколько этот человек делает, определенно не испытывая к ней какого-либо положительного чувства, подчиняясь малопонятным Инге хитросплетениям отношений Соболевой, Боруцкого и этого Лютого. И честно старалась не усложнять жизнь ни себе, ни ему. Всю дорогу старалась, тщательно игнорируя мысль, что именно этот мужчина, со всей очевидностью, убил Мишу. И именно его, видимо, она заметила тогда в саду. И благодаря его действиям, милиция решила ее записать в виновные.

Инга сегодня узнала много нового о себе. Неудивительно, учитывая ситуацию. В какой-то мере она даже гордилась тем, что может настолько владеть собой, отодвигая эмоции. И пусть в этом огромную роль сыграл шок и молниеносная смена ситуаций, она заслуженно считала, что и сама постаралась неплохо. Правда расплата за ту собранность в виде нынешней истерики – прилично напрягала. Но вот что стало для Инги настоящим откровением – это мера собственной способности к прощению. Или непростению и ярости.

Оказалось, она вполне может простить этому Лютому убийство близкого ей человека, полное безумие, в которое превратилась ее жизнь, испорченный плащ и собственное валяние в грязи. Ведь, как он справедливо заметил на ее разъяренный взгляд, велел подниматься с земли в том лесу:

– Не я тебя заказал.

Да, она не могла не признать разумность скупых слов этого мужчины. И, в конце-то концов – сейчас она сидела в его доме, надежно спрятанная ото всех, кто вздумал бы искать Ингу. И именно он протянул ее через полстраны, даря шанс во всем разобраться. Так что она могла ему простить многое.

Но Инга оказалась неспособна простить этому Лютому то, что он сделал с ее волосами! Именно это заставляло бурлить в ней бешенство, и именно это спровоцировало в итоге истерику.

Бог свидетель, она никогда не думала, что растительность на голове аж столько для нее значит. Больше жизни бывшего мужа, как оказалось. Хотя, быть может, и тут повинен шок от ситуации в целом? Инге хотелось бы на это надеяться. Ей не понравилась мысль о собственной стервозной истеричности и заикленности на внешности.

Не то чтобы она обычно не следила за собой. Напротив, ухоженный внешний вид был необходим при ее работе и образе жизни. Но Инга никогда раньше не заикливалась на

этом. Вроде бы.

Однако, как можно было не прийти в бешенство, если этот... Этот... Он побрил ее на лысо!!

Ингу в который раз за последний час начало колотить, стоило только представить, как именно она выглядит.

Ненормальный! Псих!

Наверняка, для маскировки можно было просто укоротить длину. И цвет поменять. А не оставлять на ее голове жалкий и куций темный «ежик». У него, наверняка, пунтик по этому поводу. Не иначе. Сам вед лысый полностью.

Инге захотелось громко закричать. И, наверное, хорошо, что продолжающиеся всхлипы не позволили поддаться такому желанию. То, что не привлекать к себе внимание – в интересах самой Инги, Лютый повторил ей аж три раза. Судя по всем предыдущим часам их совместного путешествия, просто небывалая разговорчивость для этого мужчины.

Хотя, чье внимание здесь привлечешь?

Рыдания, буквально вытрясшие из нее душу, вдруг затихли сами собой. Инга судорожно втянула воздух, сделав один вдох. Второй. Поднялась на слабых, дрожащих ногах, опираясь о стены, и уставилась в зеркало, под которым и сидела все это время.

И неожиданно, настолько же непроизвольно и неконтролируемо, как только что рыдала, начала хохотать. Безрассудчно и совершенно нелогично.

Может, это она сошла с ума? Может, это Инга стала ненормальной?

У нее уже появились такие подозрения. И возможно, не стоит обвинять человека, который просто делал свою работу, а потом и вовсе – столько совершил, чтобы вытащить Ингу из ужасной ситуации.

Неизвестно что именно, но что-то из этих мыслей помогло ей прийти в себя. Наверное, подозрение в том, что она тихо сходит с ума. Или не тихо...

Опасаясь теперь делать глубокие вдохи, боясь нового повторения истерики и срыва, Инга скупно вздохнула через едва приоткрытые губы. Уперла одну ладонь в металлическую раковину, привинченную к стене, а второй медленно зачерпнула воду кружкой из ведра с водой, стоящего на полу. И плеснула себе в лицо.

От ощущения холода по всему телу прошла дрожь. От чего стало даже легче. Словно сбросилось что-то неправильное, та истерика, которая сотрясала Ингу все это время. И она откуда-то нашла в себе силы, чтобы снова поднять глаза и еще раз посмотреть на себя. Уже чуть более здраво.

И это все равно смотрелось ужасно: короткие, торчащие вверх не больше чем на три-четыре миллиметра темные волоски покрывали всю ее голову. Неравномерные, какие-то рваные. Она уже и забыла, какого же по правде цвета волосы на ее голове. Уже лет десять, кажется, старательно добивалась настолько модного и престижного оттенка платиновой блондинки, оставляя немалые деньги в салонах. Но чтобы устроиться на хорошую работу и произвести соответствующее впечатление на нужных людей – надо выглядеть дорого. Даже если деньги, отданные мастеру, были последними, и следующие два дня ей приходилось питаться кофе и сигаретами. Инга это правило давно усвоила, и оно не раз помогало ей в жизни и профессиональной деятельности.

Правда, сейчас Инга не могла не признать, что вот в этом кошмаре на ее голове – по большей части виновата сама же. Этот Лютый не настаивал на такой «стрижке», если уж совсем откровенно говорить. Просто выложил перед ней ножницы, достав те из какого-то

ящика, со столь же скрупулезным комментарием, как и обычно:

– Волосы обрежь. – Помолчал около минуты, каким-то таким брезгливым взглядом осматривая локоны, которыми Инга даже гордилась, пожалуй. – Цвет потом поменяй еще. Не затягивая.

Наверное, он был прав. В конце концов, Инге не стоило забывать о ситуации, в которой она оказалась: о том, что ее могли уже объявить в розыск, что кто-то же нанял этого Лютого, чтобы... Да, скорее всего, чтобы убить Ингу. Так что его «совет» о смене прически был нелишним. Но в тот момент...

Как показалось Инге сейчас, в тот момент она уже перешагнула стадию отстраненного шока, и «на всех парах» неслась к состоянию истерики. Потому как, чем иначе объяснить ее реакцию и возмущение таким советом – Инга не знала совершенно. Более того, ее настолько задело это замечание. Откуда-то взялась совсем дикая мысль, что это он так высказывает свое мнение о ее волосах. Причем, точно, не лестное. И такое возмущение от этого. Ярость просто. Что вот Этот вот, который ее убить собирался, который испортил ее плащ, вывалял в грязи, в безумной гонке протянул через большую часть страны, чтобы оказаться на каком-то заброшенном хуторе – вот Этот вот еще смеет высказывать свое «фе» ее внешности?!

Тогда Инга разъяренно схватила ножницы, которые он ей дал, и с яростью, которой никогда не чувствовала настолько сильно, отхватила приличную прядь, чуть ли не под самые корни. На самом деле, ей отчаянно хотелось метнуть ножницы в Лютого, но Инга даже в истерике подозревала, что в таком случае – этот мужчина может закончить то, зачем появился в ее квартире сегодня утром. Но она не смогла отказать себе в удовольствии бросить эти волосы в него.

Глупо. Безумно глупо и ребячливо. Сейчас Инга даже себе объяснить не могла, зачем подобное учудила?

На Лютого, кстати, такой демарш впечатление не произвел. Он молча выдвинул другой ящик из единственного шкафа в комнате и достал машинку для стрижки. Старенькую и, судя по виду, потрепанную жизнью.

– Так даже лучше, на краске сэкономишь – без эмоций заявил он и за один шаг преодолел расстояние между ними, пока Инга, еще пылая яростью, не сообразила его следующие действия. – Здесь нажимаешь и ведешь, – «проинструктировал» ее Этот.

Крепко ухватил горячей сухой ладонью за горло, так, что Инга вдруг очень четко и ясно ощутила, насколько она перед ним беззащитна. И как просто ему, на самом деле, причинить ей боль. А может и убить. От этого что-то словно треснуло у Инги внутри. Заставило почувствовать себя перед ним какой-то открытой, беззащитной и беспомощной, несмотря на всю ее ярость и гнев. Так, что даже дрожь прошла по позвоночнику. Прямо под его ладонью.

Лютый же, наверное, не заметив этих изменений в Инге, повернул ее голову как ему удобней, подцепил следующую прядь волос за той, что обрезала Инга, и резким, жестким уверенным движением провел у нее по голове, разумеется, включив машинку. Ярость Инги схлестнулась с ужасом, пока она наблюдала, как новые светлые локоны падали на ее ноги.

– Зеркало там, – сообщил Лютый, махнув рукой вправо. – Сама закончишь. Я еще не все дела сделал.

Он отложил все еще «жужжащий» прибор на подоконник и вышел, оставив Ингу одну на один с машинкой, наполовину обритой головой, и истерикой. Что ей оставалось делать?

Не ходить же, как какая-то героиня ужасика? Правда, Инга и сейчас мало чем отличалась от Сигурни Уивер, вышедшей на войну с «чужими».

Сквозь губы снова прорвался истеричный смех. Инга зачерпнула новую пригоршню холодной воды и плеснула себе в лицо, подавляя возвращающуюся истерику.

Ладно. Бог со всем этим. У нее имелись куда более серьезные причины, чтобы волноваться и беспокоиться. А для начала, стоит полностью взять себя в руки, чтобы больше не повторять подобных глупостей, от которых хуже только самой Инге.

Она еще раз провела по лицу влажной ладонью, пытаясь окончательно успокоиться и осмыслить все то, что кроме приказа «изменить прическу» сообщил ей Лютый.

Он купил билет на поезд с ее кредитки на терминале самообслуживания в Киеве. Пинкод сказала сама Инга, когда он донес до нее, что прежней жизни больше не существует. Ей пора привыкать к мысли, что эта личность умерла. По крайней мере на какое-то время, пока Соболев не решит данную задачу.

Выбросил карточку, обналичив часть суммы, и уехал с вокзала, потратив на все не больше десяти минут.

Киев ему импонировал, здесь располагалась основная штаб-квартира Лютого. Место, из которого было удобно следить за делами и общей ситуацией в стране. Особенно за теми событиями, которые влияли на его дела. Однако он был достаточно умен, чтобы понимать необходимость существования убежища. Места, о котором никто бы не знал, и в котором его практически невозможно было бы обнаружить. Не то чтобы и его обычную квартиру могли просто так выяснить. И все же, убежище было не просто тайником, там он мог расслабиться.

До сегодня. Сейчас на самой его личной территории, в месте, которое было частью его сознания и самого Лютого, находился чужак. Женщина, которую он так и не убил. Которую оказался вынужден спасать и прятать.

Лютый заставил себя отстраниться. Абстрагироваться. Мысли об Инге и всем, что было связано с последними часами, мешали сосредоточиться, а у него еще имелись неоконченные дела. Сначала он все завершит, а потом проанализирует остальное.

Добравшись до квартиры, он взял один из простеньких телефонов, всегда имеющихся в наличии, и поставил новую сим-карту. Фото Лютый сбросил на почтовый ящик еще. Набрал номер:

– Проверьте почту.

Этого было достаточно, чтобы заказчик понял, кто звонит и о чем говорит. Но вот ума и рассудительности у него явно не прибавилось с момента их последнего общения:

– Куда она пропала? Почему вы не звонили? Мы не об этом договаривались, когда обсуждали контракт! – определенно, испытывая панику и неуверенность в ситуации, а оттого злясь, возмутился собеседник.

– Проверьте почту, – не меняя тона, повторил Лютый. – Потом поговорим.

Он спокойно отключил связь и начал ждать. Ответный вызов на телефон пришел через три минуты:

– Она точно мертва? – теперь в голосе заказчика было куда большее спокойствия и облегчения.

– Вы сами все видели, – ничего не уточняя, заметил Лютый, поглощенный нежданной находкой: на рукаве его свитера осталось несколько длинных светлых волосков Инги.

Очевидно, прицепились, когда она в него бросила отстриженную прядь.

– Но почему не у нее в квартире, и этот розыск... Можно было подумать, что ей удалось убежать, – 'поделился' заказчик своими сомнениями, отвлекая Лютого от созерцания.

– За ней пришли следователи. Не было времени создавать вид самоубийства. Пришлось устроить имитацию побега.

– А ее тело? Его найдут? – в голосе собеседника уже полностью отсутствовали суматоха и нервозность. Лютый сумел внушить спокойствие и уверенность в итоге. Факт.

– Нет. Гарантирую, – 'успокоил' он заказчика. – Моя оплата?

– Сейчас переведу, – довольно согласился собеседник.

И Лютый в очередной раз разорвал соединение, не слушая, как приятно иметь с ним дело. Он как-то сомневался в этом утверждении. Слишком хорошо он знал самое себя, чтобы поддаваться на подобную лесть, к тому же, совершенно никому не нужную. Ему давали заказ. Лютый брался или отказывался. Если первое – всегда выполнял обязательства. Compliments в оплату не брались, он предпочитал деньги.

Внимание вновь целиком сконцентрировалось на пяти светлых волосках.

В этот раз заказ не выполнен так, как хотел бы заказчик. Не важно. Он не мог не потребовать оплату. Необходимость создать качественную иллюзию никуда не делась.

Осторожно и аккуратно он снял один волосок с рукава и сжал между пальцами, собирая ладонь в кулак. Словно пытался растереть.

Прошло три часа. А его кожа, казалось, до сих пор ощущала дрожь ее тела, помнила структуру и хрупкость шеи Инги, которую Лютый сжимал этой самой ладонью. Все ощущалось настолько четко, будто бы впечаталось в его ладонь, прижгло нервные окончания в коже. Нет, его не тронула ее выходка, свидетельствующая о подступающей истерике. И мало волновали горестные переживания об утраченных локонах. Это было в интересах самой Инги: стать другой, полностью сменить личность, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что именно ее труп запечатлен на тех фото. Она умерла. Для всех остальных ее не должно было больше существовать.

Лютый допускал, что для психики этой женщины, даже при всем ее самообладании, такая встряска не могла пройти безболезненно. Он только рассчитывал, что ее истерика закончится, и она вновь овладеет собой до того, как он вернется, чтобы дать ей окончательные указания по дальнейшему поведению.

Но этот волос нервировал, будоража нервы. Заставляя 'зависать' на другом.

Тот ее взгляд, ощущение, когда она замерла под его руками, а потом задрожала – показав всю свою беззащитность и позволив заглянуть внутрь себя едва ли не настолько же глубоко, как и под дулом пистолета. Тепло ее кожи и отчаяние, выраженное каждым жестом и вздохом. Все это поднимало из глубины сущности Лютого нечто такое, что он всеми силами старался подавить всю жизнь.

Нечто, мутное и темное, настолько смутное и глубокое, что еще ни разу не выходило у него из повиновения. И что он не мог позволить себе отпустить. Это было бы очень глупо. И совершенно не к чему. Слишком хорошо он еще помнил, к чему может привести что-то подобное. И спустя двадцать лет не забыл, что совершала его мать под властью того, что, очевидно, сейчас пыталось возобладать над ним. Помнил и рассказы своей бабки.

Инга зацепила его. Сильнее, чем Лютый мог бы позволить. А он не желал поддаваться власти яростной и неконтролируемой части своей сути.

Собранность и организованность – его кредо. Он никогда не злился и не испытывал ярости, убивая. Лютый всегда оставался спокойным и собранным. Смерть, в любом своем проявлении, не задевала его эмоций. Он воспринимал ее, как часть мира, природы и жизни. То, что иногда просто необходимо.

Факт, что детали, касающиеся Инги, Лютый воспринимал иначе.

Только однажды, тогда, когда сам попал в непредусмотренную им ловушку, когда понял, что действительно совершил ошибку и его собственная смерть может оказаться ближе куда раньше, чем Лютый привык думать, он едва не потерял контроль над этой своей

частью.

А может, и потерял... Лютый рассматривал тот факт, что именно такой вариант мог бы объяснить многое. Но старался долго не анализировать. Обошлось, и прекрасно. Спасибо Борову. Дальше он просто сделает все, чтобы не допускать таких ситуаций.

И нынешняя обстановка, судя по всему, относилась к тем моментам, которых ему было бы лучше избегать.

Что ж, его желание исполнилось – через три часа, когда он опять переступил порог своего убежища, Инга уже успела взять себя в руки. Почти. В настороженных глазах, сейчас больше напоминающих ему глаза дикого испуганного зверька, нежели человека, еще виднелись отголоски срыва. И все же – она владела собой куда лучше, нежели когда Лютый покидал это место. Факт.

Ему не стало легче или проще от этого наблюдения.

Наоборот.

Стоило Лютому зайти, как Инга тут же подскочила на ноги. Сгруппированная, напряженная, собранная. И при этом – настолько потерянная, какой он ее ни разу не видел за все время, что держал эту женщину в своем поле зрения.

В этом доме было не так и много пространства: одна большая комната, выполняющая роль и прихожей, и гостиной, и чего там только не понадобится. Хотя, гостей здесь до Инги не бывало. Эта комната переходила в не особо просторную кухню, из которой дверной проем вел в ванную комнату. Так же имелась совсем небольшая спальня. В нее вел темный коридорчик, начинающийся в противоположном от кухни углу комнаты. В коридоре стояла лестница, позволяющая подняться на чердак.

Это не Лютый здесь все так устроил, предыдущие хозяева. Он просто использовал то, что в доме имелось. И этот ассортимент не был большим. Пол дощатый, не крашеный Бог знает сколько лет. Стены покрыты давно посеревшей и местами потрескавшейся побелкой. Лютый никогда ничего не ремонтировал внутри. Только снаружи обеспечил максимум безопасности: окна с решетками и ролетами, входные двери, несколько отступных путей. Правда, на этот заброшенный хутор еще надо было знать, как добраться. За все то время, что Лютый владел домом, сюда не забредал никто, кроме редких бродячих псов, да пару раз косули, когда зимы оказывались уж очень холодными.

Внутри же ему и в голову не приходило что-то устраивать или менять – Лютого это не интересовало. Убежище ему требовалось не для удобства, а для укрытия от врагов. Тех, что могли появиться сейчас, и тех, что преследовали его разум и суть с самого детства. Собственно, ни в одной комнате даже не было дверей, только откосы. Он очень четко осознал этот факт именно теперь, когда смотрел на Ингу, до его появления сидевшую в самом углу ванной. Все пространство, кроме спальни, по сути, просматривалось с порога, за исключением пары углов. Спальню же уединял только коридор. Дверей там так же не было.

Возможно, не совсем то, к чему она привыкла. С другой стороны, как и с волосами, Инга сейчас не в той ситуации, чтобы выбирать.

Лютый спокойно поставил на пол два пакета, которые привез и сделал еще шаг внутрь комнаты, плотно прикрыв за собой входные двери. Молча. Инга, словно в ответ на это движение, так же молча выпрямилась еще сильнее.

Зря.

Все его поступки за последние сутки были лишними и неверными. Не стоило вообще соглашаться еще и на этот заказ.

Он пытался вернуть свое обычное безразличие и собранность. Старался. И не мог.

Вместо этого продолжал изучать женщину, стоящую напротив.

Она должна была бы скукожиться. Сжаться. Спрятаться. Вместо этого Инга все выше вскидывала голову и держала спину так, словно ей в позвоночник вбили кол. Она должна была выглядеть жалко с этими своими куцыми, словно побитыми шашелем остатками волос, торчащими на ее голове рваными и неровными жалкими темными «остюками».

Она и выглядела так. Вероятно.

Только он-то видел и понимал куда больше любого стороннего наблюдателя. И дело было не только в заказе. Хотя да, смерть чересчур сближает людей. Даже если вы стоит по разные грани этого понятия. Он не убил ее. Факт. Но это не мешало видеть ему в Инге то, что не стоило рассматривать.

В этот момент Лютый сильно жалел, что решил симитировать самоубийство Инги нев приходящей ее квартиры. Что Соболева успела позвонить и настолько все усложнить. Куда больше, чем ему казалось, когда он обдумывал ситуацию час назад, возвращаясь сюда.

Эти ее глаза... Лютый смотрел в них, потому что не находил сил оторвать свой взгляд. Пусть и знал, что не стоило углубляться. Не следовало знать об Инге больше, чем уже знал. Но из-за того, что она все-таки обрила свои волосы, ее глаза теперь казалось просто огромными. И своим диким, злым и настороженным выражением бросали ему вызов. Манили возможностью выведать еще больше, заглянуть еще глубже внутрь души этой женщины, так глубоко, как она, наверняка, и не думала бы ему позволять.

И от того, что видел, он каждым нервом ощутил, как натянулись мышцы на его спине, каменея. Как воздух стал плотным, будто шуршащим, стоило сделать малейшее движение. Он никогда не любил это шуршание. Сейчас, однако, это стало неважно.

Лютый подошел еще ближе к ней, ощущая, что кислорода в доме маловато. Хотелось сильнее набрать этого тугого и крошащегося воздуха в легкие. Так глубоко вдохнуть, как дикие звери дышат, узнавая по запахам, кто окружает их. Чтоб широко раздуть ноздри и пропустить все это через себя. В свою кровь втянуть все эти запахи, которыми она сейчас пахла: и страх, и отчаяние, и решимость. И вот та уязвимость, дрожь, которую он впервые уловил на поляне, и так отчетливо осязал, удерживая позже шею Инги в руках.

Лютый уже стоял впритык, понимая, что мышцы затылка свернулись напряженным узлом. Все в нем словно вышло на режим повышенной опасности, когда надо уловить каждую деталь, любую мелочь. Не пропустить ничего, так как от этого может зависеть все, и его жизнь в том числе. Плохо только то, что разум настойчиво напоминал телу – сейчас такой необходимости не было. А оно не слушало, руководимое подсознанием, которое Лютый так долго держал в ежовых рукавицах. Так настойчиво не допускал опыт и знания, которые не желал применять.

Даже осознание того, что он поднимает руку и медленно смыкает пальцы на ее затылке – пришло с опозданием. Уже тогда, когда тепло кожи Инги впиталось в его ладонь, царапая и раздражая пальцы колючими волосками.

Она резко выдохнула. Ее кожа покрылась мелкими пупырышками. Непонятно от страха, неприятия или неожиданности. Инга попыталась отклониться. Но его рефлексy были куда быстрее. Лютый сжал пальцы чуть крепче и повернул ее голову, осматривая живописную «прическу».

– Неплохо для первого раза, – оценил он ее старания.

Инга прищурилась и определенно собралась едко ответить на его замечание. Он прервал это, справедливо опасаясь, что она еще больше придется ему по вкусу.

– Твои деньги.

Заставив свои пальцы отпустить ее кожу, он достал из кармана пачку купюр. Бросил на стол. Отошел в сторону, осматривая через окно двор, уже погружающийся в сумерки.

– Сиди здесь, и не выходи без крайней необходимости. Машину я не оставлю. В сарае есть велосипед. Через три километра на запад – небольшой ПГТ, если по тропе метров через триста отсюда свернуть направо. Но не советую там часто появляться. Лучше вообще никуда не выходи. Основные продукты я привез. Недели на две должно хватить. Думаю, за это время все решат.

Выдав это все без особых пауз, Лютый на секунду обернулся, посмотрел на Ингу, охватив взглядом всю ее фигуру, потерянное и растерявшееся выражение в глазах, неуверенность. Отвернулся и пошел к выходу.

– Подожди! – в голосе Инги очень явно прорезалось то отчаяние, которое Лютый заметил и в глазах.

Он замер, но не повернулся.

– Но у меня нет ни телефона, ни... Я не знаю! Что мне делать?! – Она сделала шаг в его сторону.

Лютый ощутил это все теми же напряженными мышцами спины. Он медленно повернулся и еще раз глянул на эту женщину. Она привыкла держать каждую деталь своей жизни под контролем. А сейчас оказалась пешкой в чужих руках.

Шуршание воздуха становилось тем громче, чем больше он всматривался, понимая ее мысли. По старой побелке стен, казалось, пошла рябь на краю его поля зрения от этого внимания.

– Сидеть тихо. И не дергаться, – скупое посоветовал Лютый.

И опять отвернулся, продолжив путь к выходу. Руку снова жгло. Он не обратил внимания. Все, что следовало в объеме просьбы Борова, Лютый сделал для этой женщины. Остальное – не его проблемы и заботы.

Однако, уже открыв двери, он все же остановился, взвешивая в уме целесообразность появившейся мысли – она нуждалась хоть в чем-то, что можно было бы использовать для защиты. Учитывая ситуацию, он не мог не признать такой факт. Разумеется, Лютый не собирался оставлять Инге пистолет.

Поколебавшись еще около секунды, он все же вытащил из кармана брюк нож. Один из его самых любимых. Не надоумило его ничего взять какой-то другой с собой сегодня. Это усилило меру раздражения, потихоньку нарастающего внутри.

Видимо потому он достаточно резко бросил нож поверх пакета.

– На всякий случай, – сквозь зубы выдавил из себя Лютый, не поворачиваясь к ней.

И теперь уже без всяких задержек покинул дом, преследуемый этим чертовым шорохом воздуха.

«Восемь, девять, десять, одиннадцать...»

Инга автоматически считала в уме, стараясь подчинить хоть какой-то логике свой разум, заставить себя собраться так, как привыкла это делать, когда попадались идиоты на работе или среди чиновников. Но в данный момент в ее жизни, похоже, не было никакой

логики или разумности. И давно проверенный метод не помог. Она не просто сорвалась в очередной раз – Инга не заплакала.

Она закричала. Закричала так, что у самой уши заложило. Так, что в горле начало гореть от этого крика. А прекратить – не выходило, хоть она и пыталась. Даже рукой рот прижала. Все без толку.

Каким-то отчаянным, безумным взглядом Инга обвела помещение – ей начало казаться, что стены сдвигаются, наступают на нее. Вот-вот нависнут, раздавят, сотрут о ней всякую память и след. И никто не поможет. Ведь даже о том, что Инга здесь – никому не известно. Только Этому. Но не было похоже, что она может рассчитывать на какую-то поддержку в этой стороне.

Она осознала, что практически лежит на полу, спустя минут десять, наверное. Как и то, что уже знала – никто не обязан ей помогать: ни Лютый, ни даже Карина Соболева. И все же, Инга жива именно благодаря этим людям, так что кричать или обижаться на них, или еще на кого-то, кроме непосредственного виновника такой ситуации – не имеет права. И если Лютый сказал, что в течение двух недель все должно решиться, значит ей стоит последовать его совету и тихо пересидеть здесь. Тем более что ее не на улице бросили – дали крышу над головой. Да и продуктами обеспечили, судя по всему. Даже денег оставили...

Последняя мысль отчего-то показалась Инге абсурдной. Зачем ей деньги, если лучше всего никуда отсюда не уходить? Тем более что Инга всегда довольно плохо ориентировалась на местности. И по тем указаниям, что Лютый ей дал, вряд ли найдет хоть что-то.

Инга уперла ладони в пол и попыталась подняться, но не смогла полностью распрямить спину, все из-за той же противной мышечной дрожи, которую, казалось, уже подавила еще до возвращения Лютого. Не тут-то было. То ли этот мужчина, то ли сама ситуация – что-то вновь и вновь выбивало ее из колеи.

Кожу головы, буквально обнаженную ее новой «стрижкой», неприятно и непривычно холодило, словно бы все тепло терялось ее телом через почти лысую голову. Кроме затылка. Того места, где лежала рука Лютого. Прошло уже столько времени, а этот участок кожи оставался самым горячим, согревая ее странным, непривычным жаром, полным страха. Когда он подошел, она испугалась, хоть и старалась всеми силами утаить свой страх. Правда, это был не совсем испуг. А то самое ощущение своей полной беспомощности и открытости перед этим человеком. Непонятное и ранее не ведомое Инге чувство, когда все тело сотрясает мелкая дрожь и ни одна мышца, ни один член тела не слушает мозга. Да и сам разум теряет привычные ориентиры. Состояние, когда ты не можешь контролировать ни себя, ни окружающую действительность.

Резкий звук, похожий на то, как ветка дерева сучит по стеклу окна, вернул мысли Инги в реальность. Она вновь осмотрелась, понимая, что паника никуда не делась. Но еще отчетливей, к ней пришло осознание другого: она совершенно одна. Посреди леса. В доме, о котором ей не известно ничего: есть ли здесь вода, газ или какое-то иное подобие печки? Как она сумеет защититься от тех, кто может забрести сюда?

Глаза сами собой метнулись к ножу, который оставил Лютый, и паника усилилась. Она с трудом представляла, как его использовать для защиты, кроме как методом хаотичного махания. Все иные мысли на время отошли на задний план. Инга заставила себя подняться и еще раз внимательно осмотреть дом, испытывая панику и страх совершенно иного рода.

Ею овладело настолько глобальное чувство беспомощности и одиночества, такое осознание своей полной непригодности к подобной ситуации, что она никак не могла понять – за что хвататься и какие действия совершать в первую очередь.

Она даже не знала – есть ли здесь электричество. А комната, тем временем, стремительно погружалась во тьму из-за наступающих весенних сумерек. И ее снова охватил ужас, с новой силой всколыхнулось ощущение давления стен. Только теперь они не надвигались на нее, а будто бы следили неясными и неопределимыми сущностями за каждым шагом Инги в этом доме.

Преодолевая страх и суеверный, панический ужас, спровоцированный темнотой в незнакомом месте и неясными тенями сумерек; напоминая себе, что она разумный и образованный человек, не верящий в призраков и прочую муть, Инга подошла к пакетам, оставленным Лютым. И сразу же крепко сжала пальцами нож. С ним ей было как-то спокойней. Хотя и не очень сильно. И только потом она начала осматривать стены в поисках выключателей, подозревая, что ее ждет безумно длинная и совсем неприятная ночь.

Он знал, что это сон. Совершенно отчетливо и ясно понимал это. И в то же время, не мог отделить свое сознание от происходящего, полностью сливаясь с событиями, которым следовало бы остаться в самой глубокой могиле.

Он, пяти с половиной лет от роду, крался темным, недлинным коридором, чувствуя, как внутри все застывает от невыносимого ужаса при каждом крике, доносящемся из комнаты. Кричала его мать. Она кричала целый день. Он слышал ее крики, несмотря на то, что еще утром бабушка выгнала его в сарай. Он всегда спал в сарае летом. Но сейчас шел ноябрь, и ему было до жути холодно даже в тяжелом меховом жилете и шапке, внутри которой приятно щекотал кудрявый и белый мех овцы. Руки заледенели, и он не мог их согреть даже тогда, когда засовывал под подмышки. Он пытался сидеть на ладонях, прятал их в глубокие карманы старого жилета, пахнущего козами. Но пальцы все равно плохо сгибались и почти не слушались. И эти крики. Они его так сильно пугали.

Он не знал, почему мать кричит. Ему ничего не объясняли, когда отправили в сарай. Но он думал, что может это как-то связано с тем, как раздуло ее живот в последнее время. Мать стала толстой-толстой и жутко неповоротливой. А еще очень сердитой и злой. Куда сильнее, чем раньше. Он не знал, чем ее злил, но казалось, что все доводили ее постоянно.

О том, что происходит с матерью, ему тоже никто ничего не объяснял. Но он и сам кое до чего додумался. Иногда их коз и овец тоже раздувало. И свинок. А потом из них рождались маленькие поросятки, и овечки, и козлятки. И все эти животные тоже блеяли, хрюкали и всячески шумели.

Он, конечно, наверняка не знал, кто из матери вылезет. Точно не козленок. Наверное, кто-то, похожий на него. Но как это будет выглядеть – не представлял. Он никогда не видел себя маленьким, или кого-то другого. Его никогда не брали с собой, если мать или бабка ходили в село. А те люди, что приходили к ним, ну, они были большими. Больше похожими на мать или бабку. Да ему и при этих людях не разрешали выходить, отправляли в сарай или на чердак. Но он иногда пробирался к тонким щелям в досках и пытался хоть что-то увидеть или услышать. Ему было очень интересно. Все. Все-все.

Мать ругала, если ловила на этом. А бабка, хоть и чаще замечала его, делала вид, что не заметила. Ему казалось – она хочет, чтобы он смотрел. И запоминал, что видит.

Крики стихли. Вместо этого раздался какой-то другой, тихий, непонятный вскрик. Или

писк.

Несмотря на не отпускающий его ледяной страх, такой холодный, что живот изнутри замерз так же сильно, как пальцы на руках, он подошел совсем близко к приоткрытой двери и осторожно заглянул.

В комнате тускло светила лампа на столе и было душно. Душно и как-то... мокро. Как при тумане. Только дышать нечем. И чем-то пахло: травами, огнем, и еще чем-то непонятным – холодным и неприятным.

Мать почему-то стояла на коленях, на полу, спиной к нему. В одной рубашке. Ее волосы, слипшиеся и запутавшиеся, висели, как сосульки. Она его не видела. Мать склонилась над чем-то, что лежало на скамейке перед ней. Он не видел, что там. Вроде толстая перьевая подушка, которую мать зачем-то придерживала. Может, боялась, что та со скамейки упадет?

Бабка стояла сбоку. Она молча смотрела на мать. Каким-то недовольным взглядом. Только раз глянула в его сторону, дав понять, что, как и всегда, знает о его присутствии. Но не прогнала.

– Все, – вдруг прохрипела мать, заставив его испуганно вздрогнуть.

А потом мать тяжело встала, опираясь все на ту же скамью. Как-то кривобоко, будто не могла полностью распрямиться. С тяжелым и хриплым вздохом-стоном. И убрала подушку.

Он с интересом уставился на что-то небольшое, такое, какое-то неправильное. Красно-багровое и грязное, оставшееся лежать на скамье. Почему-то его глаза зацепились на пальцах. Таких маленьких-маленьких. На такой же маленькой ручке. Эти пальцы и эта ручка свисали со скамьи. Ему показалось, что эти пальцы такие же холодные, как его собственные.

Мать ушла туда, где все они мылись, так и не заметив его. А бабка накрыла большим куском полотна эту ручку, и пузатое тельце, и какую-то странную лысую голову. Замотала то, что было совсем не похоже на поросенка или козленка. Зато и правда, очень напоминало человека. Только какого-то непропорционального. И повернулась к нему.

Он замер, скованный такой волной страха, которого еще не знал. Он не понимал, что происходит. Но тени в углах вдруг заметались и воздух стал шуршащим и плотным. А так происходило только тогда, когда все было очень плохо. Он уже замечал.

Странно, но и бабка насторожилась, будто тоже услышала этот шорох.

– Пошли, – смерив его взглядом, велела она и кивнула головой в сторону коридора, по которому он сюда пробирался. – Уже большой. Пора набираться опыта.

– Что...? – он даже не знал, как спросить. Просто показал холодным пальцем на вот то, завернутое в ткань, что бабушка несла. – Что ты, она... делали? Это что?

Он послушно пошел за ней пытаясь сквозь холод и страх, выговорить слова, что-то понять, пусть хотелось убежать назад в сарай и поглубже зарыться в холодное сено.

– Это то, что не должно было быть, – бабка хмыкнула. – Но она не справилась. Он закричал. Это еще всем выйдет боком. – Вдруг бабка повернулась к нему и сурово глянула из-под черных бровей. – Если уж взялся кого-то убивать, делай это быстро. И без жестокости. Это не нужно. Просто убей.

Она отвернулась и вышла во двор. Он, ничего не поняв, пошел следом, стараясь запомнить слова бабушки так же хорошо, как и когда она учила его собирать травы в лесу, или показывала следы дикого зверя. А потом послушно стоял и смотрел, как она закапывала сверток в мокрой и холодной земле, под деревьями в лесу, который начинался

сразу за их двором.

Лютый медленно сел на диване, следя глазами за отсветом фар машины, скользящим по стене. Провел пальцами по лбу, по коже головы, придавив макушку. Скупно вдохнул все еще плотный и шуршащий воздух. За окнами его квартиры Киев продолжал жить своей ночной жизнью, но он отчетливо видел в темноте ночи тени Карпат, наступающие, давящие на него своим массивом.

Константин Соболев удовлетворенно откинулся на спинку кресла, ощущая довольство и покой. Кофе был отличным, печенье, приготовленное их экономом, отменным, а прошедшая ночь, как и все его ночи за последние годы – великолепной. Зная, что ему нет необходимости озвучивать эти мысли, Константин просто протянул руку и, поймав ладонь своей жены, переплел пальцы с пальцами Карины.

Она повернулась к нему, оторвавшись от наблюдения за тем, как в другом конце столовой няня занималась с детьми и улыбнулась Косте так, что не возникло сомнений: она знала и ощущала все точно так же.

Костя поднял их сплетенные ладони и прижал пальцы жены к губам, и сам присматриваясь к тому, что там лепили из яркого пластилина их двойняшки. Дети всегда занимались или под их наблюдением, или под присмотром Фила, их эконома. В крайнем случае, если все они оказывались заняты, за занятиями следил кто-то из самых близких и доверенных охранников. Карина никогда не допускала, чтобы няня оказывалась с детьми один на один. И не играло роли, сколько раз ее перепроверил Никольский, не имело значения, что с момента рождения двойняшек, эта няня была все время в их семье. Карина никому не доверяла детей, заставляя всех присматривать друг за другом.

Впрочем, Костя не видел ничего странного в таком поведении супруги, учитывая все нюансы их прошлого, да и нынешнее положение в жизни. Да и психотерапевт Карины советовал не сильно препятствовать, пока Карина хоть относительно держит себя в руках. При том, как ломали ее психику всю жизнь, такие мелочи не казались большой ценой за спокойствие, да и помогали уменьшить количество «приступов», когда кошмары прошлого заставляли ее сутками сидеть в их спальне или, того хуже, гардеробной, прячась от болезненных и мучительных воспоминаний.

Так что почти все детские занятия проводились у них на глазах, и Константин не мог не признать: ему даже нравилось быть настолько полно посвященным в жизнь детей, в отличие от многих деловых партнеров и знакомых.

Он сделал еще глоток кофе, отставив чашку как раз в тот момент, когда двери столовой открылись, и на пороге появился Борис Никольский, начальник его охраны. В прошлом Борис возглавлял областное отделение СБУ и не растерял старых контактов. Но в последний месяц по их делам никаких особых проблем не имелось. Так что сейчас Соболев надеялся – у Бориса есть новости по делу, так заинтересовавшему Карину и лишившему ее покоя в последнюю неделю.

Он поднял ладонь, приветствуя друга.

Судя по всему, к такому же выводу пришла и сама Карина. Ответив на приветствие Бориса, она взглядом велела Филу поставить еще один прибор и, подозвав одного из охранников, тихо попросила перевести детей с няней в соседний зал, отделенный раздвижной стеклянной дверью, и присмотреть за ними.

Пока происходили эти перемещения, Борис успел щедро глотнуть кофе и выглядел теперь более довольным этим утром.

– Все-таки, как ни крути, а готовит Фил отменно, – с тихим смешком заметил Никольский, очевидно, не до конца изжив остатки гомофобии в своей душе.

Костя, если честно, понимающий его, в чем никогда не признался бы Карине, хмыкнул в

ответ.

– Есть новости? – поинтересовался он у Никольского, когда они остались одни.

– Я стараюсь не поднимать много шума, это никому не нужно, как я понял, – Борис сделал еще один глоток и раскрыл папку, которую принес с собой. Впрочем, сам Никольский в нее не смотрел, сразу подвинул Косте. – Потому результаты не фантастичные, но кое-что есть.

И Константин, которого само по себе и это дело, и судьба малоизвестной ему женщины, интересовали только из-за волнения Карины, и сама его жена, молча ждали, когда Борис приступит к основному.

– Мои выводы: изучив ее жизнь и ситуацию, я считаю, что Инга, как таковая, вряд ли могла совершить нечто, что послужило бы причиной для заказного убийства. Тем более для трат на киллера такого класса, – Борис наверняка сделал ударение специально для него.

Костя взглядом показал, что намек понял: они с Никольским не понаслышке знали, сколько стоит работа того, кого называли Лютым. Впрочем, Карине он до сих пор не открывал никаких деталей, пусть жена и догадывалась о том, кто приложил руку к смерти ее мучителя.

– А вот то, что днем ранее был убит ее муж, в чем пытаются обвинить саму Ингу, приводит к интересным предположениям: уж больно почерк убийства господина Горш напоминает работу того самого киллера. Чисто, быстро, обдуманно, с «подозреваемым», которого на блюдечке преподносят правоохранительным органам. Нашей Ингой, то есть.

Борис допил кофе и потянулся к кофейнику за новой порцией в виду отсутствия эконома. Костя медленно кивнул, соглашаясь с логической цепочкой Никольского.

– Тут я копнул глубже, как-никак – Горш политик, а в этом деле всегда найдется много «доброжелателей». – Борис взял маффин, блюдо с которыми ему подвинула Карина, напряженно внимающая рассказу. – Муж Инги оказался перспективным политиком, которому прочили видное место в родной партии. Более того, в кулуарах ходили слухи, не беспочвенные, надо сказать, что на следующих выборах, через два года, он вполне мог войти в первую тройку списка. Уже мотив. Да и, мало ли, может программу он собирался лоббировать какую-то особую, которая кому-то не нравилась? – Борис пожал плечами. – Кроме того, господин Горш в последнее время начал активно налаживать связи с бизнесом. В том числе с Мелешко. Партии разные, а интересы, видимо, совпали... Да и кто такой Мелешко, нам известно. Тоже вариант, – Никольский надломил сдобу. – Что интересно, ни партии, ни тому же Мелешко, вроде бы, не очень выгодно было Горша устранять. Особо они ничего не выиграли бы. Но и не проиграли. Подготовка к выборам только-только начинается. Да и бизнес был больше на этапе переговоров.

– Кто больше всех выиграл от смерти Горша? – уточнил Константин, продолжая держать руку Карины и мягко поглаживать ее кожу.

– А никто, говорю же, все «серединка-на-половинку», – Никольский откусил щедрый кусок маффина.

– А кто больше всех проиграл? – впервые за это время заговорила сама Карина.

– А вот тут интересней, – Никольский скупно улыбнулся, продолжая жевать. – Есть один соратник Горша, некий Балашенко. Так вот, у них не только бизнес общий с покойным имелся, но и поддержку законопроектов они друг другу всегда обеспечивали. Потому как, нюанс, – Борис хмыкнул, – однокурсники они. Учились вместе с Горшем. И с Ингой, кстати, которая с покойным мужем так же училась на одном курсе. То есть, все трое знакомы

давно. Балашенко этого сейчас в стране нет, что мне тоже показалось интересным.

Константин опять усмехнулся, он когда-то выбрал такую же тактику, когда через Боруцкого нанимал Лютого. Чтобы номинально отвести от себя подозрения.

– А что этот Балашенко проигрывает? – нахмурившись, поинтересовалась Карина. – Пока кажется, наоборот.

– Да вот, дело у них какое-то наклевывалось, в бизнесе, связанном с металлом. И держалось оно на связях Горша. Так что теперь, если что-то быстро не решит, то погорит Балашенко. Причем, не столько в делах, сколько в своей политической карьере.

– Надо в направлении этого однокурсника побольше выяснить. Все нюансы и тонкости, – резюмировал Костя, понимая, куда клонит Борис и какие подозрения имеет. – Я пока Славу попрошу, чтобы он переговорил, попросил Лютого еще неделю-две Ингу прикрыть, пока мы разберемся. – Добавил он уже Карине. И опять обратился к Никольскому. – Давай, Борис, помоги бывшим коллегам восстановить справедливость, – с иронией предложил Костя.

Помощник иронию оценил. Но Соболев не сомневался, что он действительно серьезно подойдет к этому делу. Никольский справедливость ценил и уважал. Как и жизни людей. Потому, наверняка, действительно обеспокоился судьбой Инги, которую по всем признакам, просто подставили. А теперь и вовсе пытались «слить».

Сам Соболев на подобное зачастую не имел времени. А веру в человеческое благородство растерял очень давно. Еще в Афгане. Впрочем, Карина до сих пор не верила, когда он говорил это. И резонно уточняла: «что же она тогда здесь делает?».

Константина это злило. Что он жене, само собой не показывал. Ведь она – совсем иное. И они оба это знали. Не в благородстве тут дело. Просто его она. Душой, телом, да хоть мозгом. Ему она предназначена. И он до сих пор в глубине души корил себя за то, что встретил ее так поздно, произвольно позволил такому количеству ужаса произойти в жизни любимой, пусть и незнакомой ему на тот момент.

Кивком головы дав «добро» Никольскому на дальнейшее расследование, Костя благодарно улыбнулся Карине, которая без всяких просьб налила и ему свежего кофе.

Он испытывал дикий, не поддающийся контролю разуму, ужас. Такой страх, какой Вячеслав Боруцкий не испытывал последние три года. С того момента, как полуживым дополз с той проклятой свалки к ним домой, почти не сомневаясь – найдет Агнию мертвой. Впрочем, то, что Вячеслав не обнаружил труп жены, не особо облегчило его состояние тогда. И первоначальный страх сменился отчаянием и паршивым ощущением собственного бессилия и вины, еще большего ужаса, когда глядя на опустошенный дом и их разоренную спальню, Вячеслав досконально осознал, что Шамалко сотворил с его малышкой. Даже последние три года, когда он чуть ли не каждый час напоминал себе – все хорошо, ему удалось выдернуть Агнию из того ада, не до конца изжили из души Боруцкого привкус пережитого ужаса. И сейчас он расцвел новым буйным цветом.

Потому что глядя на то, как Агния с восторгом осматривает все вокруг, заняв водительское место его автомобиля, Вячеслав мог думать только обо всех катастрофах, которые поджидают его малышку на дороге.

– Морду проще сделай. А то Бусина сейчас глянет сюда, и побежит в дом скорую вызывать, чтоб тебя от инфаркта спасали, – Федот подошел сзади и встал справа от Вячеслава, обвел его насмешливым взглядом.

А потом и сам посмотрел на Агнию, которая сейчас настраивала водительское сиденье под себя с помощью электропривода:

– Ты глянь на нее, видно ж, что малышка на седьмом небе от счастья из-за твоего разрешения попробовать. Не порть человеку праздник. Расслабься.

Он видел. И понимал. Но все равно.

– Не могу, Андрюха, – Боруцкий отвернулся, чтобы и правда, не дай Бог, не испугать жену выражением лица. Федот не просто так прикалывался, со смыслом. – Все понимаю. Но не могу я расслабиться!

Пальцы Вячеслава непроизвольно сжались, словно в поисках сигареты. И пришлось глубоко вдохнуть, чтобы подавить желание закурить. Он не выкурил ни одной сигареты с тех пор, как родилась их дочь, как он полностью осознал, что должен приложить все усилия и старания, потому как кроме него некому о его малышах позаботиться. Да и не сумеет никто их любить так, как Вячеслав любил свою жену и дочку.

Стараясь взять себя в руки и подавить панику, в которой бы никогда не признался ни Агнии, ни Федоту, Вячеслав посмотрел на крыльцо дома, где Алинка, сидя в детском кресле-качалке, заливисто смеялась над Моней, возбужденно гоняющей по веранде мяч. Рядом с их дочкой сидела экономка и стоял один из охранников.

– По крайней мере, тебе удалось уговорить ее отказаться от идеи о «маленькой и аккуратной машинке», – хмыкнул Федот, видимо, пытаясь поддержать друга.

Достал из кармана пакет с семечками и принялся щелкать, предложив и Вячеславу. Федот тоже бросил курить вместе с Боруцким. Из солидарности, как объяснял он сам.

Вячеслав покачал головой, отказываясь от семечек, и сделал еще один глубокий вздох. Да, отговорить Агнию от «компактной» модели, было уже победой. Потому как, увидь он ее в одной из этих «консервных банок», которые не особо больше брелока сигнализации к самим же машинам – точно свалился бы от удара. По крайней мере, в его машине Агния будет в большей безопасности. Даже если во что-то врежется. Или если с дороги слетит. Или если какой-то недоумок нарушит правила, и в ее машину врежется. Или...

Он мог перечислить еще сотни этих «или». И не было разницы, что сегодня Агния впервые(!) села за руль и пока даже не пробовала управлять, все еще адаптируясь. Она и не заикалась о том, чтобы куда-то выехать со двора. Даже здесь еще машину не завела. А он уже с ума сходил от ужаса. Как же ему дальше себя в руках держать-то?

И Вячеслав знал, что вряд ли сумеет относиться к этому спокойней. Господи! Прошло три года с тех пор, как он ее вернул, а Вячеслав до сих пор ни разу не оставлял Агнию без своего присмотра или наблюдения Федота больше, чем на пять минут. И это не было преувеличением. Он практически неотлучно находился рядом с женой. Потому что, если говорить откровенно, до сих пор в душе боялся, что может случиться еще что-то. Слишком много он сам когда-то делал. Потому и сейчас опасался, что судьба предъявит еще один счет.

– Вячек!

Сделав настолько спокойное лицо, насколько вообще был способен, он повернулся к жене, делая вид, что просто наблюдал за дочкой.

– Разобралась, Бусинка? Обвыклась? – поинтересовался Вячеслав с усмешкой, подходя ближе.

И сделав вид, что не заметил ободряющего похлопывания Федота по плечу, облокотился о водительскую дверь, заглядывая внутрь салона через открытое окно.

– Не знаю. Да, кажется, – она подняла к нему румяное лицо, и посмотрела взглядом, просто таки искрящим от счастья.

Он не видел такой смеси смущения, радости и счастья на ее лице, с тех пор, как Агния была совсем девчонкой, и радостно кидалась ему навстречу, во время визитов «опекуна».

Прав Федот. Сто раз прав. Не мог и не собирался Вячеслав лишать свою малышку такой радости. Себе и своему страху на горло наступит, но ее научит водить.

– Раз кажется, давай дальше разбираться, – хмыкнул он.

Обошел машину и сел на пассажирское место, ощущая себя не очень привычно в роли «педагога». Но не успел сказать ни слова, Бусинка обняла, бросившись ему на шею, стоило Вячеславу опуститься на сиденье. Прижалась лицом к его шее, сбивая с дыхания. И крепко сжала свои ладони у него на затылке:

– Спасибо, Вячек! – с восторгом выдохнула она. – Мне так этого хотелось!

Ему пришлось прочистить горло и шумно выдохнуть, чтобы совладать с голосом, да и самим собой.

– Да, ради Бога! Было бы за что, малышка, – обхватив ее затылок своей рукой, он с удовольствием погрузил пальцы в ее светлые волосы, которые доросли уже до середины спины Агнии.

Сам прижал ее голову крепче к своему плечу и глубоко вдохнул, наслаждаясь ее теплом, ее дыханием, сладким запахом этих прядей.

– Только, очень прошу, Бусинка, води аккуратно, лады? – все же прорвалось его беспокойство.

Агния рассмеялась. Подняла голову и посмотрела на него долго-долго. И так открыто, что Боруцкий понял: все она знает. И про страх его. И про ужас. И про те подспудные опасения, что небо не закрыло счет. Более того, до такой же степени, до настолько же сильной дрожи в сердце боится потерять его самого.

– Вячек, я слово даю, – тихо пообещала Агния, погладив пальцами его напряженные скулы. – И потом, я же не собираюсь еще никуда ехать. Ты мне хоть покажи, как заводить, да какие педали нажимать, чтоб с места тронуться. И обещаю – на этом мы сегодня остановимся.

Она еще раз нежно поцеловала его губы.

А у Вячеслава от сердца отлегло. И вздохнуть полной грудью вышло. Это – запросто. Ключ и педали, это он может ей позволить. Даже разрешит проехать по двору. Метра два. Пока, более чем достаточно, по его мнению.

Но едва он открыл рот, чтобы начать что-то объяснять Бусинке, запиликал мобильник. Боруцкий и не хотел бы брать, но с Соболевым у них были дела, которые не отодвинешь. Потому, так и продолжая гладить волосы Агнии, не позволив ей подняться со своего плеча, Вячеслав ответил на вызов:

– Слушаю, Соболев. Как детвора? – поинтересовался он у кума, видя явный намек на необходимость «вежливости», в глазах жены, тихо прислушивающейся к разговору.

– Нормально, растем, – усмехнулся в ответ Соболев. – Ваша как?

– Буянит, – весело констатировал Вячеслав, наблюдая, как Алинка пытается поймать хвост Мони.

Соболев еще раз усмехнулся в трубку, дав понять, что знает, о чем говорит Вячеслав.

– Я насчет Лютого, – после «любезностей», уточнил Соболев, возвращая разговор в серьезное русло.

Боруцкий внимательно слушал, что нарыл Никольский, и что они с Соболем решили, высказывал свои мысли. А сам подумал о прошлом. Об очень далеком прошлом, о котором никто особо и не знал. Даже с Федотом они тогда знакомы не были.

Вячеслав Боруцкий знал человека, которого сейчас называли Лютым, с четырнадцати лет. Нет, они не общались и не дружились тогда. Слишком большая была между ними разница в иерархии интерната.

Вячеслав вырос там, попав в приют после гибели обоих родителей. Ни о том, что они, граждане Польши, делали на территории Советской Украины, ни о том, как они погибли, он ничего не знал. Его, шестилетнего пацана, определили в ближайший приют, вроде даже собирались переправить назад, в Польшу, да так и не сподобились, что-то. Так Боруцкий и остался там. Да так адаптировался, что не хотел быть одним из серой массы, стал сам «добывать себе счастья» собственной силой и смекалкой. И достиг немалых «успехов», доводя до ударов воспитателей и попав под пристальное наблюдение милиции.

Лютый (Вячеслав не помнил его настоящего имени, не интересуясь тогда подобным) попал в приют диким пацаненком лет десяти от роду. Он был младше Боруцкого, каким-то странным, чуть ли не сумасшедшим. Напоминал больше дикого зверька: тощего, угловатого, готового драться зубами, ногтями и голыми пальцами, ободранными до крови за свой кусок хлеба. При этом он никогда не велся на поддевки и провокации, держался особняком и прослыл ненормальным, имеющим чуть ли не колдовские способности среди остальных. Он по большей части молчал, один раз за всю память Боруцкого устроив ор, когда воспитатели его постригли под машинку. В остальных случаях этот пацаненок держал рот на замке, а если и говорил, то как-то глухо, невнятно и таким западенским говором, что мало кто пытался вникнуть в его слова.

В общем, они почти не пересекались. Почти. До одного солнечного дня, спустя месяца три после появления Лютого в приюте. Дня, который разделил жизнь Боруцкого на «до» и «после». Дня, который Вячеслав мог и не пережить. Но именно благодаря Лютому он победил в драке, когда один из парней решил оспорить авторитет Боруцкого, завязав драку на заднем дворе приюта. Вооружившись при этом ножом, который где-то стянул. И возможно, именно в его брюхе оказался бы этот нож, если бы Лютый не приблизился к условной границы круга, в отличие от остальных сирот, наблюдавших за дракой молча и напряженно, таясь от воспитателей, и не буркнул:

– Зараз, управо і з-під руки.*

(Сейчас, вправо и из-под руки)

Может пацан и другое что-то имел в виду. Но Боруцкий понял так, как понял. И поднырнув под правую руку противника, вывернул его кулак, отчего именно провокатор драки напоролся на нож.

Боруцкий из-за этого попал в колонию. Зато остался жив. И не забыл, благодаря чьему совету. Потому, когда судьба столкнула их еще раз, спустя десятки лет, помог Лютому выбраться из ловушки, подстроенной очередным заказчиком. Правда, Лютому мотивов своих поступков он не озвучивал. Не видел нужды. Да и не был уверен, что тот вообще об этом помнит.

С тех пор они уже не теряли связи. Потому и сейчас он внимательно слушал Соболева, чтобы после поговорить с Лютым имея, что сказать по делу.

Прошло шесть дней. Сто пятьдесят один час.

Он считал и помнил каждый. И не был доволен этим. Однако за эти часы в сознании Лютого смешалось столько, что было бы сложно забыть хоть один.

Логика начала его подводить. Лютый еще сохранил достаточно адекватности, чтобы признать это. Все, что он всю сознательную жизнь подавлял и глушил в себе, лезло на поверхность сознания. И ему все тяжелее было держать это в узде. Себя держать под контролем.

Инга.

Трудно было не констатировать очевидного – именно эта женщина задела какие-то пусковые точки в его мозге и подсознании. Зацепила нечто такое, что теперь лезло из самых темных глубин памяти и сути Лютого, нарушая собранность и контроль, на создание которых он потратил столько времени.

Воздух вокруг него шуршал беспрестанно. И пах. Глубокий, сладковатый и в то же время свежий, запах прелой листвы карпатского леса наполнял его легкие, словно бы Лютый снова брел под громадными деревьями. Оказалось, что необходимо совсем небольшое усилие, чтобы перечеркнуть десятилетия его работы над собой.

Он думал о ней. Более того, совершил то, что не стоило, израсходовав два ее волоска из пяти. Для чего? Он не мог внятно это объяснить. Как и проанализировать, чем ему помогло то, что теперь он был в курсе о страхе и отчаянии, которые Инга продолжала испытывать на протяжении этой недели.

Безумный бред, как его убеждали психологи и работники социальных служб? Может и так. Тогда он становился совсем сумасшедшим. И у Лютого имелись догадки, от чего это может происходить. Пример матери и сейчас не забылся. Как и все, о чем рассказывала бабка.

Лютый не помнил своего отца и ничего особо не знал о нем. По рассказам бабушки его отец пришел откуда-то с Кавказа. Они не спрашивали его: как и зачем он оказался в Карпатах. Судьба так распорядилась. Что Лютый знал, так это то, что и его отец походил на мать и бабку, веря в силу, которой обладают природа, горы, и они сами.

Бабка говорила, что отец с матерью сразу поняли – судьба привела их друг к другу. И сама бабушка только одобряла такой союз. Так они и жили, семья мольфаров, пока однажды отец не вернулся домой из леса. Его разодрал медведь, проснувшийся из-за слишком теплой зимы. Лютому тогда было два года.

И с тех пор, если верить бабке, мать начала понемногу погружаться в безумие, совершая глупые и опасные ошибки. Она всегда была слабее своей матери, но жизнь с мужем, которого она обожала, вроде бы даже усилила ее способности. Потому, потеряв его, мать Лютого начала от отчаяния и горя кидаться в крайности. И в итоге, ища опоры хоть в ком-то, потому как бабка слабость презирала, посягнула на чужое. Она попыталась приворожить одного из жителей ближайшего села, который напоминал ей погибшего мужа. И не остановило женщину наличие у мужчины жены и своих детей. Сделав это, применив силы, которые не стоило трогать, его мать, по словам бабки, принесла беду на все их головы.

Не подарила ей счастья одержимая тяга, всколыхнувшаяся в мужчине. Он избивал и насиловал ее, не контролируя то темное, что ворожба матери вытянула из его подсознания. Тогда мать Лютого, еще больше отчаявшись, решилась на крайний шаг. Она попыталась перенести свою ворожбу на ребенка, зачатого в этом насилии. И убив его, оборвать связь.

У нее не вышло. Эту ночь и урок своей бабки Лютый помнил и сам.

Как и то, что происходило дальше, когда этот мужчина продолжал приходить к матери. Бабу он боялся, и в ее присутствии вел себя смирно. Но она считала, что ее дочь должна расплачиваться за свои ошибки самостоятельно, и не вмешивалась. Наоборот, все чаще уходила в горы, забирая с собой и внука. Она учила его, передавая знания, которым ее учили отец и мать. Показывала травы, учила наводить ворожбу.

Но иногда они все же возвращались в свой дом.

В одну из таких ночей, когда Лютый вернулся домой вместе с бабушкой после нескольких недель блуждания по лесам и горам, он впервые убил человека. Когда ему только исполнилось десять. Убил, помня все уроки и наставления бабки, но при этом он испытывал дикую ярость и бешенство, когда увидел, до какого состояния доведена его мать. Конечно, он сумел это сделать только потому, что мужчина, имени которого Лютый так и не узнал за все эти годы, был беспробудно пьян и спал. А его мать, избитая, с переломанным носом и разбитой головой, жалась в одном из углов дома, не имея сил даже уползти.

Он убил его. Ему не помешала ни мать, ни бабка. Вот только последняя, смерив внука разочарованным взглядом, заметила:

– Ты слишком похож на нее. Такой же неуправляемый и теряешь контроль. Только она слаба и ищет подчинения, а ты сильный. В отца.

После этого она ушла в горы. Одна. Больше он ее никогда не видел.

На следующее утро они с матерью кое-как оттащили тело к сараю. На большее их в тот день не хватило. Но закопать не успели. Пришла милиция. Видно права была бабка – каждый должен нести наказание за совершенное. И именно в тот день жена этого человека написала заявление о его пропаже, пусть раньше он и неделями не возвращался. А в селе все знали, куда тот любил наведываться.

Ясное дело, Лютого никто не и не подумал подозревать в убийстве. Мать арестовали. Но в итоге, признав сумасшедшей, закрыли в психушке. Лютого же определили в интернат, так и не найдя его бабушку.

И с того момента, он долгие годы потратил на то, чтобы полностью взять под контроль нечто темное и бешеное, что пыталось управлять его сознанием. Жил между двумя сознаниями и мирами, ощущая себя шизофреником. Хоть ни одна экспертиза и не выявила у него и малейшего психического отклонения. Обдумывал каждый шаг и вздох, чтобы не допускать в разум нечто, что психологи детского дома называли выдумками и «бабьими сказками». Никогда и ни с кем не говорил об этом. Правда, даже без разговоров, командир спецподразделения не единожды перед сложным заданием подходил к своему снайперу и, прикурив сигарету, просил как-то «подсобить» ничего не уточняя и не конкретизируя. Лютый никому ничего не говорил, но окружающие, все равно, будто подсознательно ощущали в нем это «нечто».

Но сейчас, как и его мать, похоже, Лютый вернулся к тому, с чего когда-то начал, позволяя захватить свое сознание чему-то настолько первобытному и дикому, что и сам не до конца понимал его природу. Оттого, когда Боруцкий позвонил и сказал, что Соболева просит проверить, как там Инга, Лютый не отказался, вопреки разуму. Наоборот, без всяких возражений согласился в том, что это необходимо.

Возможно, еще раз встретившись с ней лицом к лицу, он поймет, что это все глупости и не в Инге дело? Не она будоражит его прошлое и настоящее?

Да. Именно. Потому он сам и цинично смеялся над собой в уме, наверное.

Ничего во дворе перед домом не указывало на то, что внутри кто-то живет. Не было никаких признаков присутствия человека. Она даже закрыла ставни, оставшиеся от прошлых хозяев. Он практически не сомневался, что Инга опустила и установленные им роллеты. Выходила ли она, вообще, на двор за эту неделю?

Он не стал бы спорить на это. Лютый не забыл то ощущение ее страха, которое пришло к нему во время ритуала.

Поступок, который не стоило совершать. Результат, который следовало забыть.

Но он сделала все наоборот.

Недалеко от покосившегося забора, почти у самого яра, начинавшегося чуть ли не сразу за домом, отделяя его от леса, он заметил собачьи следы. Не особо свежие. Видно, бродячие псы наведывались, он подкармливал их время от времени, когда бывал здесь. Не найдя, чем поживиться, животные дальше на двор не заходили.

Зачем он обходил все пространство? Чтобы держать все под контролем и не пропустить важных мелочей.

Или чтобы оттянуть время встречи лицом к лицу?

Глупости. Лютый никогда не уклонялся от трудностей. Но не мог позволить себе роскошь быть невнимательным. И потому, только после того, как проверил все снаружи, он тихо и осторожно подошел к входной двери. Ключи у Лютого имелись. Но он вполне допускал, что Инга могла что-то заметить и, не разобравшись в личности «гостя», предпринять нечто, что лучше предупредить.

Аккуратно открыв двери, он замер на пороге, практически моментально осматриваясь и анализируя обстановку. Внутри было холодно. Казалось, даже холоднее, чем снаружи, где весеннее солнце уже начало прогревать и землю, и воздух. Тихо и пусто. Вот, что еще Лютый успел отметить.

И плавным, быстрым движением отступил в бок, перехватив ее руку.

– Это я, – тихо и четко проговорил Лютый, глядя прямо в ее в карие глаза.

При этом крепко сжимал запястье Инги так, что чувствовал тонкие кости. Второй рукой он обхватил ее затылок (это становилось автоматикой) и надежно заблокировал любое ее движение, сильно надавив.

Кровь вспыхнула огнем, обжигая вены, разбегаясь по мышцам. Тени заметались по углам полутемной комнаты, раздражая периферию зрения своим мельканием.

Он не был готов к чему-то подобному. Настолько выраженному. Мощному.

Но быстро перегруппировался, стараясь адаптироваться к новым реалиям.

Удар Инги был непрофессиональным и плохо продуманным. Но все равно, ему понравилось. Она вложила в него весь свой страх и отчаяние, которые плескались и во взгляде Инги. Все желание выжить любой ценой. Это многое значило. Иногда больше техники. Инга не сдалась и не опустила руки. Продолжая собрано и разумно бороться за себя и свою жизнь. Использовала нож, который Лютый оставил ей. Она держала его крепко, даже сейчас. И все-таки, опыта у нее совершенно не было.

У него же – имелся аж через край. Усилив захват пальцев, он надавил на чувствительные точки. У Инги не осталось выбора: ее пальцы разжались, словно бы сами собой, и нож упал на доски пола. Лютый отодвинул его носком ботинка.

Потребовалось несколько секунд, пока до сознания Инги дошел смысл его слов. И пока она поняла, кого видит.

Все это время Лютый продолжал сжимать ее запястье, и крепко фиксировал саму Ингу, чтобы предупредить еще какой-нибудь необдуманный порыв. Наверное, слишком крепко. И безосновательно близко к себе. Разумеется, для того, чтобы лучше оценить ее состояние и не пропустить все те же мелочи. Резко проступившие скулы. Темные круги под глазами, покрасневшие, словно воспаленные глазные белки и прорезавшиеся линии в углах рта. Губы искусаны и сухие до того, что кожа на них начала отслаиваться лохмотьями. Все изменения буквально гротескно проявлялись из-за того, что на остриженную голову она натянула шапку и не за чем было прятать то, что он видел.

Его шапку. Она надела его старую шапку.

Лютому, почему-то, это показалось забавным. Хоть понимал, что заставило Ингу так поступить – через голову и в обычном состоянии человека теряется до тридцати процентов тепла тела. А уж без волос...

Инга, наконец-то, осознала, кто ее держит и глубоко выдохнула. Обмякла. Будто повисла на его захвате, разом потеряв все силы, заставившие ее сделать этот отчаянный бросок.

Он каждой мышцей, каждым сантиметром своего тела ощутил облегчение, затопившее ее. Озноб, охвативший Ингу от этого облегчения.

Он в принципе чувствовал всю ее. Физически. Это было лишне. И вот так, сходу, развенчивало все его самозаверение, что она не имеет никакого отношения к тому, что с ним творится в эту неделю.

Он ее чувствовал. Во всех смыслах. Это было новым опытом. Слишком мощно. Слишком массивно. Лишнее. Да, она вызвала в нем желание. Его тело на нее реагировало однозначно и хотело секса. Ничего удивительного – его тело было живым. Лютого озадачивало и сбивало с толку иное – он хотел ее.

Его разум, его сущность, все в нем хотело заполучить эту женщину. Она будоражила все внутри него. То, о чем Лютый предпочел бы забыть. То, что считал себе не присущим и удачно подавленным в самом зародыше. Не раз за последние дни он ловил себя на мысли, что ему хотелось понять, что такого особенного в Инге, что она взбудоражила его? Заглянуть внутрь нее, не под кожу, для него не было бы ничего нового ни в мышцах, ни в костях, ни во внутренностях. Ему же хотелось ее понять, узнать ее суть, чуть ли не препарировать, расслоить на слои и части разум и душу.

Инга много чего в нем вызвала. Но сейчас было не время это анализировать.

И в этот раз он не был уверен, что стоит немедленно уносить ноги от этого всего.

Лютый мог бы уже разжать руки и отойти. Она уже была в состоянии воспринимать и слова. Но он продолжал держать. И смотреть. Пока отодвинув реакцию тела.

Ее ключицы и плечи выпирали сквозь кожу и кофту. Он ощущал это своим телом, к которому Инга была плотно притиснута. На правой ладони, той, которую Лютый держал в захвате своих пальцев, кожа в основании пальцев была содрана и растерта. Ее покрывали потрескавшиеся корочки. Пальцы казались ледяными. И как минимум на двух из них (то, что он видел, не рассматривая особо) имелись нарывы около ногтей.

Не обращая внимания на то, что Инга уже практически пришла в себя и попыталась отступить, он сохранил силу захвата, с которым держал ее, по сути, полностью зафиксировав впритык к своему телу. И повернул руку Инги, чтобы видеть детально.

Придавил своими пальцами, не обратив внимания на короткий рваный выдох женщины. Три. На трех пальцах ее правой руки были нарывы. Под кожей он нащупал глубоко вогнанные занозы, которые Инга, видимо, не сумела вытащить. И на двух пальцах левой, констатировал он в уме, осмотрев вторую руку.

– Я не знала, кто... – видимо, она пыталась объяснить свои действия.

Голос Инги звучал тихо. Неуверенно. Почти так же хрипло и ломано, как у него самого. Когда долго молчишь, так бывает. Словно горло и язык теряют практику.

Он в ответ только кивнул. И наконец-то отпустив ее, отошел в сторону, еще раз осматривая дом.

Холодно. Игнорируя преследующие его тени и это настырное шуршание, он сосредоточился на температуре. Подходя к дому, Лютый решил, что Инга не топит с той же целью скрыть свое присутствие, которую преследовала и задраив окна, не появляясь на улице. И только сейчас у него появилась мысль, что эта женщина просто не умеет топить грубу, которая и обеспечивала обогрев дома. Из-за удаленности дома от сел, ни о каком газе здесь и речи не шло, ясное дело. Печь топилась дровами. Их запас имелся в небольшой каморе под лестницей, и в сарае на улице. Однако, очевидно, ему стоило еще неделю назад объяснить ей, как печь растапливается. Факт, что тогда он слишком торопился унести от нее ноги, чтобы беспокоиться об этом. Да и не собирался он этого делать. Беспокоиться.

Нельзя было не признать и того, что Инга, со всей очевидностью, пыталась этой наукой овладеть самостоятельно.

Неудачно, судя по ее рукам и температуре в доме. А значит, и горячей воды у нее не было все это время, так как единственное место для приготовления чего-то горячего, так же находилось в печи. Плита, хоть и стояла в углу кухни, не работала уже тогда, когда он дом приобрел.

– Что-то случилось? Все решилось? – Инга прокашлялась, пытаясь вернуть голосу обычную глубину, видимо.

Лютый снова молча покачал головой, отрицая ее надежду. Наклонился и поднял нож.

– Там что-то с вашим однокурсником, – поделился он сведениями, полученными от Борова. – Они выясняют подробней, – зачем-то «расщедрился» Лютый, протирая лезвие пальцами.

Прикинул, что стоит его заточить. И сложил лезвие в основу. Не оборачиваясь пока к ней, он прошелся по комнате, направляясь в сторону кухни.

– Каким однокурсником? – попыталась уточнить Инга у его спины.

Но Лютый опять только пожал плечами, показывая, что не о чем тут ему говорить. Его взгляд прошелся по открытому пакету сухарей, по распечатанной пачке галет. Кроме этого он видел надрезанный кусок сыра. Все. Она что, больше ничего не ела всю эту неделю?

Ничуть не стесняясь, он раскрыл привезенный еще им пакет, стоящий у стола: так и есть. Ничего из того, что следовало готовить – не было тронут. Не открыла она и консервы. Только вода, сухари, галеты и сыр.

Неудивительно, что Инга отошала. Закрыв пакет, он осмотрел все комнаты. Создавалось ощущение, что она старалась оставить как можно меньше следов своего существования, ничего не приминая и не сдвигая с места. Только по тому, что покрывало на кровати было заправлено иначе, чем это сделал бы сам Лютый, можно было понять, что она тут лежала.

– Для чего, тогда, ты приехал? Я должна что-то сделать? Или...

Он невыразительным жестом руки велел ей замолчать. Еще секунду простоял неподвижно, глядя в точку на стене поверх головы Инги. Пытался отстраниться и отрешиться от избытка ее страха, ее опустошения, какого-то странного смирения, которое пока не было Лютому понятно. Ритуал был лишним. Он знал это еще тогда, когда проводил его. Однако не устоял. И сейчас отголоски того результата буквально пропитывали его нервы и органы.

Отодвинув и это, Лютый пошел в коридор.

Она просто не знала, что думать, что делать? Последняя неделя, пожалуй, была самым страшным временем за всю жизнь Инги. Самым. Начиная с того момента, как она вернулась в дом Миши и увидела бывшего мужа мертвым и до сегодня. Причем, теперь она не стала бы спорить о том, какие дни из этой недели оказались самыми ужасными: первые сутки, столь насыщенные событиями. Или те шесть дней, что Инга провела один на один с собой в этом доме.

Никогда в жизни она не испытывала столько страха и ужас такой глубины. Никогда не думала, что настолько суеверна и малодушна. Никогда, наверное, не была настолько близка к безумию.

И если первые часы после того, как Лютый ушел, оставив ее здесь одну, мысли Инги были заполнены беспокойством о родителях, которых милиция если еще и не поставила в известность о ее предполагаемой «криминальной» деятельности, то обязательно поставит. И начнет проводить обыски, расследования, дергать, надеясь разыскать ее. А у папы стенокардия. И у мамы гипертензия. Такие новости им здоровья не добавят, однозначно. Но Инга не может и не имеет права хоть как-то их успокоить или что-то о себе сообщить.

То, что для всех она – мертва, Инга уяснила четко из слов Лютого. Как и понимала, это в ее же интересах.

Однако стоило опуститься ночи, как эти мысли сменились совсем другими, неожиданными и нетипичными для нее. Инга практически не спала все это время, лишь иногда забываясь тяжелым сном в дневное время. Ночью она не могла сомкнуть веки, преследуемая алогичным и абсурдным убеждением, что в темноте углов, за маломальским выступом стен, на чердаке и в каморе под лестницей – что-то или кто-то есть.

Какое-то непонятное, смутное нечто. словно неведомая сущность. Или сущности, наблюдающие за ней, будто скользящие по стенам и потолку со странным тихим шорохом. Издевающиеся над ней, только и ждущие, когда Инга потеряет бдительность, чтобы завладеть ее сознанием. Сотворить с ней что-то ужасное.

Она никогда не верила в приведений или духов. Но то, что жило в этом доме и не ассоциировалось у нее с чем-то подобным. Нечто совершенно иное, словно сила, которая не была ей понятна. Но чье присутствие она так ясно ощущала морозом по коже и шевелением коротких волосков на затылке. Однако сколько бы Инга лихорадочно не крутилась по комнате – не могла ничего уловить глазами, кроме размытого танца теней по стенам на самом краю поля зрения.

Глупости. Безусловно, глупости. Инга это понимала.

И не было никаких шорохов, просто скрипели старые доски пола и перекрытий. Просто бегали в подвале полевые мыши. И непривычно для нее, исконно городской жительницы, шумел лес невдалеке. Да пугало отсутствие любого иного освещения, кроме естественного.

Она знала все разумные объяснения и причины тревожащих ее явлений. Твердила их себе час за часом. Но все равно не могла уснуть, стоило солнцу погаснуть.

Этот дом ужасал ее, казался живым существом. Она хотела бы бежать из него, не оглядываясь. И в то же время, не могла позволить себе выйти на улицу. И не только потому, что скрывалась от правоохранительных органов и того, кто заказал Мишу и ее саму.

Инга видела волка за забором. Честное слово. Самого настоящего. Вышла за водой к колодцу, который стоял сбоку от дома, и с крыльца увидела, как сизо-серый зверь медленно и осторожно, пригнувшись, трусит в сторону дома от леса.

Тогда она залетела назад в комнату, закрыв двери на все замки. И сидела в доме до самого вечера, пока природная нужда не заставила ее все же с опаской выйти, вооружившись ножом и поленом: туалета в доме не имелось. Только на улице.

С тех пор Инга выходила на двор очень осторожно, предварительно удостоверившись, что ее там не поджидают дикие звери. И пусть забор был целым и выглядел достаточно надежно, вроде бы защищая ее от проникновения лесных гостей, Инга все равно не могла расслабиться. Она боялась дома. Она опасалась улицы и природы.

Определенно, Инга сходила с ума.

И немалую роль в этом, возможно, играл дикий холод, который она испытывала. Всю эту неделю Инга не могла согреться. Она натягивала все кофты и носки, что успела прихватить с собой. Даже какую-то пыльную шапку, обнаруженную на подоконнике в спальне, тщательно вытряхнула и практически не снимала все эти дни. Кто б знал, что без волос настолько холодно? Инге это никогда ранее в голову не приходило. Теперь она знала. Может, потому и сам Лютый очень редко расставался с кепкой все то время, что она его видела?

Конечно же, Инга пыталась растопить печь, которую обнаружила. Только у нее ничего не вышло. Она содрала кожу на ладонях и загнала множество заноз, причем часть из них не сумела вытащить. Ранки воспалились и мучали ее постоянной пульсирующей болью, неожиданно мучительной для таких мелких повреждений. Теперь Инга не могла ничего нормально взять руками, с трудом застегивалась. Но все эти жертвы и усилия так и не помогли ей растопить печь, и она продолжала мерзнуть.

Ей даже есть не хотелось уже. Только согреться. Инга что угодно отдала бы за чашку горячего чая. И за чайник с кипятком. Пусть она и старалась мыться водой из колодца, это лишь усиливало озноб, кажется, уже постоянно сотрясающий ее тело, проникнувший в каждую мышцу. Она грезилась, мечтала о ванной, полной пара и пены.

Услышав, что кто-то подъехал к дому, она отчего-то даже не подумала, что это мог вернуться ее несостоявшийся убийца. Лютый однозначно дал понять, что ее судьба его мало волнует. И Инга практически не сомневалась, что кто бы там ни был, но нежданный гость не принесет с собой ничего хорошего.

Видно потому сейчас, осознав, что можно хоть немного расслабиться, пусть и испытывая легкое разочарование от того, что еще ничего не решилось, она вдруг ощутила невероятную усталость. Сонливость навалилась на нее, давя голову. Приходилось прилагать непомерные усилия, чтобы стоять вертикально. И, возможно, как ни глупо это б прозвучало, Инга ощутила себя в безопасности впервые за эти дни, потому что Лютый был рядом. Ну и что, что изначально он собирался ее убить? Не убил же. Так что, «кто старое помянет...», видно решило ее подсознание, решив расслабиться рядом с этим человеком.

С трудом заставив двигаться дрожащие ноги, она подошла к стулу и села, не совсем

понимая, зачем Лютый ходит по дому и везде заглядывает? Проверяет, не стащила ли Инга что-то? Так тут ничего и не было.

Но не спрашивать же хозяина дома? Тем более что на предыдущие вопросы она все равно не получила нормальных ответов.

В этот момент Лютый прошел мимо нее в сторону коридора, ведущего в спальню. Не выдержав, Инга уперлась локтями в поверхность кухонного стола, у которого сидела. А потом и вовсе легла лбом на ладони. И не сразу осознала, что Лютый за ее спиной аккуратно и умело укладывает поленья дров в топку печи. Когда же за ее спиной послышался характерный звук и вспыхнул огонь, почти не веря себе, Инга обернулась и замороженно посмотрела на языки пламени, просматривающиеся сквозь чугунную заслонку, которой Лютый прикрыл отверстие топки.

Господи, неужели? Неужели станет тепло? Неужели Инга сможет согреться?

– Я так и не сумела. Пыталась, но... – тяжело вздохнув, испытывая стыд от собственной неспособленности, она посмотрела на изувеченные руки.

Лютый ничего не ответил. Только так как-то дернул головой, что стало ясно – он и без ее оправданий все это понял. Потому и растопил печь.

Она опять улеглась лбом на руки, ощущая еще большую усталость. И только краем глаза проследила, как Лютый вышел во двор, прихватив полупустое ведро. Ей даже интересно не стало, зачем ему это? И не сумела она заставить себя предупредить его о волке.

Так странно, Инге казалось, что в этот момент на нее навалилась вся усталость, какая только существовала в мире. И даже ровно сесть она не смогла бы.

И только тогда, когда ее веки закрылись сами по себе, а сознание начало проваливаться в глубокий и опустошенный сон, Инга вдруг поняла, что дом притих. Бог знает, как это можно было бы кому-то внятно объяснить вслух. Но умом и подсознанием она словно бы почувствовала, что та пугающая ее «сущность» этого места, словно затаилась, стоило Лютому появиться. И тени уже не струились так по стенам. И шорох словно поутих.

Бред. Бред больной, измученной, сумасшедшей женщины, в которую она превратилась.

Проснувшись Инга от того, что что-то поставили около ее головы, и этот предмет гулко ударился о деревянную поверхность стола, на котором она спала. Растерянно моргнув, Инга не без труда приподняла тяжелую после липкого сна голову. Перед ней стояла миска, не очень глубокая, литра на два, полная воды, от которой поднимался пар.

Инга даже прижмурилась, ощущая исходящее от воды тепло и наслаждаясь этим, уже позабытым ощущением.

Тут, заставив ее полностью выпрямиться, к столу приблизился Лютый. Положив на стол какой-то предмет, в котором она с удивлением узнала обмыленный кусок самого простого хозяйственного мыла, он достал из кармана джинсов перочинный нож. Станный такой. Ну, то есть, самый обычный «швейцарский нож», красный, даже с крестом. Но почему-то в руках этого мужчины он казался неуместным: ярким, и каким-то игрушечным.

Тем не менее, Лютый уверенным движением открыл лезвие и, взяв мыло, принялся срезать с куса мыльную стружку в воду. Инга следила за методичными движениями его рук, совершенно не понимая, что он делает. И думала о том, что пропустила, как именно хозяин дома грел воду, а стоило бы научиться. И что чая очень хочется. Даже просто кипятка можно выпить, чтобы хоть немного уменьшить озноб, сковавший каждую ее мышцу.

Правда, похоже, оказывала свой эффект уже и печь. Пусть за те пятнадцать-двадцать минут, что Инга дремала, она и не успела нагреться достаточно, чтобы прогреть дом, но спиной уже ощущалось идущее от грубы блаженное тепло.

– Опускай руки.

Хриплый, низкий и даже в чем-то скрипящий голос Лютого неожиданно прервал ее мысли, заставив напряженно вскинуться и попытаться понять смысл слов этого мужчины. Он же подвинул эту миску с уже мыльной водой совсем близко к ней. Инга не совсем поняла – для чего? У нее что, настолько руки грязные?

Тем не менее, искушение согреться было настолько велико, что она не споря и особо не раздумывая, послушно опустила обе руки в воду. И тут же задохнулась. Закашлялась от крика, который застрял в охрипшем горле, резко дернула пальцы назад. Вода оказалась чуть ли не кипятком, и кожа ладоней буквально пылала болью, а в самих пальцах возникло ужасное, болезненно-пронизывающее ощущение, словно нервы натянулись до невозможного, и по ним простреливало ударами тока.

– Опустит в воду, – повторил Лютый, безучастно наблюдая, как она хватается воздух ртом и трясет ладонями в воздухе, пытаясь ослабить жжение.

Инга вскинула лицо, пораженно посмотрев на него:

– Там – кипяток! – голосом, который почему-то звучал чуть ли не так же скрипуче, как у этого мужчины, прохрипела она, подумав, что он просто не проверил температуру. – Это нереально.

Но Лютого ее слова, казалось, не задели.

– Опустит, – велел он опять.

– Нет, – Инга даже головой покачала. – Не буду. И зачем? Пусть хоть немного остынет..

Он не дослушал ее мыслей и планов. На шаг приблизившись к Инге, он стремительно протянул свою руку, поймав оба ее запястья и надавив, заставил опустить назад, в миску. В обжигающую воду. Придавив сверху своей рукой, погрузив ее в этот мыльный кипяток, видно, чтоб Инга точно не выдернула больше.

А она снова задохнулась. И с каждой секундой, в течении которых он зачем-то продолжал эту пытку, ощущала нарастающую боль в пальцах и в ладонях. Каждая ссадина и нарыв начали пульсировать этой болью. И нервы снова «натянулись».

Инга попыталась выдернуть свои руки, встать со стула. Но Лютый только глубже погрузил их ладони в кипяток, а второй рукой тяжело придавил ей плечо, не позволяя двинуться.

– Зачем? – посмотрев прямо на него, спросила Инга.

От этой пульсирующей, обжигающей боли по ее щекам заструились произвольные слезы. Она чувствовала, но ничего не могла с этим поделать, впервые так открыто показав этому мужчине свою слабость. Но руки жгло настолько сильно, что она не сумела сдержаться.

Его же лицо осталось совершенно невозмутимым, хотя и Лютый держал руку в том же кипятке. Казалось, мужчина совсем ничего не ощущает.

Он молчал и так же прямо, не моргая смотрел на нее. Даже голову немного наклонил, словно бы хотел лучше видеть, как Инга беззвучно плачет. Ничего не пропустить. И продолжал настолько же крепко держать ее руки под водой.

На несколько минут в доме повисло молчание. Они зачем-то смотрели друг на друга. По щекам Инги продолжали бежать слезы, хотя боль в руках уже немного притупилась, так как

вода остывала. Но видно, сказалось недосыпание и все напряжение, весь страх ее за эти дни. Только в глазах Лютого что-то будто надвигалось из глубины. Как, бывает, тучи надвигаются из-за гор, закрывая небо. Вот так и в его синих глазах (все-таки, не линзы, очевидно) что-то словно темнело и затемняло эту синеву. А может, просто неудачно падала тень от окна.

И вдруг его лицо как-то так дрогнуло:

– Нарывы надо вскрыть. И занозы, – будто бы с трудом «выдавил» он из себя. – Надо распарить.

Инга даже не сразу поняла, что это ответ на ее мучительное «зачем». Переважив эту информацию внутри себя, она медленно и вымученно кивнула, почему-то подумав, какой ценой он добился результата. Объясни Лютый сразу – она бы заставила себя терпеть, и ему не пришлось бы опускать ладонь в кипяток.

Станный он.

Следующие двадцать минут прошли все в том же молчании. Усилиям воли успокоившись, она покорно позволила Лютому продержать ее руки в горячей воде столько, сколько он счел необходимым. И ничего не говорила и не предпринимала, когда все тем же швейцарским ножом он точными, уверенными движениями вскрыл нагноившиеся раны. Сжав зубы, терпела, пока он удалял занозы, местами рассекая кожу, чтобы удобнее было подцепить глубоко засевшие щепки. И не дернулась, когда он потом протирал ее руки жидкостью, пахнувшей спиртом. Инге было больно. Но она терпела, и чтобы отвлечься от этой боли, следила за умелыми и спокойными движениями Лютого, который, похоже, точно знал, что делал.

– Спасибо, – тихо проговорила она, когда Лютый закончил и ее руки вновь оказались в распоряжении Инги.

Но он опять не ответил. Замер. Глянул ей снова в глаза. Странно так. Будто в самую душу. И так двинул плечами, протирая и складывая свой перочинный нож, что вроде бы становилось ясно: услышал, но не считает чем-то особенным то, что делал.

Инга же больше не знала, что добавить.

Он методично и тщательно протирал лезвие ножика, не особо доверяя качеству. Зря, конечно, нож был настоящим, а швейцарцы за этим следили. Но Лютый до сих пор сомневался. И потому следил за ним тщательнее. По сути, глупый нож: маленькое лезвие, куча лишних аксессуаров, которые только идиоту могли понадобиться. И все-таки, Лютый купил этот нож, поддавшись порыву. Глупый, красный, аляповатый на его вкус. Странная покупка. Но желание иметь этот нож оказалось слишком сильным. Ни логика, ни здравый смысл, ни все эти разумные доводы не помешали тот приобрести, когда Лютый увидел нож в витрине. Зачем? Этого он так же не знал. Захотел.

Он захотел его иметь для себя. И все. Глупо и нелогично. Сильно.

По сути, у Лютого за всю жизнь было очень мало чего-то, что он бы мог назвать своим. Что принадлежало бы ему, и только ему. С самого детства. У него не было матери, как таковой. Не было семьи. Не было каких-то личных вещей, кроме собранных трав или амулетов, которые его учила делать бабка. Когда он попал в интернат, у него тем более не появилось ничего личного. Однажды он «завел» котенка. Относительно, конечно. Тот жил на территории интерната, на заднем дворе за пищеблоком. Лютый всегда хорошо понимал животных, бабка научила. И с ними он чувствовал себя комфортней, привычней, чем с

людьми, которых теперь оказалось так много вокруг, после полного одиночества леса. Он приносил этому котенку остатки с обеда и просто сидел рядом, когда имел свободное время. А потом котенок заболел. Тем, от чего он не смог бы его вылечить. И Лютый помог другу так, как мог. Он избавил его от боли, скручивающей тело кота в судорогах. Быстро и безболезненно.

После этого психологи интерната отчего-то сильно забеспокоились о его будущем, хоть Лютый, тогда еще именуемый Нестором, очень ясно объяснил, зачем так сделал.

Чтобы уберечь воспитанника от кривой дороги и подавить асоциальные порывы, усмотренные в этом поступке, психолог настоятельно порекомендовала воспитателям привить мальчику любовь к спорту. А так как, благодаря близости гор и горнолыжных комплексов, у интерната имелся доступ к хорошим тренировочным базам, Лютому в какой-то степени повезло. Он попал к хорошему тренеру, и получил в результате занятие, которое его успокаивало и помогало унять шуршание воздуха и бурление внутри всего того, что досталось по наследству. Биатлон захватил его. С раннего детства привычный к длинным и изнуряющим блужданиям по лесу, он хорошо переносил нагрузку. А тот миг, когда следовало отрешиться от всего, чтобы попасть в цель, оставшись один на один с оружием и прицелом – научил отстраняться. Овладеть собой. Развить зачатки контроля над собственными порывами и силами, которые никто вокруг не желал признавать реальными.

Он долго занимался. Восемь лет. И стал хорошим биатлонистом. Даже мог попасть в сборную. Но приближалось его совершеннолетие, а армии люди с такими умениями в тот момент оказались нужнее.

Но и за все эти годы, проведенные в интернате, сосредоточенные на биатлоне, за последующие изнурительные тренировки в спецназе и службу, он так же не получил ничего «своего», кроме умений и выносливости, пожалуй. И контроля. Совершенного контроля над собой.

Потом, выбрав себе такой способ зарабатывания на жизнь, не без помощи бывших сослуживцев, он вроде бы приобретал какие-то вещи. Ту же квартиру в Киеве. Этот дом. Но спокойно, рассудочно и обдуманно.

Однако иногда его охватывало это дикое, примитивное желание что-то заполучить. Только свое. Только для него. Так было с этим ножом. Красным и аляповатым, непохожим на привычное Лютому оружие. словно игрушка, которых он в детстве не знал.

Спрятав нож в карман, Лютый поднял глаза, внимательно глядя на Ингу. Уставшую, истощенную, измученную. С красными глазами, еще сохранившими следы слез. Все еще в его шапке. В двух кофтах. Похоже, все еще мерзнущую, хоть воздух в доме стал прогреваться от печи.

Вот так же он хотел ее, вдруг понял Лютый. Как тот нож. Только для себя. Чтоб принадлежало только ему.

«И кто сказал, что он не может себе позволить такой подарок?», подумал он, вдыхая запах прелой листвы карпатских лесов полной грудью. «В конце концов, он сохранил ей жизнь. Значит, это уже его», понял Лютый очевидное.

Тишина в доме вдруг стала какой-то острой и звенящей. Затаившейся. Словно окружившей Ингу, наблюдающей за ней. Но по-новому, не так, как все эти дни. А Лютый все еще молчал. И смотрел на нее, похоже, не придавая никакого значения тому, что Инге не комфортно от такого пристального и непонятного для нее внимания.

Почему-то именно сейчас, после мутной дремы, ощущая покалывание и боль в отекавших после распаривания пальцах, она отчетливо осознала, как устала. И что выглядит, вероятно, как самая последняя бродяжка. Чуть ли не впервые за все эти дни, захотелось закурить, хотя после первой ночи в этом доме она даже не вспоминала о сигаретах. А сейчас, ощущая себя как-то растерянно, вдруг вспомнила. Впрочем, Инга так устала, что дальше мысли данное желание не пошло.

Наверное, надо было идти и лечь, нормально выспаться. Дальше сидеть под этим взглядом не было сил. А узнавать о том, имел ли он какие-то планы, даже в голову не пришло. Сама мысль о том, что можно спокойно поспать, пока Лютый будет «охранять» ее сон от этого дома казалась такой заманчивой, что ничего другого не хотелось.

Настроенная воплотить этот план в жизнь, Инга резко поднялась со стула. И только сейчас подумала, что стоило бы отступить перед этим в сторону. Потому как Лютый с места не двинулся: то ли не понял ее порыва, то ли не считал своей проблемой. И Инга оказалась чуть ли не впрыток к нему. Да еще и, растерявшись от такого положения, зачем-то подняла голову, оказавшись с Лютым лицом к лицу. Вернее сказать, нос к носу, потому как и Лютый наклонил голову, видимо следя за ее перемещением.

Глаза у него были не только нереально синие, но и такие глубокие. И по странному темные в этой глубине, ей даже зябко стало. Она в них словно провалилась. И падала. А дна не было. Вообще. Инге казалось, что с каждым мгновением этого падения, она все больше теряется. И в тоже время, словно распахивается вся, открывает то, что никому показать не хотела бы. А этот мужчина – видит все: ее тайны, надежды, страхи. Даже самые глубокие. Все о ней знает.

Мужчина.

Странно. Она впервые так его восприняла. Не как человека, посягнувшего на ее жизнь, убившего Мишу. Не как «Этого», который ужасно разозлил Ингу. Даже не как того, кто остался последней ее надеждой и связующей ниточкой с остальной жизнью. А именно, как мужчину. Полностью осознавая, что она – женщина.

Непонятно почему. Может оттого, что он позаботился о ней. Согрел. Сделал куда больше того, чего оказалось бы достаточно в рамках просьбы Карины Соболевой. Непривычно и нестандартно. Жестко и причинив боль. Но все же позаботился. И из-за этого, что-то дрогнуло у Инги внутри, породив какую-то слабую и болезненно мучительную дрожь перед этим мужчиной.

Быть может, то был внутренний и древний инстинкт потребности в защите более сильного человеческого существа. Того, которое станет опорой, закроет собой и защитит от чего бы то ни было, пусть и не за просто так? Может быть, нечто иное, еще более глубокое и примитивное, связавшее их этими взглядами и разливающимся по притихшему дому теплом?

Она не знала. Но вдруг очень ясно осознала, что впервые видит то, что притаилось и клубится во взгляде Лютого – это же самое понимание. Мысль и осознание, которому он не

рад, на которое очень и очень близко к мыслям, оккупировавшим сознание Инги. И в этот момент, кажется, и он отчетливо видел, о чем она думает.

Вдруг, совершенно шокировав и дезориентировав ее, несмотря на все эти догадки, Лютый глубоко и жадно втянул в себя воздух и резко наклонил голову. Она почувствовала его кожу: сухую, шершавую и горячую.

Дрожь в позвоночнике замерла, остановившись на уровне груди. Воздух вокруг застыл. И она сама ощутила себя извоянием. До боли живым, но абсолютно лишенным возможности двигаться. Даже дышать.

Непонятно. Ее будто притягивало к нему. К его решениям и мыслям. Словно нечто подталкивало Ингу оказаться еще ближе, не давая его разумной части вмешаться и оспорить принятое нутром и силой решение.

Что заставило Ингу подняться именно сейчас? Почему так? Впритык к нему. И с какого вдруг испуга, она так смотрит ему в глаза. Будто чувствует то, что бушует в Лютом. Позволяет ему еще полнее заглянуть внутрь себя, усиливая искушение. Делая желание владеть ею непобедимым.

И он поддался, заглянув в ее распахнувшиеся глаза так, чтобы понять суть стоящей перед ним женщины.

Воздух уже не шуршал, он раскаленно потрескивал и жег его кожу, нос, легкие. А Лютому, несмотря на это, хотелось вдохнуть еще глубже. Втянуть в себя ее запах так, как дикие звери нюхают запахи в лесу, чтобы все ощутить, каждый нюанс прочувствовать. Услышать ток крови под этой раскрасневшейся кожей, и ощутить ее пульс. А потом под себя подстроить, подчинить своему ритму, своей силе. Всю эту женщину, которая уже дважды настолько доверялась ему, что засыпала в присутствии Лютого. И может, первый раз это было проявлением стресса, он допускал. Но вот сегодня – все происходило иначе.

И да, факт, что он чувствовал, обонял ее запах: чисто женский, тонкий, но настолько насыщенный, что этот аромат проник в его кровь, пропитался через легкие. И сейчас, казалось, струился по мышцам, заставляя их напрягаться, словно бы во время угрозы. Но все же иначе. Не столько настороженно. Алчно.

Он наклонился, еще глубже погружаясь в этот аромат, наслаждаясь растерянным и сбившимся стуком пульса Инги. Ему хотелось ее проглотить. Буквально. Впитаться зубами в эту кожу, в это тело. Чтобы прочувствовать ее каждой своей клеткой, каждый нерв напитать ощущением этой женщины. Его руки практически зудели от желания снова дотронуться до ее кожи, сжать затылок, пройти по шее. Дернуть, развернуть к себе спиной, и прижаться лицом к ямке на затылке. Он помнил, как нащупал ее пальцами. И появилось какое-то невыраженное сожаление, что Инга все же полностью остригла волосы, сейчас их удобно было бы намотать на пальцы, не позволяя ей отодвинуться.

Он впервые испытывал что-то подобное. Впервые ощущал настолько ярко и сильно. Это не отменяло тот факт, что он знал вероятный итог подобного желания.

И та крохотная разумная часть, которая все же осталась в голове, встревоженно велела ему отойти.

Он так и сделал. Несмотря на принятое решение взять Ингу себе, Лютый не собирался обрушиваться в пучину безумия страстей, подобно собственной матери. Он посвятил достаточно времени самоконтролю, чтобы и тут не потерять управление.

Все, что всегда сопровождало и окружало его, все, что он пытался вытолкнуть из

самого себя и сознания, недовольно и раздраженно рыкнуло. Лютый проигнорировал.

Инга вздрогнула, стоило ему отступить. Моргнула и откашлялась, словно бы у нее снова село горло. Передернула плечами.

– Я... я пойду, лягу, – тихо и хрипло проговорила она, вперив взгляд в пол.

Он передернул плечами, хоть Инга и не смотрела. В отдыхе Инга нуждалась, тут и спорить не о чем. И молча отвернулся, убирая остатки мыла, миску и вату. Лютый, и не глядя знал, куда она двинулась и как сутулится, словно опять замерзла.

Собрав все, он отставил вещи на подоконник в ванной. А потом решил принести еще воды. Ей надо будет поесть что-то нормальное. И горячее. Лютый любил, чтобы все принадлежащее ему, первоклассно функционировало. И тщательно заботился о том немногом, что считал своим. Теперь и об Инге.

Однако не успел он дойти до входной двери, как эта женщина, уже вроде бы зайдя в спальню, застыла, прекратив любое движение, что насторожило Лютого, а потом резко и стремительно направилась к нему.

– Ты уезжаешь? Подожди! – сумев его удивить, она очень быстро оказалась рядом, несмотря на свое состояние.

Чуть ли не подскочив к Лютому, она ухватила его руку. Сама.

Он не двинулся с места. Не потому, что Инга крепко держала. Лютому стало интересно, что же спровоцировало ее на такие действия.

– Не уходи. – Инга подняла голову и решительно посмотрела ему в глаза. Только он видел там и отчаяние, которого раньше не было. – Останься. Помоги мне, – вдруг попросила она. – Знаю, что этого не было в твоих планах. И вероятно, ты не об этом договаривался с Боруцким, или Соболевым. – Она тяжело выдохнула с хорошо слышимой нервозностью. – Я, вообще, не знаю, о чем вы говорили. – Он ощутил подергивание пальцев, все еще сжимающих его руку. – Я заплачу. Может, у меня и не так много денег, и я не знаю, сколько ты обычно берешь за работу. Но я найду деньги. Видно, я слишком слаба, чтобы самостоятельно выжить...

– Ты сильная.

Это не было комплиментом с его стороны. И не звучало так. Простая констатация данного факта.

Только вот Инга, очевидно, расценила его замечание буквально приговором для себя. Глянув чуть ли не затравленно, она крепче сжала его руку.

– Я все отдам, серьезно, любая сумма, я найду...

– Мне не нужны деньги, – медленно и с расстановкой произнес Лютый, перехватив ее руку.

Теперь он держал Ингу. И размышлял о том, что это может оказаться самым лучшим раскладом. Ее добровольное согласие. То, что поможет ему сохранить контроль над собой.

Он мог просто заставить ее. У Инги не хватило бы силы сопротивляться.

Мог пойти по дорожке, проторенной матерью, и сделать приворот – Инга сама не смогла бы сопротивляться, не захотела бы бороться с собственной тягой.

Но оба эти пути означали бы крах Лютого во всем том, чего он так долго и упорно добивался. А Лютый не любил проигрывать. И не проигрывал. Даже себе самому.

Пока он взвешивал все эти возможности, Инга растерянно смотрела в его глаза, навряд ли осознавая, какие именно мысли в тех скрываются. Но эта женщина сумела достаточно быстро взять себя в руки.

– Я не обладаю какими-то серьезными связями, хоть могло показаться и иначе, – она искривила потрескавшиеся губы, видимо, имитируя усмешку. – И не имею особого влияния. Но я готова оказать тебе любую помощь взамен, любую услугу...

– Ты, – вновь прервав Ингу, Лютый крепче сжал ее руку. – Я возьму тебя.

Она так и застыла с полуоткрытым ртом, глядя на него. Моргнула раз, другой. Прерывисто и напряженно втянула в себя воздух. И вдруг всем телом задрожала мелкой дрожью. Не от страха, он не видел того в глазах Инги. Вероятно, от непонимания его мотивов и все от той же растерянности.

– То есть? – наконец, ничего не понимая, сумела выдавить из себя Инга. – Меня? Зачем? В каком смысле?

Он хочет от нее секса?

Серьезно? Она искренне сомневалась, что сейчас представляет собой желанную для какого-либо мужчины женщину. Разве что, для какого-нибудь бродяжки. Да и абсурдным ей показался вариант, будто бы Лютый воспылал к ней страстью. Честно говоря, более хладнокровного и невозмутимого человека она в жизни еще не встречала, чтобы не происходило. Правда, не могла не признать Инга, когда-то и Миша так думал о ней. И ошибался.

Но здесь-то все иначе. Пусть Лютый и не выглядел сногшибательно, она не сомневалась, что этот мужчина не испытывает недостатка и возможностей найти себе женщину для секса. Так зачем ему она?

А если, все же, для этого, готова ли Инга заплатить такую цену за его помощь?

– Ты просишь помощи. Денег у меня достаточно. Тебя – нет, – отрывисто «пояснил» он так, словно тут и говорить не о чем. Таким тоном, будто в магазине просил подать «вон, тот пиджак».

– Я не понимаю, – с отчаянием призналась Инга, так и не уловив сути.

– Я забочусь только о том, что принадлежит мне, – произнес Лютый.

И больше ничего не добавил. А Инга все еще не нашлась с ответом.

Видя это, очевидно, он пожал плечами и повернулся обратно к двери, отпустив ее руку.

– Стой!

Весь тот страх, отчаяние и потерянности, что и заставили Ингу броситься сюда, позабыв об усталости, стоило ей увидеть, как он уходит, взметнулись в ней с новой силой. Забились, заметались внутри ее души и разума. Показалось, что глупо думать о сомнительной ценности своей не девственной чести, когда на кону жизнь. Даже если он пожелает именно этого. И та алогичная уверенность, что без этого мужчины – ей не выжить, вынудила вновь схватиться за него:

– Хорошо. Я согласна, – не имея ни малейшего представления о том, на что подписывается, прохрипела Инга.

Он повернул в ее сторону голову. Кивнул.

– Ты – моё, – серьезно и как-то веско «резюмировал» он. А потом мотнул головой в бок спальни. – Иди. Спи.

Инга растерлась окончательно. «Моё». Это звучало так странно, словно бы он о ведре или о пальто говорил. И что теперь?

Чего он ждет? Нет. Она не ждала, что он тут же на нее набросится. Честно говоря, она вообще не знала, чего ей ждать.

– Спать? – зачем-то переспросила она все тем же осипшим голосом.

Лютый опять кивнул, все еще не разворачиваясь к ней полностью.

– Спи. Иначе будет истощение.

После этого он все-таки вышел из дома, так спокойно освободившись от захвата ее руки, словно того и не было.

А сама Инга послушно пошла спать. Все равно, удостоверившись, что больше не останется одна, она ощутила настолько глубокое опустошение, что больше ничего и не хотела. И едва легла на покрывало, даже не укрывшись, мгновенно уснула. Отчего-то уверенная: теперь дом ничего не сможет ей сделать.

Набрав еще воды, Лютый вернулся. Инга уже спала глубоким сном. Это давало ему возможность обдумать свои поступки и действовать хоть немного рационально.

Нет, он не планировал говорить ей, что и не думал уезжать. Ее испуг сыграл ему на руку. Однако Лютому и кроме этого было о чем подумать. Внешний вид этой женщины, которая теперь принадлежала ему, был жалок. Это не умаляло его тяги, не имеющей никакого отношения к ее внешности. Но теперь это являлось его проблемой.

Учитывая то, что она ела в последнее время – Ингу надо будет накормить, как только она проснется. И накормить чем-то, что не добьет ее организм после практически недели голодовки. У него с собой не имелось ничего пригодного для такого. Значит, надо было ехать в ближайший поселок, о котором он рассказывал Инге ранее, чтобы приобрести необходимые продукты.

Проснувшись она через несколько часов. Сколько времени прошло точно, Инга понятия не имела, но так как за окнами уже смеркалось, наверняка, проспала немало. Да и чувствовала она себя куда бодрее, чем в последние дни. А еще – безумно захотелось есть. Она ощущала просто дикий голод. Вероятно потому, что по всему дому стоял запах мясного бульона. И Инга не могла им надышаться, чувствуя, как рот наполняется слюной.

Растирая лицо, чтобы прогнать остатки сна окончательно, она поднялась и с какой-то неуверенностью вышла в коридор. Инга все еще не поняла, что теперь должна делать и чего ждет от нее этот странный мужчина. Но сейчас и это отодвинулось на второй план.

Лютый сидел на небольшой табуретке, стоящей прямо у грубы. Откинулся на нее спиной, может грелся, и закрыл глаза, будто бы спал. Но стоило ей появиться в коридоре, как он открыл глаза, глянул на нее и встал.

– Иди. Ешь, – велел Лютый.

Он что-то достал из печи, и Инга с удивлением увидела в его руках кастрюлю, из которой, по-видимому, и распространялся этот божественный запах. Это он приготовил? Инга поразились еще больше.

И пока она, все еще чувствуя себя безумно неловко, усаживалась на стул, на который Лютый указал ей кивком головы, он достал откуда-то старую, выщербленную глиняную тарелку и наполнил ее супом, достаточно густым, полным какой-то зелени. Еще она с удивлением заметила там кусочки вареного яйца, ну и мясо. Что это такое она точно не знала, и только после первой ложки, ощутив свежий, остро-кисловатый привкус, смутно предположила, что это вариация на тему «зеленого борща». На ее вкус (о чем благоразумно промолчала), Инга добавила бы соли. Но даже так – блюдо показалось ей нереально вкусным. Оттого она с непониманием подняла глаза на Лютого, который вдруг резко

перехватил ее руку и крепко сжал своими пальцами. Почему он не позволял ей есть, если Инге так хотелось?

Но вслух она так и не спросила. Просто смотрела на него с этим непониманием.

Лицо Лютого как-то так изменилось, словно он испытывал раздражение. Или вроде того.

– Нельзя так быстро. Ты ничего не ела почти неделю. Медленней, – явно через силу выдал из себя.

– Понятно. Спасибо, – в свою очередь пробормотала Инга, про себя порадовавшись, что он хоть не забрал еду, объясняя свои действия.

Лютый, в который раз впрочем, проигнорировал ее благодарность. Еще пару секунд держал ее за руку. А когда отпустил, смотрел настолько пристально за каждым движением Инги, что она и при всем голоде, с трудом заставляла себя глотать.

Наконец, с супом было покончено. Хотя Инга не отказалась бы от добавки. Однако, по виду Лютого, она «догадалась», что на это не приходится рассчитывать. Отодвинула пустую тарелку и с некоторой тоской глянув в сторону кастрюли, тихо вздохнула.

– Позже. Потом я дам еще.

Очевидно, он не пропустил ее взгляд.

Инга неловко кивнула, переплетя пальцы.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила она, не зная, чем еще заполнить паузу.

Лютый стремительно поднялся и отошел к грубе.

– Не надо, – резко бросил он своим низким и хриплым голосом. – Мне не нужна твоя благодарность.

Бог знает отчего, но Инге вдруг показалось, что это неплохой момент для выяснения:

– А что надо? – не очень уверенно уточнила она, подняв голову.

Лютый какое-то время помолчал. Он, вообще, никогда не торопился со словами, она уже заметила это. После чего очень медленно и как-то напряженно повернулся к ней. И посмотрел на Ингу. Посмотрел так, что у нее в горле пересохло. И снова послышалось в воздухе то неясное и неразборчивое шептание, которое преследовало ее в этом доме всю неделю. Но Инге сейчас стало не до того.

Потому что она впервые видела такое в глазах этого мужчины. Там не было ни непроницаемости, ни холода, ни отстраненности, ни разума. Там была та самая бездонная прорва, которую Инга видела несколько часов назад. Темная, непроглядная, безумная и при этом – эта бездна «пылала». Взгляд Лютого «тлел» так, что она кожей ощущала его палящее внимание.

Так же медленно, как повернулся, Лютый двинулся в ее сторону. Три шага. Почему-то в напряжении, окутавшем их, она замечала любое движение: как он чуть наклонился, перенес вес на опорную ногу, как сдвинулась кожа на его скулах от того, что Лютый с силой стиснул челюсти. И как медленно, плавно моргнул. Но при этом, даже то, что на долю секунды она потеряла контакт с его глазами, его взгляд «не отпустил» Ингу. Она не могла двинуться, так и застыв на табурете. И ответ ей уже не был нужен. Она прочитала тот в темном взгляде Лютого так ясно, словно бы он вслух, хрипло и низко, в такой характерной для него рубленой манере произнес: «Ты.Ты надо»

Он этого не сказал, но Инга все равно «услышала».

Это заняло лишь пару мгновений, несмотря на его неторопливость. И Лютый уже оказался впритык. А его крупные, шершавые пальцы легли на ее щеку. Надавили, подняли лицо Инги, заставив продолжать смотреть прямо в глаза. И она «прочитала» там ответ и на свой следующий вопрос. Эти невысказанные слова растеклись по ее коже: и обжигая, и заставляя дрожать от страха. Сбегая струйками «гусиной кожи» следом за пальцами Лютого, которые уже спустились на ее шею, чуть прижали, а потом сомкнулись так, что затылок Инги оказался в захвате.

Он хотел от нее секса. Определенно. А может, даже что-то большее, чем просто секс. Причем хотел настолько сильно, что она даже осмыслить не могла то, что видела в его глазах.

Инга понятия не имела, когда и чем сумела вызвать в этом мужчине настолько бешеное желание, которое сейчас бушевало в синих глазах. Ей даже страшно стало. По-настоящему. Только поздно. И бояться. И делать вид, будто не понимает ничего. И недотрогу строить поздно. Он четко сказал, что хочет в оплату за свою помощь. Она согласилась заплатить любую цену. Именно потому она, не сопротивляясь, поднялась, когда рука Лютого, похоже, удобно устроившаяся на ее затылке, потянула Ингу вверх.

Инга знала, что и он увидел в ее глазах – она все поняла. И остался этим доволен. Видел ли он ее страх? Вероятно, да. Но насколько его это интересовало? Инга сомневалась, что сильно.

Она полностью выпрямилась, понимая: стоит к нему так же близко, как и днем.

Лютый, так ни слова и не сказав, и не отпустив ее затылок, протянул вторую руку и провел по лицу Инги с другой стороны. И ей бы даже в голову не пришло заявить, будто бы это прикосновение напоминало ласку. Он не гладил и не ласкал. Он словно бы изучал, пробовал ее на ощупь. А сам при этом, продолжал смотреть в ее глаза. И Инге нечего было противопоставить этому взгляду. Может и хотела бы показаться безразличной, сумела бы отстраниться от происходящего, ведь не девочка уже, и понимает, чего от нее хотят. И смысла нет по этому поводу так напрягаться и бояться. Сделка, она и в Африке сделка. И пусть раньше ей не приходилось оплачивать какие-либо договора своим телом, это куда лучше, чем если это самое тело будут медленно пожирать черви и процессы разложения, как ни крути. Так что надо бы отнестись проще. Но Инга не могла, он не давал ей пары секунд, чтобы загнать это осознание куда-то внутрь разума. Его взгляд «удерживал» сознание Инги тут, в самой сути происходящего.

А проблема состояла в том, что она не была настолько опытной, чтобы просто

«пропустить» это мимо. Кроме Миши, у нее был всего один «роман». Еще до каких-либо отношений с мужем, неудачный первый опыт на стандартной студенческой вечеринке. Казалось, что влюбилась по уши, так что руки дрожали и в горле сердце колотилось. А когда этот объект любви неземной стал на ней пьяно дергаться и дышать в лицо перегаром – любовь куда-то выветрилась, и осталась лишь брезгливость, да не особо приятные, даже болезненные ощущения.

После Миши у нее не было отношений. Не потому, что она пыталась хранить верность своему «официальному» мужу, упорно не желающему окончательно оформить развод, потому как партийное руководство не считало то время благоприятным моментом. Просто смысла не видела в «сексе, ради секса», не тот уже возраст, чтобы такое было интересно. Хотелось чего-то большего, чтоб для души и отношений человек встретился, чтоб понимал и поддерживал, чтоб рассчитывать на кого-то можно было, а не на себе все тянуть. Просто, чтоб рядом был тот, кто самым близким станет.

Но сейчас, определенно, речь шла не об этом. Потому и не могла Инга просто «не реагировать», напряженно застыла, как кролик перед волком под этим взглядом Лютого, и настороженно ждала дальнейшего развития.

А вот сам он не ждал ничего и никого. Не останавливаясь, его пальцы скользнули дальше, вбок и вверх, задев ее скулу, мочку уха, которую Лютый зачем-то несильно прижал, зажав между двумя пальцами. Инга вздрогнула: ей не было больно, просто она вся напряглась, как взведенная пружина и никак не могла овладеть собой.

Он на мгновение замер, то ли пережидая, то ли впитывая эту дрожь своей ладонью. И провел рукой выше, снимая с ее головы шапку, с которой Инга не расставалась последнюю неделю. Кожи головы коснулся воздух, прохладный по сравнению с теплом шерсти. И тут же его прогнало горячее и грубоватое касание ладони Лютого, когда он провел рукой по ее короткому и неравномерному темному «ежику» волос. Теперь он держал ее голову двумя руками: одной фиксируя затылок, а второй обхватив макушку и висок.

Тесно, горячо, без всякого шанса на освобождение.

Она не могла двинуться и, испытывая страх, как ни старалась тот подавить, покорно застыла, глядя Лютому в глаза.

Он тоже застыл. Прекратил любое движение. Инга даже не видела: дышит ли он? Казалось, что вся сущность этого мужчины сейчас перетекла в эти глаза, в этот взгляд, лишаящий ее воли и осознания себя.

И вот тут вся неспешность и медлительность событий кончилась, сменившись такой стремительностью, что она не могла уже о чем-то думать и осмысливать. И воздух вокруг наполнился такими непонятными звуками, каким-то настолько глубоким и тихим шепотом, что легче было притвориться, что ничего не слышишь, нежели стараться что-то понять.

Лютый вдруг с силой дернул ее на себя, при этом продолжая поддерживать Ингу, так что это движение не вызвало дискомфорта, и она оказалась прижатой к нему. Распластанной на твердом теле мужчины.

Не удержавшись, Инга с тихим настороженным вскриком выдохнула от этого столкновения их тел.

А он с глубоким и шумным вдохом (настолько сильным, что она слышала, как Лютый втягивает воздух), оттянув ворот ее водолазки книзу пальцем, неожиданно для Инги всем лицом прижался к ее шее сбоку, к ямке за ухом, к затылку.

Не справившись с испугом и неожиданностью, с какой-то пугающей жадностью, с

которой его руки вдруг сжались на ее теле, Инга задрожала. Одна из его ладоней давящим движением опустилась вниз, отпустив ее голову, и Инга поняла, что участь шапки вот-вот постигнет и кофту. Треск «молнии» показался оглушающе-громким. Он перекрыл даже то шуршание, которое их окружало. И, несмотря на то, что под кофтой на ней имелась еще водолазка и майка, хоть он еще не коснулся ее тела, Инга ощутила себя так, будто бы пали последние бастионы, отделяющие от Лютого. И теперь она действительно принадлежит ему целиком и полностью.

Ужасающее чувство. Дикое и примитивное. Лишающее ее любой свободы.

Она не была швейцарским ножиком. Факт.

Пожалуй, это оказалось последней обдуманной и связной его мыслью, после ее вопроса: «А что надо?», прозвучавшего так некстати. Потому что в ответ на него, внутри Нестора разгорелась потребность такой силы, которой он никогда не испытывал до этого. Он перестал быть собой, тем человеком, которого создал своим трудом и усилиями за все последние годы. Он не был больше Лютым. Он снова стал Нестором, тем пацаном, у которого ничего не было, который не мог получить ничего, иначе как выдрав у кого-то, украв, отвоевав.

Шизофрения? Не факт. Но возможно...

Однако обдумать эту мысль он уже был не в состоянии.

На самом деле, вдруг понял Нестор, он хотел Ингу так, как ничего в жизни еще не хотел. Эта потребность рвала ему вены и вспарывала грудную клетку. Потому что не только в физическом желании было дело. Хотя и сексуально она возбуждала его так, как он ранее не знал. Он, в принципе, никогда особо не заикливался на сексе. Тот же биатлон или возможность увлекательной «охоты» во время заказа разжигала в нем зачастую куда более сильный азарт и пик ощущений, нежели физиологический акт секса. Он воспринимал эту потребность своего тела как периодическую необходимость, как некое расслабление, сброс напряжения. И не испытывал подобного желания к тем, кого обычно выбирал, чтобы снять это напряжение, накопившееся в паху.

Сейчас его пах пылал. Да. Он ненормально сильно желал погрузить себя в это тело.

И в этом было отличие. Он хотел бы весь в нее погрузиться, а не только членом. Вот то желание проглотить ее, сделать частью себе, оно буквально взорвалось в Несторе, набухало и росло. Не в тазу или мошонке. В голове. В грудной клетке. Разрасталось черной воронкой пустоты, требующей наполненности. Жертвы, которая сможет эту пустоту притупить. Инги.

Его мышцы дрожали от этой потребности, пальцы сводило судорогой, когда он сомкнул их на ее коже. Сильно. Жадно. Ощущая, как внутри все горит, пульсирует тем самым определением, которое он уже однажды произнес: «Моё»!

Эта кожа, эти колючие обритые волосы. Даже эти перепуганные карие глаза и обострившиеся из-за недоедания скулы – его они. Ему принадлежат! И запах. Аромат ее крови, просачивающийся через покрасневшую от жара кожу. Аромат ее сути – все было его! И он не мог им надышаться. С силой прижался лицом к коже Инги, распахнутым ртом придавил, дышал ее кожей – но ему не хватало. Внутри словно зародился настырный, раздражающий сущность зуд, который нарастал вместе с этой потребностью и жаждой, спаивался с ней. Этот зуд раздражал, вызывал желание разодрать на себе кожу, чтобы еще больше суметь впитать в себя Ингу, чтобы свои сосуды ею наполнить, ощутить, как она

разрывает ему аорту. Казалось, только так он сумеет унять эту скребущую, царапающую его изнутри нужду.

Больше. Еще больше. Сильнее и глубже протолкнуть ее внутрь себя, или себя в сущность Инги. Не столько во влагище. В мозг. В душу. В любое доступное для него место погружение, куда Нестор только сумеет.

Воздух вокруг него шелестел, но Нестор не обращал внимания на это. Как и на собственный пульс, барабнящий по мозгу с бешеной частотой. Все стало второстепенным, кроме необходимости унять это желание, погасить этот зуд. А запах Инги сумел перекрыть даже прелый аромат карпатских лесов, преследовавший его последнюю неделю. Потому все стало вторичным и неважным, кроме того, что он сейчас сжимал в руках.

Однако ему слишком сильно мешала ее одежда. Уже избавив Ингу от шапки, ощутив рукой колюче-шелковое касание ее волос, он хотел большего. Должен был коснуться кожи в основании шеи, сжать голые плечи. И всем телом прижать голую Ингу к себе. Самому раздеться.

Потому Нестор с силой дернул застежку-молнию на ее кофте. Инга задрожала. Из-за того, как крепко он ее держал, не ощутить эту дрожь было нереально. Впрочем, он и так очень чутко ощущал все изменения в ней. И страх ее буквально осязал.

Нестор не стремился к этому. Он никогда испытывал удовольствия от боли или истязаний. К тому же, слишком четко и ярко врезались в его память воспоминания детства, и лицо матери, так часто изувеченное ударами. Он женщин не бил. Никогда. Правда, и не особо интересовался, что они испытывают, когда он свое «напряжение» снимает. Данный вопрос его в принципе не интересовал. Но Инга принадлежала ему. Он не хотел ее страха. Впрочем, Нестор не сомневался: она и сама это поймет. И успокоится. Потому, сбросив ее кофту на пол, он через голову стянул с Инги водолазку, которая чересчур мешала, закрывая слишком много кожи его женщины. Следом полетела и спортивная майка.

Ее кожа покрылась пупырышками.

Она сильно мерзла все эти дни, факт. Теперь ей подобное не угрожает.

Он снова прижался ртом к ее коже. Теперь к ключице.

Мало. Все равно мало. Зуд внутри не утихал, только становился сильнее. И жадность. Жадность к этой женщине разгоралась в нем все жарче. Чтобы ее утолить не хватало этих прикосновений.

Отпустив затылок Инги, почему-то уверенный, что она не убежит, он провел по ее шее вниз, повторяя путь своего рта. Глубоко втягивая в себя воздух, и все равно ощущая, что запаха мало. На какую-то долю секунды внутри вспыхнуло совсем дикое желание укусить эту кожу. Укусить сильно, до крови, и слизать этот вкус. Но Нестор не был уверен, что и этого оказалось бы достаточно. Потому только сильнее втягивал горячую кожу в свой рот, сжимая губами. Пальцами добрался до груди, округлой, не полной, с небольшими коричневыми сосками, которые сжались. То ли от холода, то ли от страха. Зная, что переступает грань, он действительно приложил усилия, добравшись сюда. Чтобы не преступить черту боли. И сохраняя этот контроль, стиснул пальцы так сильно, как только мог себе это позволить.

Инга всхлипнула. Она все это время напряженно и поверхностно дышала, словно бы у нее не хватало сил нормально вдохнуть. И сейчас ей это не удалось. Однако Нестор контролировал биение пульса Инги и знал, что ей ничего не угрожает. Второй рукой он уже ослабил пояс ее спортивных брюк, и стягивал их вниз коленом.

Ему хотелось все больше. Зуд вибрировал внутри, добрался до мозга, опалая его нутро. Пытаясь хоть как-то унять это ощущение, Нестор впился ртом в грудь Инги, алчно сжал губами напряженный сосок, придавил языком. Но и этого не было достаточно.

Она не сопротивлялась. Ничем не пыталась мешать ему, но в какой-то момент Нестор ощутил, как у Инги подкашиваются ноги. Он не хотел, чтобы она упала. Подхватив Ингу под ягодицы, он толкнул ее в сторону стола, за которым они только что сидели, сгребая тарелки в сторону. Сдернул с нее белье, бросив под ноги. Стащил свой свитер, удостоверившись, что Инга надежно уперлась в стол ладонями.

Спиной. Она оказалась к нему спиной. Хорошо.

Хотя, он хотел всего от этой женщины. Всего, что мог взять. И больше. Он хотел ее рот. Чуть более широкий, чем казался бы уместным на теперь худошавом лице. Хотел эти потрескавшиеся губы. Он обязательно возьмет ее и так, погружаясь членом так глубоко, чтоб только оставить ей возможность делать рваные вдохи. Обязательно. Но ладно. Потом. В этот момент тот зуд его потребности и жадность пылали в нем настолько сильно, что не хватало сил размениваться и растягиваться. Он должен был немедленно это все утолить. Унять. Вернуть хоть какое-то подобие контроля, избавляясь от рева в ушах.

Рванув свои джинсы, он прижал рукой плечи Инги. Не потому, что она пыталась встать. Он нуждался в том, чтобы ее держать. Прижался бедрами к ее бедрам, ощущая горячую и сухую промежность, распахнувшуюся перед ним из-за положения, в которое он ее поставил. Протянул ладонь к своему лицу, чтобы плюнуть и смочить слюной ее кожу, уберегая от лишних повреждений. И замер, соблазненный неожиданной мыслью – он еще мог взять частицу ее рта.

Нестор резко наклонился, почти покрыв Ингу своим телом, обхватил ее щеки ладонью, испытывая настоящее удовольствие от касания ее коротких, надрывных вздохов. Он мог бы провести сутки так, просто держа ладонь на ее щеках и ощущая ее дыхание, вдруг понял Нестор. И обязательно сделает это.

Но тоже не сейчас. Позже, когда уймёт раздирающий его изнутри зуд обладания. Потому он только надавил двумя пальцами на ее губы, чувствуя их шершавость, без слов требуя, чтобы она перед ним открылась. Инга поняла. Это было в ее же интересах – помочь ему. Впрочем, он ощущал и напряжение, которое не отпускало ее. Однако она послушно открыла свой рот, позволяя Нестору погрузить пальцы в его влажное тепло.

Его член буквально пульсировал, толкался, пытаясь проникнуть в тело Инги так же, как удалось пальцам. Никто не собирался это оттягивать.

– Оближи, – велел он, почувствовав, как Инга вздрогнула сильнее от его голоса, который в этот момент почти скрежетал.

Прошло мгновение. Ее язык скользнул по его пальцам. Вверх-вниз, вверх-вниз. Без какого-либо искушения, выполняя его волю. Нестор не сдержался, рыкнул от того, насколько это распалило его. Навалился сильнее, вдавив ее тело в стол.

Ничего не хватало! То, что раздирало его изнутри, та пустота, которая требовала все больше и больше Инги. Все это не становилось ни на йоту меньше! Росло.

Его пальцы уже были мокрыми и немного слизкими. Достаточно. Пока достаточно.

Уже не отрываясь от нее, не желая терять такой обширный контакт с ее кожей, он опустил мокрую от ее слюны ладонь и сжал свой член, размазывая влагу по набухшей головке. Резко, вдавливая, осознавая, что его охватывает какое-то исступление. Но контроля больше не было, а сущность Нестора и его силу такое положение дел только

радовало. И, наконец, понимая, что может просто не выдержать, он с нажимом провел еще влажными пальцами по ее складкам.

Все. Он себя отпустил.

Нестор рывком, мощным движением погрузился в ее влагище, растягивая и напирая, не позволяя ей сжаться. Впился ртом в кожу на затылке Инги. Придавил ладонью ее плечо, чтобы Инге даже в голову не пришло двинуться. И снова зарычал. Громче. Просо не мог удержать внутри все, что рвануло, бухнуло в грудь, в голову с этим его движением. Горячим. Алчным. Полным. Тесным.

Инга охнула под них, глухо ойкнула, дернув бедрами. Не пытаясь вырваться, а словно подстраиваясь. Он замер, не собираясь усложнять это для нее. Но уже в следующую секунду, ощутив, что женское тело немного расслабилось, погрузился еще глубже.

Нестор горел, взрывался разумом, и в тоже время продолжал ощущать это ужасающее чувство зудящей пустоты, воронкой закручивающейся у него в груди и в животе. Больше. Надо было двигаться сильнее, чаще, больше. Быстрее достичь того пика, который обязательно пригасит эту остроту потребности. Не может не пригасить.

Инга лежала под ним, покорно позволяя Нестору удовлетворять эту жажду. Только вздохи ее стали глубже, а выдохи длиннее. И она кусала свои губы, он видел, так как она повернула голову на бок. Ей не было больно. Это Нестор знал точно. Его же кровь, казалось, сжигала вены и аорту изнутри от нарастающего чувства. Блаженство, которого он еще не знал в жизни. До которого вот-вот мог дотянуться. Еще один толчок. Еще одно погружение. Чуть более сильный захват его рта на ее затылке, его рук на ее плечах...

И тут его едва не заморозило осознание: Нестор ничего не использовал. Он всегда пользовался презервативами. Всегда. Не потому, что опасался оставить след или зацепку, те, кого он трахал, не пошли бы в милицию предоставлять улики. Они и не представляли даже, чем он зарабатывает на жизнь. Но ни за что на этом свете, он не хотел бы повторять путь матери и убивать плод, которому сам дал жизнь. Он не совершал таких ошибок никогда. Но сейчас, вместе с контролем, потерял и разум, сгоревший в бушующем внутри огне. Он забыл. Или позволил себе забыть, испытывая то, что еще не ощущал.

Однако Нестор не мог разрешить себе кончить внутри Инги, пусть и казалось, что только так заткнет эту проклятую воронку за грудиной.

Или мог?

Инга, наверное, растерянная от того, что он застыл, уперлась локтями в стол и, возможно, хотела повернуть лицо, чтобы глянуть на него. Он не позволил. Надавив на ее спину, прижав свою ладонь к тонкому позвоночнику между лопатками, вновь заставил ее опуститься. А сам распрямился и чуть отклонился, выходя из влагища Инги. Его член блестел от выделений ее тела, от той слюны, что он сам размазал и по себе, и по ней. Это подарило Нестору новую порцию довольства. Еще на шаг приблизило к манящему блаженству.

Он уже решил, что сделает ее своей целиком и полностью. Что возьмет ее так, как только сумеет и сможет. Всеми способами. Так какой смысл тянуть?

Так и удерживая ладонь на спине, чтобы Инга не двинулась, он широко развел второй рукой ее ягодицы. Инга дернулась, и попыталась что-то сказать. Возразить.

Поздно. Это все было его. Все. Абсолютно. Не ослабив нажима руки, он пальцами развез влагу по щели, разделяющей половинки ее попки. А потом аккуратно, медленно, но не оставляя возможности ускользнуть. Настойчиво и беспощадно начал погружаться в тело

Инги чуть выше уже испробованного пути.

Узко. Так узко и горячо. Так тесно, что даже больно. И от этой боли становилось невыносимо сладко, и блаженство все приближалось. Он почти чувствовал его вкус на языке. Как дикий мед и ледяная вода из горного ключа, и чуть кислая примесь осоки...

Инга приглушенно застонала, вдавливая в стол короткие ногти. Нестор замер, позволяя ее телу приспособиться к нему, расслабиться, унять болезненность первого проникновения.

Он уже понял, что так ее еще не брали. Никто не проникал сюда. Он первый. Единственным и останется. Никто и никогда не прикоснется к принадлежащей ему женщине. Но это не мешало ему испытывать кайф от такого интимного и глубокого проникновения.

Тиски ее тела чуть ослабли. Он медленно толкнулся дальше, вошел еще сильнее. И опять остановился, позволяя Инге адаптироваться.

Она немного расслабилась. Прекратила терзать итак измученные руки. На глаза Нестору вдруг попался тонкий розовый шрам на правом предплечье. Еще покрытый коркой. Все еще подживающий. След, оставленный его рукой и ножом, который эта рука держала. Наглядное подтверждение того, что он мог ее убить. Что причинял боль, пусть и до того, как взял себе.

Оно не понравилось. Ни той ревущей воронке внутри, ни бурлящей в сознании силе.

Нестор стремительно наклонился вперед, опять полностью покрыв Ингу, погрузившись в нее так глубоко, что его живот терся об ее ягодицы. И «напал» на этот шрам своим ртом. Он знал, что этот след сотрет только время, но не хотел видеть раздражающее напоминание того, что мог сейчас не испытывать всего того, что рвало тело на части. Не познать, каким может быть удовольствие от секса с этой женщиной.

Он уберет это напоминание. Обязательно.

Сейчас Нестору становилось не до того. Все ограничения и запреты ушли. Все препятствия были сняты. Он мог попытаться утолить свой голод, свою жажду по ней. И это Нестор не собирался откладывать.

Толчки снова стали частыми, мощными, алчными. Режущими по ощущениям из-за ее тесноты. До блаженства острыми.

Стол под ними ходил ходуном и скрипел от того, с какой силой он погружался в Ингу. И все-таки, Нестор старался не травмировать, не мучить. Только заполнить, придушить зуд внутри себя ею.

Еще толчок: и сила, воронка, тело – все в нем взорвалось, бахнуло, разлетелось мириадами черных всполохов под веками, которые он стиснул до боли. Его сперма, его кровь, казалось, и часть этого невыносимого зуда – рванули, обжигая пах, и выплеснулись в тело Инги.

Нестор упал на нее, на секунду придавив Ингу всем своим телом, еще больше распластав по себе, по столу. Впитал запах, звук, стук ее пульса и горячность кожи. Но тут же попытался подняться.

Замер, тяжело дыша, почти задыхаясь, чего с ним очень давно не случалось, и постарался совладать с мышцами, обтекаемыми жаром этого оргазма-освобождения. Голова была пустой. Стихло все: шепот, рев, шуршание. Все притихло. Ничего не осталось. Только она и он. Ее дыхание. И его. И стук ее пульса, пока еще не совсем послушный ударам его сердца. Но знал, как достичь поставленной цели.

И все-таки, воронка не рассосалась. Не унялась. Не притихла до конца. Чего-то ему

оказалась все равно мало. Даже не телу, расслабившемуся, переживающему этот оргазм каждым нервом. Мозгу. Сознанию надо было еще.

Но теперь он мог потерпеть. Сейчас Лютый должен был позаботиться о ней.

Инга чувствовала себя полотенцем. Таким большим банным махровым полотенцем. Которое сняли с вешалки, обтерлись и отбросили на пол комком. Ни сил, ни воли, ни слов. Ни понимания. В ней не осталось на данный момент ничего, кроме вялотекущего потока мыслей, словно бы перетекающих из одного виска в другой.

Интересно: она розовое или голубое полотенце? Или белое? Может, персиковое? Или зеленое... Какого она цвета? Бог знает? Или этот мужчина, который сейчас медленно и аккуратно мыл ее всю, проводя намыленной ладонью по всем, даже самым укромным уголкам ее тела? Хотя, чего там для него осталось секретом? Какой уголок? Ямка под мизинцем на правой стопе? Разве что.

Он и правда, в полном смысле решил взять ее себе. Сделал своим... полотенцем.

Инге стало смешно. По веселому смешно. Не униженно. И странно от того, что было весело. Но смеяться не хватало сил. Даже улыбнуться расслабленные и измочаленные мышцы не сумели. Она просто слабо вздохнула, продолжая упираться затылком в бортик небольшой, но глубокой ванны, которая так удивляла ее в этом доме. Зачем ванна, если вода в колодце, как ее нагреть? Как принести столько? Оказалось, Лютый знал как. И наносить, и нагреть.

Умелый он. Во всем, чем бы при ней не занимался. А горячая вода воспринималась сейчас просто подарком Небес. Или этого молчаливого умелого мужчины.

В этот момент его рука скользнула под воду и прошла по промежности и натертому его стараниями кольцу ануса. Она слабо поморщилась от саднящего ощущения пощипывающего мыла.

Все вышло не так, как она могла бы представить.

Инге не было больно во время того, как он брал ее. Почти. Только когда он толкнулся сюда. Так никто из ее немногочисленных мужчин не делал. А он даже не спросил. Просто взял. Своё. Имеет право?

В тот момент, когда поняла, куда он проталкивает свой член, Инга стало по-настоящему страшно. Она реально испугалась, что он ее порвет. Не порвал. Вот оно какое живучее и пластичное, человеческое тело, оказывается. И даже удивилась, что он не пер напролом, не игнорировал ее состояние. Дал привыкнуть. Держал, поглаживал пальцами спину.

Это... этот... секс? Совокупление? Скрепление сделки? Что это было? Она тоже точно не знала. Тем не менее, чем бы это ни было, оно отличалось полностью и кардинально от всего, что она когда-либо испытывала в своей жизни. Не потому, что до этого ее еще не насиловали. Правда, Инга не смогла бы назвать насилием то, что делал с ней Лютый. Он просто ее брал. Причем, брал чутко. Куда больше прислушиваясь к самой Инге и тому, что непроизвольно выдавало ее тело, чем бывшие любовники.

И все же она не могла сейчас разобраться в своих эмоциях и ощущениях, в том, как это принять внутри себя, как к нему теперь относится?

Нет, Инга не испытала оргазма. По правде говоря, она еще ни разу в жизни не испытала оргазма от самого процесса секса. Потому Миша не раз и обвинял ее в запале обиды во фригидности. Но Инга могла испытать оргазм мастурбируя или, если у мужа было настроение, от оральных ласк. Потому не обращала внимания на такие намеки. Она знала,

что не фригидна. Просто, очевидно, с ее сексом что-то не так.

Да. Не испытала она оргазм и сейчас. Господи, она же не мазохистка! Хотя, нет. Это определение тут тоже неуместно. Ей же не было больно, как, к примеру, с первым парнем. Но, ладно, там она вполне могла списать на девственность. В общем, Лютый, совершенно определенно, прилагал все усилия, чтобы не причинить ей боль. И моментами ей даже становилось нормально. Лучше, чем она могла бы предположить, представляя, что отдает свое тело в оплату чьей-то помощи. Хоть и страшно, непонятно, но нормально. А пару раз, даже в чем-то приятно. Ее никто еще не брал в такой позе – сзади. Очевидно, в ее теле какие-то нервы или пресловутые точки открывались так больше. Потому как, ощущая толчки Лютого, она вполне могла допустить, что если бы была возбуждена, а не напугана и растеряна, и партнер действительно старался бы доставить ей удовольствие, то кто знает...

А так, ее брали. Она позволяла.

Правда, теперь у Инги появилось сомнение, что она имела силу и власть на что-то повлиять. Та жадность, страсть и напор, с которым Лютый врвался в ее тело, прикусывал и втягивал в себя ее кожу, сжимал всю Ингу – это все наводило на мысли, что она не смогла бы ему противостоять. И взгляд. Он так и не перестал быть той «тлеющей бездной». Притух немного. Но не до конца. От ледяного и бесчувственного, отстраненного взгляда Лютого, державшего ее на прицеле неделю назад остались лишь намеки.

Вот это Ингу пугало. Она не знала, чего ждать от такого мужчины.

И вдруг опять развеселилась. Правда, так же слабо, подумав, а как ощущает себя Лютый, заботясь о ней? Тоже полотенцем, которое используют? Или, может, «горничной»? Сиделкой, присматривающей за тяжелобольным?

Навряд ли, чтоб он планировал помогать ей бороться со всем свалившимся до того, как Инга попросила.

Скосив глаза, она посмотрела на его склоненную лысину, поблескивающую в тусклом свете лампочки. Нет. На полотенце он не был похож...

Тут, прерывая эти бредовые мысли, абсурд которых она даже понимала краем ума, Лютый поднялся с корточек, выпрямившись у ванны. И наклонившись, обхватил ее плечи рукой, второй подняв Ингу за спину. Он так и не одел свитер. И ее мокрая, распаренная водой кожа, коснулась его голой груди. Его кожа касалась прохладной после горячей воды. Инга едва заметно поежилась. Но Лютый ощутил. Инга не знала как, но поняла это. Наверное, опыта «общения» с ним набиралась понемногу.

Протянув одну руку, Лютый взял какую-то простынь, которую принес до того, как заставил Ингу забраться в ванну, и укутал ее плечи тканью. Лен. Теплый лен, нагретый от печи. Приятно.

Она не хотела, чтобы он ее мыл. Отказывалась и даже попыталась упираться. Испытывала внутри смущение и стыд. Он не обратил на это никакого внимания. Просто обхватил ее руками, поднял, перенес через край старой ванной и опустил в воду. И сейчас, похоже, собирался так же вынуть.

Что ж, она не думала, что он так буквально воспримет ее просьбу о помощи. Действительно странно. И не сказать ничего, как Лютый и предупреждал, о «своем» он заботится. Даже чересчур как-то. С маниакальным упорством.

Предупреждая его возможный поступок, Инга самостоятельно переступила чугунный надколотый бортик. Лютый не убрал руку, поддерживающую ее за плечи. Молча. Он ничего почти не говорил.

Она уже даже практически привыкла к этому. Сначала не могла понять и как-то терялась. А теперь начала свыкаться. Находить какие-то «пояснения» в слабой мимике и едва заметных жестах.

Медленно доковыляв до табурета, стоящего у самой грубы, Инга тяжело опустилась на сидение. Распаренное, измочаленное таким напором тело не повиновалось. Все это время Лютый находился в полушаге, словно готов был подхватить Ингу в случае чего. Не доверял ее способности самостоятельно ходить. А теперь отошел к столу и начал разбирать кучу, в которую сдвинул всю посуду, когда повалил туда Ингу. Почему-то она испытала смущение, вспомнив, как лежала, распластанная на столе, а тяжелое и горячее тело Лютого накрывало ее сверху. Кожа от этих мыслей стала шершавой. Инга заставила себя сглотнуть. Расслабиться. Все равно – полностью понять и принять все случившееся она сейчас была не в состоянии.

Размышляя, она наблюдала за ним из-под полуопущенных ресниц. Даже больше слушала звуки его передвижения. Ей хотелось спать. Больше ничего не хотелось. Надо было только как-то добраться до кровати. А завтра все переосмыслить. Когда отдохнет. Пока же Инга грелась о теплую стену грубы.

– Теперь можно еще поесть.

Слова Лютого заставили ее вздрогнуть, вскинуться. Видно Инга прикорнула, сама не заметив. На столе стояла та же миска, из которой Инга уже ела. И над ней поднимался пар. Очевидно, Лютый уже приготовил для нее ужин. Инга была удивлена: вот и с ванной было так. Сделал и все. Хоть она и не просила.

– Я не хочу. Не сейчас. – Она моргнула, встряхнула головой, пытаясь прийти в себя. – Мне спать хочется, – даже говорить сил не хватало. Инга шептала.

– Ты должна поесть.

Он подошел к ее табурету и теперь глаза Инги упирались в его голый живот. Подтянутый и тренированный. Она помнила, какой он твердый. Собственно, как и весь этот мужчина.

Тон Лютого больше напоминал повеление, нежели предложение. Инга неохотно подняла лицо, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Я, правда, сейчас не могу, – на выдохе прошептала она. – Сил нет. И не хочется. Только спать.

Лютый посмотрел на нее какое-то время. Поджал губы и отошел. Инга расслабилась, вновь откинувшись на теплую стенку грубы. Но тут же вздрогнула от резкого скрежещущего звука, распахнула глаза, пораженно наблюдая за тем, как Лютый подвинул стол ближе к ней. Неужели, он все-таки хочет, чтобы она ела? Думает, что Инга просто не может встать?

Она уже открыла рот, чтобы опять отказаться. Но Лютого, судя по всему, не интересовало то, что она могла поведать. Оставив стол так, что до него можно было достать с ее табурета, он снова подошел. Но не стал опять ее уговаривать. Наклонился, поднял растерявшуюся Ингу и сел сам, опустив ее к себе на колени. Взял ложку с борщом и кусочком яйца. Поднес к ее лицу.

Инга тяжело выдохнула:

– Я, правда, не хочу, – она отвернулась от ложки.

В ответ на это шумно выдохнул Лютый. А потом крепко сжал ее плечи свободной рукой и плечом, сильно. Так, что Инга не могла двинуться. Его плечо фиксировало ее голову, и теперь Инга не могла уже отвернуться. словно малое дитя приструнил, чтобы не

капризничало и выполняло родительскую волю. Его глаза опять смотрели прямо в ее.

И Инге стало очень не по себе от этого взгляда. Все еще усмирённого, вроде бы. Но такого странного. Не нормального. Одержимого. Так, что под кожей прошла ледяная дрожь, заставляя настороженно вглядываться.

– Ешь, – он опять поднес ложку к губам Инги.

И в этот раз она послушно открыла рот и проглотила содержимое.

Удивительно, но проспала Инга всю ночь, ни разу не проснувшись. Не мучили ее ни укоры совести, ни стыд, да, ничего, вообще, не мучило. Даже этот старый дом вроде бы «разжал» свои лапы на ее сознании. Но это она еще вчера отметила. И не тому удивлялась.

Инге казалось, что очень трудно уснуть под чьим-то взглядом. И когда она вчера ночью все же добралась по кровати, почти не сомневалась: ей предстоит очередная бессонная ночь. Только теперь не надуманные страхи будут мешать расслабиться, а этот странный сосредоточенный целиком и полностью на ней, взгляд Лютого.

Он пришел в спальню следом. Странно? Наверное. Но у «скомканного полотенца» нет сил удивляться. И хоть она вообще не понимала, с какой стати он стал у двери и стоит: вольготно, спокойно, откинувшись спиной и затылком на пустой косяк, зачем продолжает в упор смотреть, после того, как она съела весь «ужин» и он сам позволил идти спать – не спросила и не уточняла. Инга безумно устала. Потому решила просто закрыть глаза. А этот странный мужчина с совершенно непонятным для нее взглядом – хочет смотреть, пусть смотрит.

И надо же, заснула, хоть и сомневалась. Вон, уже через не полностью опущенные роллеты на окне слабо пробивается солнце. Заснула так крепко, что даже не почувствовала, когда он лег рядом. Не проснулась. До этого момента не осознавала, что спит не одна. И неудобства от этого не испытывала, что тоже удивительно, как-то. Ведь давным-давно уже не делила ни с кем кровать. А ту, что была у них с Мишей, делить-то не приходилось. Размеры позволяли обоим комфортно отдыхать, не мешая друг другу.

О кровати в этом доме того же сказать было нельзя. Обычная: деревянная, полуторная, явно изготовленная еще в прошлом веке. Старый матрас, комковатый и сбитый. Вроде бы, ни о каком комфорте и не приходится говорить. Тем более, если спать здесь пытаются двое. Но все же, Инга не ощущала ночью дискомфорта. А сейчас ей просто было тепло и уютно. И спала совершенно спокойно.

Спал ли он так же? Спросить? Или прозвучит глупо?

Ее щека сейчас лежала не на подушке. Не открывая глаз, Инга могла бы поспорить, что лежит на руке Лютого. Она кожей ощущала легкую шершавость его ладони и сгибы пальцев, которые обхватили ее щеку и губы. Не прижимая. Просто, словно бы прикрывая от чего-то. Так, что Инга дышала в эту пригоршню. Еще и мысль мелькнула: не мешает ли ему это спать? Но едва Инга пошевелилась, чтобы осмотреться, как тут же поняла, что Лютый бодрствует. И возможно уже давно.

Она засыпала, он не спал. И проснулась, а он лежит рядом, устроившись плечом на подушке, и чуть свысока смотрит на нее. По положению тела свысока, не по выражению этих глаз. В их выражении Инга не взялась бы сейчас разбираться, спросонья. Одет он был все в те же джинсы, что и накануне. И футболку или свитер так и не надел. Хотя, в доме теперь было действительно тепло, так что вряд ли он замерз. Даже она, все еще закутанная только в ту льняную простыню, что Лютый дал ей вечером, да прикрытая поверх покрывалом до бедер – не продрогла.

Голая. Под всем этим она была голая. А он в пяти сантиметрах. Очень близко.

«Глупо», одернула себя Инга, подавляя непонятно откуда вылезшее смущение и стыд, «разве, одень она пижаму перед сном или спортивный костюм, не была бы настолько же

под всем этим голой?» И чему помешали бы слои одежды? Вчера они его затормозили? Она такого не помнила. Да и что он у нее не видел после всего? Вообще, что он еще в ней не видел?

Инга засыпала – он смотрел на нее. Проснулась – он все еще смотрит.

Это дезориентировало и сбивало с толку. Что в ней такого, чтобы так внимательно изучать? Она же не компьютерная плата с сотней микросхем, ей-Богу. Но вместо того, чтобы спросить об этом, Инга задала совершенно другой вопрос:

– Я заняла твою кровать? – голосом, который после сна вновь стал хриплым, как вчера, поинтересовалась она.

Лютый медленно моргнул. Скорее даже, просто прикрыл, а потом открыл глаза. Так же неторопливо покачал головой. Непонятно, то ли имеет к ней претензии по этому поводу, то ли нет? Может, он вообще с чужими людьми спать не любит, а она ему неудобства доставляет? Не на полу же ему в своем доме спать. Может он потому и пялился на нее так вечером? Думал, как спихнуть ее с матраса? Хотя, этот человек не относился к категории сомневающихся. Хотел бы спихнуть – спихнул бы.

Но Инга опять не знала, стоит ли ей развивать тему, у самой тоже никакого желания спать на полу не было. И потом, уместились же, и никто неудобства не испытывал. Она вон, даже не заметила ничего.

Он все еще смотрел на нее. В упор. Так, как вечером. Будто медленно выжигал что-то на ее коже своими глазами, как пацаны летом на лавочках свои имена выжигают с помощью солнечных лучей и лупы. Вот и у нее кожа практически ощутимо горела под этим взглядом.

Имя. Ей стало любопытно.

– А как тебя зовут? – спросила она все так же тихо, словно боялась нарушить странную тишину в доме.

Не то чтобы особо надеялась на ответ.

Лютый приподнял бровь, так, будто бы интересовался, какое ей до этого дело? Да так при этом посмотрел... У нее дрожь по позвоночнику прошла, хотя, казалось бы, ничего в этих глазах и не было. А на нее словно тени какие-то хлынули, холодные, льдистые, ледяные. Как порыв осеннего ветра обрушивается на голову, едва последнее солнце прячется за тучу. И никакого уюта в помине уже не осталось.

Наверное, правильно он намекал этим своим взглядом, и лучше бы она вняла. Мало ли, может он убивает всех, кому это имя известно. Что она, в конце концов, знает о правилах киллеров?

– Ладно, забудь, – тут же попыталась исправиться Инга. – Просто не привыкла не знать человека, с которым сплю. Называть какой-то кличкой... Для меня это не характерно, и как-то дико...

Он чуть не рассмеялся. То есть, на лице Лютого ничего не поменялось, но Инга с кем угодно поспорила бы, что как-то умудрилась рассмешить его своими словами про сон. И взгляд совсем другим стал. Тени опять куда-то спрятались.

– Ну, не сплю, – вдруг спохватилась она, а то они ведь и правда только что вместе спали. А она в другом смысле. – Я имею в виду...

Она даже одну руку вскинула, растерянно взмахнув, чтобы точнее объяснить, что вообще дернуло ее про имя ляпнуть.

– Я понял, – вдруг тихо проговорил Лютый, нарушив сомнительную прелесть ее утреннего монолога.

Голос его был тихим и сдержанным. И сиплым. У Инги в голове даже появилась идея, может это что-то вирусное, что он сипит все то время, которое она его знает? И она вот, заразилась. Тоже хрипеть стала.

Но уже больше ничего не спрашивала. Сжалась в своем коконе из простыни и покрывала, и настороженно ждала, что он дальше сделает. Накажет за глупое любопытство или нет? Каждой клеточкой тела, кажется, замерла, ощущая тепло его пальцев, которые после ее маневров в постели теперь лежали на затылке Инги.

Но он не сделал ничего подобного. Перенес весь вес своего тела на один локоть, и поднялся с кровати одним четким движением. Даже руку как-то так легко освободил, будто Инга совсем невесомая. И пошел в коридор, ничего не объясняя. А на пороге спальни на секунду застыл:

– Нестор.

Инга замерла.

Он сказал это тихо, без вступлений и объяснений. Не поворачиваясь. Просто имя. Но четко. Пронзительно ясно, хоть и все тем же хриплым голосом. Так, что стало понятно – что-то изменилось. Словно и правда, выжиг своим голосом это имя на ее коже. И она переступила какую-то черту, которую Инге, возможно, не стоило даже видеть. А она из-за дурацкого и простого по сути вопроса в один момент оказалась далеко-далеко за ее границей. И сердце отчего-то заглохло на секунду в груди, а потом так застучало, что Инга задохнулась, и резко втянула в себя воздух. Громко. Шумно.

Он не обернулся. Еще долю мгновения простоял на пороге и вышел в коридор. И на какую-то секунду Инга даже пожалела, что спальня – единственная комната, из которой не видно всего остального дома. Она хотела бы лучше понять этого мужчину, которому доверила свою жизнь. И разобраться, как себя вести. А то, может, ей уже все-таки пора к смерти готовиться?

Однако, по всей видимости, убивать ее никто не собирался. Так что Инга поднялась с постели, понимая что, лежи-не лежи, а у организма свои желания и потребности, и достала из-под кровати сумку. Учитывая, что вчерашняя одежда так и осталась в гостиной, ей стоило найти что-то другое, да и просто, после первой за неделю ванной хотелось облачиться в чистое. Обнаружив только обычную хлопковую кофту да леггинсы, Инга понадеялась, что больше не будет мерзнуть. Натянула все, вместе с бельем, заправила кровать и вышла из спальни.

Когда она зашла в общую комнату, которая здесь была и гостиной, и кухней, и столовой, по факту, из-за отсутствия везде дверей, Лютый (... или теперь она может называть его Нестор?) зашел с улицы. Он был мокрым. Совсем. Словно вывернул на себя ведро воды из колодца. Даже джинсы местами пропитались влагой. В руках у него было ведро, полное воды. Инге не хотелось приобщаться к купанию таким образом, потому она отступила на шаг, освобождая дорогу.

Он ее увидел сразу, посмотрел в упор, и за этим движением проследил, и в глаза так как-то глянул, что чувствовалось – все уловил: и мысли, и настроение. Странное настроение, которое будто охватило не только ее саму, но и весь этот дом. Словно сейчас, утром, после такого вечера и всего, что их связало в настолько неординарный союз, на нее вдруг накатила неуверенность и сомнения. И Инга начала присматриваться к нему. К Нестору. Не поздно ли, только? А дом по новой присматривался к ней. Зацепило ли это настроение и

самого Лютого, она точно сказать не могла. Вот такой вот странный «треугольник». Зато точно вдруг осознала: любой здравомыслящий человек сказал бы, что она умом тронулась, и мысли в ее голову приходят бредовые. Да и не переиграешь уже ничего. Все решено и она сама оговорила условия.

Моргнув, Инга поняла, что так и стоит у стены, куда отступила, обхватила себя руками, зачем-то, будто бы опять мерзла, и невидящим взглядом следит за Лютым. А он поставил в печь старый чайник, куда налил воды, и что-то перекадывал в пакетах, видимо, inspectируя их запасы еды. Инге стало как-то совсем неудобно. Она же его просила ей помочь выжить, а не нянькой становиться.

– Я сейчас умоюсь и что-то на завтрак придумаю, – предложила она, покинув свою стену и зайдя в кухню.

Нестор обернулся, когда она только тронулась с места, и посмотрел на Ингу через плечо.

– Не с твоими руками.

Опять.

Это снова прозвучало очень окончательно. Инга, в принципе, не привыкла к тому, чтоб не иметь возможности участвовать в обсуждении возникающих вопросов. Потому, видимо, ее это не заставило отступить.

– Я вполне управлюсь с бутербродами и сыром, – без вызова, но твердо возразила она.

Лютый, который уже отвернулся от нее и занялся чем-то на столе, вновь глянул в сторону Инги. Обернулся, теперь уже полностью. И покачал головой, глядя так, что и слов не было нужно – он ей не позволит ничего готовить.

Тяжело он смотрел. Давил этим взглядом. И будто бы даже понять не мог, как это она пытается что-то возразить?

Но Инга не отвела глаза, не отступила назад. Даже не моргнула. Ей было не привыкать к противостоянию характеров, в ее жизни и работе такого случалось предостаточно. Хотя, не могла честно не признать, что с таким непростым и упорным человеком, как этот Нестор, судьба ее еще не сводила.

– Ты не будешь есть бутерброды больше, – резко рыкнул он. – А руки могут опять воспалиться. – Выдал Нестор одну из самых длинных своих фраз с момента возвращения, даже в чем-то удивив Ингу.

Вроде бы ровно и спокойно. Но она ощутила какое-то напряжение у него внутри. Бог знает, по каким знакам и признакам, то ли по движению кожи вокруг глаз, то ли по прорезавшимся линиям у рта. И не решилась дальше отстаивать должность повара.

– Как хочешь, – Инга сжала пальцы, которые, действительно, впервые за последние дни практически не болели. Передернула плечами, испытывая какую-то нервозность и напряжение, будто бы перебросившееся с него на нее. – Я просто хотела помочь. Ты не должен так обо мне заботиться и не обязан все время готовить...

Он усмехнулся.

Инга даже замолчала и попыталась понять, чем его развеселила. И видела ли до этого, как он улыбается. Чувствовала, когда смешила его чем-то, но улыбка...

Впрочем, это выражение его лица пропало столь же стремительно, как и появилось. И она вновь смотрел в невозмутимое лицо мужчины, на котором сейчас, как и большую часть последних суток, «жили» только глаза. Зато так «жили», что Инга с трудом сглотнула слюну, ощущая, как во рту пересохло под этим синим взглядом.

– Не должен. И не обязан, – согласился он с ее доводами. – Я в праве.

Она не знала. Ничего не знала – ни что сказать, ни что возразить, ни есть ли, чему возражать. Эти слова отчего-то вызвали ступор в ее сознании. Инга ощущала какую-то смутную мысль, но не могла ее сформулировать, уловить. Даже на уровне чувств, все было размыто, на самом краю осознания.

«Вправе». Это звучало как-то слишком окончательно и определяюще. Словно бы он вправе решать, что для нее лучше и делать то, что сам считает необходимым. Разве она об этом вчера его просила? Ну, не в вопросе же завтраков и обедов? А вопрос жизни у них обсуждался. А при чем тут бутерброды, если честно?

Однако и что возразить – не придумала. Она его не поняла, видимо. Конечно, он вправе готовить и решать, что бы то ни было в своем доме. И об этом ей намекает, видимо.

– Вода. Умоешься, – прервал он повисшую тишину, достав из печи закипевший чайник.

Это для нее? Она думала для чая.

Сам на улице обливался. Ей воду нагрел, чтобы Инга умылась? Она совершенно не понимала того, что происходит в лысой голове этого мужчины.

Молча отвернувшись, она пошла к двери, решив подумать о своем организме в первую очередь, нежели разбираться в хитросплетениях мыслей и слов Нестора. У порога остановилась и по уже сформировавшейся привычке, наклонилась, ухватив полено, без которого из дому не выходила.

– Этим меня не убьешь.

Инга обернулась, решив, что не так расслышала. И у нее начались слуховые галлюцинации. Не мог Лютый иронизировать. Она даже соотнести эти два понятия: ирония и Лютый, не сумела бы. Но что-то в голосе мужчины наталкивало на мысль, что он таки посмеивается над ней.

Обернувшись, Инга вопросительно уставилась на Нестора. Он, разумеется, сохранил свое полное невозмутимости лицо. И смотрел на ее полено. Только тут до нее дошло, что именно имелось в виду.

– Я волка видела за забором. Три дня назад. Четыре, – поправилась Инга. – Другого оружия, кроме дров и твоего ножа у меня не было. Нож ты вчера забрал.

Ирония исчезла. То есть, не то, чтобы Инга ее реально видела в его глазах или мимике. Только какое-то ощущение в воздухе, как запах весны или привкус карамели, когда печешь булки. А теперь – этот запах или аромат полностью исчез. Выветрился.

– Ты собиралась отбиваться от волка этим?

Инга задрожала. Она не успевала отслеживать, когда и как он переключался в свой «супер-режим». По-другому не могла назвать тот момент, когда Нестор в секунду сбрасывал всю свою размеренность, плавность и невозмутимость. Как вчера после ее вопроса о том, чего он от нее хочет. Вот и сейчас, он уже навис над ней и опять смотрел на Ингу глазами, в которых бушевало синее пламя.

Тут и гадать не надо, слепой поймет, что он в ярости.

Но Инга перед трудностями не пасовала. И потом, совершенно не видела причин, по которым он вдруг взбесился.

– У меня, что? Варианты были?! Может, у тебя в подвале АК* припрятан, а ты забыл мне сообщить?! Или ты думаешь, что я ружье в сумку спрятала, когда из дому убегала?!

Инга не думала, что ее слова прозвучат так. Ну, словно бы она кричит на него. Или в чем-то обвиняет. Просто утро какое-то непонятное вышло. И сутки. И этот мужчина,

которого она никак не могла понять. В общем, накопилось все.

Нестор все еще нависал над ней. Вдавил руки в стену за Ингой, ограничивая ее жизненное пространство собой и этой самой стеной, в которую Инга вжалась. И это дурацкое полено она уронила уже. Но сейчас в том ненормальном и безумном огне, который запылал в его глазах минуту назад, она смогла уловить проблески разума. А еще, он снова улыбнулся.

Поразительный человек. Она никак не могла разобраться, что толкает его на те, или иные чувства? Что из ее слов приводит в ярость, а что смешит. И от чего у него так меняется настроение.

Однако в этот момент, увидев мимолетную усмешку Нестора, вдруг тоже улыбнулась. И самой стало весело, да и как-то хотелось замять свой возмущенный крик, пусть и совершенно справедливый.

– Здесь нет волков, – оттолкнувшись от стены, он выпрямился и дал Инге возможность вдохнуть. – Не бойся.

Он отступил.

– Ага, я учту, – наклонившись, она подняла свое «оружие».

Инга знала, что видела. Может, здравость ее ума и пошатнулась за эту неделю, но не до галлюцинаций же. Кроме того, она потом нашла на рыхлой весенней земле следы. Так что он может говорить ей что угодно, но она лучше перестрахуется.

Нестор молча смотрел на то, как она «вооружилась», похоже, решив больше ничего пока не говорить. Однако когда Инга распахнула двери, он выставил руку, не позволяя ей выйти. Сам обошел ее и оказался на улице первым. Причем, хоть и чувствовалось, что Лютого забавляет поведение Инги, он с совершенно серьезным видом осмотрел двор. И только после этого повернулся к ней:

– Пошли, – еще раз глянув на полено в ее руке, Нестор надавил Инге на плечо, понукая идти следом за ним.

– Я сама, – попыталась она отказаться, совершенно не прельщенная перспективой справлять нужду под его «присмотром».

Может же у человека быть хоть где-то уединение? Купание, и то не казалось ей настолько интимным процессом. Даже при Михаиле, наверное, Инга настолько бы «не расслабилась». Ей было бы стыдно. Да мужу никогда и в голову не пришло бы: ходить с ней в туалет.

Лютого ее моральные метания не интересовали. Подтолкнув сильнее, он заставил Ингу двинуться. Да и тело уже настойчиво требовало от нее действий. Так они и добрались до уборной: он шел немного спереди, придерживая ее за руку. А она все равно упорно держала полено. Черт знает, зачем.

В небольшое пространство туалета Нестор за ней не пошел. И даже двери она закрыла беспрепятственно. Так что Инга была почти счастлива. И порядком сбита с толку всем происходящим.

Вернулись в дом они тем же порядком. К колодцу и расположенному неподалеку наружному раковнику, он ей даже приблизиться не дал. Зато, едва они зашли внутрь, пошел в ванную, и сам заполнил резервуар древнего умывальника кипятком. Сам же развел холодной колодезной водой, стоящей в ведре. И только потом позволительно кивнул Инге, словно разрешая, наконец-то, умыться.

Когда же Инга вернулась в кухню, хотя и это разделение было условно, на столе уже стояло две тарелки с яичницей. Яйца для этого блюда, Нестор, видимо, взял там же, где и мясо для борща вчера.

– Ешь, – в любимой им лаконичной манере, велел он, махнув головой на стол. И сам сел рядом.

Ее стало раздражать это слово в его исполнении. Прямо, какая-то навязчивая идея у человека – накормить ее. Правда, есть действительно хотелось. Тем более что поджарившиеся яйца, пусть и со своими поправками, учитывая способ жарки, выглядели куда аппетитней бутербродов. Да и навязчивым у этого мужчины было не только желание ее накормить.

Так что Инга молча села и принялась есть. А когда отодвинула тарелку, все-таки сказав «спасибо», несмотря на вчерашний опыт, Лютый ее удивил.

– Я уеду сейчас. Три часа. Не выходи на улицу.

Инга, по правде сказать, от этих слов испытала приступ паники. На нее набросилась бездна страхов: что он не вернется, что она вновь увидит и услышит все то, что преследовало ее в доме. Что... Да, мало ли, что могло произойти?! Ею просто овладел страх. Нелогичный и иррациональный.

Но Инга ничего не сказала. Наклонила голову, уткнувшись глазами в стол, и кивнула:

– Хорошо, я пока уберу.

Он поднялся со своего места и приблизился к ней.

– Нет.

Его руки опустились на ее плечи. И с нажимом он провел своими ладонями по ее плечам, предплечьям, пока не добрался до кистей. Крепко обхватив пальцы, он поднял руки Инги до уровня ее же лица. Так, что прекрасно просматривались все ссадины и ранки от заноз, которые он вчера удалил.

– Нет, – еще раз тяжело и веско повторил он, даже легко тряхнув ее руками.

А потом наклонился и прижался лицом к затылку Инги. Она замерла, чувствуя себя целиком и полностью в его власти. И почему-то, почти настолько же «распахнуто», как и вечером, когда обнаженной лежала перед ним на этом самом столе.

– Я вернусь, – глубоко вдохнув, неожиданно для Инги хрипло проговорил Нестор. Словно почувствовал все ее страхи.

Сегодня оставить ее оказалось во много раз сложнее, чем даже вчера, когда он ездил за продуктами. Тем более на такое время. Но Нестору было необходимо то, что в ближайшем поселке не купишь. Да и не хотел он там примелькаться. Потому и направился в небольшой городок, до которого и машиной было минут тридцать-сорок. Там население достигало пятнадцати тысяч. Вряд ли его кто-то запомнит, в отличие от поселка, где многие друг друга знали в лицо.

Сегодня его выгнала из дома та же нужда: чтоб полноценно восстановиться, Инга нуждалась в адекватном и качественном питании. Не в бутербродах или колбасе, о которых она заикнулась. Он собирался купить творог, и еще яиц, ряженку, мясо и свежего хлеба, а не сухарей. Может быть, зелень, если найдет нормальную. Вчера ему повезло найти на своем заброшенном огороде молодой щавель. И даже только пробившуюся крапиву. Это было удачно. Инга определенно нуждалась в витаминах, которых в этих травах достаточно. Но даже не потребность в продуктах погнала его так далеко. Он должен был позаботиться

о принадлежащей ему женщине. Позаботиться так, как следует.

Нестор наблюдал за Ингой ночью очень долго, изучал ее черты, позволял своей коже напитываться ее сонным дыханием и каждым невольным движением. Она беспокойно спала. Ему даже пришлось повлиять на это, еще глубже вспарывая в себе то, что настолько долго прятал, вспоминая бабкины уроки. Она должна была нормально отдохнуть. Он об этом позаботился.

Взгляд следил за дорогой, несмотря на то, какие мысли и страсти бушевали внутри. А еще – он очень тщательно следил за временем. Оставить Ингу было невероятно трудно. И то, что он увидел, прочувствовал ее страх, ее панику – все только усугубляло.

А это ее неразумное стремление все время за что-то взяться, что-то делать. То, что было небезопасно!

Всего лишь воспоминание о том, как она серьезно собиралась противостоять вероятному волку с деревяшкой и ножом, вызвало в нем вспышку ярости.

Пришлось сбросить скорость, потому как зрение туманилось, затягиваясь яростной темной пеленой. А это была лишь двадцатая часть того безумия, что он ощутил, когда услышал это от нее. И увидел серьезное намерение в карих глазах. И пусть он точно знал, что в этой области волков в лесах нет, разве что совсем приبلудный забредет, да и то, вряд ли. Пусть практически не сомневался в том, что за животное Инга приняла за волка – не справился с собой. Ярость взорвалась внутри от одной мысли о том, какой опасности она могла бы подвергнуться, если бы здесь действительно были волки...

Интересный факт, учитывая, что он взял деньги за ее «убийство». Но даже разумная часть сознания, все больше отступающая под яростным натиском Нестора, не могла отрицать потребности полностью обезопасить эту женщину. От всего. От нее самой, в первую очередь.

Самым удивительным фактом оказалось то, как быстро Инга сумела притушить вспыхнувшее в нем безумие. Дерзкая. Его забавляла ее дерзость. Сила ее духа. Пусть сердится и огрызается, сколько хочет. В вопросе ее безопасности, все равно, решение только за ним. Он в своем праве заботиться о своем. О чем и напомнил Инге. О чем не собирался позволить ей забывать.

Он вернулся раньше на четыре минуты. Лютый действительно сделал все, чтобы не опоздать. И ему это удалось. Впрочем, он всегда прекрасно разрабатывал любые планы и столь же успешно воплощал их в жизнь. Очевидно, постоянно срывающийся контроль не изменил этого обстоятельства.

Выйдя из машины, он распахнул ворота и загнал машину во двор, а не оставил снаружи, как поступил вчера. Закрыл створки. А у калитки остановился. Тихое урчание не удивило. Он развернулся, поджидая бродячую собаку, для которой еще вечером бросил за забор мясные обрезки. Радостно виляя хвостом и чуть припадая на лапы, узнав старого знакомого, собака подошла совсем близко, счастливо повизгивая и ворча. Принялась тыкаться ему в колени мордой. Лютый хмыкнул и присел, протянув раскрытую ладонь. Позволил себя обнюхать, почесал серую морду, потрепал острое ухо.

Волк. Она и правда очень походила на волка. Неудивительно, учитывая, что отцом этой суки действительно был волк. И эта – единственная выжила из помета, остальных жители поселка перестреляли, едва умер старый лесничий, все мечтавший переплюнуть достижения русских селекционеров, сумевших создать стойкую и стабильную породу «волкособ». А эта выжила, хоть и немного одичала, уже больше года бродя по лесу. Лютый подкармливал ее, когда бывал здесь. В какой-то мере жалел, чувствуя долю родства с такой жизнью животного.

Так что, ошибка Инги не удивительна. Тем более что она не приближалась к животному, а видела собаку лишь издали. Чем Лютый был, несомненно, доволен.

Еще раз потрепав ухо, он уже поднялся, собираясь идти в дом. Но в этот момент двери дома открылись, и на крыльце показалась Инга, видимо решив, что раз он вернулся, то ей можно выходить. А собака у его ног ощерилась и зарычала на незнакомку, начав зло лаять.

– Ох! – выдохнула Инга, испуганно застыв на ступеньках.

Ее рука взметнулась, в странном жесте, словно она боялась, что собака вцепится ей в горло и попытается прикрыться. Глаза женщины были прикованы к лающей собаке и Лютому не понравилось это выражение страха, что там ясно читалось. Как и этот жест.

– Не бойся, – не в первый раз за сегодня, кажется, велел он Инге.

Опустил одну руку на голову ершащейся собаки, чтобы подавить и успокоить агрессию к чужаку, которого псина сочла угрозой. А вторую ладонь протянул в сторону принадлежащей ему женщины.

– Иди сюда. Не волк это. Собака, – Нестор попытался рассеять ее страх и опасения.

На пару мгновений во дворе стало тихо. Только притихшая собака продолжала настороженно ворчать. Инга стояла, переводя глаза то на псину, то на самого Лютого. А потом, опустив руку, она медленно кивнула и осторожно сделала шаг, спускаясь со ступеней. Доверившись ему. Несмотря на то, что все в осанке Инги и в ее напряженной фигуре говорило – женщине хочется броситься назад, в дом. И покрепче закрыть двери.

Но она шла к Лютому. Шаг. Еще один.

И вот тут одичавшая собака не выдержала. Вновь громко и зло залааяв, она вдруг рывком кинулась в сторону Инги, которую, очевидно, считала угрозой для Лютого, давно признанного животным в качестве своего хозяина. Инга успела только резко выдохнуть, замерев на месте. А Лютый, ощутив внезапно дикую ярость, взметнувшуюся внутри по

отношению к животному, с силой, резко взмахнул рукой, перехватив собаку в этом рывке, не позволяя ей даже приблизиться к Инге.

Ребро ладони попало в распахнутую пасть, напоролось на острые клыки, вспоров кожу. Но это ничего не значило. Главное, что он сбил звериную атаку. Осадил псину.

Развернувшись, Лютый второй рукой ухватил звериный загривок и, освободив ладонь из пасти, еще раз сильно и болезненно хлопнул по морде, не обращая внимания на то, что лай сменился скулежом и обиженным непониманием в черных глазах.

Жалости не осталось. Только необходимость уберечь Ингу.

Выкинул собаку за калитку забора, и захлопнул дверь, хоть псина и попыталась подползти в его сторону, пождав хвост.

– С тобой все в порядке? Покажи руку.

Он быстро развернулся, испытывая удивление. Инга, которую Лютый собирался сейчас успокаивать, стояла в нескольких сантиметрах от него. Когда успела подбежать? Ведь так боялась этого «волка». И сейчас страх в ее глазах остался. Он видел. Но его заслонило нечто другое.

Беспокойство. Она опустила свою ладонь на его предплечье и пыталась повернуть руку Лютого, чтобы осмотреть его ладонь. Смешная, словно бы у нее имелось достаточно силы, чтобы заставить его мышцы подчиниться. А еще беспокойно хмурила брови при этом.

– Нестор? Сильно больно? Давай, я посмотрю. Надо промыть и обработать. Это ведь укус. Инфекция может начаться, – продолжала взволнованно бормотать Инга, все еще силясь развернуть его ладонь и разогнуть пальцы, которые он сжал. – А говорил: собака. Волк-волком, самый настоящий.

– Собака, – уверенно возразил он, думая совершенно о другом.

Она действительно о нем волнуется. Странная женщина.

Не на что там особо было смотреть. Ничего особого. Сейчас промоет и обработает.

Это все стало каким-то десятым делом. Несущественным.

Подняв неповрежденную руку, он обхватил ее затылок уже таким обыденным, свойским движением, чуть надавил, чтобы она встала еще ближе. И опустил голову, прижав лицо, нос, рот к ее щеке, шее. Глубоко вдохнул встревоженный воздух вокруг этой женщины.

Она самым натуральным образом о нем переживала. А он опять испытывал этот проклятый зуд и жажду внутри. Потребность, которая рвала его тело всю ночь, проведенную рядом с Ингой, и все утро, даже когда он завтрак готовил. Потребность, исходящую изнутри. Но сейчас, когда она оказалась прижата к нему и Нестор вновь дышал ароматом Инги – эта нужда приобрела вполне поверхностные и физические черты. Желание тела стало ощутимым и очевидным, хотя, казалось бы, он только вчера его утолил.

– Нестор? Все нормально? Болит? Ну, дай же гляну, – голос Инги немного сбился и охрип. Сел, когда он к ней прижался.

Но не отступила же. Даже не попыталась увернуться. Хотя и словно вся взъерошилась, будто ощущая, что закручивается в нем.

Нестор.

Его так десятки лет никто не называл. Никто уже, наверное, и не помнил этого имени. Его как бы не существовало в этом мире. Только Лютый, которым он стал в армии, с легкой подачи сослуживцев, сравнивающих его состояние во время боевых заданий с самым холодным и непробиваемым месяцем зимы. Пытались называть его «февралем», но ему

самому родное звучание было ближе. Многогранней. И то, что он сам сегодня утром назвался Инге, не изменило этого факта. А она несколькими движениями губ, пригоршней звуков взяла и возродила то, что может и не стоило вытягивать на свет Божий. Не следовало трогать. Только поздно уже. Сущность эта, еще неделю назад заворачивавшаяся внутри, разворошенная вчерашней жаждой и потребностью, подпиталась ее голосом, окончательно расправила плечи и выпрямила голову. Вылезла из небытия.

– Пошли, – так и не дождавшись от него ответа, Инга попыталась отступить, потянув и Нестора за собой. – Кровь ж идет! Надо быстрее обработать!

Он не двинулся с места, не позволив и ей отойти. И еще раз глубоко вдохнул запах ее кожи. Кровь едва сочилась. Ему точно не угрожала смерть от кровопотери. Так что он вполне мог позволить себе то, что хотелось.

Собака за забором продолжала скулить и лаять, но он не обращал на это внимания. А вот Инга нет-нет, а настороженно вскидывала голову. И он все еще ощущал в ее аромате привкус первоначального страха.

– Не бойся, – сипло произнес Лютый в ее кожу у основания черепа. – Она тебе ничего не сделает. Обещаю.

– Ага, – Инга как-то нервно передернула плечами. Шмыгнула носом, словно опять замерзла, хотя погода стояла достаточно теплая, градусов пятнадцать. С другой стороны, она в одной тонкой кофте, могла и правда продрогнуть. – Я уже видела, какая это добрая и покладистая... собака. Болонка просто.

У него дрогнули губы в искреннем желании рассмеяться. Болонка.

– Она одичала. Увидела в тебе угрозу.

– Да, – кивнула Инга. И ему показалось, что она немного расслабилась под его руками. – Я теперь жутко страшная с этой стрижкой. Бойтесь меня, все «чужие», – Инга широко улыбнулась и подняла на него глаза.

В них было такое странное выражение, что он даже нахмурился, всматриваясь. И явно затянул это разглядывание.

– Ты – не страшная, – наконец, тихо и четко отрезал Лютый, констатируя очевидное, а не стремясь ей польстить.

Отпустил ее затылок, провел пальцами по шее, по плечу. Опустил руку и обхватил женскую ладонь.

– Пошли, – повел он ее в сторону дома, решив, что после вещи из машины заберет. Когда отведет Ингу внутрь.

Едва переступив порог дома, Инга попыталась высвободиться из крепкой хватки Нестора. Ее действительно волновал этот укус. И кровь, которая вроде и остановилась уже, но прилично растеклась по ладони и пальцам. Он мог сколько угодно зажимать кулак и не позволять ей смотреть, Инга все равно видела эти бурюющие потеки. И неровные края порванной кожи.

Честно сказать, Инга мало видела ран в жизни, и пусть эта, вроде бы, не была очень большой, казалась ей ужасной. И наверняка, причиняла ему сильную боль.

Господи! Она еще не забыла, как мучительны были банальные занозы. А тут такое!

Сколько бы он не говорил, что этот зверь – всего лишь собака, Инге не особо верилось. Выглядело животное ну очень похоже на волка, да и вон, как ему руку прокусило. Когда на нее бросилось...

Честно говоря, Инга пока не знала, как это все утрясти внутри себя. Как воспринять то, что произошло во дворе за несколько минут. Выглянув на улицу в окно, и увидев, как Нестор загоняет машину, она вышла, даже не задумавшись. И на какое-то мгновение оказалась заморожена странной картиной, как он поглаживал и трепал серо-сизую шерсть животного, а оно, ворча и повизгивая, тыкалось мордой ему в руки, в колени, в живот, словно так пыталось выразить привязанность к человеку.

Это было очень странное зрелище. Испугавшее и одновременно очаровавшее Ингу, уверенную, что видит перед собой волка.

А потом все просто встало с ног на голову. Когда она, не найдя в себе сил или аргументов для отказа, пошла навстречу Нестору, поверив, что нечего бояться. Собака бросилась на нее. Но он не дал ей причинить боль или какой-то вред Инге. Защитил.

Метод, которым Нестор этого достиг, до сих пор гнал дрожь по ее позвоночнику. И не зная, стоит ли это обдумывать или что-то ему говорить, она попыталась набрать воды в чайник из ведра, чтобы нагреть в печи и сделать для Нестора то, что он вчера сделал для нее.

Однако никто не собирался позволять ей совершать нечто подобное.

– Сядь, – велел Нестор непререкаемым голосом, повернув Ингу в сторону стула.

– Я воду поставлю греться, тебе руку промыть надо. И перекисью обработать. А может, йодом? – не очень зная, что стоит в таких случаях делать, предложила она.

– Я сам. Сядь, – вновь велел он.

– Но тебе же сложно будет, – искренне удивилась Инга. – Неудобно. Я помогу.

– Ты – сядешь, – он повернулся к ней всем телом и навис над Ингой, совсем как утром, когда они о «волке» этом и спорили.

И выражение синих глаз этого мужчины очень ясно говорило, что он не позволит ей делать ни-че-го. Именно так. По слогам и с рыком. Хоть и беззвучно.

Инга оторопела.

Почему она не могла ему помочь? Ведь сам Нестор ухаживал за ее руками?

Пока она ошеломленно смотрела на него, Лютый здоровой рукой придавил ее плечо, вынуждая Ингу опустить на стул. И повернулся к печи, забрав у нее чайник, который Инга успела взять.

И вот тут он зарычал. Натуральным образом. Заворчал так же, как ворчала та собака. А потом повернулся к Инге, которая уже совершенно растерялась:

– Я. Сказал. Тебе. Ничего. Не. Трогать, – цедя слова, прорычал Нестор, резким жестом указав пораненной рукой на стол.

– Я просто убрала. Не мыла. Не мочила руки. Просто собрала тарелки и вытерла на столе. Все. Я вполне могу тебе помогать.

Она произнесла это все ровно и уверенно. С силой. И с вызовом. Потому что за утро конкретно устала выслушивать, что должна, и чего не должна делать.

Да. Вызов, вероятно, был в этой фразе лишним.

Она четко осознала это, ощутив как его целая рука, сильнее сжимает ее плечо. А то, что плескалось в глазах Нестора – Инга не желала понимать. Эти темные тени действительно не выглядели нормально. Ни с какой точки зрения. Как и шорох, который она вновь стала ощущать не то, что ушами, кожей.

– Ты будешь делать то, что я говорю, – ничуть не ослабив этого давления, тяжело прохрипел Лютый.

И пусть Инге не было больно от захвата его пальцев, стало как-то очень тревожно внутри. Очень-очень.

– И что ты сделаешь, если я еще раз посмею убрать посуду или умыться на улице? – стремясь акцентировать нелепость своих «проступков», которые он ставил ей в упрек, уточнила Инга.

– Буду связывать тебя, если придется уезжать.

Она села на стул.

Сама. Он не заставлял. Просто степень ее ошеломления достигла той точки, когда ноги не держат.

– Это шутка?

Нестор только приподнял брови, продолжая смотреть на нее сверху вниз, нависая всем телом над этим несчастным табуретом. Вроде как спрашивая, с чего она вообще решила, будто бы он умеет шутить?

Инга тяжело сглотнула.

– Знаешь, нам стоит это обсудить.

Но Лютый только передернул плечами.

– Все уже решено.

Выдал он с явно слышимым раздражением, наверное, устав «вести с ней разговоры». Развернулся, и пошел набирать воду. Инга все еще сидела и смотрела ему в спину.

Однако когда Нестор подбросил дров, а потом поставил чайник в печь и задвинул заслонку, решила – пропадать, так с музыкой! Она ничего не понимала в мыслях, бродивших в голове этого мужчины (явно, неадекватных мыслях). Но и просто так позволить управлять собой с нелогичными и абсурдными посылами – не могла. Хочет попробовать ее связать – на здоровье. Но она не может сидеть и смотреть, как он сам пытается обработать этот укус при том, сколько Лютый вчера занимался ее собственными руками!

– Сядь, – велел он, стоило Инге подняться.

– У тебя теперь руки тоже изранены, но я не вижу, чтобы ты прохолаживался, – заметила она, направившись в ванну, где он вчера спрятал в маленький старый шкафчик вату и спирт.

Открыла скрипнувшую дверцу, осмотрела ассортимент. Выбрав бинт, вату, перекись и какую-то мазь, в названии которой ей почудился намек на стерильность, она закрыла дверцу. И оказалась лицом к лицу с Нестором.

Он молчал. Вероятно, исчерпал на ближайший час лимит слов. Или желание разговаривать. Зато смотрел очень выразительно. И его синие глаза явно намекали Инге, что он совсем не шутил насчет связывания. И может это реализовать прямо сейчас, не дожидаясь повода в виде отъезда.

У Инги даже в голове зашумело: во-первых, стало еще страшнее, что он сейчас ее и правда чем-то свяжет. Да хоть этими бинтами, к примеру, что она из шкафчика достала. А во-вторых, от этой странной уверенности в его мыслях и своем их понимании. Вроде бы никогда способностями к телепатии не отличалась. И в лотерею не выигрывала. Правда, по долгу работы, волей-неволей, приходилось понимать, что скрывалось за тем или иным выражением лиц людей, за их молчанием или, наоборот, многословием.

И все же, даже через эти все странные мысли и страхи она сумела выдавить из себя улыбку, продолжая смотреть прямо ему в лицо:

– Ты, конечно, можешь меня связать, – тихо сказала она. Просто боялась, что если

попытается говорить обычным тоном, голос поломается от страха. – Мало ли, допускаю, что тебя это заводит: связывание, там. Боль. Может еще и пытки какие-то, плетки. Ножи те же. Но я серьезно собираюсь помочь тебе с рукой, потому что ты один с этим не справишься, как следует. И ты помогал мне.

Он нахмурился. Сильно. И глаза Нестора словно бы потемнели больше, хоть солнце ярко светило в окна.

– Не хочу причинять тебе боль.

Это прозвучало по-другому. Не так, как он обычно говорил.

Растерянно. И проступившие линии напряженных мышц под кожей скул и подбородка, только подчеркивали растерянность, настолько нетипичную для этого мужчины, что Инга моргнула. Опять тяжелым глотком протолкнула воздух, ставший в горле комком.

– Ты и не делал такого. Ни разу, – почему-то, совсем тихим шепотом ответила она.

Почти честно. Но тот эпизод с ножом и лесом, когда он имитировал сцену ее убийства, вряд ли стоило упоминать.

Однако, как ни странно, словно бы поняв, о чем она сейчас подумала, он протянул руку и сжал ее предплечье как раз там, где под кофтой находился розовый шрам.

Шум из головы, казалось, выплеснулся наружу, тревожа воздух. И ошеломление, не оставлявшее ее последние минут десять, накатило с новой силой, вновь заставив ноги подогнуться от слабости.

Так, что Инга наклонилась, упираясь одним плечом в шкафчик, и едва не стукнулась лбом о плечо Нестора. Он перехватил ее, поддержав за спину. Обхватил пальцами затылок Инги. Он так странно это делал: будто распластывал ладонь по ее шее, по затылку, обхватывал пальцами голову так широко, как только можно было, наверное. Словно закрывал от чего-то.

И впервые рядом с ним Инга ощутила что-то такое, чего раньше в принципе не чувствовала. Ни с кем. Наверное, как раз из-за странного совпадения, словно бы они угадывали мысли друг друга. Обманчивое, несомненно, обманчивое ощущение полного понимания тебя другим человеком. Чувство, которое было слишком манящим. Искушающим возможностью близости, к которой, наверное, стремится каждый.

И хоть Инга тут же постаралась напомнить себе, что Нестор – наемный убийца, что она была его заказом, и только чудом избежала смерти; что помогает он ей не за просто так, а по соглашению, отчего-то пожелав получить в оплату ее тело – нечто теплое и глупое внутри дрогнуло. Спряталось и притаилось, тревожа сердце.

Стараясь изгнать это из себя, вспомнить про здравый смысл, она опять крепко зажмурилась, и ниже опустила голову, так и упирающуюся в его плечо. На глаза попалась вторая рука Нестора, которую он все еще держал стиснутой в кулак. И которая, без всякого сомнения, болела, причиняя ему мучения.

Эта мысль, с одной стороны, вернула ей некоторую степень здравомыслия, заставив собраться с силами и выпрямиться. Но с другой, добавила сочувствия к стоящему перед ней мужчине. Сочувствия искреннего и сильного, потому что Инга не забыла – он защищал ее от пса, получив эту рану. Его собака, совершенно определенно, и не думала атаковать. Видимо, именно потому, поддавшись совершенно необъяснимому порыву, она подалась вперед, все еще ощущая тепло его ладони на своем затылке, приподнялась на носочки и прижалась губами к напряженной щеке Нестора. Легко и нежно целуя. С благодарностью и всем тем теплом, которое сейчас притаилось внутри.

Он вздрогнул. Действительно. Всем телом прямо. Так, что она и руками ощутила эту дрожь в его плечах, груди. И пристально уставился в лицо Инги, еще больше нахмурившись. Словно не понимал, что это она творит? И чего такое выдумывает?

Инга смутилась. Отстранилась от Нестора, закусив нижнюю губу. И уставилась на бинт с марлей, которые продолжала держать.

– Пошли, – откашлялась она, услышав, что и чайник начал булькать. – Надо твою руку обработать.

Отступив на шаг, она обошла его, даже удивившись, что Лютый молча позволил. И первой пошла в сторону кухни. Но, разумеется, рано обрадовалась, решив, будто бы они действительно достигли взаимопонимания.

– Ты не будешь лезть в кипяток. И мочить руки, – он нагнал ее за полшага и обхватил за пояс сзади, крепко прижав к себе. Так крепко, что Инга ощутила, он ее действительно хочет. – Вату. Можешь вату поддержать. И бинт. – Удивив Ингу своим красноречием, проговорил Нестор, опустив подбородок на ее плечо.

Но никак не дал развития тому желанию, которое она в нем чувствовала.

А ловко выудил перекись из ее задрожавших пальцев. Подтолкнул Ингу к чертовому табурету, который она уже тихо ненавидела, прозрачно намекая, что ей надо сесть. И сам пошел за чайником.

Так поняв, что должна радоваться своему «не связанному» состоянию, Инга сдалась. В некоторой степени. Наклонившись, она подняла ненавистный табурет, поднесла его к столу, и «послушно» села под темным и внимательным взглядом Лютого. Очень близко. Чтобы иметь возможность помочь, а не просто вдалеке охать.

Он выразительно нахмурился.

Она упрямо поджала губы и прямо-таки бухнула вату и бинт на стол. Однако, поскольку этим инвентарем сложно было бухнуть, прилично стукнулась ладонями о стол.

Ноздри Лютого яростно раздулись, и он шумно втянул воздух.

– Инга! – рыкнул он, аккуратно наливая кипяток в миску, где уже лежал кусок бинта.

Она замерла, так и не скорчив гримасу, которую собиралась скривить от болезненных ощущений. И теперь сама уставилась на Нестора широко распахнувшимися глазами. Ни единого разу еще, за все эти дни, с момента первой встречи еще в торговом центре, притворяясь англичанином, он не обращался к ней по имени, которое, несомненно, знал сразу. Только «вы», «ты», или просто, обозначая обращение к ней кивком головы. И почему-то ее это так сбilo с толку. Полностью.

Как и его взгляд над парующей миской. Который без слов говорил, что он ее сейчас все-таки свяжет. Для безопасности самой же Инги.

Она не додумалась ни до чего более умного, кроме как тихо ляпнуть:

– Я больше не буду. Правда, – удивив саму себя, наверное, не меньше, чем Нестора.

Еще секунду поглядев на нее, он все же кивнул с таким видом, что она практически реально «услышала», как он проворчал: «Я предупредил». И наконец-то отвернулся, занявшись своей рукой.

Наблюдая за Нестором, пока он обрабатывал рану, позволяя ей подавать ему ватные шарики и отрывать бинт, Инга не могла не признать – этот мужчина одной рукой справлялся очень хорошо. И сделал все очень аккуратно и тщательно. Возможно, даже лучше, чем сделала бы она, не имея никакого опыта в перебинтовывании и промывании ран. Видимо, у

него этого опыта было в разы больше. А ей оказалось проще думать об этом, нежели анализировать все те чувства, которые вихрем набросились на ее душу и мозг с момента его возвращения.

– Принесу продукты.

Закончив бинтовать, он вылил грязную воду, все еще горячую. И направился к двери.

– Я помогу приготовить обед. – Инга поднялась следом. – Слушай, у меня руки теперь целее, чем у тебя. Так что не смотри на меня так. Тебе готовить точно не стоит, – не позволив ему и слова сказать, начала тараторить она, когда Нестор развернулся с тем же выражением на лице, которое явно утверждало, что он ничего ей не позволит даже тронуть.

– Нет.

Вот и все, что он ответил. Одно-единственное слово, которым отверг все ее аргументы. И распахнув двери, вышел на двор.

– Почему я не могу тебе помогать?! – не выдержав, Инга практически заорала. – Почему не могу ничего, кроме как сидеть?! Чем мои руки более пострадавшие, чем твои?! Чем я отличаюсь?

Собака уже убежала, видимо, и теперь ее возмущенные вопли разлетались по окрестностям в полной тишине. Впрочем, не было похоже, чтобы Лютого это волновало. Он спокойно достал пакеты из машины и так же невозмутимо направился назад.

– Всем, – выдал он, пройдя мимо Инги. И все.

Она ничего не поняла. Но совершенно не представляла, как ей добиться от него вразумительного и аргументированного ответа. И есть ли у него таковой. Потому, все еще испытывая возмущение и раздраженно сопя, взяла и демонстративно прошагала к табурету. Куда и уселась, скрестив руки на груди. Словно бы это было ее собственное решение, а не его указ.

Нестор улыбнулся. Честно-честно. Она сумела заметить эту мимолетную усмешку, пока он не отвернулся к пакетам. Правда, до того, как успела бы его в этом в открытую «обвинить», Лютый отвлек ее. Достав с полки стакан, он налил в него что-то кремового цвета из пол литровой банки, которую привез. И подтолкнул к ней.

– Ряженка. Пей. – Распорядился он уже в своей привычной манере.

И тут же подвинул в сторону Инги какую-то коробочку. С таблетками. Противозачаточными. Она знала это, потому что когда-то пила подобные. Только чуть дешевле. Миша, которому Инга тогда озвучила стоимость лекарства, даже ворчал, что можно было и еще проще взять. Какая разница, если все они дают один результат? В тот нюанс, что более дорогие таблетки практически не давали побочных результатов в виде тошноты, скачков давления и отеков для самой Инги, бывший муж предпочел не вникать. И даже намекнул, что можно просто мыться, как делают многие. О презервативах он слышать не хотел.

Да, конечно, тогда они еще не имели нынешних доходов, ни она, ни он. И сумма, которую Инга все равно тратила на препарат, была ощутимой. И все же, почему-то сейчас это вспомнилось.

А лекарство, привезенное Лютым, не было дешевым.

– У них почти нет осложнений, аптекарь так сказал, – словно прочитав ее мысли, но видимо, истолковав молчание и долгое внимание Инги, как нежелание даже притрагиваться к таблеткам, вдруг медленно произнес он, перестав перекладывать продукты. – Потому и ездил так далеко. Они лучше тебя защитят.

Она подняла на него глаза. Все еще ничего не говоря. И зачем-то долго всматривалась в неподвижное лицо Нестора. Потом кивнула и забрала упаковку.

Она еще утром, когда он уехал, подумала о том, что вчера все еще неплохо вышло, учитывая такие вероятные последствия. И может даже хорошо, что он таким образом кончил. А, оказывается, Лютый не просто воспользовался своим правом и силой, а обо всем подумал.

А сигарет не купил. Вот, почему-то сейчас всплыла мысль. Инга помнила, что с таблетками лучше не курить, и тогда она тоже почти бросила. Правда, после того, как разошлась с Мишей, вернулась к плохой привычке.

– Я так понимаю, что курить мне нельзя так же, как что-то тут трогать? – с весельем, которое сменило возмущение, зачем-то спросила она.

– Ты не будешь курить! – он это чуть ли не прорычал.

– Да, я так и думала, – Инга едва не рассмеялась.

Видимо, истерика, от всего, что накопилось за эти сутки.

– Таблетки надо начинать с первого дня месячных, – хоть и немного смущаясь, уточнила она.

– Когда?

Это он, видимо, хочет выяснить дату?

– Не знаю, – искренне призналась Инга. – У меня такой завал на работе был в последнее время, сплошные нервы. И все сбилось. Так что...

Он поставил перед ней небольшой пакет, в котором Инга заметила несколько препаратов для местной контрацепции. Что ж, видимо, Нестор рассматривал и такой вариант.

Это все конкретно смущало. Но...

Честно говоря, несмотря на все возмущение и поводы, которые этот мужчина для ее возмущения давал, вот это проявление его продуманности и в какой-то степени беспокойства – тронуло. Слишком часто мужчины считали женщину обязанной думать о подобном, она знала не только по своему опыту, но и по возмущенным рассказам знакомых. Он подумал сам.

Потому, она еще раз кивнула, не рискнув говорить «спасибо», и схватила стакан с ряженкой, пытаясь скрыть неловкость, которую все равно испытывала.

Инга осознавала, что полностью сбита с толку и дезориентирована, однако никак не могла разобраться в происходящем. Не получалось у нее разгадать и понять того человека, у которого Инга попросила помощи четыре дня назад. Она наблюдала, присматривалась, пыталась проанализировать, но не могла определиться с основными точками, от которых можно было бы отталкиваться в оценке Нестора. А ничего из того, что она применяла в составлении суждения о людях – не казалось для него подходящим.

Сейчас, спустя несколько дней, потратив очень много времени на мысли и размышления (откровенно говоря, столько времени на мысли у нее в еще не было ни разу в жизни, кажется), она не могла не признать: этот мужчина вызывал в ней странные и противоречивые эмоции. Он настораживал ее. Пугал. Даже раздражал порою своими непробиваемыми указаниями о том, что Инга может делать, а о чем и думать не должна. И в то же время – завораживал. Покорял какую-то часть души Инги таким вниманием ко всему, что касалось ее, заботой такого порядка, которой до этого ей не приходилось испытывать никогда.

И это ее будоражило, заставляло чувствовать себя так, словно бы Инга наощупь бредет в полной темноте по месту, о котором ничего не знает. И едва ли не каждый его поступок – усиливал этот внутренний диссонанс в ней.

Например, вчера он несколько часов просто сидел и смотрел на нее. Смотрел в упор, мигая так редко, что Инга не стала бы и утверждать, что он принципе делал это. Нестор велел ей лечь, сам сел на кровать в ногах Инги, и смотрел. Иногда проводил рукой по ее остриженным волосам, обводил пальцами лицо: лоб, брови, глаза, чуть ли не каждую ресницу ощупывая; легко давил на скулы, нос, прижимал пальцами ее губы – словно старался запомнить строение черепа и тканей лица пальцами.

Так же «познавал» он и ее шею, уши, плечи, руки. Даже пальцы на ногах. Все, что только хотел, очевидно. Он не позволял ей отворачиваться или прикрываться, твердо отводил руки или удерживал за бедра, если Инга пыталась сдвинуться, и продолжал свое занятие абсолютно молча.

Боже, да он полчаса рассматривал и ощупывал только ее пупок!

А Инга, полностью растерянная и до предела смущенная, не знала, куда деть непонятный стыд. И какую-то навязчивую, вылезшую из самой глубины разума, уверенность, что находится «под микроскопом внимания» одержимого и не нормального человека. Ощущала себя бабочкой, наколотой на булавку и рассматриваемую помешанным коллекционером.

И в то же время – она испытала непривычное и тоже стыдливое, но возбуждение.

Ее никто столько не касался и не гладил перед тем, как заняться сексом. Никогда.

Господи, несколько часов, не пропустив ни одного кусочка кожи!

И пусть прикосновения Нестора были твердыми, настойчивыми, неумолимыми и слабо напоминали ласку – ее телом, да и некой, неведомой до этого частью сознания Инги, они воспринимались именно так. И когда Нестор все же лег на нее, когда погрузился в ее тело – Инга этого действительно хотела. Несмотря на стыд, на непонимание и даже какой-то глубинный страх – физически она желала этой близости. И даже уже адаптировалась к его сильным и немного жестким движениям, к тому, насколько крепко его руки сжимают ее.

Потому что, как и говорил, Нестор не стремился и никогда не причинял ей боли.

Нет, этот секс не стал прорывом чувственности в ее жизни, и не завершился умопомрачительный оргазмом. Но в целом, Инге даже понравилось.

И это насторожило и испугало Ингу не меньше его «нестандартного» внимания к ее телу. То, что она, похоже, все больше воспринимала его исключительно как мужчину, того, кто беспокоится о ее удобстве и здоровье. С кем комфортно ее телу даже во время секса. И все меньше вспоминает о том, что именно этот мужчина должен был убить ее, и убил Мишу. Наблюдая за Нестором все эти дни, она стала замечать, что проникается им. Ее заставляют улыбаться какие-то мелочи, незначительные поступки Лютого, когда вдруг удается заставить его улыбнуться. Всегда неожиданно, совершенно непреднамеренно, тогда, когда Инга и не думала забавлять его.

А его реакция на ее прикосновения! Инга не смогла бы сейчас внятно выразить и описать то, что ощущала, когда видела непонимающее, пораженное выражение его глаз, если вдруг касалась руки, когда пыталась привлечь внимание Нестора. До сих пор помнила, как он вздрогнул, когда она легко поцеловала его в щеку. И...

Ох, честное слово, то, что произошло как раз во время последнего раза, когда он брал ее, когда Инга возбудилась – ее это поразило больше всего остального. Настолько, что она половину ночи потом не могла заснуть.

Испытывая тягу к нему, ощущение какого-то родства, сблизившее их за последние дни, и ощущая вот это вот желание, возбужденное его руками, Инга потянулась к Нестору. Впервые. И пользуясь тем, что в этот раз он навис над ней сверху, протянула руки, обняв его плечи, обхватила мощную шею, чувствуя потребность прижаться плотнее, прочувствовать движение каждой мышцы в его теле, пока он сильно и резко погружался внутрь нее самой. И прижалась губами к пульсирующей точке на шее Нестора. Скользнула ртом по горячей и влажной от испарины коже вниз, к плечу.

Он... Не зарычал, нет. Но с его губ сорвался какой-то низкий, рокочущий звук, исторгнувшийся, казалось, из самого горла Нестора. Из его груди. Он замер над ней, в ней. Навис на какую-то долю секунды. А потом, перенеся вес своего тела на одну руку, второй обхватил затылок Инги и надавил, заставив откинуть голову, посмотреть в его глаза. И в этом голубом взгляде в тот момент бушевало нечто такое, что все тело Инги охватила дрожь. Во рту пересохло, а в самой глубине живота что-то начало пульсировать. И где-то на уровне подсознания появилась странная мысль – он прав: она принадлежит ему. Целиком и полностью. Вся, от того дурацкого подживающего шрама, до самой мелкой трещинки на ступне.

А от этого понимания душу скрутило страхом.

Потому что в лицо Инге смотрела та самая бездна, полная безумия, которая уже однажды пугала ее, та прорва, что все это время лишь самым краем выглядывала из-за зрачка – сейчас она затопила взгляд Нестора. И это прорва, глядя на Ингу, безмолвна вопила: «Моё! Все это моё!» Как Нестор однажды и произнес.

Пока все эти мысли и страхи проносились в сознании Инги, пальцы Лютого сжались еще сильнее. Его дыхание стало тяжелым и надсадным, каким-то хрипящим, и грудная клетка стала двигаться мощно, часто. Его бедра, словно бы сами по себе, с силой толкнулись, погрузившись в тело Инги настолько полно, что стало даже немного неудобно. И вдруг он сам резко наклонил голову, прерывая этот контакт взглядов, и впился своим ртом в такую же точку на ее шее. С жадностью, с силой, втягивая в себя кожу Инги.

Это не было поцелуем. Скорее попыткой ее проглотить, если говорить откровенно. Но, тем не менее, это показалось ей гораздо боле личным и значимым, чем все те прикосновения, которыми Нестор исследовал ее предыдущие часы. Чем-то действительно интимным. И при этом – одним на двоих.

Она застонала, не сумев удержаться, поняла, что вцепилась в его плечи, едва не продавливая кожу коротким ногтями. А Лютый, услышав ее стон, стал совершенно неуправляемым. Не Ингой, она и так вряд ли имела над ним хоть какой-то контроль. Самим собой. Он словно собственному разуму подчиняться перестал. Обхватил ее запястья своей рукой, забросил их на голову Инги, продолжая губами терзать, тереть кожу ее шеи, заставляя все тело Инги дрожать от непонятной напряженной дрожи, и раз за разом вколачивал свое тело в нее, едва ли не настолько же мощно и сильно, как это было в первый раз. Почти бешено. Так, что уже через несколько секунд, с еще одним хриплым рыком кончил, всем телом распластавшись на Инге сверху.

А она лежала под ним, не зная, не понимая – где она, и что происходит. Продолжая мелко дрожать и терзаться тягучим, испуганным томлением. Дышала так часто, что легкие горели. И не было ни одной здоровой мысли. Потому что такого, что протянулось во время этой сцепки взглядов, во время этого переплетения рук и губ – между ними еще не было. Хотя Нестор каждый день брал ее тело. Но сегодня, как показалось Инге, он зацепил и краешек ее души.

Даже Нестор, казалось, не мог справиться с силами и взять себя в руки необычно долго. Не мог подняться с нее, так и продолжая тереться всем лицом о шею Инги, о ее ключицу.

И только спустя минут семь, а может и десять, лег на бок, но при этом продолжал держать лицо Инги своими пальцами.

Да, потом была горячая ванна и все тот же молчаливый «ритуал», когда он мыл ее, несмотря на ежедневные попытки Инги самостоятельно заняться своей гигиеной. Нестор их просто не замечал. Да и молчал в эти дни почти постоянно, видимо исчерпав хранилища своей «болтливости» в тот день, когда ездил за контрацептивами. После ванны, он велел ей выпить ряженку, которую покупал через день в поселке и хранил в подвале. И сам отвел Ингу в спальню. Все это время: купая, следя за ее «ужином», вытирая – он не отпускал ее, постоянно касался то руки, то плеча, то затылка. И так смотрел на Ингу, будто и сам не понимал, не мог разобраться – что же случилось между ними час назад?

Это все случилось вчера. Сегодня Нестор ее не трогал. Не в сексуальном плане, в смысле. Хотя все остальное в их «распорядке дня» осталось неизменным. Почему Лютый решил не прибегать к «своему праву», она точно не знала, хоть и не могла не признать, что даже испытала некоторую долю облегчения. Инга и сегодня еще не отошла от вчерашнего. Морально. Тело ее чувствовало себя прекрасно. Но нечто в том взгляде, которым он наблюдал за ней весь день, наталкивало Ингу на мысль, что и сам Нестор думает и взвешивает то, что произошло накануне.

А может она зря проецировала свои мысли на малопонятный для нее разум наемного убийцы? И стоит поверить известной телевизионной рекламе, что «сорок, не двадцать», и просто понять: его организму нужен отдых? Не мальчик же, взрослый мужчина...

В общем, не то, чтобы Инга рвалась к сексу. Но уже даже привыкла как-то. Какой-никакой, а распорядок дня. И просто хотелось понимать, что происходит. И...

Возможно, стоило просто прекратить думать о таком.

Но о чем думать, когда делать все равно нечего и нельзя ничего? Слушать собачий лай

и вой? Наблюдать за тем, как все та же, похожая на волка собака, упорно сидит под калиткой, пытаюсь вернуть расположение «хозяина», а Нестор ее не замечает? Даже Инга уже не могла выносить жалкий и прибитый вид животного. Ее сердце дрогнуло, забыв о том, на кого собака пыталась напасть.

Она пробовала поговорить с Нестором об этом. Правда, вид подживающей раны на его руке не позволил сильно настаивать. Честное слово, Инга еще помнила, распахнутую пасть, сомкнувшуюся на этой руке, и это воспоминание было ужасным.

Потому только вздохнула, когда Нестор пресек все ее слабые попытки поговорить о собаке резким ответом:

– Она угрожала моему.

Инга так поняла, что под «моим», Лютый имел в виду не свое здоровье, а саму Ингу. И больше не спорила. Да и не выиграла еще ни одного спора с этим мужчиной, так что смысла не видела, несмотря на нарастающее глухое раздражение от того, что ее мнение и слова не принимались во внимание.

В общем, Инга послушно легла спать. А сейчас проснулась, ощущая тяжелую, ноющую боль внизу живота.

Ой. Ой-йой. Кажется, регулярная половая жизнь внесла свою лепту в нормализацию ее гормонального фона и цикла. Или это «санаторный» режим полного отдыха, что Лютый ей «прописал» и заставлял строго выполнять? В общем, так или иначе, а у нее точно началась менструация. И продолжать лежать – сейчас не вариант. Ни прокладок, ни тампонов, ни каких-либо иных средств гигиены Инга с собой при побеге не брала. Даже в голову не пришло, если честно. Да и Нестор больше в аптеку не ездил, собственно, Инга его и не просила. Так что придется думать, как теперь справляться.

Попытавшись сообразит, что имелось подходящего в доме, она наконец вспомнила про вату и бинт, имеющиеся в аптечке. И про то, как когда-то именно таким «арсеналом» мать и учила ее обходиться.

Осторожно приподняв голову, Инга попыталась тихо и аккуратно встать с постели. Разумеется, глупая и даже абсурдная попытка, если рядом с вами спит наемный убийца.

– Куда?

Сиплый шепот раздался у ее уха одновременно с тем, как сильная рука Нестора обвилась вокруг живота Инги. В данный момент это было не очень приятно. Так что вместо вразумительного ответа и объяснения она только сдавленно ухнула.

Зря.

Стоило Лютому услышать этот ее всхлип, как Инга утратила слабое преимущество тех сантиметров, на которые уже сумела выбраться из кровати. Все та же крепкая рука потянула, беспрепятственно откинув Ингу назад, на подушку, и Нестор навис над ней, видимо, в полной темноте что-то рассматривая в лице Инги.

– Что? – тем же тоном, только уже громче и настойчивей, потребовал он ответа.

– Ничего, – придя в себя от такого «массированного» наступления с его стороны, спокойно ответила Инга. – Все нормально. Мне просто надо в ванную.

И она опять попыталась встать, прикидывая, что горячей воды с вечера не осталось, но Нестор почти всегда оставлял чайник с водой у самой грубы, которую продолжал топить. Потому как не считал возможным для Инги даже руки мыть холодной водой. Так что с этим проблемы не будет.

И действительно, проблемы у Инги возникли вовсе не с водой. А все той же твердой

уверенностью Нестора в том, словно бы он имеет полное право контролировать абсолютно все, происходящее с ней. Позволив ей встать, Лютый поднялся следом, не отставая ни на шаг.

– Нестор, я сама справлюсь, – попыталась избавиться Инга от его присутствия и наблюдения, испытывая мучительное смущение.

Ее всегда учили, что мужчине не следует особо углубляться в эту особенность женского организма. И пусть он изучил ее едва ли не «вдоль и поперек», несмотря на то, сколько и каким образом занимался с ней сексом, Инга не могла представить, как сейчас будет делать себе прокладки при Несторе. Или мыться. Или использовать это самодельное средство гигиены.

Ее корбило изнутри так, что даже горло нервно сдавило и Инга начала нервно хрустеть суставами пальцев. Что, само-собой, тут же заметил Лютый.

– Плохо?

Она, кажется, просто почувствовала, как он нахмурился, словно ощутила колебания воздуха, возникшее от движения его мышц и кожи. Очевидно, после ее слов о ванной и из-за нервозности Инги, Нестор приписал ей уже какое-то заболевание.

Она остановилась на середине кухни, у столь памятного и примечательного стола, зачастую, занимавшего центральное место в расписании ее дня. И попыталась подавить свою сумятицу в голове, а так же успокоить его. Возможно, тогда Нестор даст ей хоть какое-то уединение?

– Все хорошо. Я нормально себя чувствую. Мне просто надо в ванную на пару минут. И все.

– Зачем? – его голос едва не вибрировал от странного и совершенно непонятного Инге напряжения. Будто бы Нестор действительно сомневался и даже испытывал серьезное беспокойство. – Что с тобой?

Впервые за последние четыре дня он расширил свои односложные реплики.

Инга поняла, что проще будет ответить, как есть, несмотря на то, что ее продолжало от этого корбить. И стыдливость никуда не делась.

– Менstrуальные. У меня начались менstrуальные, – испытывая раздражение от того, что он вынуждает ее это объяснять, буркнула она.

Она повернулась и зашла в ванную.

– Что тебе надо? – немного расслабившись, похоже, даже спокойно, проговорил Нестор собранным и деловым тоном. И пошел за ней. – Зачем? – Тут же спросил он, увидев, как она достает все из аптечки, ориентируясь только по отсветам луны, попадающим в окно.

– Ради Бога! – Инга не удержалась. Ей действительно хотелось уединения. – У меня ничего нет! Я попытаюсь... – Инга заставила себя замолчать и сделать глубокий вдох, понимая, что из-за своей неловкости и раздражения срывается в истерику. – Сделаю себе прокладку, – гораздо тише проворчала она. – Выйди, пожалуйста! – искренне попросила, испытывая все то же нервное напряжение от его неослабевающего внимания.

– Тебе такого хватит? – не обратив никакого внимания на ее просьбу, спросил Нестор.

И, видимо, в отличие от просьбы, заметив взвинченность и нервозность Инги, обхватил ее шею своей ладонью. Теплой и большой. Твердой. Но его пальцы так неожиданно осторожно начали скользить вверх-вниз по затылку Инги. Словно бы успокаивали. Гладили... Впервые что-то, действительно похожее на поглаживание.

Это ее обескуражило.

– Я не знаю, – честно призналась Инга. – Сто лет ничего подобного не использовала.

– А что?

Это он объяснения ждет? Она обреченно зажмурилась, понимая, что Лютый не остановится, пока не доковыряется до самой сути.

– Тампоны. Обычно я использую тампоны. – Раздражение и внутренний дискомфорт нарастал.

Он молчал около минуты.

– Час. Хватит? За поселком есть заправка. Там круглосуточный магазин. – Выдал вдруг Лютый.

И теперь ей потребовалось несколько секунд, чтобы все «переварить».

– Ты что? Сейчас сколько? Час? Два часа ночи? Я перебуюсь ватой и бинтом. Правда. Не надо, – искренне растерялась Инга, поняв, что Нестор собрался ехать в магазин прямо сейчас.

Но он не планировал ее слушать, кажется.

– Тампоны, – еще раз проговорил он, словно проверяя, правильно ли выговаривает. – Час, – повторно уточнил Нестор.

И вышел, видимо за одеждой. Зажег керосиновую лампу в кухне. А через две минуты уехал, оставив ее все же в столь долгожданном одиночестве.

На несколько минут Инга застыла, почему-то поняв, что впервые осталась одна в доме ночью за эти дни. И почти уверилась, что сейчас вновь начнет ощущать нечто, чего не может слышать или чувствовать. Вся напряглась, сжимая в руках вату и бинт.

Но ничего не происходило. Дом казался тихим и спящим. Таким, каким всегда был при Лютом. Насколько бы глупым не казалось ей так описывать жилье. Так что Инга, все еще прислушиваясь и поглядывая через плечо на кривые тени и отблески света на стенах, все-таки пошла за теплой водой, чтобы привести себя в порядок.

Он не сомневался, что управится за час. Двадцать пять минут на дорогу до той заправки – как раз достаточно. И думал сейчас не об этом. Нестор был зол. Даже в ярости. И не стал бы отрицать этот факт. Не стал бы себя оправдывать. Потому что не подумал заранее о том, что может понадобиться Инге. Не обеспечил все необходимое.

И за это стоило бы отправить самого себя как минимум на два штрафных круга.

Однако в данный момент злость стоило отодвинуть на последнее место, обеспечив все, в чем она нуждается. И сделать так, чтобы больше не допустить подобной ошибки и просчета. Никогда.

Не после того, что отдавала ему Инга. Без всякого принуждения.

Впервые ощутив ее прикосновение несколько дней назад, Нестор оказался озадачен и выбит из колеи. Дезориентирован. Зачем? Что именно заставило ее наклониться и коснуться его? Прижаться руками, губами к его коже? Она так испугалась дурацкого укуса той собаки? Волновалась, что с ним что-то случится, и это отразится на ее состоянии и безопасности?

Вероятно.

Но суть, окончательно нарушившая его представление об этой женщине, оказалась в другом. Этим прикосновением, своими пальцами, губами – она не просто позволила ему взять себя еще больше. Не только телом, кожей коснулась его кожи. Инга каждый раз вкладывала в это частицу своей души, силы, сути. Того, что в принципе составляет основу

жизни любого человека. То, что Нестор умел определять и чувствовать в каждом с самого детства, как и любой член его рода. То, что он обычно забирал у своих жертв без всякого спроса, убивая заказы. То, что мог забрать и у Инги. Что впервые увидел в ее глазах еще на той поляне, нависнув над этой женщиной с пистолетом, пусть уже и знал, что не будет лишать ее жизни. И вот теперь, она по собственному желанию отдавала свою суть ему. Кусочек за кусочком. Оставаясь при этом живой. Улыбаясь зачем-то. Заставляя улыбаться его.

Это не было привычно. Это не было в норме. Нестор всю свою жизнь наблюдал за людьми. Изучал и познавал их суть едва ли не изнутри. И почти никто не готов был настолько открывать себя другому человеку. Делиться собственной частью. Даже самые близкие и имеющие родство по крови. Тем более не те, кого себе присвоили.

Так что, да. Он не имел право допускать подобных просчетов. Нестор четко осознавал это, паркуясь у заправки.

Продавец в магазинчике двигался слишком медленно. Так же, как и оператор в зале самой станции. Как и их охранник. При желании всех троих можно было снять за минуту, и никто ничего не успел бы сообразить. Расстрелять практически в упор.

Он пришел сюда не за этим. Хотя их медлительность и бесила. Лютый умел держать себя под контролем.

Если дело не касалось Инги.

А здесь он был для нее. Так что эти трое имели серьезные причины, чтобы начать беспокоиться и двигаться активнее сонных мух. И все же, он не доставал оружие. Лишнее внимание им с Ингой вовсе не нужно. И терпеливо ждал целых три минуты, пока до прыщавого продавца дойдет, что именно ему необходимо.

Назад придется ехать с большой скоростью, чтобы вложиться в отведенное для себя время, компенсируя это чертову медлительность парня. Но он продолжал терпеливо ждать.

А вот когда продавец все-таки очнулся от своего сна и махнул рукой на необходимую полку, Лютый понял, что назад надо будет ехать еще быстрее. Потому как ни он сам, ни этот паренек совершенно не имели понятия, чем отличаются все эти пачки.

Двенадцать пачек.

Нестор привез двенадцать упаковок всевозможных тампонов. Всех существующих объемов, кажется, расфасовок и фирм.

Инга не знала: смеяться или хвататься за голову, когда он бухнул пакет с этим «богатством» на стол. Причем с таким серьезным лицом, что смеяться, наверное, все же не стоило. В конце концов, это ведь Инга не уточнила, что именно необходимо. И все-таки, губу пришлось закусить, чтоб та предательски не дрожала от сдерживаемого смеха.

Этот мужчина был ненормальным. Точно одержимым. Почему-то данный пакет послужил для нее настолько откровенным подтверждением данного факта, что более не возникало сомнений.

Ну, кто купит столько? Ну, две-три пачки, если не уверен, чтоб на всякий случай. Но двенадцать? Он что, весь запас того магазинчика сгреб?

Инга подозревала, что так и произошло. Однако, несмотря на появившееся понимание, его поступок тронул ее. Безумно, безгранично. Чем бы Нестор ни руководствовался, покупая столько.

Двойственность. Сплошная двойственность, с которой она никак не могла разобраться

в своем отношении к нему.

– Спасибо, – выдавила Инга из себя тогда, когда была уверена, что сдержится. Не рассмеется.

Он серьезно кивнул, наверное, не заметив подвоха.

Схватив подходящую ей упаковку, она пошла в ванную.

Он отметил, что именно она взяла, Инга это практически прочувствовала. И тут же двинулся следом, заставив Ингу резко остановиться. Неужели, он не понимает, что она вполне может справиться с этим самостоятельно? Честное слово!

– Нестор, пожалуйста, не надо. Я не могу так.

Веселье моментально сменилось тем же неудобством и стыдливостью, что и час назад. Но, как и тогда, он не внял ее просьбе. Подошел ближе, внимательно всматриваясь в лицо Инги. Перевел глаза, осмотрев всю ее фигуру. И вдруг протянул руку, накрыв ладонью ее поясницу.

– Болит? – чуть сдвинув брови, он требовательно всмотрелся в ее лицо.

Поясницу у Инги и правда тянуло. Как и живот. Но она совершенно не хотела заострять на этом внимание или демонстрировать ему тот дискомфорт, который через пару часов пройдет. И была уверена, что неплохо держится, незаметно напрягает мышцы и идет совершенно нормально. Однако, зря надеялась. Разумеется, этот мужчина заметил.

– Все нормально, – со вздохом отмахнулась Инга. – У меня всегда так. Через несколько часов пройдет.

Но вопреки всем ее словам, Инга видела по твердому взгляду голубых глаз, что его ничего не убедило. И что он не позволит ей остаться в ванной одной.

Внутри словно натянулось что-то, закрутилось сильно-сильно, вызывая безумное напряжение, вдруг вместившее и усталость от всех его приказов и требований, от невозможности в чем-то участвовать и что-то делать. И разорвалось, треснуло, рождая противное, в чем-то даже омерзительное ощущение своей полной беспомощности и невозможности что-то изменить. Как-то повлиять на абсолютное нежелание этого мужчины понять ее нужду в пространстве и праве решать хоть что-то. Пусть не глобальные вопросы безопасности. Но то, что касалось ее организма, в конце концов.

Инга уже даже набрала воздуха в легкие, чтобы попытаться достучаться до него. Может быть, даже позволила бы себе разозлиться и крикнуть.

Но вновь посмотрела на полный пакет. Перевела глаза на Нестора. И отвернулась. Промолчала, ощущая какое-то безнадежное понимание, что вряд ли сумеет «достучаться». И в то же время, чувствуя невыразимую благодарность за его поступки и безоговорочную готовность сделать для нее не просто «все», а в сто раз более необходимого.

Два несовместимых, несопоставимых ощущения. Но что Инга могла изменить?

Сцепив зубы, она просто занялась необходимыми манипуляциями, заставляя себя делать вид, что это нормально: настолько интимное для нее занятие проводить при мужчине. Пусть даже и при том, с которым имела сейчас практически полноценные отношения.

А когда закончила и обернулась, с удивлением увидела, что Нестор облокотился о подоконник, и в тусклом свете от керосиновой лампы в кухне внимательно изучает инструкцию, видимо вытянутую им из упаковки с тампонами. Зачем ему это? Она понятия не имела. Но не спросила. Вытерла насухо руки и побрела в спальню, мечтая свернуться под одеялом и как-то так согреться, чтобы уменьшить боль. И может быть, еще уснуть, потому

что сонливость, наверное, нормальная для этих часов ночи, никуда не ушла из ее организма.

Лютый последовал за ней из ванной, без всяких вопросов или выяснений. Лег на кровать. И движением, четко демонстрирующим, что имеет на это полное право, накрыл ладонью живот Инги.

Это было приятно. Тепло. Хорошо.

Не особо размышляя, она решила, что тоже имеет право на многое. Взяла и подвинулась спиной к его большому телу, такому же горячему, как и ладонь Нестора. Поерзала, устраиваясь так, чтобы стало тепло и комфортно в пояснице. Он позволил. Сам помог, обхватив второй рукой ее бедра и чуть приподнял, устраивая Ингу удобней. Так, что она через пять минут отключилась, совершенно согревшись и ощущая облегчение. А еще все те же абсолютно противоположные чувства и мысли касательно Нестора. Какое-то безграничное понимание и родство, и в то же время – дикое желание доказать, что имеет право на самую себя, злость от того, что он это игнорирует.

Но уже через несколько часов ее спокойный сон был вновь настойчиво прерван. Нестор навис над ней в искристом свете разгорающегося рассвета. И выражение его глаз явно демонстрировало, что он не позволит Инге спать дальше.

– Что? – совершенно не понимая, что случилось, Инга попыталась полностью раскрыть глаза.

– Четыре часа.

Она не поняла, что это значит.

– Уже четыре? Всего? И что? Что-то случилось? – она зевнула, хоть и старалась подавить это желание.

– Четыре часа прошло, – повторил Лютый, и тыкнул ей под нос какую-то бумажку, в которой Инга не сразу узнала ту самую инструкцию к тампонам. – Ты должна поменять.

Все равно, ей потребовалось еще минут пять, чтобы осознать – он действительно говорит совершенно серьезно. И настроен решительно. Настолько, что если Инга сейчас сама не встанет и не заменит тампон, он займется этим.

Ужас. Кошмар какой.

– Это не так критично, – попыталась объяснить ему Инга, отодвигая от себя инструкцию. – Плюс-минус несколько минут, или даже пара часов ничего не решат. И...

Он напрягся. Она ощутила, как натянулось его тело. И видела, как потемнели глаза Нестора. А еще заметила странное, необычное для него выражение лица: какое-то тяжелое и принужденное.

– Больница далеко. Я не успею довезти, если... – Он говорил с паузами. То ли из-за своей не любви к разговорам в принципе, то ли пытаюсь ей понятней объяснить. То ли еще отчего-то. – Ты должна поменять. Или я сожгу остальные. Дам тебе ткань.

Инга ошеломленно уставилась на него.

– Знаешь, это ненормально, Нестор, честное слово. Я знаю, о чем говорю. Угроза синдрома токсического шока не настолько высока, чтобы так реагировать, – осторожно попыталась она воззвать к его разуму.

Было ли к чему? Вот в чем она в этот момент сомневалась.

Он промолчал. Только так же смотрел ей в глаза. Настолько выразительно, что Инга почла за лучшее все же встать, чтобы спасти от сожжения все те двенадцать упаковок.

– Ты – больной, – его поведение разозлило ее настолько, что она даже не побоялась это буркнуть. – Совершенно ненормальный. Seriously. Я скоро не выдержу и прибью тебя.

Он улыбнулся. Самым натуральным образом.

– Я не шучу! – вдруг крикнула Инга, поняв, что это просто взбесило ее.

Нестор улыбнулся шире. И так поднял бровь, словно прямо сейчас предлагал ей попробовать. Или прекратить спорить и идти в ванную. Искушение было сильным. А вот ее возможности, и Инга это отчетливо понимала, к сожалению, маленькими. Потому она решила подчиниться. Пока.

А еще через три дня все-таки не выдержала. Смирение-смирением, но у Инги психика и терпение, к сожалению, оказались не железными, и она закатила истерику, сорвавшись. И не хотела, вроде бы, все время частью сознания понимала – Нестор о ней заботится в первую очередь. И не выдержала.

Хотя, тут многое совпало, наверное. У нее часто на середине менструации настроение становилось отвратительным: у кого-то «до» такое случалось, с кем-то – после. А вот Инге «везло» с гормональными бурями и истериками в «самом процессе». И если обычно ей помогала взять себя в руки загруженность на работе, таблетка «Ново-пассита», или шоколадка, хотя бы, то сейчас она оказалась лишена всех своих способов борьбы с депрессией.

А еще и курить было нельзя. Оно, вроде бы, тоже, все это время не особо раздражало, хотя иногда «накатывало» так, что она готова была что угодно пообещать за сигарету. Только Лютый на эти обещания и мольбы не реагировал. В другое время Инга даже обрадовалась бы, наверное, что рядом настолько непоколебимый в этом вопросе человек, и она наконец-то имеет все шансы навсегда избавиться от вредной привычки. Но сейчас...

Сейчас всего оказалось чересчур. Особенно этого контроля. И когда он в очередной раз проговорил: «пора», имея в виду необходимость замены тампона – заорала:

– Прекрати!! Просто прекрати, Нестор! – в полный голос закричала Инга, и в отчаянии ударила руками по столу, не заботясь о том, что не так давно обещала ничего подобного не делать. – Я не робот! И не заводная игрушка! И сама могу решить, когда мне менять или не менять средства гигиены! Или, когда мне спать ложиться! Или зубы чистить, в самом деле!

Все это она кричала, выплескивая злость, раздражение и то чувство своего бессилия, неспособность что-то ему доказать, которые просто переполняли ее в эту неделю. Не обращая внимания ни на реакцию Нестора, ни на его глаза, глядящие на нее в тот момент неотрывно.

Лютый даже не моргал, похоже.

А она не могла остановиться. И понимала, что глупость делает, что это все пустое и уж точно не стоит по такому поводу закатывать истерику, а прекратить не могла. Как тогда, когда взорвавшись, сама себе первая волосы остригла, а Нестор ее затею только «поддержал».

Что же он сейчас устроит?

Вроде испугаться надо. Такого человека-то. А Инга не боялась.

И сама не смогла бы сказать, когда прекратила опасаться этого мужчину? Быть может тогда, когда он впервые объяснил, что ее руки надо вылечить? Или когда потом накормил? Или когда стал между ней и собакой, закрывая от агрессии животного? Или, когда просто сказал, что не хочет делать ей больно?

Этих моментов было столько. Бесконечно много за какие-то две недели. И, наверное, каждый из них по кусочку разрушал ее страх и опасения, превращая совершенно незнакомого Инге человека с довольно опасной и, чего лукавить, асоциальной профессией, в очень близкого. И знакомого. Не интересами и жизненными увлечениями, о которых Инга и сейчас представления не имела. А каким-то интуитивным, самым древним и простым способом узнавания, когда глядя, просто касаясь – признаешь и принимаешь человека

«своим». Не потому, что от него сейчас жизнь твоя зависит: по большому счету не Нестор решил оставить ее в живых, насколько знала Инга. А потому, наверное, что глядя ему в глаза, всматриваясь в лицо этого мужчины, не отличающегося эмоциональностью, у Инги появлялось странное, но очень твердое убеждение, что она его понимает.

Однако сейчас Инга думала не об этом всем. Она в принципе не думала, просто кричала.

А он смотрел. И этот взгляд...

Бог его знает, что стояло в голубых глазах Нестора, но она вдруг осознала, что ей надо выйти. Прочь. На улицу. Срочно. И глубоко вдохнуть. Глубоко-глубоко, чтоб аж голова закружилась, и в глазах заребило от избытка кислорода.

Повинуясь этому импульсу, она круто развернулась и направилась к двери. Вот только, у Лютого имелось совершенно иное мнение на этот счет, что она могла бы предвидеть. И не успела Инга сделать и два шага, как ее плотно и крепко обхватили его руки.

– Что?

Ей почему-то плакать каждый раз хотелось, когда он говорил. Она не смогла бы внятно выразить это ощущение. Ведь общалась с десятками людей ежедневно ранее, и всегда считала естественным, если человек объяснял свои действия. Но когда говорил Нестор... Инге самой становилось больно. словно она физически ощущала то, что приходилось ему преодолевать, чтобы озвучить ей свои мысли. Так иногда чувствуешь себя, когда разговариваешь с больным ангиной – сам ощущаешь, как больно собеседнику слово проговорить. Но у Нестора словно бы не горло болело, так не казалось, несмотря на вечную сиплость голоса. А будто бы вся грудь огнем горела, и разрывалась от боли от самого простого слова. И хоть она в принципе не знала, с чего подобное выдумала, Инга готова была многое отдать, чтобы понимать его мысли. Лишь бы Нестору не приходилось так себя принуждать. Ведь несмотря ни на что, он раз за разом старался с ней говорить, преодолевая все, чтобы его не терзало.

Близким. Он стал ей очень близким.

Глупо? Вероятно. Но у Инги сейчас не было сил и возможности об этом размышлять. Иногда бесят и самые близкие люди.

– Отпусти! Мне надо выйти! – прохрипела она, ощущая удушье.

Не потому, что он крепко держал.

Ее душил этот дом. Ее истерика. Вся ситуация. Мысли.

– Что с тобой? – повторил он, и не думая ее послушать.

– Ничего!! – она просто не сумела сдержаться.

И даже для себя неожиданно, отчаянно вцепилась в его руки, стараясь освободиться. Принялась извиваться и дергаться.

– Нестор, я просто хочу выйти на улицу! Или я уже и дышать не имею права по своему желанию?! – в каком-то исступленном отчаянном возмущении, закричала Инга. Да, что там, заорала просто. – Я задыхаюсь, понимаешь? Мне нужно выйти!

Ей действительно не хватало кислорода в воздухе. Не по физическим причинам или составу «газовой смеси», которую она вдыхала. Ингу колотило и трясло от переизбытка эмоций.

То ли ощутив это, то ли от незнания, как в этот момент себя повести, Нестор ослабил хватку, и Инга вырвалась из его рук, подлетела к двери, резко рванув ручку. А когда оказалась на крыльце – едва не согнулась пополам. Уперев ладони в колени, она сделала

глубокий вдох.

Сзади приблизился Нестор. Наверняка, в упор смотрел на нее, не допуская расстояния между ними больше полуметра.

Инга медленно выпрямилась. Ей не стало лучше. Кроме того, стоило им обоим оказаться на крыльце – зашлась лаем собака. Не то с перепугу, не то приветствуя «хозяина», который в последние два дня, наверное, учтя «угрозу» Инги, что она сама пойдет кормить бедное животное, если он этого делать не хочет, подкармливал «волка». Собака никуда не отходила от дома, и Инга начала серьезно опасаться, что животное истощится. Правда, о том понимании и даже какой-то ласке, которую Инга видела между ними перед нападением, речи не шло. Нестор даже ничего не говорил животному, никак не проявлял своей привязанности, если таковая и имелась. Просто оставлял еду. Категорически запретив Инге приближаться к собаке.

И сейчас лишний шум никак не способствовал улучшению настроения Инги. Более того, на фоне взвинченных нервов, показалось, что даже животное «издевается» над ней, стараясь разозлить сильнее.

– Заткнись! – рявкнула она со всей твердостью и раздражением, почему-то утратив всякий страх перед этой собакой.

Животное послушалось, как ни странно. Перестало заходиться лаем, даже присело на задние лапы. И только как-то тихо и неуверенно тявкнуло. Это принесло Инге некоторую толику удовлетворения. Слабую, но все же, радость от победы над своим страхом. Теперь она не боялась эту собаку, однозначно.

Не оборачиваясь к Нестору, все еще кипя внутри, Инга двинулась в противоположную сторону твердым, даже тяжелым шагом, ощущая, что мышцы продолжают дрожать от накопившихся эмоций. Остановилась у края старого огорода, заросшего молодой травой. Осмотрелась.

Сразу за огородом начинался лес. Сейчас, когда уже начала появляться листва, он казался веселее и более жизнерадостным, нежели ранее, когда массивная громада деревьев с голыми ветками темнела со всех сторон от хаты. Но и таким, он воспринимался Ингой как нечто темное и враждебное. Она нигде в последнее время не ощущала себя спокойно. Ничто не внушало ей доверия теперь.

Почти ничего...

Она сделала еще один глубокий вдох. Посмотрела вокруг, делая вид, что не замечает Нестора. Но у нее это не вышло, слишком внимательно и пристально этот мужчина смотрел на нее, слишком глубоко заглядывал внутрь ее сущности. Пришлось совершить единственное, что пока было доступно – она зажмурилась. Отвернула голову и только потом снова посмотрела вокруг. Инга старалась рассредоточить внимание, расслабиться. Раздражение и злость схлынули, оставив чувство пустоты и какой-то невыразимой печали. Инга ощутила себя бесконечно несчастной. Захотелось разрыдаться от жалости к себе.

Проклятые гормоны!

Позади нее, около задней стены дома, лежало старое бревно, полностью очищенное от коры. Видимо, имитирующее здесь скамейку.

Отступив на шаг, она опустилась на это бревно. И, поддавшись порыву, опять зажмурилась, даже ладонями закрылась от окружающего мира. Она действительно сейчас все воспринимала враждебно и со страхом. Кроме Нестора, почему-то.

Это было совсем неразумное. И она уже не раз повторяла себе все аргументы. Но факт

оставался фактом – Инга все равно испытывала к этому мужчине доверие. Практически абсолютное. Только от этого, почему-то, она почувствовала себя еще горше.

К тому же, ей вдруг стало очень стыдно. Он для нее столько делает, так старается, а она срыгается, потому что не может обуздать свое настроение и гормоны? Это, определенно, недостойное поведение. И еще было бы простительно для ребенка. Ну, подростка от силы. Но она-то взрослая женщина. Как до такого докатилась?

Однако это понимание и стыд не только не уменьшили жалости к себе. Они ее усилили. Даже не жалость, наверное, а расстройство. Печаль, в которую трансформировался весь тот безумный коктейль раздражения и эмоционального возмущения, что руководил ее сознанием в последние пять-семь минут. Это вызвало совершенно ненормальную реакцию – по щекам Инги потекли слезы. Она не хотела плакать. Действительно не хотела. Но не могла с этим справиться. Это было настолько же сильно и мало контролируемо, как и ее истерика после своей «стрижки».

И, ясное дело, не успела Инга и три раза всхлипнуть, как Нестор, все это время стоявший рядом, но все же оставляющий ей некоторое пространство, уже оказался впритык. Она ощутила, как Нестор крепко обхватил ее ладони и потянул их вниз. Сильно. Так что, несмотря на свое полное нежелание показывать ему собственную слабость, Инга не смогла удержать руки на месте. И ей пришлось посмотреть прямо ему в лицо.

Нестор смотрел напряженно. Она почти ощущала его взбудораженное сознание и непонимание, которое чуть ли не вибрировало вокруг мужчины.

– Плохо? Что болит? – то же непонимание сквозило и в его сиплом, натужном голосе, заставив Ингу испытать еще больше стыда и самоуничижения.

– Ничего, – она всхлипнула и попыталась вытереть слезы. Но он продолжал ее держать, и достать до щек пальцами оказалось почти невозможно. – Прости, Нестор. Seriously, я не хотела.

Инга набрала воздух в легкие, и почему-то закашлялась. Он показался ей слишком холодным для такого теплого дня. Холодным и колючим. Каким бывает воздух при морозе.

Нестор продолжал молчать, и смотреть прямо в ее глаза, явно требуя объяснений. Внятных и убедительных. Иначе... Господи, она даже вообразить не могла, чем все могло закончиться и к каким выводам сможет прийти этот мужчина, если она не сумеет рассказать, что же с ней такое. И какой новой «оберегающей» заботой это все может закончиться для нее.

– Извини, – еще раз повторила Инга, прилагая максимум усилий, чтобы голос не дрожал. Слезы все еще рвались наружу. – У меня такое бывает. Гормоны. Я обычно успокаивающие пью, или шоколад. А тут – накопилось все, и курить хочется, и твое постоянное дерганье. Нет, я понимаю, что ты обо мне в первую очередь думаешь, но это все как-то слишком... – она всплеснула руками, не зная, как донести это все мужчине.

Это женщина поняла бы ее с полуслова. А тут... Любому мужчине такое объяснить непросто. А уж Нестору, как казалось Инге, попросту нереально. Что он знает о ПМС? Или о несомненной и неоспоримой пользе шоколада в такие дни? Он, вообще, когда-нибудь сам ел шоколад? Инга не была уверена в положительном ответе.

И, не зная, что еще добавить, в отчаянии посмотрела ему в глаза.

Нестор не понимал. Он не мог сопоставить факты. Совершенно не улавливал причинно-следственную связь происходящего. И не понимал, что послужило причиной слез Инги.

Она выглядела не довольной. Не спокойной. Не счастливой.

Почему? Ведь он обеспечил все, чтобы Инга испытывала удовольствие. И покой.

Вместо этого – она плакала.

Нестор уже видел ее слезы. Однако тогда они его не задели. Он четко знал их причину и понимал, что поступает единственно верно. Он должен был вылечить ее руки. И некоторая болезненность была неизбежным спутником того процесса. Сейчас же он совершенно не понимал, что заставило Ингу плакать. Кричать. И нервничать, определенно, причиняя себе дискомфорт и неудобства.

Это все казалось неправильным. Совершенно. Она не должна плакать.

Что-то внутри него буквально рычало от этого. От того, что по ее щекам текли слезы, а он не мог найти этому объяснения. Не мог оценить – имеется ли реальная угроза ее самочувствию и здоровью. Не имел достаточно данных, чтобы сделать правильные выводы.

Он вновь допустил где-то ошибку? Где? Какую?

Воздух зашуршал с невероятной силой, чего не случалось все эти дни. И стал колюче-острым, задевая кожу, царапая его бронхи и легкие при каждом вздохе.

– Что... надо... сделать? – преодолевая сопротивление напряженных мышц, потребовал он ответа, удерживая руки Инги своими и не позволяя ей отвернуться. – Чтобы это прошло?

Она облизнула губы и посмотрела на него с виной. И со стыдом.

Чего она стыдится?

Этим чувствам в глазах Инги он так же не мог найти обоснования. Как и слезам.

Инга рассмеялась. Придушенно и сквозь слезы. Но рассмеялась.

Он все еще ни черта не понимал, что с ней происходит, несмотря на то, что очень неплохо улавливал причины любых человеческих поступков. В Инге же сейчас ощущал лишь растерянность. И опустошенность. Но непонимание источника этих эмоций его настораживало.

– Может, ну так, случайно, у тебя есть шоколад? – еще раз шмыгнув, спросила она.

У него не было шоколада. И он в принципе сомневался в том, что какая-то еда тут поможет. Разве он плохо кормил ее? Лютый тщательно следил за тем, чтоб рацион был сбалансирован и содержал все необходимое количество белка, жиров и углеводов. Так что Нестор нуждался в большем количестве информации об этом.

Факты. Их не хватало.

– Ну, я так и думала, – Инга слабо усмехнулась, когда он не ответил. – Мне умыться надо. Извини, Нестор, я действительно сожалею о своей истерике, – опять повторила она.

Промолчав, он отрицательно качнул головой и поднялся сам, потянув за собой и Ингу. Отвел ее в дом, мимоходом отметив, что собака так и не решилась больше лаять на Ингу. Силу эти животные всегда уважали. Силу воли больше, нежели тела. Инга доказала ей свой авторитет, не выказав в этот раз и толики страха.

Довел ее до ванной, сам принес горячую воду в чайнике, дождался, пока она умоется и наконец-то сменит тампон, что его довольно выраженно напрягало все это время. А потом, так ни слова и не сказав, отвел Ингу в спальню и жестом руки велел лечь.

– Я в поселок, – пояснил он, так как собирался сегодня покупать продукты, и время поджимало, заставляя его уезжать, когда стоило бы остаться.

Инга как-то напряженно и нервно хмыкнула. Но легла, хоть и со вздохом.

– Я не могу с тобой поехать, да? – тихо поинтересовалась она без всякой надежды в голосе.

Он видел, чувствовал, что Инга не ждет и не рассчитывает на его ответ, тем более на согласие. Однако, отчего-то, ощутил потребность объяснить.

– Тебя еще ищут. Милиция... Не стоит никому видеть...

– Да, я понимаю. Это так, просто, вырвалось, – прервав его, Инга передернула плечами.

И отвернувшись к стене, укрывшись одеялом почти до подбородка, хотя день сегодня выдался теплым и он даже грубу топил едва-едва, только, чтобы готовить.

Развернувшись, Нестор вышел. Осмотрел все пространство дома. И впервые за все эти дни – собрал все, что посчитал опасным (не для себя, он и голыми руками смог бы себя убить, для Инги), вынес из дома в сарай. Нестору очень не понравилось то чувство опустошения, которое отчетливо проецировала Инга всем своим поведением.

Запер двери и дома, и сарая. Собственный просчет, который он никак не мог выяснить, добавлял недовольства собой, заставлял перестраховываться.

Лютый мысленно выделил себе сорок минут на все, и на покупку продуктов, и на получение хоть какой-то информации. Ноутбук он все эти дни оставлял в машине, не видя потребности в этом устройстве. Так же как и 3-G модем, который, к сожалению, здесь не «ловил» сигнал станции. Не зря когда-то этот дом пришелся ему по душе. Полностью изолированный.

Времени почти хватило, хотя был момент, когда Нестор едва не прекратил поиски необходимого, считая более насущным вернуться к Инге. Он купил продукты. И шоколад. А еще ромашку, мяту, мелису и валериану, несмотря на то, что испытывал сомнения в правильности проведения старушкой сбора и засушки этих трав. Однако пока не имел иного варианта. У этой же старухи он купил и небольшой моток красной шерстяной нити. Так что был почти доволен, когда возвращался.

Инга и не спала, и не бодрствовала. Она пребывала в каком-то странном, отрешенном состоянии. Не спокойном. Бессильном. Опустошенном. Инга еще какое-то время плакала после того, как Лютый уехал. Вообще без причины. Чувствуя себя идиоткой.

Сейчас слезы кончились. Да и истерика, вроде бы, улеглась. А легче не стало. Совершенно. Только щеки горели и глаза немного пекло, а на душе было все так же тяжело. И грудь давило, словно бы Инга задыхалась. Тяжело. Ей было очень тяжело. И очень хотелось, чтобы Нестор скорее вернулся.

Он забрал у нее маникюрные ножницы.

Инга не могла в это поверить. Но факт оставался фактом. Он это сделал. Да и другие острые предметы, ранее спокойно оставляемые Нестором в пределах ее досягаемости, теперь оказались для нее недоступны. Очевидно, вчерашняя истерика оказала неизгладимое впечатление на Лютого. Только она пока не поняла: опасался ли он того, что она на него бросится с щипчиками, или того, что Инга себе попытается вены порезать?

Ха.

Нет, про нападение, это Инга себе конечно льстила. И откровенно иронизировала. Она прекрасно понимала – вряд ли сумеет причинить вред или заставить врасплох этого конкретного мужчину. Разве что с огнестрельным оружием. Но и то было ей недоступно. Да и не стремилась Инга причинить Нестору вред. Даже в мыслях уже такого не было.

Зато у нее появилось весьма нестандартное «украшение» – этакий «браслет» на руке из красной шерстяной нити с семью узелками.

Сказать, что Инга удивилась, когда он молча подошел к ней, едва вернулся из поселка, и начал завязывать это все у нее на руке – ничего не значило бы.

– Ты что? Кабалой увлекаешься? – растерянно уточнила она, имея смутное и неопределенное представление о некой связи между этой загадочной и малопонятной ей религией и модным трендом на нее у известных личностей.

Нестор ответил не сразу, сначала закончил то, чтобы там не делал, завязывая узелок за узелком на ее запястье. Инга испытывала странное ощущение, что он еще и что-то про себя проговаривает при этом. А еще – ей было страшно осматриваться: дом словно «взъерошился». Дикое ощущение. Такое, которое не опишешь нормально человеческим языком. И только ощущаешь как по спине холодные «мурашки» бегают, и воздух вокруг словно шелестит. Будто делает слышимым то, что Нестор про себя бормочет.

– Чем? – он поднял голову и посмотрел на Ингу, так и не отпустив ее запястье, хоть и закончил вязать нить.

И Инге показалось, что ее вопрос вызвал у него недоумение.

– Кабалой? – не очень уверено переспросила она.

– Нет, – четко и однозначно ответил Нестор.

Она все еще ощущала тепло его руки на своей коже. Это как-то успокаивало. Поддерживало. Будто бы давало ей опору и чувство стабильности. Защищенности.

– А зачем тогда это? – Инга перевела глаза на нить.

– Так надо, – «объяснил» Нестор.

И поднялся, принявшись сматывать остаток нити в небольшой моток. А тепло на ее руке почему-то осталось. Видно, ей просто кажется. Инга опять посмотрела на лицо Нестора и поняла, что больше он ничего пояснять не собирается. Только веско добавил:

– Не снимай.

Настолько серьезно, словно бы это был кардиостимулятор, минимум, и она могла немедленно умереть, если вдруг снимет нитку. И хоть она ничего не понимала и только гадала и строила ничем не обоснованные предположения о смысле данного «украшения», а прониклась. Вот честно, поверила: не стоит избавляться от незамысловатой «бижутерии».

А еще он стал поить ее какими-то травяными чаями вместо традиционного, который она

пила до этого. Не то, чтобы Инга любила нечто подобное. Однако догадывалась по привкусу, напомнившему ей чем-то привкус травяных успокоительных таблеток, которые она часто принимала, что этот чай должен был помочь ей совладать с нервами. И он справлялся, Инга действительно заметила, что чуть лучше контролирует себя в последние сутки. Правда, может тут помогло и то, что она выпустила часть обуревавшего ее раздражения.

Но забирать маникюрные ножницы – это уже слишком. Честное слово. Они и так чудом ей достались, просто потому, что Инга их забыла в дорожной сумке, после прошлой поездки к родителям, а то, наверное, просто сгрызала бы ногти. Те, что не успела обломать о поленья дров.

Инга подняла глаза и посмотрела на Нестора, который прятал этот «грозный» инструмент себе в карман:

– Мне ногти обрезать надо, Нестор, – на всякий случай уточнила она.

В слабой надежде, что просто он или она что-то не так поняли.

– Потом, – он отвернулся и пошел в сторону кухни. – Помогу.

Она оторопела. В который раз за эти сутки.

– Я и сама это умею, Нестор! – Инга подскочила с кровати и пошла следом. – Господи! Да я же только неделю назад это делала. При тебе. И ничего, справилась!

Она не кричала, пусть и говорила эмоционально. Но сдерживалась. Хотя ощутила, как внутри опять начинает нагнетаться то, что вчера, казалось, целиком из нее выплеснулось.

И Нестор словно это ощутил. Он остановился и медленно повернулся к Инге. Не делая никаких попыток вернуть ей маникюрные принадлежности. А просто пристально всмотрелся. Казалось, что очень-очень внимательно. И вдруг выдал:

– Ты не счастлива.

Она чуть на пол не села.

Тут же, в этом коридорчике. И даже не знала, что сказать.

Ухватила руками за стену, привалилась плечом, и смотрела на него, как на ненормального, наверное. Пораженно и откровенно растерянно.

При чем тут: счастлива она или нет? К чему? О чем он, в принципе, говорит? Она его ножницы просит вернуть, а Лютый...

– Я не беспомощна, Нестор, – с каким-то трудом выдавила из себя Инга, продолжая опираться на стену.

А сама, почему-то, прямо-таки «застопорилась» на мысли: счастлива она? Или не счастлива? И не могла ответить.

– Не счастлива, – повторил Лютый со странным выражением своего хриплого голоса.

И опять отвернулся. Дошел до стола, аккуратно выдавил из блистера таблетку. Положил около чашки, которую наполнил водой.

Это он для нее все подготовил. Видимо, подошло время пить противозачаточные, которые Инга начала принимать пять дней назад.

Все так же молча взял на подоконнике миску, в которую откладывал то, что давал есть собаке. И вышел. Видимо, кормить ту самую псину.

Инга же, так и не поняв – что это только что было? И не понимая, как ей реагировать и как вернуть свои ножницы – пошла пить таблетку.

Он был прав. Лютый не сомневался в своем выводе.

Инга была не счастлива. Все равно.

И теперь надо было понять, как это исправить, раз все остальное оказалось не столь эффективно, как он рассчитывал. Да, травы, насколько он видел, помогли Инге взять себя в руки. Однако он все еще ощущал в ней какую-то надломленность и опустошенность. Не помог и амулет из нити. Хотя, конечно, он не рассчитывал, что амулет из узелков, который его учила делать еще бабка, решит проблемы. Скорее поможет в будущем. Защитит. Это, скорее, было дополнительным методом. Подстраховкой.

И тем не менее, Лютый не был доволен состоянием Инги.

Собака у его ног жадно ела, но при этом то и дело тыкалась мордой в колени Лютого, пыталась лизнуть руку, сжатую в кулак. Тихо поскуливала.

Нестор не отталкивал. Хоть очень четко помнил, как животное бросилось на Ингу. Но она сама уже явно простила псину. То и дело порывалась идти кормить животное, не выдерживая скулежа. Он такого допустить не мог. Даже после того, как вчера Инга осадила собаку. Однако сейчас Нестор почти не замечал животное. На уровне инстинктов просто отслеживал окружающее. Все его мысли были посвящены иному.

Нестор не трогал Ингу последние пять дней. Сексуально не трогал. Поначалу его настолько дезориентировала потеря контроля над собой от ее касаний и поцелуя, что он счел за лучшее отстраниться и переоценить все это. Вернуть себе сосредоточенность. А потом, состояние Инги показалась Нестору важнее, и возникла новая потребность (в чем-то схожая с его жаждой в ней; сильная, требующая) обеспечить больший комфорт этой женщине. Он мог взять ее иными способами. Мог. Но хотел другое. Нечто большее. То, что она сама дала ему в последний раз. И еще, он испытывал необходимость знать, что ей хорошо. Комфортно. В любом аспекте.

Эта необходимость стала перешивать даже его нужду в ее теле.

И сейчас, размышляя обо всем, Нестор пришел к заключению, которое казалось настолько же очевидным, как и угнетенное состояние Инги.

Отвернувшись от собаки, доедающей остатки еды, он помыл руки в рукомойнике и вернулся в дом. Инга сидела за столом и с отстраненным видом рассматривала свои ногти. Когда Нестор вошел, она не подняла голову. Но вздохнула, набирая воздух в грудь, будто бы что-то собиралась сказать или спросить.

Однако у Нестора имелся свой вопрос, и он хотел получить ответ. Полный и исчерпывающий.

– Как ты кончаешь? – приблизившись, спросил он.

Инга вскинула голову и уставилась на него даже более удивленно, чем двадцать минут назад. Открыла рот. Закрыла. Откашлялась. И все это время смотрела на Нестора.

– Что? – наконец, уточнила Инга.

Ее щеки отчего-то стали красными.

Нестор передернул губами. Он не любил много говорить или пояснять свои вопросы. Раскрывать свои мысли. Ему такое казалось противоестественным. Но его настолько заинтересовал этот момент, что Нестор готов был повторить. Чтобы Инга поняла. И ответила.

– Как ты кончаешь? Покажи, что ты делаешь? Что для этого надо?

В первый раз Инга решила, что просто не так поняла его вопрос. Но сейчас сомнений

не осталось, он определенно имел в виду именно это. Она растерялась еще больше, чем от его вопроса о счастье. И смутилась. Даже стыдно как-то стало. Хотя, наверное, можно было уже немного свыкнуться со своеобразными представлениями Нестора о ее личном пространстве и глубокой интимности некоторых моментов.

Инга не знала, что ответить. Мысли все логичные разбежались, оставив только этот стыд и смущение. А Нестор, обычно не отличающийся болтливостью, вдруг прицепился, как клещ, пристально при этом глядя в горящее лицо Инги.

– Ты же не кончала со мной.

Он не спрашивал. Утверждал.

Вообще-то, она как-то не думала, что его волнует момент ее оргазма.

Инга покачала головой.

Нестор как-то иначе сжал губы. И глянул на нее из-под бровей.

– Тебе больно? – уточнил он

Инга опять покачала головой.

И вдруг почему-то ощутила потребность объяснить. Донести, что его вины тут нет. Это она такая, специфическая. Глупый порыв. Самое смешное, она полностью понимала всю абсурдность. А рот заткнуть не сумела.

– Я, вообще, не могу... кончить во время секса, – выдала она, при этом продолжая испытывать внутренний дискомфорт и стыд. – Это не потому, что мне больно или неприятно. Просто. Не могу...

Теперь он смотрел на нее минуты две. Пристально, неотрывно. Даже не мигая. Словно опять изучал. Как тогда, несколько дней назад. Пытаясь увидеть нечто, Инге неизвестное. А она чувствовала себя все более неудобно. Не выдержала. Отвела глаза, уставившись на стену за его плечом.

– А как? – прервав тишину, которая все эти минуты стояла в доме, вдруг хрипло спросил он.

Инга вздрогнула. Встряхнулась.

– Что? – вновь не уследив за его мыслью, уточнила она.

– Как ты... Что ты делаешь? – он говорил с паузами, словно испытывал трудности в подборе правильных слов. Не знал, как понятно спросить.

Однако никак не создавалось ощущения, будто бы ему некомфортно от самой темы. Инга прямо-таки позавидовала такой свободе его личности. Ей с каждой секундой было сложнее что-то ему отвечать. Честно говоря, она испытывала едва ли не такой же мучительный стыд, как при смене тампонов в его присутствии. Или даже хуже.

– Раньше я сама, чаще всего. Ну, потом, после. Или, если у мужа было настроение для..., – уже совсем отвернувшись, кое-как объяснила она только потому, что знала – Нестор не отцепится.

– Покажи.

Боже!

Это она три минуты назад думала, что хуже быть не может? Определенно, Инга ошиблась. Она уставилась на Нестора, не веря, что он серьезно. Инга понятия не имела, что он там себе думает, но у нее как-то, вообще, настроения для чего-то подобного не было. Абсолютно. Ни капли чувственности или возбуждения. Зато бездна отвращения к этой идее.

– Покажи мне, – медленно повторил Лютый, видимо, видя, что Инга не торопится

исполнять его указание.

– Ты серьезно? – Вроде и знала, что он не склонен к шуткам, а все равно не могла не уточнить.

Вместо ответа Нестор подошел еще ближе и оперся о стол. Словно занимал место для более удобного «просмотра».

– Нет. Не буду.

Инга поднялась со своего стула и сделала шаг в сторону спальни. Но ей на плечи тут же опустились тяжелые руки Лютого. Он не позволил ей отойти. Притянул еще ближе к себе, заставив Ингу вновь посмотреть ему в глаза.

– Покажи, – опять повторил он. Совершенно серьезно.

И продолжая держать одно ее плечо, второй рукой ухватил край кофты Инги. Потянул, сняв ту с нее. Бюстгальтер Инга не одевала. Так что сейчас верхняя часть ее тела была совершенно обнажена перед ним. А рука Нестора уже оттягивала резинку ее домашних брюк.

– Нестор, – Инга в каком-то отчаянном порыве попыталась перехватить эту руку любой ценой. – Не надо, пожалуйста.

– Покажи, Инга.

В этот момент ей захотелось его ударить. Больно. Сильно. Пусть она знала, что Лютый перехватит любой ее удар задолго до того, как Инга хоть немного приблизится к его телу. Но плеснувшийся стыд, раздражение, отвращение к этой идее – не давали здраво мыслить.

– Я не хочу, Нестор, понимаешь?! – выкрикнула она. – Не хочу сейчас...

Она и при Мише вот так просто ничего такого не делала. Или он сам старался доставить ей удовольствие, или оба делали вид, что ничего такого нет, и Миша не знает – моясь после секса с ним, Инга сама доводит до конца то, что муж начал.

Но Нестор ее не понимал, причин ее смятения. Инга видела это по выражению лица мужчины. Даже в его пронзительных голубых глазах, смотрящих сейчас прямо на нее. Он не понимал, почему ей некомфортно. Наверное, даже не слышал и не ведал никогда о стыде и смущении от такого «оголения» перед другим человеком.

Нет, Инга знала, что для многих женщин сделать нечто подобное перед своим любовником, неважно постоянным или случайным, не было проблемой. Она к этим женщинам не относилась. И как объяснить, как донести это до Нестора – не представляла.

Разумеется, ее попытка отстраниться от его рук не возымела эффекта. И Нестор уже успешно опустил ее брюки так, что они болтались в районе колен Инги. Она осталась перед ним только в трусиках.

– Покажи, – еще раз... попросил? Велел он?

Поди, разберись. Но Инге сейчас это казалось не просьбой, а принуждением. Самым настоящим. Куда большим насилием, нежели их первый секс.

А его рука в это время прошлась по ее плечам. Не ласково, он, кажется, вообще, не знал, что это такое. Тяжело и основательно. Но и не давяще, как делал это раньше. Нестор будто и правда ее гладил. Так, как он это понимал, видимо. Однако Инге не стало легче от этого. И возбуждения не было. Раскрепощенности, без которой и перед самым любимым человеком такое не сделаешь.

Любимым? Она споткнулась на этом, сама себе удивляясь, не понимая, зачем так думает.

Впрочем, не похоже, что Нестор собирался отступать от своей идеи. И ей времени на

размышления не давал. Чуть подтолкнув Ингу, чтобы она отступила и прислонилась к теплой стене грубы, он спустился ладонью, обхватив пальцами ее грудь. Но при этом все еще твердо смотрел в глаза Инги. И там она видела все то же требование: «покажи».

Это было противно.

Но, не имея, что ему противопоставить, ощущая, как к глазам подступают злые слезы стыда и отвращения к подобному действию, Инга зажмурилась. Не хотела его видеть. И расплакаться не хотела. А потом, всей кожей чувствуя прикосновение жестких, горячих пальцев, потянулась своей рукой к промежности. Принуждая себя, пересиливая этот стыд, который ее уже просто переполнял.

Будто бы поняв, куда она ведет руку, Нестор опустил и свою ладонь, стянув трусики Инги на бедра, словно освобождая ей дорогу. Но... Инга все равно не смогла.

Она просто НЕ МОГЛА!

Несмотря на его прикосновения к ее груди, несмотря на то, что Нестор продолжал гладить ее плечи, живот – у Инги не выходило даже немного расслабиться. Она не была возбуждена. Она не чувствовала и толики желанья или какой-то потребности в чувственной разрядке. Она даже оргазма не хотела, Господь свидетель, хоть и очень давно его не испытывала! Ей просто хотелось, чтобы Нестор прекратил ее заставлять. Чтобы оставил Ингу в покое!

Коснувшись себя раз, другой; скользнув пальцами между складками кожи, чуть придавив бугорок клитора, Инга вдруг поняла, что ее начинает трясти от всех этих противных эмоций, рвущих изнутри душу. И сами касания к сухой, напряженной плоти были неприятными, едва ли не болезненными. Унижающими.

– Я НЕ МОГУ! – она закричала.

И крик сорвался в какие-то сухие, нервные рыдание. Казалось, у нее даже горло тряслось и дрожало.

– Не могу, Нестор!

Инга вцепилась дрожащими пальцами в свое белье, пытаясь натянуть трусики назад, стремясь хоть этим клочком ткани прикрыться. Отвернувшись от него, так и не открыв глаза. Прижалась щекой к теплой, шершавой от побелки стене так, что даже немного больно стало.

– Отпусти меня, пожалуйста!

Тем же срывающимся, дрожащим голосом попросила Инга, чувствуя, что не удержала слез, и они все-таки выступили, повисли на ресницах. Попыталась извернуться, высвободиться из окружения его тела, рук, взгляда.

Он отступил.

Инга не знала: почему именно сейчас? Отчего в этот момент Нестор услышал ее иступленную просьбу. Но он убрал свои руки, отпустил Ингу, и отступил, возвращая ей свободу передвижения. Это было единственное, в чем она сейчас нуждалась. Разрываемая изнутри какофонией отвратительных эмоций, Инга ухватила свои штаны, боясь споткнуться, и подтянув их поверх, даже не надев нормально белье, рванула в сторону спальни, только теперь распахнув слезящиеся глаза.

У Инги не было возможности как-то отгородиться от Нестора. Закрыться в комнате, изолироваться. И она сделала единственное, что могла: рухнула в кровать, с головой накрывшись одеялом, как в детстве. И заплакала. Не зарыдала, а тихо заскулила даже, никогда еще не ощущая себя настолько «грязной» и раздавленной, как личность. И готова

была драться за свое хлипко укрытие, царапаясь и кусаясь. Иного оружия он ей не оставил.

Но Лютый не последовал сюда за ней, как ни странно. Остался в кухне.

Рыдания постепенно стихли. На сознание накатил та же глухая и опустошенная пелена, что и после вчерашнего срыва. И Инга притихла, свернувшись клубочком. Даже не прислушивалась к звукам, показывающим, что Нестор остался рядом и чем-то занимался. То выходил во двор, то снова возвращался. Потом что-то грохнуло. И все смолкло. Хотя он, вроде бы, находился в доме.

Инга не отреагировала. Так и лежала, уставившись в темноту под одеялом.

Неожиданно матрас рядом с ней прогнулся, и Инга ощутила тепло и тяжесть тела Нестора рядом. А шагов его совершенно не слышала. Но удивиться сейчас не могла. Она ничего не могла, только лежать под покрывалом.

Несколько минут не двигался и Нестор. Обхватил ее руками поверх этого «укрытия», и не шевелился. Только едва ощутимо дышал. А потом она почувствовала, как одеяло с нее стягивают.

Но не пошевелилась, несмотря на недавнюю готовность оборонять то до крови. Сейчас у нее и этого стремления не осталось.

Впрочем, Нестор и не раскрывал ее полностью. Только голову обнажил.

И тут он уткнулся лицом в ее затылок. Чуть отодвинулся, и снова прижался лицом, только теперь к шее Инги. К ее щеке, к уху. Как-то так непривычно. Непонятно. Молча. Обжигая своими короткими вдохами. Продолжая обнимать Ингу поверх одеяла.

Он молчал, ничего не объяснял, не извинялся, но...

Инга вдруг вспомнила, как тыкалась самому Нестору в руки и колени собака, пытаясь получить у хозяина ласку и прощение за свой проступок. Вот точно так же, как это сейчас делал он, прижимаясь к ней. словно такой же одичавший зверь, который просто не знал, как выразить свои чувства словами, как получить тепло и ласку. Но испытывая в этом такую же потребность, как любое иное живое существо.

Это понимание пробилось через опустошение в ее голове. Зазвенело в разуме нежданно пронзительной и болезненной нотой. Переполнило, вдруг заставив Ингу ощутить какую-то невыносимую тягу к Нестору. Необходимость дать ему это. Все, что угодно, в чем он только может нуждаться.

И понимая полную абсурдность этого устремления, Инга все равно сама отбросила одеяло в сторону, и повернулась к Нестору лицом. Прижалась всем телом к нему. Голыми плечами, обнаженной грудью. Обхватила его тело своими руками, и подобно ему, уткнулась лицом между его плечом и шеей. Потому что сама сейчас до крика, рвущегося из горла, нуждалась в ласке и понимании. В поддержке и тепле близкого и дорогого человека. А он стал таким, несмотря на все нюансы ситуации. Пожалуй, настолько дорогого для нее человека в жизни Инги еще в принципе не было. И пусть началась его «значимость и ценность» для нее с единственной надеждой выжить, сейчас в ее душе с этим смешалось безмерное количество чувств. Далеко не таких расчетливых и меркантильных.

Возможно, это тоже было защитной реакцией ее организма, сознания, разума. И Инга нуждалась в привязанности, эмоциональной связи с кем-то, чтобы не сойти с ума, выжить. Ей было необходимо доверять хоть кому-то. И она поверила Нестору. Тому, кого любой сторонний наблюдатель посоветовал бы ей бояться, как черта.

Она же сейчас испытывала потребность в нем, уже не просто физически, а эмоционально. Несмотря на все, через что этот мужчина только что заставил ее пройти.

Потому она обняла его, вложив это объятие все тепло, какое только умела испытывать. Все сострадание и собственную нужду в понимании. И прижалась губами к его коже, целуя в подбородок.

Руки Нестора сжались сильнее. Он замер, словно не очень надеялся, что Инга потянется к нему. Снова ни слова не сказал. Но Инга почему-то решила, что Нестор все же не хотел ее мучить и унижать. Может, и самообманывалась, но верила в это. Потому не отстранялась. Даже расслабилась, ощутив вдруг, что стыд, подавленность и опустошение – уходят. Ей стало тепло. Уютно.

Поддавшись этому ощущению, она чуть подвинулась вверх, продолжая всем телом прижиматься к Нестору. Повернула лицо, и прикоснулась к его плотно сжатым губам своим ртом, целуя. Нежно, мягко. Без всякого сексуального подтекста. Но со всей своей потребностью в его силе и поддержке. Со своей готовностью дать свое тепло ему.

Он сначала, казалось, просто не понял, что она делает. Несколько секунд не шевелился, даже не дышал. Только руки сжимал все сильнее. Будто впитывал в себя Ингу. Вдавливал.

А потом просто обрушился на нее.

Одна ладонь Нестора обхватила ее затылок, давя с такой силой, что Инга не смогла бы отодвинуться. Он прижал ее тело ногой сверху, перекатился на нее, вдавив в матрас. И набросился на рот Инги. Жестко, жадно. Шумно дыша, и даже задыхаясь. Сминая ее губы, едва не кусая их. Но в то же время – отступая, позволяя Инге продолжать свой поцелуй, отвечать на его «выпады» полные какой-то отчаянной потребности и жажды взять все. Даже более того, что Инга не просто хотела бы, а была в состоянии отдать.

Но она не могла остановиться. Инга целовала его все равно. Так же нежно, но уже торопливо, заразившись от Нестора какой-то алчностью. А он словно повторял, отзеркаливал ее движения, ее действия. Только делал это напористо и давяще. И прижимал, прижимал ее к себе, кажется, совершенно перестав контролировать свою силу и эти объятия. Так, что, в конце концов, Инга не выдержала, и чуть отвернувшись, хрипло охнула:

– Мне больно, Нестор. Правда.

Он осмысливал ее слова только секунду, все еще жадно касаясь губами ее щеки, словно продолжал этот безумный поцелуй. А потом, наверное, поняв, что именно сказала Инга, резко разжал «тиски» своих рук. Перекатился на бок и впился глазами в лицо Инги. Напряженно. Настороженно. Ладонями продолжая накрывать ее плечи и грудь.

– Ох, – она с облегчением вздохнула.

И даже сумела улыбнуться Нестору, пытаясь его успокоить. Потерла руками ребра, на которые пришелся основной «удар» его «сильного участия» и потребности в ней.

У Нестора при виде этого скулы словно сквозь кожу прорезались, так он челюсти сжал, натянув все мышцы. Его ноздри раздулись, и даже вдох вышел каким-то отчаянным и растерянным. Виноватым.

Кажется, ее улыбка его не сильно успокоила.

– Все нормально, – попыталась успокоить его Инга.

Ей самой стало легче. Словно тело потеряло часть веса и плотности, и вся кожа дышала. Смена противоречащих друг другу эмоций: стыда, смущения, унижения и тепла,

нежности, нужды – дала какую-то перезагрузку ее душе. И Инге хотелось, чтобы и он испытал нечто подобное. Не находя для этого слов, она вновь потянулась к нему и обняла, гладя его шею, плечи, затылок. Погладила напряженные скулы. И опять спряталась лицо у него на шее.

Глубокий вдох, казалось, сотряс все тело Лютого. После чего он очень аккуратно обхватил ее. И сел в кровати так, что Инга очутилась у него на руках. Прижал на мгновение лицо к ее макушке, наверняка, колючей. Ей самой до сих пор было неприятно проводить рукой по этому «ежику». И поднялся.

Просто встал с кровати, как был. С полуобнаженной Ингой на руках. Пошел в коридор. Оказалось, что пока она плакала, Нестор нагрел воду. И теперь, предварительно проверив температуру, он очень осторожно, и даже как-то неуверенно, снял с Инги одежду, то и дело глядя ей в глаза странным взглядом, словно бы проверял, что она не нервничает. Что понимает, зачем он это делает. Стянул и свою футболку. И затем, как маленького ребенка, опустил ее в эту воду, пахнущую травами. Инга даже улыбнулась, уткнувшись лицом в свои колени, когда поняла, что ванна пахнет чаем. Тем самым, успокаивающим.

Нестор лечил ее от стресса.

Она не вздрогнула, когда он начал мыть ее, предварительно обмыливая ладонями мыло до пены. Уже привыкла. И действительно расслабилась, позволяя Нестору аккуратно водить руками по ее телу. Причем, казалось, ощущала, как он старается контролировать себя. Даже пожалела, что еще немного не потерпела силы того объятия. Вон, человек теперь нервничает так.

И тут – замерла, подняв на него глаза.

Потому что ладонь Нестора, так и мыля кожу, поднялась по бедрам Инги, и вдруг остановилась, накрыв промежность. Сам же Нестор внимательно смотрел в ее лицо, будто ждал реакции: то ли опять в истерику впадет, то ли, все же, позволит ему сделать то, что Нестор, определенно задумал.

Неясно, может от теплой и «успокаивающей» воды, может от той встряски и легкости, которую все еще ощущала в теле, от нежности к нему, которую теперь так ясно ощущала, Инга не сжалась и не оттолкнула его руку. Глубоко вдохнула пар, поднимающийся над водой. И откинулась назад, на высокий борт ванны головой.

Все позволяя. И не со смирением, а с какой-то охотой даже.

Именно сейчас, после их поцелуя, нежась в теплой воде, она ощутила чувственность. И может быть от того, что не ее принуждали, а ей предлагали испытать удовольствие – Инга ощутила, как глубоко внутри: в животе, в самих бедрах, даже в груди – зародилось возбуждение. Теплое, как эта вода. Необходимое ей, как этот мужчина, пальцы которого уже скользнули глубже, повторяя то, что Инга все-таки ему «показала», несмотря на внутреннее сопротивление. Прошлись в воде по ее коже, погладили лобок, спустились ниже. Ладонь придавила клитор, заставив Ингу прерывисто выдохнуть и сильнее запрокинуть голову, от прошедшей по всему телу чувственной судороги.

Он смотрел на нее, словно глазами фотографировал, ей-Богу. Будто запоминал, изучал, как Инга реагирует на то или иное действие. И продолжал пальцами натирать чувствительные точки, уже набухшие, жаждущие его касаний. Инга тоже на него смотрела. Не прямо, сквозь ресницы. Наблюдала за лицом Нестора, за его глазами. Задыхалась, кусала губы, чувствуя, что напряжение в ее теле растет. И все равно смотрела. Почему-то это казалось ей важным. Смотреть на него хоть через ресницы, пока Нестор ее ласкает.

Только вот, его прикосновения, они были такими – его. В этих касаниях был весь Нестор: не грубый. Но очень собранный. И жесткий. Твердый. А Инга нуждалась в немного ином. Уже стремилась к освобождению, помогая ему слабыми движениями своих бедер.

– Мягче, Нестор. Пожалуйста, мягче, – не выдержав, простонала Инга, повернув голову набок.

Он остановился. Не убрал руку, продолжая греть ее клитор, чувствительные точки. Делая неудовлетворенную ласку просто мучительной. И уставился на Ингу с очевидным непониманием. Нахмурился. И открыл рот:

– Покажи, – осторожно повторил он то, что говорил час назад.

Однако теперь и сомнения не было – Нестор просил, предлагал ей это. И Инга смогла без внутреннего протеста накрыть его руку своей, пытаясь показать, в чем нуждается. Погладила его кожу. Попробовала сместить его пальцы. Не то, чтобы он легко поддавался управлению. Но по всему было видно, что он действительно старался. Даже приподнялся, нависнув над ней, видимо Нестору мешал высокий борт ванной.

Странно, но ничего из этого не пригасило ее чувственности и горящего возбуждения. Возможно, именно потому, продолжая держать свою руку поверх его, Инга сильнее выгнулась. И осознала, что теперь бедра Нестора совсем близко от ее лица. Стоит только чуть сильнее повернуться. И он возбужден. Это было видно очень хорошо. Джинсы Нестора данного факта не скрывали.

Инга не знала, откуда у нее появилась мысль, лишь усилившая возбуждение и напряжение. Даже не представляла. Но и не захотела противиться. Мельком глянув на лицо Нестора, казалось, целиком поглощенного тем, что «прислушивался» к движению ее руки, она протянула вторую ладонь, влажную, распаренную к его телу. И с откуда-то взявшимся куражом и уверенностью в себе, расстегнула молнию одним движением. Забралась пальцами в его белье, делая вид, что не замечает его возникшей неподвижности.

Нестор остановился, напрягся и уставился на Ингу своим излюбленным пронзительным взглядом. А ей вдруг так сильно захотелось дать это ему: нежность, мягкость и удовольствие. Она даже нуждалась в этом. Почему-то казалось куда более правильным сделать наслаждение обоюдным, нежели просто брать.

Потому она дернула бедрами, словно требуя, чтобы Нестор вернулся к начатому. Сама же, высвободив твердую (как и все в этом мужчине, кажется), напряженную плоть, нежно прошла по всей его длине ладонью. Сжала. И мягко обвела пальцами набухшую головку члена.

Наглядный пример, он всегда самый эффективный.

Нестор резко выдохнул. Но не помешал ей. И, похоже, уловил отличие касания. Потому что следующее его прикосновение было настолько близко к понятию «мягко», что Инга не смогла сдержать стон. Снова выгнулась, поняв, что не так просто «играть на два фронта». Потому решила упростить себе задачу, позволяя телу наслаждаться. Действительно с желанием, искренним и чистым, накрыла губами плоть Нестора, стараясь взять в рот как можно больше. Чуть отстранилась, не выпуская изо рта желанную добычу. И опять опустила голову, погружая глубже, помогая себе рукой. Все больше возбуждаясь.

А сама уже, кажется, на каждом вздохе начала стонать – потому что Нестор стал беспощадным в своей ласке. Но неповторимо беспощадным, покоряюще мягким. Может и не таким, каким стал бы другой, но максимально близким к этому понятию для самого

Нестора. И Инга почти не могла выносить такого. У нее даже в ушах шумело от приближающего оргазма. И в глазах потемнело. Дыхание тяжело давило грудь, срывалось короткими вздохами. Однако Инга упрямо ласкала член Нестора, потому что его тяжелое дыхание, резкие покачивания и толчки его бедер в ее рот, в ее губы – возбуждали ее и подводили к оргазму едва ли не сильнее, чем движения пальцев Нестора. Даже несмотря на то, что эти движения вновь стали резкими и твердыми.

Не это уже было важно.

В какой-то момент она уже просто не могла сдерживаться, не могла это выносить. И уже не контролируя свое тело, громко застонала, ощущая микровзрыв мозга, сознания, самое себя. Почувствовала дрожь каждой мышцы. Надавила, прижав пальцами ладонь Нестора к своей плоти, продлевая это удовольствие. Зажмурилась.

Но не разомкнула губ. Плотнее обхватила пальцами его член. Потому что именно в этот момент Нестор обхватил ее голову свободной ладонью. И резко начал двигать бедрами, погружаясь в рот Инги еще глубже. Беря ее в рот. Так властно. И так нуждаясь, что она чувствовала эту его нужду даже сквозь свою разрядку. Но, тем не менее, не причиняя ей боль. И после четырех таких толчков кончил с сиплым, надрывным выдохом. Словно грудью хрипел, даже не горлом.

Рот Инги наполнился мускусным и пряным вкусом его оргазма. Но Инге не стало противно. Она была сейчас так полна наслаждением, в такой чувственной прострации, что это просто добавило ей какую-то новую грань. А вот воздуха не хватало. Потому она медленно сглотнула сперму, ощущая, как привкус растекается по горлу. И глубоко вдохнула. А потом еще раз плавно прошла губами по плоти Нестора, ощущая, как он осторожно действительно стараясь, мягко поглаживает ее тело.

Ей было так хорошо. Господи. Ей никогда так хорошо и спокойно не было. Так полно. Так...

Инга даже внятно думать не могла. Она откинула голову назад, на бортик ванной и посмотрела на Лютого.

Он смотрел на нее. Смотрел так, что у нее живот поджался. Инга впервые видела, чтобы его грудь вздымалась в настолько глубоком дыхании, а кожа покрылась испариной. Даже во время секса с ней раньше она такого не замечала. Он практически всегда был воплощением собранности и контроля. А теперь...

Но тут, прерывая ее мысли, Нестор наклонился и, подхватив Ингу, вытащил ее из ванной. Притиснул к себе, не обращая внимания на количество расплескавшейся воды вокруг, на струйки, стекающие с Инги на него самого. И впился в ее рот своим. Жадно и алчно. Но все равно не так, как ранее. Словно действительно старался ее целовать, пусть и не очень умело. И совсем не нежно. Зато с такой потребностью, что голова кружилась.

– Моё, – отрывался от ее губ и сипел Нестор.

И опять прижимался к ее коже.

– Моё, – шептал он, и захватывал губами щеки, веки, даже подбородок.

Его ладони, казалось, стремились обхватить как можно больше тела Инги, пока Нестор ее целовал. Опять возвращался к губам, и снова уходил на тело. И ей казалось, что это действительно правда. Каждая частичка ее тела, которой он касался – становилась его. Принадлежала Нестору.

Впервые за эти недели Инга отвечала ему с такой же силой и страстью, с такой же нуждой. Несмотря на то, что только что кончила, она поняла – все равно возбуждена.

Просто не могла остаться равнодушной к такой потребности Нестора.

– Еще, – прохрипел он, словно озвучивая ее мысли. – Хочу, чтобы ты еще кончила, – властно велел Нестор.

И пока она пыталась осмыслить затуманенным мозгом это заявление, не отпуская ее, обернул плечи Инги тканью, заменяющей им полотенце, и пошел в сторону спальни.

Видит Бог, он свое обещание-требование исполнил. Даже чересчур. Нестор с такой неистовостью, с такой жадностью добивался оргазма Инги, что его собственное удовольствие, казалось, отошло на задний план.

Он брал ее еще два раза в течение этого вечера и ночи. Каждый раз неумолимо требовал, чтобы она кончила. Иногда, не единожды.

Даже когда Инга в последний раз взмолилась, кажется, просто не в силах вытерпеть прикосновение к своей, чересчур натертой плоти, он не уступил. На несколько мгновений завис над Ингой, прекратив свои погружения внутрь ее тела. Провел пальцами по сухим губам Инги, словно о чем-то раздумывая. И неожиданно для Инги отстранился. Вышел из влагища. Опустился вниз всем телом, руками зафиксировав, прижав ее бедра. И прижался к уже слишком чувствительному с непривычки клитору губами. Языком заменил свои пальцы.

К пораженной оторопи Инги, он не вернулся к собственному удовлетворению, пока действительно, в четвертый раз, не заставил ее пережить оргазм. И только когда Инга захныкала, уже не имея сил и на стоны, Нестор с силой погрузился в ее тело, конвульсивно сократившееся, сжавшееся вокруг его плоти. И буквально в три погружения, кончил сам, откинув голову. Практически рухнув на Ингу после.

На традиционное омовение ни у нее, ни у него, похоже, сил не осталось. Да и мыл он ее вроде как уже. И на следующие несколько часов Инга просто провалилась в какой-то сонный ступор, ощущая, что Нестор лежит рядом, продолжая ее держать в плотном кольце своих рук.

О том, насколько сильно она на самом деле забыла о реальности, Инга осознала только через три дня. Мир, весь остальной мир за пределами этого старого дома будто отдалился от нее. Или же сама Инга дистанцировалась от мира. Не обдуманно, не планируемо, словно с разбегу ухнула, упала в снежный сугроб: пушистый, мягкий, но и оглушающий. Замораживающий ее сознание и тело, делающий все остальное – ненастоящим. Все, кроме этой конкретной секунды, в которой ты еще пытаешься мыслить и жить. Дышать.

Вот так и с ней сейчас происходило. Только ее «сугроб» на поверку оказался обжигающе горячим, о чем Инга в жизни бы не догадалась, когда Нестор помогал ей скрыться от следствия или держал на прицеле пистолета.

Об этом она тоже забыла, кстати. То есть, вроде и помнила, но где-то там, за пределами сознания. Как все мы по умолчанию помним, что Земля круглая и вращается вокруг солнца. Хотя, после первой недели в этом доме, один на один со всем его «нюансами», Инга не стала бы утверждать, что действительно все знает о Земле или мире, в котором прожила всю жизнь.

Еще менее она знала о мужчине, который эти дни находился рядом с ней. Не потому, что он почти все время молчал и не спешил рассказывать о своих жизненных увлечениях или о том, чем занимался раньше. Однако, ведь да, не спешил. Но Инга не глупая, вроде, и сама могла сделать определенные выводы. Так вот эти самые выводы, сделанные за первые сутки общения с Лютым, и рухнули теперь, дезориентировав Ингу, заставив затеряться в сложных хитросплетениях личности данного мужчины. Отграничили от всего остального.

Он был наемником? Убийцей, устраняющим людей за деньги?

Да, она не имела в этом сомнений.

Он должен был убить ее? Ответ, очевидно, так же был положительным.

Он не сделал этого из-за каких-то своих отношений с Соболевыми или Боруцким? Из-за счастливой случайности такого своевременного звонка Карины? Да.

Но на этом все очевидности касательно Нестора для Инги заканчивались.

Зачем тому, кто воспринимал ее лишь заказом, просить тело Инги в оплату помощи? Он мог бы просто взять ее, не помогая, сила тут была на его стороне. Зачем беспокоиться о ее здоровье, питании, оргазме, в конце концов? Для чего поднимать риторические вопросы о счастье?

Она не понимала этого три дня назад. Не имела представления и сейчас. И загадка его личности настолько заполнила ее сознание, что Инга забыла думать о том, как стояла под его прицелом, как нашла мертвого Мишу, как оправдывалась перед следователями, пораженная предъявленными обвинениями.

Тем более что в последние дни, после того его сбивающего с ног и не укладывающегося в мозге требования: «покажи», отношения между ними стали еще более странными и непонятными.

Глубокими, до дрожи в пальцах. И глухими, как монолитная бетонная стена.

Он теперь одевал ее. Не помогал натянуть футболку или брюки, а выбирал из нехитрого гардероба, что сегодня следует надеть Инге, в чем ей, по его мнению, будет

удобней и лучше, а что стоит в этот день отложить для стирки. Или, в принципе, не следует трогать. Единственное, чем Инга себя подбадривала и старалась успокоить – что Нестор не накупил всяких чулок-кружев или, того круче, тематических костюмов, и не заставляет ее дефилировать по дому в чем-то подобном. И то, счастье.

Честное слово, у нее кончились аргументы и доводы. Он не внимал ее словам и примерам. Ни спокойным, ни выплеснутым криком. Нестор, определенно, считал, что лучше знает, в чем нуждается Инга. И воплощал это в жизнь. И не скажешь, ведь, что ошибался. Просто он совершенно не прислушивался к ней, ее словам. Не спрашивал ее мнения.

Если Нестор считал, что Инга должна поест – он ее кормил; думал, что она нуждается в свежем воздухе (а после ее истерики он считал, что гулять Инга должна была регулярно) – значит, они гуляли, даже если она не хотела. В таком случае Нестор просто брал ее на руки, преодолевая любое сопротивление и пресекая все ее возражения, и выходил с Ингой на улицу. Если замечал какие-то признаки усталости – он укладывал ее спать.

Она чувствовала себя комнатной домашней собачкой. Этаким йоркширским терьером, которого заботливый хозяин оберегал и о котором заботился.

А заботился Нестор о ней так, как никто до этого. С какой-то маниакальной одержимостью. Так, что Инга хотела кричать, и в то же время, желала забраться к нему на руки, прижаться к Нестору и больше никогда не отстраняться.

Как же ей хотелось понять его, Господи! Донести свои мысли и чувства. Чтобы не ощущать себя собачонкой. Или живой куклой заигравшегося взрослого мальчишки. Потому что, при всем своем стремлении сделать ей как можно лучше, создать оптимальные условия, Нестор, кажется, в принципе не допускал, что Инга имеет свое представление о собственных желаниях.

И вот этот вот дисбаланс, это несоответствие в Несторе; ее собственные противоречивые чувства, когда хотелось наорать на него, и в то же время прижаться крепче, обнять, поцеловать, просто по голове погладить, чтобы убрать растерянное и потрясенное выражение глаз от каждой ласки. Его шок от любого ее объятия, который и сейчас еще ощущался. Его странная, покоряющая реакция, когда казалось, что он всем телом пытается впитать в себя малейшее ее прикосновение. Все это настолько поглотило Ингу, что остальное в принципе отошло на задний план, до лучшего времени для анализа.

Пока мимо их дома не проехала машина.

Чужая. Милицейская.

Инга поначалу даже не сразу сообразила, что это за шум. Отвыкла как-то, да и звук работающего двигателя здесь – стойко ассоциировался у нее с Нестором, но он-то как раз никуда не уезжал, а сидел на кровати. А Инга сидела на его коленях, пока он вертел в своей руке ее ладонь, зачем-то внимательно изучая каждый палец. Так сосредоточенно, словно в мире важнее ничего этой ладони и не было, а он хотел запомнить точное расположение каждой линии, подживших трещин и заусениц у ногтей. Которые он все-таки сам обрезал, так и не вернув ей ножницы. Инге от этого хотелось стукнуться головой об стену. Или его стукнуть.

Потому она и обратила внимание на шум в принципе: Лютый отвлекся, что практически не случалось, когда он задавался целью что-то в ней изучить. Поднял голову. Прислушался. А потом аккуратно пересадил Ингу на постель и поднялся. Вышел из спальни, видимо, собираясь из окон кухни посмотреть на дорогу.

Инга тут же подскочила и пошла следом, начав испытывать некоторую тревогу. Ей не

понравилось, что Нестор, определенно, насторожился. А в эквиваленте проявляемых им эмоций (если, конечно, они не занимались сексом) такое – даже немного пугало. Она попыталась рассмотреть что-то из-за плеча Нестора, который уже вглядывался во окно. Но ей никто не позволил: он тут же выставил руку и преградил Инге дорогу. После чего вовсе задвинул ее глубже себе за спину. Но Инга все равно привстала на носочках, стараясь рассмотреть движущийся автомобиль. А Нестор, хоть и заметил, не помешал, и сам сосредоточившись.

Машина приближалась, уже становилась отчетливо видна синяя надпись на желтом фоне и «мигалка» на крыше. И чем ближе она подъезжала, тем заметнее было, что скорость машины снижается. Наконец, у ворот, автомобиль полностью затормозил. Однако наружу никто не торопился – Нестор не позволял собаке оставаться во дворе, ведь теперь они каждый день «гуляли». И если псина не убегала в лес, что периодически случалось, хоть и ненадолго, то всегда крутилась рядом с забором. Сейчас же она буквально бросилась под колеса и яростно лаяла на незваных гостей.

У Инги внутри плеснулся кислотой страх, вперемешку с паникой. Почти забытые, уже даже непривычные эмоции, которые она после возвращения Лютого не испытывала. Неужели ее нашли? Кто-то узнал, где она? Откуда, как?

Нестор обернулся и внимательно глянул на нее, словно ощутив это.

Снаружи раздался резкий сигнал. Кто бы там не приехал, он явно хотел поговорить с хозяином дома.

– Я выйду. Сиди в спальне. – Он чуть сильнее сжал ее плечо, словно приободрить старался.

Но Инга вцепилась в него, вместо того, чтобы послушно идти обратно.

– Нестор, – выдохнула она.

И, удивив даже саму себя, прижалась всем телом к нему. Обхватила шею Нестора руками, притиснулась лицом к его коже. Как маленькие дети мать обнимают, не желая отпускать на работу. Поцеловала его подбородок.

Но больше ничего не говорила. А что тут скажешь? Не ходи? Смысл? Милицию в их стране никакие ворота или запоры не остановят, как и отсутствие хозяев, коли появится желание в дом зайти. Еще и собаку пристрелить могут, чтобы не мешала. А Инга не хотела для животного подобной судьбы, уже привязалась.

Так что они ничего не выиграют, притворяясь, словно бы никого нет.

– Иди в спальню, – повторил Нестор.

И ни какую-то секунду сильно прижался губами к ее виску.

Он так странно ее целовал всегда. Так бескомпромиссно и твердо. Но с такой глубиной, скрытой за этой твердостью, что Инге каждый раз едва удавалось сдерживать выступающие слезы. Не боли. Какого-то странного сопереживания ему. Сопричастности к этому мужчине.

– Иди.

Нестор отстранился и даже немного подтолкнул ее в сторону коридорчика. А сам пошел к входной двери.

Понимая, что он больше ее знает о том, как себя вести, Инга вернулась в спальню.

Он ничего не выиграл бы, затаившись. Во дворе стояла припаркованная машина, а на бельевого веревке сохла выстиранная одежда. И его, и Инги. Прятаться от милиционеров

при таком раскладе – предельно глупо. Факт. Да и они наверняка знали, что где-то здесь минимум двое человек: на заправке могли выяснить про его визиты и покупки, да и в поселке он бывал часто.

Вероятность того, что Ингу каким-то образом выследили через него, и сейчас явились ее арестовывать – мизерна. Это тоже факт. И хоть Лютый не имел понятия, что милиция тут делала – более разумным счел выйти и выяснить.

– Тихо! – велел он собаке, тут же рванувшей к калитке, стоило ему оказаться на улице.

Псина замолкла и завияла хвостом, наблюдая за приближением хозяина. Хотя, нет, а огрызалась в сторону машины. Открыв калитку, Лютый хлопнул рукой по бедру, подзывая собаку.

– Добрый день.

Нестор посмотрел на «гостей». Из машины, здороваясь с ним, тут же вышел милиционер: среднего роста, плотный, даже тучный, дышит тяжело, хотя еще и не двигался нормально. Кобура на поясе, застегнута. Быстро оружие не извлечет. А вот второй, выходящий со стороны водителя, мог стать проблемой: парень был моложе и подтянут. Явно не пренебрегал физической подготовкой. Впрочем, и этот милиционер оружие из кобуры не извлекал.

Нестор испытал укол сожаления, что его собственный пистолет спрятан в бардачке автомобиля. Тащить его в дом ранее казалось бессмысленным и неразумным, учитывая состояние Инги. Впрочем, выходя на улицу, он успел переложить нож удобней, так что не был совершенно безоружным. Да и собака, в случае чего, отвлечет внимание, выигрывая какие-то секунды.

Ничего не говоря, он только кивнул в ответ на приветствие милиционера.

– Вы здесь живете? – опять заговорил тучный.

Нестор вновь кивнул.

– Один? – спрашивая, милиционер смотрел ему за спину. Наверняка, на бельевую веревку.

– С женой, – Нестор протянул руку и почесал загривок собаки, усевшейся около его ног, и все еще рычащей в сторону милиционеров.

– Я вас раньше не видел, – все еще выражая приветливость и добродушный интерес, продолжил расспросы тучный.

– Дом принадлежит мне уже много лет. Раньше жили в городе.

– На природу потянуло? – вклинился в разговор подтянутый.

– Что-то случилось? – вместо ответа спросил Лютый.

– В поселке женщина пропала. Муж заявление написал. Говорит, неделю домой не появлялась. Вот, ездим, выясняем, может кто-то что-то видел? – объяснил тучный, продолжая внимательно осматривать окрестности, то и дело поглядывая на дом.

– Мы ничего не видели, – Нестор все еще почесывал собаку за ухом. – Тут никто не появлялся. Мы с женой никуда из дома не отлучались надолго.

– Затворники, что ли? Или эти, как их? Которые сейчас за всем натуральным в села бегут? – хмыкнул подтянутый, переглянувшись с напарником.

Нестор заметил, что оба милиционера насторожены. Они подобрались.

– Моя жена больна. Шизофрения. Ее недавно выписали из стационара. Врач рекомендовал уехать из города, чтобы не вызвать нового обострения. Она боится людей. Из дома выходит только со мной, не дальше двора.

Было просто физически заметно, что оба милиционера расслабились, выслушав его. И все же, не отступили.

– Мы бы хотели осмотреться тут. С женой вашей поговорить.

Если он запретит, они могут заподозрить подвох. Успеет ли он убрать обоих здесь – сто процентной гарантии Нестор не мог бы дать. В доме, если они имеют ориентировку на Ингу и узнают ее, он без проблем избавится от них.

Потому Нестор кивнул и, придерживая собаку, отступил, освобождая дорогу.

– Не тревожьте ее только. Не пугайте, – предупредил он.

И велел собаке сидеть, пошел в дом. Двери Нестор не закрывал, так что предполагал и рассчитывал на то, что Инга слышала большую часть разговора, звуки в тишине двора разносились далеко. Да и в спальне окно было открыто. И все же, именно он первым вошел внутрь.

– Сейчас, – бросив милиционерам, он повернулся к спальне.

– Интересная планировка, – задумчиво заметил подтянутый.

Нестор остановился и обернулся к нему:

– Я должен быть уверен, что она ничего не сделает. С собой. Должен ее уберечь, – «пояснил» он отсутствие дверей.

Милиционер кивнул, но смотрел на него все равно с каким-то сомнением.

– Не часто сейчас встретишь такое, чтобы муж продолжал заботиться о больной жене. Тем более в такой... ситуации, – заметил тучный.

– Я не отвечаю за других, – Нестор невозмутимо смотрел на них. – Она моя жена, – он сделал акцент на этом. – Я ее не оставляю. Это не законно?

Оба милиционера качнули головами. Синхронно. И даже как-то отступили.

Нестор поджал губы и молча пошел к спальне.

Инга сидела на кровати и смотрела на дверь с такой паникой, что ему захотелось вернуться и убить этих двоих немедленно. Чтобы убрать этот страх из ее взгляда.

Это был бы глупый поступок. Факт. Милиционеров начали бы искать и если сейчас они действительно здесь по другой причине, то исчезновение двух сотрудников, однозначно, спровоцирует лишнее внимание. Но желание от этого понимания не угасло.

Он подошел впритык к кровати и протянул Инге руку. Однако она, удивив его, вместо того, чтобы встать с кровати, поднялась на матрасе и обхватила его своими руками. Сейчас было не время отвлекаться. Но он все равно на мгновение сжал Ингу, не сумев удержаться. Позволяя ей спрятаться на его плече. А потом даже решил, что так будет лучше. Перехватив ее, он поднял Ингу на руки, она же обхватила его пояс ногами.

– Не говори, – едва слышно велел он ей на ухо. – Не смотри на них прямо. У тебя шизофрения. Ты боишься всех, – проинструктировал Лютый ее, на случай, если Инга не слышала его разговора с милиционерами. – Лукьянова Елена. – На ходу придумал он ей имя.

Инга кивнула, и Нестор пошел обратно, зная, что отсутствовал всего две-три минуты, и никаких подозрений не должно было возникнуть.

Не смотреть на них? Да никаких проблем!

Всех бояться? Инге и играть было не надо.

Она на самом деле испытывала настолько всеобъемлющий страх, что все тело колотило. Нестор, наверняка, это чувствовал, потому и держал ее так крепко. Даже больно

немного было, но Инга ничего не говорила. Она нуждалась в том, чтобы чувствовать его силу. Должна была иметь уверенность – он ее защитит и спасет в любом случае, от чего бы то ни было. И Инга поняла, что действительно верит, знает это. Она безоговорочно доверяла Нестору, не испытывая ни малейшего сомнения в этом мужчине.

Ситуация на грани абсурда – между милицией и наемным убийцей, она все еще выбирала последнего. Более того, верила ему. Похоже, вся ее жизнь оказалась вывернута наизнанку.

Инга почти не повернулась, когда милиционеры с ней здоровались, едва выглянула из своего убежища между плечом и шеей Нестора. Отвернулась, игнорируя их вопросы, на которые скупно отвечал Нестор. И только время от времени бросала в их сторону настороженные косые взгляды, так ни разу и не повернувшись нормально. Крепко вцепилась в Нестора, демонстрируя, что не собирается спускаться с рук «мужа».

Наверное, ей удалось убедить милиционеров в своем психическом заболевании – на лицах обоих милиционеров она явно заметила жалость и даже какую-то безразличность. Нестор придумал хорошую легенду. Большая часть людей сторонилась душевно больных, опасаясь их, и не представляя, как правильно себя вести. Собственно, Инга и сама не знала бы, что делать, доведись общаться с психически больным человеком.

Минут через десять, видимо, действительно разыскивая пропавшую из поселка женщину и мало интересуясь новой семейной парой, милиционеры попрощались. Попросив Лютого сообщить, если что-то заметит, они вышли. Он же, оставив Ингу в доме и взглядом показав, чтобы она тихо и спокойно сидела, вышел их провести и придержать собаку.

Она пыталась так и делать, хотя почти не управляла собственным телом: руки и ноги дрожали, ее все еще сотрясал тот ужас и растерянность, которые она впервые испытывала, поняв, что ее жизнь разрушена. И все же, теперь кое-что изменилось. Она знала, что не одна. С ней был Нестор. И их отношения, как бы там ни было, давно вышли за рамки первоначальной договоренности о защите в обмен на нее саму. Между ними появилось нечто больше, как ей казалось, несмотря на все сложности и не понимание. Какая-то личностная связь. И это давало ей силы как-то держаться.

Шум мотора отъезжающей машины заставил Ингу поднять голову. Нестор стоял в дверях и смотрел на дорогу, видимо, проверяя, действительно ли милиция уехала. После чего подошел к ней.

– Инга?

Она почувствовала, как его пальцы с нажимом легли на ее подбородок и заставили посмотреть на него. Нестор внимательно всматривался в нее, очевидно, замечая все, что с ней творилось.

– Они не за тобой пришли. Тебя не узнали.

Он говорил, как и всегда: отрывисто, твердо. Даже жестко. Будто пытался выдавить любые сомнения. Но Инга видела за этим иное.

Боже, он пытается ее успокоить! Инга закусил губу и прижалась щекой к руке Нестора, так и лежащей на ее коже. И кивнула, просто не имея сил что-то сказать. Она даже не представляла, каким образом он настолько превосходно держал себя в руках.

По взгляду Нестора не было видно, чтобы он остался удовлетворен такой реакцией на свои слова. Но больше ничего не говорил. Поднялся и набрал в чайник воды, поставив греться.

А Инга задумалась о том, что происходит. Действительно происходит в мире за

пределами этого дома, двора? Что она должна делать? Сколько еще будет здесь сидеть? Есть ли у нее в принципе еще какая-то жизнь там, за этими границами? Кто она? Что она и ее жизнь теперь?

Инга знала, что как минимум трижды, раз в неделю, Нестор созванивался с Боруцким и они обсуждали то, что происходило. Но понимала Инга и то, что никто не обязывал ни Соболеву, ни Боруцкого заниматься тем дурдомом, которым стала ее жизнь. И торопиться – было для них бессмысленно и глупо. Да и Нестор несколько раз говорил ей, что в этом деле замешана политика. Так как они уже не сомневались – нанимал Лютого бывший однокурсник Инги и Михаила, его однопартиец, Балашенко. Но существовала вероятность, что он действовал не один и не только по своей инициативе. И тут и Соболев, и Боруцкий должны были учитывать собственные интересы, так или иначе, переплетающиеся с политиками. Там все повязаны крепко. Потому и не шла речь о каких-то резких и необдуманных действиях. Конечно, он говорил об этом меньше и куда более кратко, так что большую часть она сама домысливала и делала выводы. Но Инга не могла этого не понимать. Как и то, что сама она оказалась вовлечена в это случайно, а теперь превратилась в заложницу ситуации. Потому и ждала. Только вот это появление милиции заставило ее задуматься – что дальше? Сколько еще ждать? И сумеют ли они в принципе вернуться? Сможет ли Инга стать самой собой вновь?

Нестор стоял среди кухни и, похоже, так же о чем-то думал. Неожиданно, ничего не объясняя, он вышел из дома на улицу. Вернулся Лютый через несколько минут так же молча. С мобильным телефоном, который прятал в карман, и пистолетом, который положил на подоконник.

Инге стало не по себе от вида оружия. Очень не по себе. Она вопросительно посмотрела на Нестора. Он этот взгляд заметил.

– Я оставил сообщение Борову. Он перезвонит. Выясним, что и как, – проговорил он, в который раз поразив Ингу схожестью направленности их мыслей.

И начал заваривать чай.

Травяной, опять. Инга вздохнула. Но не возразила, ей успокоиться действительно не помешает. Не уточнила она и про пистолет, который он положил около себя. Молча поднялась и поставила на стол чашки – максимальное действие по дому, которое Нестор позволял ей совершать.

Боруцкий перезвонил через три часа.

Инга в тот момент вроде бы «спала». То есть, сна у нее ни в одном глазу не было. Но Нестор, какими-то своими логическими путями решил, что именно этого ей не хватает после чая, чтобы успокоиться. Видимо, именно так он рассчитывал полностью унять нервную, испуганную дрожь, все еще бьющую каждую мышцу Инги.

И, само собой, он ее уложил.

Инга даже пригелась как-то под одеялом и в его руках. Не то, чтобы успокоилась, но словно затихла. И страх ее, все напряжение сжалось, скукожилось, затаившись в животе и в задней части затылка почему-то. И не стуча уже в мозг, в сердце, но будто бы тихо пульсируя, так и не утихнув до конца. А Нестор, словно чувствуя это, накрыл одной большой горячей ладонью ее живот, а другой обхватывал затылок. Обволакивал своим теплом и силой. Какой-то дикой мощью, не показной, сдержанной. Но такой, которую, казалось, ничто в мире не в состоянии было сломить. И Инга «подпитывалась» этой мощью и силой. Однако стоило зазвонить телефону, как Нестор поднялся, подтянув одеяло Инге до подбородка, и вышел из спальни.

Вероятно, он считал, что она будет лежать здесь и ждать его возвращения со скупыми обычными пояснениями. Ясное дело, у Инги были совсем иные планы. Она тут же отодвинула это самое одеяло и пошла следом за Лютым. Стоило ему отойти от нее, убрать свои руки: и страх, напряжение взметнулись, возвращая свой накал. И Инга даже не задумываясь, подскочила, не в состоянии просто лежать.

– Я получил твоё сообщение и пробил ситуацию. Соболь уже активировал всех своих адвокатов и надавил на кое-каких партнеров – Балашенко официально признал, что это он заказал Горша. Правда, как это часто у нас бывает, успел смотать удочки и убежать до того, как его арестовали. Судебная волокита с ордером, типа, – Боруцкий ехидно хмыкнул в трубку.

Лютый понял, что он ни на грош не верит в случайность такой волокиты. Впрочем, сам Нестор тоже в это не особо верил. Такие вот «волокиты» отчего-то регулярно происходили у них в стране, если дело касалось богатых и влиятельных людей.

Инга зашла в гостиную и напряженно уставилась ему в спину. Лютый просто-таки позвоночником чувствовал ее мандраж и неуверенность. Это досаждало, как мелкая колючка. То, что она все равно нервничала.

Он обернулся, отвернувшись от окна, и стал внимательно наблюдать за Ингой, продолжая слушать Борова

– Но это признание дало козырь нашим адвокатом – с Инги сняты все обвинения. И в розыске она уже не числится. Соболь умеет уговаривать людей все делать быстро. Так что те менты если и по вашу душу приходили, то сейчас это уже не важно. Это хорошие новости. – Боруцкий цокнул языком. – А вот дальше: всякая муть и предположения. По тем фактам, что Соболь выяснил среди однопартийцев Горш, Ингу никто не собирался убивать в принципе. Если против ее мужа интрига плелась давно группой человек, недовольных нарастающим влиянием Михаила и его вероятным назначением после новых выборов премьером, то жена Горш мало кого интересовала. Хотя именно они в итоге придумали

повесить на нее все хвосты, и сделать удобной мишенью для расследования. А вот нанять тебя для ее срочного убийства – стало инициативой самого Балашенко, и его соратники не особо могут пояснить этот поступок, явно спонтанный и необдуманный. И учитывая его исчезновение, не знаю, что сказать: оставит он ее в покое или нет? Может девчонке стоит еще какое-то время пересидеть. Или оглядываться, пока не станет ясно, что там и как с этим Балашенко и куда он отправил свои чемоданы. Не знаю, пусть сама решает...

– Я все решу. Это моя проблема теперь, – Лютый прервал размышления Боруцкого.

Основную информацию он получил, и сейчас скорее стремился завершить разговор, не разводя долгих рассуждений. Так как по лицу Инги видел, что ее все больше сковывает страх. Да и не собирался говорить, что этому Балашенко давно отправил «доказательства убийства» Инги.

Боруцкий замолчал. Со смыслом. Так, что было почти физически ощутимо, как он сопоставляет факты и делает соответствующие выводы.

– Ясно, – буквально через пару секунд заметил он. – Ну, я ввел тебя в курс, дальше разбирайтесь сами, – подытожил Боров. – Если что, звони.

– Спасибо, – Лютый отключил связь.

– Ну что? – Инга тут же подошла ближе и принялась буквально «буравить» его напряженным взглядом. – Что он сказал? – она ухватила его за руку, стоило Лютому только протянуть ладонь в ее направлении.

Сжала крепко, переплетая их пальцы.

– С тебя сняты подозрения. Из розыска тоже сняли. Балашенко сознался, – резюмировал он суть, поглощенный созерцанием контраста их кожи и строения пальцев: ведь одно и то же все, вроде бы, а совершенно различное. И этим различием, так непонятно совпадающие ладони. Станный факт, но очевидный.

Ощущение было таким, что на нее упало что-то. Какое-то облако. Или же новая охапка «снега», которая ее вновь оглушила. И тело стало вязким, каким-то непослушным и тяжелым. Но при этом – пушистым. Странное и нелогичное ощущение, однако Инга чувствовала именно так. И облегчение, громадное облегчение. Радость, которую словами не высказать, не описать ничем. А в тоже время – страх какой-то и неуверенность. Недоверие.

Неужели, правда? Неужели все? Она свободна?

– Все? Это все? Мы свободны, Нестор? – она еще крепче уцепилась за его руку и даже как-то нервно, немного безумно улыбнулась ему. – Мы можем ехать домой?

Он нахмурился. Это было не выраженное движение. Очень скупое. Но какое-то такое... наполненное, что ли. Несущее настолько явное непонимание, что Инга осеклась.

– Нестор? Все кончилось? Мы можем вернуться? – вдруг подумав, что все же не так что-то поняла, переспросила она почти шепотом.

– Куда? – Нестор внимательно всмотрелся в ее лицо.

– Домой. Ну... У меня же там квартира. Работа... была. Родители, которые не знают, что со мной. Я же им даже позвонить не могла. Так все закончилось? Я могу вернуться? – несмотря на опасения в мысли ворвалась эйфория, заставляя торопиться и быстро говорить.

– Зачем? – все с тем же выражением снова спросил он.

Инга моргнула. Еще раз внимательно всмотрелась в стоящего перед ней мужчину.

А сама почувствовала какой-то непонятный холодок, пробегающий по позвоночнику.

Наверное, как те милиционеры, которые недавно приходили сюда и считали, будто бы разговаривали с сумасшедшей. Вот и у нее появилось ощущение, словно бы Нестор не понимает ее. В принципе не понимает. По смыслу. Как будто бы Инга несет нечто невероятное. Как чепуху о прилете инопланетян завтра, к примеру.

Как это «зачем»? Разве это не очевидно? Это же понятно.

Или нет?

– Ну, как это, зачем? – переспросила она, ощущая зябкость.

Отпустила его руку и зачем-то обхватила себя, словно бы вновь начала мерзнуть.

Она смотрела на него, на Нестора. На того человека, который стал для нее гарантом надежности и спасения. Который дарил ей чувство защищенности и ощущение какой-то своей значимости. Подарил ощущение объекта сосредоточенности и внимания для него. Пусть и с давлением, с безумной заботой, временами просто душащей. Но Инге казалось, что она понимает его, особенно в последнее время. А сейчас это ощущение ушло. И Инге стало даже страшно. Так, как было в первые дни.

– У меня же дом, родители, знакомые... Нестор? Я не понимаю, я свободна или нет? Меня еще ищут или оправдали?

– Ты принадлежишь мне, – произнес Нестор и посмотрел на нее так, как будто это в принципе было очевидным и неоспоримым фактом.

Разве они об этом сейчас говорили?

Инга уже даже открыла рот, чтобы сказать, что она и не думала ехать одной. Честно говоря, даже мысли такой не мелькнуло у нее. Она себя и не представляла сейчас, в этот момент, без Нестора, кажется. Он стал ее частью. Неким стабилизатором всего.

Но именно в это мгновение, Инга вдруг поняла.

Глядя на Нестора, на выражение его лица, встретившись взглядом с ним – она в полной мере осознала, что именно происходит. Что Нестор думает. Что стоит за его словами и поведением, за его отношением к ней.

И именно это понимание, видимо, заставило ее отступить на шаг. Продолжая смотреть прямо на него, ощущая, как пересохло горло, и все еще обхватывая себя руками.

– Что еще тебе надо? Ты здесь в безопасности. И дальше так будет. Я обеспечу. Все. – Заметив ее движение, проговорил Нестор, внимательно следя за каждым вздохом Инги

Кукла. Она действительно для него только кукла. Домашний питомец.

Это сбивало с ног и дезориентировало куда больше, чем даже недавний визит милиции, страх от которого еще не улегся.

Он в принципе не понимает, как она может хотеть чего-то большего? Чего-то вне этого дома? Дико. Но казалось, что именно так и есть. И Нестор готов удовлетворять любые ее потребности, видящиеся ему важными, но не допускает возможности, что у Инги есть еще какие-то желания, нужды, мысли, в конце концов...

Он ее вообще, человеком воспринимает? Она в этот момент в этом сомневалась.

И тут ее настигло следующее понимание и мысль:

– Ты меня вообще не собирался отпускать, да? Никогда? – отступив еще на шаг, спросила она, поняв, что голос надломился.

– Ты – мое. Мне принадлежишь. Сама согласилась.

У Нестора глаза сузились, и скулы резко проступили на лице. Он сделал шаг к ней.

Ее это ошарашило. Придавило к земле. Так, что ноги подломились. И Инге пришлось привалиться к стене, ухватиться рукой за подоконник. А разумом она все еще пыталась

постигнуть всю глубину открывшегося ей понимания, отношения, которое ранее со стороны Инга даже не пыталась рассматривать, хоть и замечала какие-то моменты, чувствовала.

И здесь опустошала не столько попытка удержать ее, ведь и сама Инга даже не подумала, чтобы дальше действовать без Нестора. А озарение, что еще тогда, в первый раз, когда они только заключили это «соглашение», он уже все решил и определил ее просто своей собственностью, как бы дальше ситуация не сложилась. Чем-то «своим», вещью, не более. Навсегда.

И сейчас, после всего, что между ними было, что так глубоко проникло в нее, заставило ее трепетать и мыслить себя совокупно с этим, конкретным мужчиной – он все еще так же воспринимал Ингу?

Она смотрела на Нестора и почему-то все больше убеждалась в этом.

А оттого, становилось больно, как от настоящего предательства. И страшно. И противно, почему-то. А еще – нарастала злость и обида: за этот страх, за стыд. Взметнулось внутри, в груди, в горле раздражение, что ее снова лишили какого-либо права, выбора и управления течением собственной жизни. Перекликнулось, накатило еще не улегшимся страхом перед преследованием, взбухло подавленными и униженными эмоциями своей заброшенности, потерянности в этом доме. Беспросветным холодом, испытанным за первые семь дней, своим бессилием. словно все тяжелое и плохое, все подавляющее и унижающее, что происходило за эти четыре недели, одним моментом всплеснулось, накрыв Ингу с головой уже пережитыми и новыми эмоциями злости, гнева, несогласия со своей беспомощностью.

Нестор, кажется, уловил изменение ее настроения, почувствовал, что в Инге что-то изменилось, катастрофически нарастая и несясь куда-то с такой скоростью у нее в сущности, что Инга уже не могла это контролировать. Осмыслить.

Оглушенность не ушла, но неуправляемость, «текучесть» тела сменилась внезапно странным, почти судорожным напряжением. Таким, что сердце заколотилось в груди, и легкие вдруг обожгло кислородом, которого Инга, оказывается, вдохнула слишком много, чересчур жадно.

– Инга, – он еще на какое-то расстояние приблизился, окликая ее сдержанно, будто говоря с сумасшедшим и диким человеком. Стараясь внушить покой.

А она отодвинулась дальше, вдруг толкнув рукой что-то холодное и металлическое. Отдернула ладонь, не поняв, что это? Повернулась, с удивлением уставившись на пистолет.

И вот в этот миг все как-то со-щелкнулось, сцепилось, взорвалось у нее в голове, найдя выход и возможность выплеснуться. Даруя шанс перехватить управление самой собой.

Рука будто и не по ее воле метнулась вперед, обхватив эту рукоять. Пальцы автоматически, на каком-то рефлексном уровне щелкнули предохранителем, как когда-то учил ее Миша, любивший «баловаться» пневматическим пистолетом, едва ли не каждые выходные стреляя по банкам. И Инга вскинулась, выставив оружие перед собой, почти в упор прижав дуло к Нестору.

Зачем? Инга понятия не имела.

Но все то, что овладело ею, что сейчас взрывалось и буянило внутри – требовало какого-то выхода. Свободы. И расплаты. Цены за такое отношение, и собственную дурную привязанность, возникшую к Нестору.

Сколько еще все могут считать, что имеют право управлять ее жизнью?! Какое он имеет на это право?!

Иррациональное, примитивное чувство обиды и злость нарастали.

– Инга, опусти пистолет.

Этот оклик был другим.

Его голос стал иным. Снова совсем низким, но таким непривычным, обволакивающим ее каким-то странным тембром, низкой пульсацией хриплого тона. Таким родным, проникающим в самое сердце. И оттого – причиняющим еще большую боль этим открытием своего положения и его предательством.

– Ты не собирался отпускать меня, никогда? – повторила она свой вопрос, понимая, что руки с такой силой вцепились в пистолет, что мышцы уже начинает сводить судорогой, и ладони охватывает неконтролируемая дрожь. – Я для тебя, вообще, человек? Или большая кукла, Нестор?!

Голос сорвался в какой-то истеричный крик. Но это отмечалось мимоходом.

Странно, Инге казалось, что она неплохо себя контролирует.

Но и это удивление было едва ощутимым, не пробивалось сквозь всю ту какофонию, которая завладела ею целиком и полностью.

– Инга, отдай. Ты не будешь стрелять. Отдай мне.

Он и не шагнул, вроде бы, но как-то стал еще ближе к ней. И рука у него шевельнулась. Ясно стало, что он ее вот-вот поднимет. А, несмотря на всю свою бурю эмоций, Инга помнила, кто Нестор, и кто она. И прекрасно понимала, чего ему стоит ее обезоружить: пару движений.

Она нервно дернула головой и отступила еще назад, двигаясь вдоль стенки.

Взгляд Нестор проследил это движение. И прямо-таки на ее глазах изменился, переплавился. И стало очевидно, что именно это он сейчас и сделает, заберет у нее пистолет, вновь становясь ее «хозяином».

– Нет! – весь ураган бушующих эмоций выплеснулся из нее в этом абсолютно диком крике. – Нет! Я человек, Нестор! Я – человек! И принадлежу себе!

На последнем слове ее просто заколотило. От его упорства, непробиваемости и ее беспомощности. Судорога прошла по телу, сокращая, сжимая напряженные мышцы. И пальцы сжались, несмотря на то, что руки ходили ходуном от дрожи.

Выстрел прогрехотал громом в небольшой комнате.

Неожиданным. Оглушающим. С металлическим привкусом на губах. Ощущением рока.

Инга не думала, что выстрелит, не планировала, кажется. Или все же хотела этого? Жаждала отомстить за свои эмоции. И потому, наверное, так все вышло.

Глаза Нестора, в которые она продолжала смотреть, вдруг расширились. Взгляд изменился. Все лицо стало иным. Такого выражения она никогда у него не видела: искреннего удивления, совершенно открытого, ни капли ни утаенного. Такого человеческого и простого.

Но тут это все перекрылось, исчезло непривычной тенью. Растерянностью.

И болью, вдруг осознала Инга.

Нестор пошатнулся, нехарактерно для себя отступив рывком. И вздрогнул.

Инга моргнула, ее собственное тело продолжало сотрясаться дрожью. И в этот момент она увидела красный, влажный цвет, почему-то проступающий на футболке Нестора. Он сам же тяжело привалился к стене.

Именно в ту секунду, наверное, Ингой овладела паника. Бесконтрольная, поглощающая. Сплелась с той жаждой свободы и необходимостью самоутвердить

собственное «я», свое человеческое достоинство. И резануло понимание, что это единственный шанс убежать. Какая-то возможность...

Из горла вырвался всхлип. Хриплый, низкий. И тут же трансформировался в какой-то стон, похожий на плач, рыдания маленькой девочки:

– Нестор, – задыхаясь, прохрипела она.

Он смотрел на нее не моргая. Ничего не говоря.

И это отчего-то послужило последней каплей. Захлебываясь рыданиями, накатившими на смену обиде, дрожа всем телом от паники, она зачем-то бросила пистолет на пол и побежала к двери.

Не оглядываясь. Не останавливаясь. Даже не до конца понимая, что делает. словно сознание, восприятие действительности сузилось, затуманилось, померкло. И вся ее сущность упала, понизилась до примитивного инстинкта убежать, выжить.

Иное отключилось полностью.

В следующий раз она осознала самое себя гораздо позже. Вздрыгнула всем телом, моргнула несколько раз, вдруг поняв, что сидит в машине Нестора. И не просто сидит, не только держится за руль, а едет. Куда-то ведет эту самую машину по дороге в вечерних сумерках, совершенно не представляя, в каком направлении и с какой целью вообще передвигается.

От перепуга, от ошеломления, Инга растерянно дернулась, зачем-то выкрутила руль, не особо отдавая себе отчет в том, что именно делает. Вылетела на встречную. И тут же судорожно вильнула назад, тяжело дыша и радуясь, что встречной машины не было.

Какая-то машина резко посигналила сзади и перестроилась, объехав Ингу по максимальной траектории.

Ее прошибло потом. Липким, холодным. Тело вновь сковало неприятным ватным ощущением. А перед глазами вдруг вспыхнуло воспоминание о красном пятне, пропитывающем ткань. Инга закричала в полный голос, резко выжав педаль тормоза. Вильнула машиной на обочину, едва удерживая руль мокрыми и трясущимися руками. Попыталась выскочить из остановившегося автомобиля, дергаясь раз, другой. Не понимая, что ее не пускает? Ощущая, как волной накатывает тошнота.

С третьего раза осознала – борется с ремнем безопасности, который, оказывается, даже в сумеречном состоянии разума пристегнула. Щелкнула замком и выскочила в прохладный вечерний воздух. Согнулась в три погибели, не в силах сопротивляться скручивающим ее пароксизмам рвоты, перемежающимся слезами, истеричным всхлипыванием и стоном. Поняла, что упала на колени, на щебень и траву, пробивающуюся сквозь смолу, которой неровно залили край трассы. Старалась вдохнуть, и не могла – горло тут же сводило новым рвотным спазмом. Уже пустым, слизистым, выворачивающим, казалось, все внутренности наизнанку.

А перед глазами так и стояло удивленное и растерянное лицо Нестора, полное боли.

И от этого она рыдала еще громче, задыхаясь, зарываясь пальцами в гравий.

Мимо проехала одинокая машина, трасса, видимо, не была центральной. Водитель не остановился, наверное решив, что люди остановились по физиологической нужде. Да и в опускающейся темноте наступающей ночи плохо можно было что-то разобрать.

Чувствуя себя полностью измочаленной, опустошенной, едва сглатывая горлом, которое пекло так, словно Инга кислоты напилась, она с трудом подняла голову и тяжело

привалилась спиной к колесу машины. Не думая ни о грязи, ни о кислом, противном привкусе во рту, ни о том, что надо вытереть лицо.

За обочиной и небольшой канавой начиналось поле. На нем что-то росло, Инга не могла в сумерках понять, что именно. Тихо дул ветер, охлаждая пылающее лицо и пекущие губы. Где-то рядом сверчал сверчок.

Где она? Что сделала? Как добралась сюда? Неужели...

Инге даже от одной мысли стало опять плохо, живот скрутило, и она принялась часто, неглубоко дышать.

Неужели она убила Нестора? Иначе, как объяснить, что он не догнал, не остановил ее, пока Инга, со всей очевидностью, открывала ворота (вон и царапины свежие на ладонях темнеют), выгоняла машину со двора? И собака? Где она была? Бегала по лесу? Или Инга на нее прикрикнула автоматически, показав, кто хозяин?

В памяти пока ничего не всплывало. Это все оставалось лишь догадками. Цепочкой вероятных событий, выстроенных логическим путем.

Убила? Она не знала. Она не хотела его убивать! Просто сильно много обиды и страха испытывала, отчаяния. Не видела выхода, потеряла контроль над собой. Ведь если бы Инга его лишь ранила, как ей казалось, Нестор все равно догнал бы и остановил ее. Он ведь такой сильный, мощный, непробиваемый. Такой...

Он все же лишь человек. Человек. И пуля вполне могла убить его. Пусть и не хотела Инга этого.

От понимания такого простого и очевидного факта, ее вновь затошнило. И что-то болью полоснуло внутри, в очередной раз забирая дыхание.

А даже, если не убила (у нее не было сил поверить в такое, несмотря ни на что), видимо, ранила настолько серьезно, что он не имел сил и возможности догнать ее.

Из измученного горла вырвался новый стон – мысль о Несторе, который лежит сейчас в том заброшенном доме, один, и истекает кровью; возможно, умирает или уже убит ею, Ингой – она была сродни удару электрошока. Болезненной, мучительной, сводящей с ума, проникающей в каждую клетку тела.

Инга не хотела этого! Нет!

И тут же появилось желание вернуться к нему, помочь, спасти, что-то сделать для Нестора. Но как? Где она? Откуда приехала? Поворачивала ли куда-то по пути или нет? В обозримой перспективе не было видно никаких дорожных указателей.

Тяжело вздохнув, она уперлась руками в пыльный бок машины и попыталась подняться. Это удалось не с первого раза. И даже не со второго. Только четвертая попытка увенчалась успехом. И Инга медленно поволокла свое тело, почти ползя по боку автомобиля до ближайшей двери. Рухнула на пассажирское сидение, впервые начав осматривать салон изнутри, пока с трудом восстанавливала неровное дыхание. И ежесекундно пыталась отстраниться от мысли: «что с Нестором?»

Навигатора нигде видно не было. Собравшись с не такими уж большими силами, Инга заглянула в боковые отделения дверей, под сидения. И только потом, почему-то, повернула голову и посмотрела назад, даже в некотором ступоре рассматривая ноутбук, лежащий на заднем сидении. В один из портов был воткнут модем мобильного интернета.

Не до конца веря своей удаче, Инга трясущимися руками схватила устройство и, открыв, едва дождалась, пока ноутбук включится. Но тут ее ждало разочарование – пароль. На экране светилось окошко введения пароля. А у Инги не было ни одной идеи, зато

имелось оправданное подозрение, что Нестор вряд ли поставил бы паролем банальное «1,2,3,4» или нечто в этом роде.

И все-таки она попробовала.

После второй попытки ноутбук отключился и больше не реагировал на ее стук по клавишам.

Нестор. В этом, как ей вдруг показалось, так отчетливо чувствовался он.

Голова тяжелела с каждой секундой, глаза пекло, а губы потрескались. И во рту стоял противный, мерзкий вкус. Но ей казалось, что сейчас не время и не место поддаваться усталости или отчаянию. Потом. Для начала надо было понять – где она. И решить, что дальше делать.

Отложив ноутбук, Инга с трудом перебралась за руль. Пристегнула ремень безопасности, теперь совершенно осознанно. И завела машину, так вцепившись в руль, что плечи заломило. Вздохнула, пытаясь немного снять напряжение, рукавом кофты вытерла лицо, и выехала на дорогу, включив фары.

Ее целью стал ближайший дорожный указатель, который Инга только сумеет найти. О чем-то большем она подумает потом, вторым этапом.

Воздух был влажным и в то же время холодным. Словно напитанным ледяными брызгами близкого горного водопада. Ледяного. Свежего. Его окружал тихий шум леса, несмотря на то, что перед глазами находилась стена дома.

Нестор попытался расслабить мышцы, уменьшая болезненность, и напряженно сжал зубы, поняв, что только спровоцировал новую волну боли.

В этом проскальзывала ирония. Факт.

Очень тонкая ирония: определенно не собираясь в него стрелять, Инга случайно умудрилась попасть в одну из самых болезненных точек. Тут и захочешь, так не попадешь, тем более не задев ничего серьезного, а она умудрилась.

Тут действительно присутствовала некоторая насмешка судьбы. Над ним. Тем, кто привык определять: кто и как будет умирать. Однако Инге, судя по тому, что он успел заметить, не было забавно ощущать эту иронию. Впрочем, Лютому сейчас тоже было не особо весело.

Часть тела разрывало огнем, и любое движение руки отдавало в позвоночник и голову из-за того, что на вылете пуля задела ребро и прошла мышцы спины. Но это не мешало ему мыслить четко и ясно. Лютый давным-давно научился отключаться от ощущения боли. Более плохим оказалось то, что ему не удалось совладать с болью моментально, и он не успел остановить Ингу.

Вот что оказалось по-настоящему плохо. Факт.

Лютый уже больше недели отмечал ухудшение состояния ее психики. Ему никак не удавалось стабилизировать Ингу, несмотря на все предпринимаемые усилия. Она все больше погружалась в состояние стресса и нервного напряжения, явно демонстрируя все признаки грозящего психического надлома, хоть и старался внушить ей спокойствие, уверенность и чувство защищенности. Необходимости ему. Очевидно, он не учел какой-то фактор. И не сумел упредить то, что случилось. Что это за фактор, Нестор не мог сказать с уверенностью и сейчас, он все еще анализировал обвинения Инги, вынужденно отвлекаясь на приведения себя в порядок. Хотя бы относительный.

Пуля прошла на вылет, задев только кожу и мышцы. И это было хорошо. Однако она зацепила и нерв, не перебив полностью, повредив. Что и доставляло максимальное неудобство, вызвав в первые минуты в его организме болевой шок, помешавший задержать Ингу.

Она не собиралась стрелять. Нестор знал этот факт совершенно точно. Он провел достаточно времени посреди боевых конфликтов, а так же – глядя в глаза тем, кто готов был бороться с ним за свои жизни. Инга находилась на грани отчаяния. Но она хотела переговоров. Она не видела решения в силе, пусть и прибегла к этому аргументу.

Однако случайности происходят. Он был прекрасно знаком с этим фактом. И, несмотря на всю осторожность, события иногда располагают тобой, а не наоборот. Видимо именно так в этот раз решила сыграть с ним судьба.

И этот выстрел оказался той каплей, которая переполнила чашу гибкости и выносливости психики Инги, очевидно. Нестор закрыл глаза, восстанавливая в памяти ее взгляд после выстрела: абсолютно потерянный, пустой, лишенный какой бы то ни было осознанности.

Подобное он так же видел не впервые. Иногда и самые подготовленные, тренированные ломались на поле боя. Даже в локальных конфликтах. И Инга сломалась, несмотря на всю свою моральную силу. «Стоп-кран» ее сознания сорвался. Факт. Это скользило в каждом ее поступке после выстрела.

Опираясь на стену и продолжая осмысливать ситуацию, он добрался до ванной и шкафчика с медикаментами.

Плохо то, что он не успел ее задержать, обездвигить. И тут снова вмешалась та самая «судьба», которую он всю жизнь пытался взять под собственный контроль. От чего старался отграничиться. Удивление, даже потрясение в чем-то, неожиданность боли, пусть и не сверх того, что он смог бы вынести – ослабило этот самый контроль. Хотя, с первой минуты встречи с Ингой, этот предел подвергался испытаниям, то и дело прорываясь вовсе не желаемыми для Нестора проявлениями прошлого и его «наследием».

Так произошло и сейчас. Его «вырубила», оглушила на время не боль и не сам выстрел, а то, что вырвалось из-под власти Нестора этим звуком горного водопада, шелестом и запахом леса, взорвавшими его мозг, сердце и легкие. Заполонившего сознание образами и голосами, которые он больше двадцати лет глушил в себе, и которым, откровенно говоря, Нестор предпочел бы заткнуть глотки навечно. Однако сейчас, так и не сумев до конца запихнуть назад весь этот ворох, еще ощущая кожей прохладу капель, слыша шум тех листьев и голоса тех людей, которых здесь в принципе не могло быть, Лютый старался все же собраться. Прошрое, «наследие» накатывало, сбивало с ног, выбивало ощущение реальности, но он сопротивлялся, теряя ощущение времени и пространства.

Он прилагал максимум усилий, чтобы надежно встать на ноги. Выдержать, устоять. Нестор должен был немедленно разыскать Ингу. Потому как она, однозначно, не могла адекватно оценить реальность. И одна только мысль о том, чем это может обернуться для принадлежащей ему женщины, заставляла Лютого двигаться вперед, игнорируя боль и свою пробуждающуюся сущность.

Принадлежащая ему...

Наверное, вот тут, находясь практически на пороге дома, он впервые задумался о том, что спровоцировало Ингу. Его мозг, хоть частично совладав с остальным, впервые начал анализ ее странного заявления: «Я человек! И принадлежу себе!».

Разумеется, он знал, что она человек. Разве Нестор не делал все для того, чтобы обеспечить любые ее нужды и потребности? Со вторым пунктом он не был согласен. Инга просто не понимала, что это не правда. Она была его. Ему принадлежала. Это было истиной и непреложным фактом, в котором он все более убеждался в последнее время. Не только из-за его в ней потребности. Не потому, что он потребовал этого однажды, а она приняла эту цену. Так просто было – Инга принадлежала Нестору.

И она все ощущала именно так, он не сомневался в этом. Может, не анализировала и не задумывалась. Но интуитивно знала. На самом глубоком и базовом уровне сознания, как знал и он. Ее же последние поступки – всего лишь последствия травмы психики и чрезмерной нагрузки. И все.

На осмысление и анализ он потратил не более минуты, практически физически ощущая, как уходит время каплями крови из его раны, шуршанием колючего воздуха. Не его время, рана была не серьезной, и он даже умудрился ее «перевязать», пока собирался с силами и мыслями для того, чтобы догнать Ингу. Обработал перекисью, накрыл плотным слоем ваты и бинтов, придавив и приклеив это все лейкопластырем через весь бок.

Неаккуратно и криво, имея возможность распоряжаться лишь одной рукой. Грязная и порванная футболка валялась на полу, а Нестор уже застегивал рубашку, не ожидая, пока подействует анальгетик, две таблетки которого он успел проглотить.

Он торопился. Спешил с каждой секундой все больше, отмечая, как рядом со здравомыслием и анализом ситуации, в его сознание и существо все уверенней поднимается страх. Глубокий, мощный. Непривычный, и от этого не до конца поддающийся его разуму и контролю. Страх не за себя, давно притупившийся в Несторе, беспокойство не о своей жизни. В том состоянии, в котором Инга отсюда вышла, она представляла огромную опасность для самой себя. Тем более на машине, которую, очевидно, умудрилась вывести со двора. И чем значительно осложнила ему поиски. Автомобиль на ногах не догонишь, его не выследишь по следам, едва машина выедет на асфальт. Так что единственным вариантом было добраться до своего убежища в Киеве и отследить машину по маячку, установленному на всех его машинах. Для этого следовало добраться до поселка и сесть на автобус.

Потеря времени. Каждой минуты, которая может оказаться для Инги катастрофической, стать точкой невозврата. Понимание этого подогревало страх и будоражило силу, которой он старался не дать прорвать блокаду сознания, сомневаясь, что от подобного будет много толку. Это был самый разумный и правильный план, на который следовало направить свои силы.

С ней что-то не нормально. Совсем не нормально. Инга поняла это кристально ясно, осознав, что опять «потеряла» себя. Сейчас она сидела за рулем автомобиля, стоявшего на обочине, у начала какой-то лесополосы. Был день. Тепло. Очень тепло. И среди деревьев чирикали какие-то птицы. Мимо периодически проезжали машины.

Где она? Что здесь делает? Что случилось и продолжает происходить с ней?

На все эти вопросы Инга не имела ни одного ответа. Как и на вопрос – каким образом оказалась именно в этой точке пространства. Последнее, что было четким в памяти – воспоминание, как она всматривается в дорогу, освещенную светом фар ее машины, надеясь увидеть какой-то указатель, и понять, где она находится.

Все. Время от той секунды, до этого мгновения, несколько часов, очевидно – напрочь отсутствовали в памяти.

Вновь.

Как и те часы и события, от момента ссоры с Нестором и до своего «обнаружения себя» посреди той самой дороги в движущейся машине.

Нестор.

Мысль о нем билась в ее сознании напряженным, встревоженным пульсом. Разум заполнялся отчаянием и страхом, что мешало осмыслить и проанализировать ситуацию. Реальность превратилась в череду какие-то кадров без связи, разграниченных огромными промежутками полной черноты и неосмысленности, о которых у нее не было ни единой мысли, воспоминания или зацепки, чтобы понять – что с ней происходит?

Он может нуждаться в ее помощи. Эта простая истина гнала кровь по ее телу панической волной. Время уходит. А она понятия не имеет, как до него добраться и что для этого сделать, как сохранить сознание в процессе, хотя бы.

Ее выстрел. Его кровь.

Господи! Инга не хотела стрелять!

Она злилась на Нестора, это правда. Она не сдержала гнев, эмоции, все то, что копилось в ней так долго – и практически выплеснула на него это. Но она не хотела стрелять!

И сейчас ей больше всего хотелось попасть назад, к нему. Убедиться, что с Нестором все хорошо. Помочь. Но она не могла этого сделать. Не могла определить, сколько прошло времени. Где она. В своем ли уме, в принципе, потому как вот эти постоянные провалы сознания и памяти, определенно, не являлись показателями психического здоровья. Инга не имела медицинского образования, но не могла этого не понять. У нее были серьезные проблемы. И это пугало, она могла это откровенно признать. Но куда больший страх в ее душе вызывало понимание, что Нестор где-то совершенно один, раненный, нуждающийся в помощи. Или, гораздо-гораздо хуже...

И от понимания этого ей становилось безумно плохо. Ясное видение же того, что она понятия не имела, как и куда ей вернуться – добивало ощущением беспомощности и полной никчемности.

Инге не хватало воздуха, она не могла вдохнуть из-за этого давящего ощущения. Запрокинула голову, зачем-то продолжая держать руль. Может, чтобы не упасть? И не могла заставить себя разжать пальцы.

Возможно, ей стоило бы выйти. Вероятно, было неразумно сидеть в машине или пытаться ехать в машине, если ты раз за разом теряешь управление самой собой. Но при одной мысли, что она сейчас выйдет из автомобиля и попытается добраться куда-то пешком, оставшись один на один со всем миром, если с ней опять случится этот «провал» – совершенно беззащитная, открытая – дрожь, сотрясающая тело, усиливалась. Машина казалась хоть какой-то защитой, убежищем. Связью с Нестором. Пусть она и понимала, что больше ей может так не повезти, и в следующий раз есть опасность «прийти в себя» уже врезавшись в дерево или во встречную машину. Еще и другим людям этим навредить.

Инга зажмурилась. Постаралась еще раз набрать полную грудь воздуха, понимая вдруг, что безумно хочет пить. И открыла глаза, старясь все-таки, хоть частично сориентироваться. Мимо проехала очередная машина. Они здесь ездили достаточно часто. Очевидно, эта трасса была значимей предыдущей. Но ничего, хоть отдаленно знакомого кроме, в принципе деревьев и зеленеющего поля, Инга не увидела. И тут она вдали что-то увидела. Нечто, от чего сердце застучало еще сильнее. Инга прищурилась – да, она не ошиблась. Это был тот самый дорожный указатель, один из которых она и искала. И которых, наверное, множество пропустила, проехав в своем беспамятстве.

Лихорадочно дернув ключ в замке зажигания, Инга постаралась завести автомобиль. Двигатель щелкнул, зашумел, и тут же заглох, заставив ее опустить глаза вниз – на панели приборов мигал значок пустого бака. В машине закончился бензин. Потому, видимо, она и стояла здесь.

У нее не осталось выбора. Инга понимала, что простое сидение в машине ничего не даст. Она и так, судя по всему, потеряла очень много времени. От того, несмотря на весь свой страх выйти «в мир», Инга все же заставила себя отпустить руль и дрожащими руками дернула дверь.

Она оказалась в трех километрах от районного центра, около которого и не думала, что может находиться. В шестидесяти километрах от столицы.

Хорошо, вроде бы. Можно найти помощь. Позвонить Карине, хотя бы (больше Инга пока не знала, к кому обратиться, только ее телефон вспомнила по памяти, так как

несколько раз звонила Соболевой со стационарного телефона), попытаться с ее помощью выяснить, где может располагаться тот дом Нестора, в котором она провела столько времени.

Но... Но. Перед ней начинался этот райцентр. А Инга даже представить себе не могла, как туда сейчас войдет?

Почему-то ее эта идея еще больше дестабилизировала, а необходимость двигаться дальше, вглубь этого городка, к людям, которых она уже видела – усиливала панику. Кожа Инги покрылась испариной, сердце колотилось в груди, а во рту пересохло окончательно, и она никак не могла сглотнуть. Она их боялась. Всех вокруг. Непонятно почему. Не в состоянии себе логично объяснить этот страх. Но он был, и охватывал ее сущность все глобальней.

Единственное, что еще удерживало Ингу от иррационального желания развернуться и убежать назад, к своей машине, спрятаться в той лесопосадке, у которой она бросила автомобиль – мысли о Несторе и необходимости его найти, помочь. Как-то исправить то, что она натворила в своей проклятой истерике. И потому Инга пошла вперед, преодолевая дрожь во всем теле.

Через два или три часа (по правде говоря, она не особо хорошо ориентировалась во времени теперь), Инга сидела перед очень спокойным человеком в белом халате и пыталась собраться с мыслями, чтобы хоть как-то ответить на вопросы, которые ей ставились.

Психиатр. Это был психиатр. Наверное, разумно. Но Инга сейчас испытывала отчаяние.

Она обратилась в милицейский участок, но в результате оказалась здесь. Потому как не смогла адекватно и внятно объяснить, кто она, что с ней случилось, и чего она хочет добиться? Инга боялась назваться, не уверенная, что ее и правда уже не ищут. А смогла бы она помочь Нестору, если ее сейчас задержат? Вряд ли. Не могла она и открыто заявить, что боится, как бы случайно не убила того, кто собирался убить ее. По той же причине, в общем-то.

Сюрреализм. Настоящий сюрреализм.

Может она и правда сумасшедшая? И ее определи сюда совершенно верно? Исходя из последних событий двух дней(!), о которых она ничего не помнила, практически, кроме отдельных моментов – Инге начало казаться именно так.

Она не смогла ответить ни на то, какой сегодня день недели, ни назвать число. Даже с месяцем запуталась, если честно. Но по спокойному лицу врача и по его ровному тону не могла пока понять его профессионального мнения. А у нее уже не получалось сдерживаться.

Отчаяние, страх за состояние Нестора, за его жизнь, за последствия того проклятого выстрела; паника от такого количества людей вокруг после недель одиночества с Нестором; непонимание их суматохи, торопливости и криков, какого-то хаоса поступков, в которых она не могла найти уже ставшей такой привычной его системы – все это расшатывало сознание Инги. Провоцировало какие-то совсем непривычные панические приступы, от которых Инга то и дело начинала задыхаться. Сердце трепыхалось, а ладони, и даже ступни – постоянно потели. Она прижимала кисти к коленям со всей силой, чтобы чувствовать кожей «браслет с узелками», которые он ей повязал.

Врач видел это. Инга не имела сомнений.

Зато, неоспоримый плюс, безусловно, она смогла напиться. Ее даже пытались накормить, но Инга не смогла заставить себя съесть ни кусочка. И, откровенно говоря, ни разу за все это время не испытывала голода.

Нестор не был бы доволен.

Эта мысль вызвала у нее придушенный хрип, заставивший врача замолчать и вопросительно приподнять бровь.

– Я хотела бы позвонить, пожалуйста, мне нужен телефон, – вклинилась она в паузу, возникшую между ее последним неверным ответом и каким-то новым вопросом, который врач собирался задать. – Где это можно сделать?

– Кому вы хотите позвонить, Инга? – доброжелательно уточнил врач, подвинув в ее сторону стационарный телефонный аппарат. Но при этом продолжал придерживать трубку.

– Другу, – надеясь, что именно так и есть, ответила она.

– И как друга зовут? – похоже, врач вновь решил проверить ее вменяемость.

– Карина Соболева. Можно? – она и сама протянула руку к телефону.

Врач кивнул и позволил ей взять телефон.

Машина стояла на обочине с пустым баком. Это осложняло его дальнейшие действия. Seriously осложняло. Факт.

И основательно подрывало то хрупкое равновесие его разума и подавляемых внутренних сил. Однако Нестор отстранялся от этого. Прилагал усилия, по крайней мере.

Он нашел автомобиль. Но Инги здесь не было. Логично было предположить, что когда у нее закончился бензин, Инга пошла в ближайший населенный пункт. В состоянии ли она была мыслить логично сейчас? Нестор не знал. То состояние, в котором Инга убегала вчера из дома – не казалось ему располагающим в принципе к каким-то размышлениям. Это очевидный факт. Возможно ли, что она уже пришла в себя? Он допускал такую вероятность. Как тогда ее разыскать? Что Инга сделала бы в первую очередь?

Самым разумным было бы связаться с тем, кто смог бы помочь. Как понимал Нестор, перечень таких лиц не включал множества фамилий. Потому он достал телефон и, расположившись на переднем сидении автомобиля, набрал номер Борова. Вероятно, они общались сейчас слишком интенсивно. Однако задача обнаружить Ингу стояла на самом приоритетном месте для Нестора и все остальное, включая и негласное соглашение с Боруцким не особо «навязываться» друг другу – становилось несущественным.

Через двадцать минут, выяснив все, что хотел, он вернулся в машину, на которой сюда приехал и занял водительское место. Насколько Нестор понимал, ему придется ожидать несколько часов. Боруцкий не имел понятия, где может быть Инга. Но после звонка Соболю, сделанному по просьбе Лютого, он точно знал, что Карина лично выехала вместе с охраной именно в этот городок, потому что Инга с ней связалась. Значит, ему надо было дождаться Соболеву и выяснить, где его Инга.

Лютый не видел ее больше суток, так или иначе, а рана осложняла его поиски, изматывая выносливость. И сейчас ему было тяжело. Действительно тяжело. Терпеть это: незнание где она, и что с ней? Не иметь возможности убедиться и проследить за тем, все ли она делает правильно и хорошо для себя? Коснуться ее. Взять в свои руки. Это, так же, осложняло его способность сопротивляться всему, что лезло наружу изнутри.

Впервые, пожалуй, он задумался о том, так ли Инга чувствовала себя, когда он не позволял ей курить? Хотя бы отчасти. Если да, то в этом ему тоже виделась некоторая ирония его судьбы. Забавно.

Эта его потребность была сильнее желания поест, хотя он ничего не ел все эти часы, отдав предпочтение поискам. Это казалось сильнее практически всего, что он испытывал в жизни. Интересный факт. Забавный настолько же, насколько все остальное.

Две машины, определенно, подходящие под понятия принадлежности Соболеву, к тому же, с номерными знаками именно этой области, проехали спустя три часа. Пропустив их, и дав некоторый «отрыв», Лютый завел свою машину и поехал следом. Аккуратно, чтобы профессионалы в охране (а Соболев держал только таких, тем более не доверил бы иным безопасность жены), не засекли слежку. Путь оказался не слишком долгим.

Однако, увидев, где именно машины остановились, Нестор впервые осознал – насколько именно он близок к потере контроля. В тот же момент ему стало безразлично: обнаружат его или нет? Все утратило значение при одной только мысли, отчего именно Инга могла оказаться в больнице.

Что с ней? Насколько состояние его женщины серьезное?

Немедленная потребность действия и помощи ей, нужда предпринять какие-то реальные, действенные меры, заставило его контроль настолько отключиться, что Нестор вышел на улицу до того, как успел это полноценно осознать. И даже очевидная неразумность такого действия именно сейчас, когда он ранен и находится в явном проигрыше против пяти охранников Соболевой, лишь немного притормозила потребность действовать сию минуту.

Нестор остановился неподалеку и сделал вид, что проверяет состояние машины, внимательно наблюдая при этом за тем, что происходит у крыльца больницы. Через пятнадцать минут охранники, до этого достаточно расслабленно стоящие у машин, подтянулись и насторожились. Напрягся и Нестор. И тут на крыльце появилась небольшая группа: две женщины и еще два охранника.

Инга.

Воздух шуршал.

Однако, вопреки разрывающему его желанию движения, несмотря на потребность немедленно вернуть ее себе, Нестор даже не двинулся с места. Хотя его взгляд неотрывно следил за появившейся на крыльце Ингой, впитывая, поглощая каждое ее движение и малейший жест. Наблюдал и продолжал стоять. И не пошевелился, когда все эти люди, включая его Ингу, сели в машины и скрылись из поля его зрения. Он вернулся на водительское место, но даже не завел двигатель. И то, что происходило снаружи, Нестор мониторил лишь на уровне базового наблюдения.

Сознанием же, он, целиком и полностью, был поглощен тем, что только что увидел. Тем, что впервые стало ему ясным и понятным. Тем, что еще вчера он отмел, как еще одно проявление излома ее психики.

«Я человек. Я не кукла. И принадлежу себе!»

Инга, которая вышла из дверей больницы рядом с Кариной Соболевой... Он ее не узнавал.

Хотя в ней изменились лишь отдельные мелочи. Но Нестор впервые посмотрел на нее действительно со стороны, возможно и потому, что сутки не имел возможности в принципе

этого делать. И его ошарашило то, что он увидел. Тем сильнее, что присутствие рядом Соболевой: уверенной, полной достоинства и спокойствия (скользящих в каждом движении, взгляде, жесте); собранной и лощенной – играло в диссонанс. Проявляло все мелочи и особенности внешнего вида и морального состояния Инги, чуть ли не до карикатурности. До гротескности. Заставляло его вспомнить, какой она была, когда он впервые «устроил» их встречу в торговом центре.

Обстриженные волосы Инги были всклокочены и хаотично топорщились, несмотря на то, что уже отрастали. Она сутулилась, словно вся старалась сжаться. Постоянно оглядывалась, и при этом – нервно встряхивала головой. Все ее черты заострились.

Закрыв глаза, Нестор сейчас мог вновь «увидеть» перед глазами резко проступивший угол челюсти Инги, ее ключицы, виднеющиеся в вырезе кофты, даже основу пальцев и кистей. Словно бы все ее кости проступили, проявились сквозь мышцы и кожу.

Она выглядела хуже, чем после первой недели полного одиночества.

Когда она так похудела? Когда?! Он же следил за ее питанием! За эти сутки? Это не казалось вероятным. У Нестора не было объяснения.

Но и кроме потери веса, в ней было огромное количество изменений, которых он ранее не осознавал: взгляд Инги метался. Грудная клетка дергалась от неравномерного и частого, но поверхностного дыхания. Кожа была бледная. Почти болезненная на вид. Каждое ее движение казалось нервным, пропитанным паникой.

Инга вся казалась не здоровой. Измученной. Действительно психически, да и физически неуравновешенной.

Последний месяц он практически ежеминутно был с ней. И на логичный вопрос: что или кто именно мог довести ее до такого состояния – Нестор видел лишь один логичный ответ.

– Я должна его найти! А если он умирает? Если уже...

У Инги перехватило горло, и она не смогла закончить. Все эти часы, по крайней мере те, которые она помнила, ей было до безумия страшно допустить мысль о смерти Нестора. Безумие... Да, определение как раз про нее, кажется.

Машины тронулись с места, охрана Карины заняла места спереди. Салон отделяла прозрачная перегородка. Хорошо. Иллюзия уединения. Хоть какая-то отгороженность от большого количества людей за последние часы. К тому же, это означало, что ее не слышит никто, кроме Карины.

Потому она и заговорила об этом, а не принялась благодарить Карину. Хотя, это Инга уже сделала. Еще в кабинете врача. Она в полной мере понимала степень своего долга перед Соболевой, несмотря на неуравновешенное состояние. Но Карина от этих благодарностей только отмахнулась.

Сейчас же Карина слушала ее внимательно. Причем, ни в поведении, ни во взгляде, Инга не заметила того отношения и выражения, которое уже приобрело некоторую закономерность среди людей при общении с ней. Карина Соболева воспринимала ее совершенно нормально. Не как сумасшедшую. Это несколько ободряло.

– Инга, я не имею ни малейшего представления о том, где может находиться этот человек. И мой муж о его доме так же не осведомлён. Даже Боруцкий, как я поняла, об этом не в курсе, – Карина говорила серьезно. – Почему ты считаешь, что он может умереть?

Инга до боли вдавила ногти в ладонь:

– Я в него выстрелила. И убежала. А он не остановил. – Ей было все тяжелее делать вдохи. – Это почти нереально, если только он не...

– Ты в него стреляла? – все так же спокойно, только словно напрягшись внутренне, уточнила Карина.

– Да, – Инга прохрипела это короткое слово, уставившись на свои руки. На красную нитку.

– Почему? – Голос Карины не казался удивленным или ошеломленным от такого ее поступка.

– Он...

Инга с трудом сейчас могла сформулировать это внятно. Как, вообще, можно несколькими словами объяснить все то, что связывало их с Нестором? Ей казалось, что в том доме прошла едва ли не целая жизнь. Своя. Их. Отдельная от всего остального мира.

Карина не торопила. Смотрела на Ингу и ждала, когда она продолжит. Машина продолжала движение.

– Он не собирался меня отпускать, – «выдохнула» Инга то, что только под конец и поняла. – Никогда. Он... Он будто игрался. В меня.

Она уткнулась лицом в ладони, не зная, как это рассказать, испытывая невыносимую внутреннюю тяжесть, душившую ее. Прижала веки. Инга не плакала. Не могла. Но все эмоции, они заставляли дрожать ее сущность, словно бы истерика внутри нее самой «выливалась».

Попыталась глубоко вдохнуть. Не удалось.

– Он тебя насиловал? – теперь голос Карины изменился ощутимо.

Инга была не в том состоянии, чтобы точно проанализировать, но она определенно уловила смену тембра. В вопросе Соболевой звучали гнев и негодование. Яркие, мощные.

«Он ее насиловал?», мысленно повторила этот вопрос Инга, рассматривая свои ладони и пальцы.

В памяти вспыхнула сцена их первого секса, на кухонном столе. Жесткие, резкие касания Нестора. Тишина, его непонятное молчание. Почти постоянное. И редкие слова... Мелькнуло в голове требование: «покажи». Сменилось ощущением его сильных объятий, когда он тыкался лицом ей в затылок, вспомнилось, как пытался целовать. Прошло по коже ощущением теплой воды и его попытками коснуться ласково.

Как это рассказать? Как объяснить? Даже человеку, которому многим обязан.

Вместо ответа, Инга снова спрятала лицо в ладонях, не имея сил смотреть на Соболеву.

Очевидно, для Карины это послужило некоторого рода ответом. И она отреагировала: тихо, но с огромной ненавистью пробормотала ругательство. Очень неприличное. Впрочем, Инга сейчас не была в состоянии удивляться такому расхождению с привычным образом Соболевой. Да и потом, неплохо знала, что сильные мира сего могут позволить себе довольно часто игнорировать правила и каноны общества.

А вот что ее удивило, так это совершенно неожиданное ощущение прикосновения руки Карины к ее плечу. Короткое, но крепкое, излучающее поддержку:

– Ты не виновата, слышишь, Инга? – уверенно заявила Карина. Надавила на плечо, заставив Ингу поднять голову. – Даже если эта мразь подохнет, туда ему и дорога! Он заслужил смерть.

Инга растерялась. При всем ее недовольстве и обиде, слово «мразь» настолько не вязалось в ее представлении с Нестором, что она даже рот приоткрыла, мотнула головой:

– Но... Он же и правда может умереть, – эта мысль, ужасающая и давящая, циркулировала в ее голове. – Я его убила? – Она не удержалась, голос снова сорвался.

Карина опять ободряюще сжала ее плечо. Потянулась и достала из потайного отделения бутылку минералки. Протянула Инге. Она судорожно вцепилась в нее руками.

– У тебя не было иного выхода. Ты защищала себя. Свою свободу и жизнь. Ты все сделала верно, – убежденно произнесла Карина.

– Но...- Инга приложила усилия, чтобы открыть бутылку, сделала глоток.

И вдруг подумала о том, что Нестор не только бы дал ей уже открытую бутылку, не позволяя Инге напрягаться, но и к губам бы сам прижал. И держал бы, пока не посчитал, что Инга действительно напилась.

– Он не такой. Я, думаю, что просто, он не совсем понимал. И я должна была объяснить, донести. Должна была...

– Что?! – возмущенно перебила ее Карина. – Быть не такой, какая есть? Не вызывать в нем похоть? Извиняться за это?! Или, еще и спасибо сказать за то, что он о тебе так «заботился»?

Голос Соболевой просто дрожал от гнева. Инга даже не представляла, что ее это все настолько заденет. Она растерялась, не вполне понимая, что сказать и как объяснить Карине, что не в этом дело. Но тут она сама посмотрела ей в глаза:

– Это все бред, Инга. Поверь мне. Я знаю. Ты – такой же человек, как и любой из этих гадов. И заслуживаешь больше прав и уважение, чем все эти мрази вместе взятые! И себя ты можешь от них защищать! Имеешь полное право. Он спрашивал тебя о том, хочешь ли ты быть его куклой? Поинтересовался твоим мнением?! Или, быть может, дал тебе право

выбора? Нет! – сама ответила Карина на вопросы, часть из которых Инга могла бы отметить, как утвердительные.

Но у нее, если честно, уже появились сомнения. Соболева говорила так, словно и правда понимала то, что Инга ощущала эти недели. По крайней мере, часть.

– Я знаю, что начинает иногда казаться, что ты и правда виновата, – Карина продолжала убежденно смотреть Инге в глаза. – Знаю, Инга. Все это знаю. И как ищешь причины в себя, как начинаешь испытывать вину за то, кто ты есть. За то, что «заставляешь» его так вести себя с тобой! А он заботится о тебе. Это полная чушь, Инга! Полная! Ты не виновата ни в чем. Это он убил твоего мужа! Он подставил тебя. Он собирался покончить и с тобой. И убил бы, если бы не помешала ситуация. Поверь мне, убил бы, – с полной уверенностью громко повторила Карина.

Инга слышала. Хотя мысленно лежала в сухих листьях на незнакомой, Богом забытой прогалине, с порезанной рукой и в порванном плаще, глядя в непроницаемые глаза незнакомого ей, холодного и расчетливого наемного убийцы.

«Ты мертва», говорил он ей. «Мертва, помни».

Карина говорила правду. Это Нестор убил Мишу, хоть и по заказу. Он пришел убивать ее. И он решал все в их «договоре-отношениях». Да и были ли это отношения? Что она знала о нем? Что Нестор ей рассказал, кроме своего имени? Зная о ней все, он в ответ не открыл ничего. И не расценивал Ингу, как человека, мнением которого, в принципе, надо было интересоваться. По любому вопросу. Разве не так?

– И он насиловал тебя, совершенно не интересуясь, а хочешь ли ты этого! – продолжала Карина.

Интересовался? Или не интересовался?

Мысли Инги начали сбиваться. Образы и воспоминания путались. Вновь накатил приступ паники: ладони взмокли, задрожали, лоб покрылся противным холодным потом. Она тяжело поднесла к губам бутылку, словно бы та весила десять килограмм, а не триста грамм. С огромным трудом глотнула, почти не имея сил удерживать бутылку у рта.

Нестор.

Ей хотелось забиться в самый уголок сидения и сжаться в комочек. Ей захотелось к нему...

Нет! Не может быть! Она же стремилась вновь обрести право решать, опять стать самой собой. Не зависит...

– Ты не виновата перед ним! И не обязана разыскивать того, кто держал тебя силой и использовал так, как ему хотелось! – продолжала говорить Карина. – Ты ни в чем не виновата, Инга. Запомни это. Потому что это – правда, чтобы он не пытался тебе внушить!

Инга задыхалась.

Она глотнула еще воды. Все-таки подтянула под себя ноги. Вцепилась в эту несчастную бутылку, стараясь глазами сосредоточиться на толстой шерстяной нити, оплетающей ее запястье красными узелками.

Нестор.

Она опять не уловила тот момент, когда сознание отключилось, не выдержав этого диссонанса и полного нарушения ориентирования в жизни и реальности того, что было, и ее оценки этих событий.

Лютый сидел в своем автомобиле до темноты. Правда, выехал за границы поселка,

припарковав машину в лесополосе за очередным полем.

Он обдумывал то, что увидел. Он искал место прокола. Пытался обнаружить ту ошибку, которая привела к такому результату. Шаг за шагом, от первой и до последней секунды, он восстанавливал в голове их дни и недели, анализируя каждый шаг и поступок, разыскивая тот неучтенный фактор, который привел к срыву и полной моральной дезорганизации принадлежащей ему женщины.

Нестор не мог сказать, что на данный момент доволен результатами своего анализа. Значительно мешала усталость и нарастающая боль в ране. Несмотря на ее несерьезность, это изматывало. Как и отсутствие хотя бы относительного отдыха в последние двое суток.

Соболева позаботится об Инге?

Он не мог на это рассчитывать. Все в Несторе, и разумное, и подсознательное, восставало против необходимости положиться на кого-то иного в вопросе безопасности и обеспечения Инги. Но он сам нуждался в сне после бессонных дней поиска на аналгетиках. И без адекватной еды.

Инга в эти два дня, очевидно, так же не питалась.

Данная мысль, наверняка, являющаяся фактом, нервировала. Ослабляла контроль сознания над лишними сейчас внутренними факторами. Он заботился о ее питании, отдыхе и настроении последний месяц. И результат этих действий оказался катастрофическим.

Где ошибка?! Где? В чем?!

Усталость съедала весь контроль, выедавая сознание. Тревога об Инге принимала характер навязчивой необходимости. И наружу рвалось то, что Нестор не отпускал в себе с десяти лет, со своего первого убийства обидчика матери: скоп эмоций, потребностей, на грани нужды, на изломе адекватного сознания.

Инга была ему нужна.

Он не мог забрать ее, пока не проанализирует ошибки.

Он не мог анализировать, если не проспит хотя бы три-четыре часа. Пока не съест хотя бы что-то, давая возможность организму получить материал для восстановления. Замкнутый круг.

Несколько секунд были потрачены на анализ целесообразности поимки какой-то дичи в поле. Но быстро отверг эту идею. Сейчас это неразумно, несмотря на почти непреодолимое желание отбросить весь анализ и догнать Ингу. Более разумным и энергосберегающим выходом было вернуться в свою квартиру. Он потратит на это час. Там есть еда. Там есть возможность безопасного сна. Там есть еще три волоса Инги. Он сможет узнать о ее состоянии.

Нестор завел машину и выехал на трассу, продолжая размышлять. Убеждать самого себя, приводя разумные доводы.

Соболева о ней позаботится. Она не раз это уже доказывала – свою готовность помочь Инге. Сейчас он должен принять данное утверждение фактом. Иначе, не сможет сам гарантировать безопасность и защиту Инги. Очевидно, что Нестор внес весомый вклад в то состояние, в котором она сегодня находится. И не мог претендовать на ее возврат.

С каждой минутой и каждой новой мыслью в этом русле – контроль превращался в расплывчатое и слабо достижимое понятие. Внутри нарастал гнев на себя, ярость – на все, что он никак не мог уловить и понять. И все та же потребность.

Нет. Не так.

ПОТРЕБНОСТЬ в Инге.

Наверное, только сейчас он в полной мере начал осознавать, что именно превратило его мать в то существо, которым Нестор ее запомнил. Если она испытывала такую же потребность в его погибшем отце, и не имела никакой возможности его вернуть... Он понимал теперь, что ввергло ее в то безумие, заставляя совершать абсолютно неразумные поступки.

Это было за гранью осознания, рационализма, разума. Даже за гранью безумия. Примитивное, темное, глубинное, из самых корней сущности человека. То, чему разумного объяснения не существует в принципе. Не может существовать. Это за пределами разума.

Следовало отстраниться.

Ребро болело. Он старательно концентрировался на этом. И на дороге.

После холодного «ужина» и трех часов сна, он проснулся, продолжая крепко держать в кулаке три волоска Инги. Сон не принес решения основных вопросов, не внес ясность в его мысли. Не притупил потребности. Он в какой-то мере восстановил тело. Но, похоже, совершенно уничтожил остатки его контроля.

Нестора окружали тени. Не отсветы уличных фонарей, не движения фар машин под окнами... Тени тех сущностей и сил, которым он никогда не позволял своему сознанию открыться. Голоса, еще неразборчивые, но уже не заглушаемые его волей. Воздух словно переливался вокруг него этими неразборчивым гомоном, в котором Нестор разучился вычленять подсказки и путеводную нить смысла.

И это тем более не оставляло ему возможностей, для анализа своей ошибки. Отодвигало момент, когда Нестор сможет вернуть Ингу.

Ярость, так же утратившая пути контроля, рванула на волю через всю его суть, заставила Нестора вскочить с матраса, с гневным рыком обернуться вокруг себя, словно в попытке прогнать все окружающее на физическом уровне. Просто своим нежеланием это принимать и слышать. Рука взметнулась, пытаясь ударить бестелесного противника.

И опустилась, так и не завершив движения. Храня слишком важные для Нестора связи с его женщиной. Не разжимаясь.

Ребро напомнило о себе. Отдых оказался слишком коротким, а он все еще был лишь человеком, и тело об этом не забыло.

«Человек. Я человек, Нестор! Не кукла!»

Он человек. Она человек. Это важно? Или промежуточно?

Какое-то понимание показалось близким, но не формулировалось из-за этого проклятого шороха и гула в его голове.

Вместе с этим, каким-то мигмом просветления сознания пришло понимание – он даже себя не до конца понимает. Не все знает о себе. Каким же образом Нестор может понять Ингу? Как может удовлетворить все нужды иного человека, вернуть гармонию ее сознанию, если свою суть прячет от себя и отгораживается десятки лет? Любое знание добавляет преимущество. Дает силу.

Ради того, чтобы исправить дисбаланс, привнесенный в разум Инги, он готов был использовать все доступные методы, все знания. Свои и чужие. Настоящие и прошлые. Он нуждался в понимании. Потому, подготовив необходимые вещи, через два часа, все еще в ночной темноте, Нестор выехал из Киева. И впервые за несколько десятилетий он целенаправленно ехал в Карпаты.

– Я согласен с диагнозом, который поставили в районной больнице, – Валентин Петрович смотрел на нее совершенно серьезно. И очень внимательно. – У нее есть все признаки сумеречного расстройства сознания, очевидно, вызванные травмирующими событиями. И эти приступы, которые она пытается описать, о котором вы мне рассказали, произошедшем в машине по дороге сюда – подтверждают это.

Они стояли в коридоре на первом этаже реабилитационного центра Валентина Петровича, у дверей палаты, где сейчас медсестра ставила Инге капельницу. Карина знала каждый сантиметр этого здания, досконально изучила, пока занималась отделкой и дизайном.

Карина кивнула, показывая психотерапевту, что приняла это к сведению. Собственно, и сама поняла, что с Ингой все совсем не в порядке, когда она забилась в угол салона машины и буквально «отключилась», вцепившись в бутылку с водой. Инга ничего не говорила, никак не отвечала на все попытки Карины вызвать хоть какую-то реакцию. Просто смотрела перед собой.

Потому Карина и потянула ее первым делом к Валентину, предупредив об этом Костю. Она слишком хорошо еще помнила, да и не забудет никогда, наверное, как хочется просто отключиться от всего. Закрывать глаза и раствориться, исчезнуть. Даже умереть. Или чтоб весь мир исчез. И только бешеное желание выжить, помогает преодолеть все. Но и с этим желанием ей не всегда удавалось быстро восстановиться, несмотря на чертовски богатый опыт. У Инги такого «багажа» не было. Слава Богу, с одной стороны. Карина никому бы такого не пожелала. С другой – ее психика, очевидно, не могла справиться с последствиями этих событий. Она надломилась. Еще не сломалась, Карина чувствовала ее стремление выкарабкаться, спасти самое себя. Но Инга нуждалась в помощи, и Валентин был готов ее оказать.

– Я бы не торопился отпускать ее домой. Пусть недельку побудет у нас в центре, – словно продолжая ее мысли, заметил Валентин Петрович. – Я за ней понаблюдаю, персонал у нас хороший. Инге необходимо лечение, Карина. Настоящее лечение, не просто беседы. Я не совсем согласен с назначенными препаратами, уже есть более эффективные средства. Так что откорректирую список, и сегодня начнем прием лекарств. Было бы очень хорошо, если бы пришел кто-то из ее близких, или тех, кому она доверяет. Не сегодня, наверное. Но завтра уже можно.

Карина кивнула:

– Я скажу Борису, он выяснит и свяжется с ее родными. Это мы решим.

– Хорошо, – Валентин немного помолчал. И, подняв голову, пристально посмотрел на самую Карину. – Вас это лично задело, не так ли, Карина?

Она сжала губы, автоматически изобразив спокойную улыбку. Валентин продолжал смотреть. Карина выдохнула и сильнее стиснула пальцы, которыми зачем-то вцепилась в телефон:

– Ее насильовали, Валентин. Инга сама сказала, что человек, который должен был обеспечить по уговору безопасность Инги – использовал ее как куклу. Что он ее насильовал, – Карина на секунду прикрыла глаза, стараясь вновь вернуть контроль над собой. – Я помню ее месяц назад, Валентин. И то, как она выглядит сейчас... Я знаю, что внутри, в душе стоит за таким видом. Знаю.

Он молчал, продолжая смотреть на Карину.

Ей пришлось еще раз выдохнуть:

– Да, Валентин Петрович, меня это задело очень лично, – наконец дала она ему тот ответ, который он хотел.

– Давайте поднимемся в мой кабинет и поговорим, Карина, – Валентин Петрович рукой указал ей на лестницу.

– У вас хватает забот, и рабочий день закончился, – она покачала головой. – Думаю, удобней будет завтра или...

– Я могу Константину позвонить, Карина, – Валентин улыбнулся, явно отметив ее детскую попытку улизнуть.

Взглядом продемонстрировав ему свое отношение к «грязным» ударам, Карина молча направилась к лестнице на второй этаж, где располагался кабинет психотерапевта.

Жизнь перестала быть.

Возможно, кто-то посторонний не понял бы, что Инга выражала этими словами. Собственно, Валентин Петрович, кажется, и не понимал. Говорил с ней об этом, спрашивал, уточнял, выяснял, что именно Инга вкладывает в такое описание понимания реальности. А она не совсем осознавала, как это до него донести. Или еще до кого-то.

Жизнь просто не была.

Инга – была. Люди вокруг – были. Тот же Валентин Петрович, к примеру. А жизнь – нет, она не была. Словно все вокруг как-то остановилось и замерло, стало вязким и липким. Душным и затхлым. Не живым. Инга старалась, стремилась, пыталась делать все, что Валентин Петрович ей рекомендовал, что Карина предлагала, что мама советовала – но не могла вырваться из этого липкого, вязкого и неживого ощущения.

Родители приехали к вечеру следующего дня, после того, как Инга оказалась в центре Валентина Петровича. Они сказали, что их привезли помощники Карины Соболевой. Разыскали, рассказали про Ингу и помогли приехать...

Мать выглядела измученной, да и отец казался куда старше, чем Инге помнилось. На лицах обоих читалось, как непросто им дался этот месяц, когда они ничего не знали о судьбе своей дочери. Да и увиденное, кажется, не прибавило им оптимизма. Инга видела, как мать едва сдерживала слезы, хлопоча вокруг нее, и как старается крепиться отец. Она даже чувствовала себя виноватой за то, что настолько их расстроила, заставила так нервничать. Хотя, честно говоря, понятия не имела, каким образом могла бы поступить иначе, ведь ей никак нельзя было даже им сообщать о своем местонахождении в эти недели. Но это чувство вины все равно присутствовало – глупое и иррациональное. Оно накапливалось, суммировалось с иными эмоциями, которые клубились в ее душе. Усиливало тоску и какую-то постоянную усталость. И дальше самого понимания вины – ничего не происходило. Она не могла перебороть странную вязкую глухость, с которой проснулась после первой ночи в центре. То ли это был результат приема лекарств, то ли просто организм исчерпал все свои силы, в том числе эмоциональные, но эмоции не выплескивались наружу, не выходили из Инги. Она не могла ни плакать, ни кричать. Только зачем-то извинялась все время и перед всеми за неудобства и эти волнения. Потому что умом понимала все, вроде бы, но не находила этому пониманию отклика внутри себя.

Единственное, что буквально сотрясало ее душу, заставляло встряхиваться и лихорадочно гнать кровь по телу – мысли о Несторе. Подозрение, все больше превращающееся в уверенность, что она его убила.

И не приносили успокоения убежденные слова Карины, что он заслужил подобное. Не помогали разумные и уравновешенные комментарии Валентина Петровича о чувстве «родства с насильником и вины за саму себя» часто возникающие у жертв агрессии и насилия. Не приносили умиротворения заверения, что она имела права защищаться. Только всеобъемлющее ощущение внутренней боли и какой-то невосполнимой потери, которую, казалось, уже ничем и никогда не заполнить. В ее душе разрасталась пустота, черная, сотканная из той же вины и горя. И какого-то хрупкого, опоздавшего понимания о том, чем был, кем мог бы стать для Инги этот человек. Но уже никогда не станет. Потому что ее рука дрогнула, зацепив курок...

Валентин Петрович убеждал, что Инга сейчас идеализирует своего обидчика, неосознанно подтасовывая факты, которые помнит. Затирает в памяти то, что подтверждает насилие, защищая себя этим, и приписывает Нестору мысли и мотивы, которых этот мужчина не знал и не испытывал. Ведь по неоднократно признанию самой Инги, они никогда не разговаривали и не обсуждали аспект их отношений, как таковых. Только ее принадлежность.

Инга слышала эти доводы. Она понимала даже, почему Валентин Петрович и Карина так считали и убеждали ее в этом (родителям подробности своего последнего месяца Инга не открывала, им и без этого волнений хватало), однако, все равно, внутренне не соглашалась. Ей, ее сущности и ее душе – это не казалось верным. То, что говорил психотерапевт и Карина. И с каждым днем эта внутренняя уверенность почему-то крепла, причиняя все больше муки. Вероятно потому, что каждый минувший день все больше убеждал Ингу в фатальности того случайного выстрела.

Разве, в ином случае, Нестор еще не пришел бы за ней? Он не казался человеком, так легко отдающим «свое», даже если допустить мысль, что ее поступок мог вызвать его гнев.

Инга не ждала Нестора. Нет.

Кажется...

Она не хотела к нему назад. Домой...

Нет! Разумеется! Полный абсурд.

Не считая чувства вины перед ним, Инга была совершенно счастлива вновь самостоятельно распоряжаться своей судьбой и решать: что и когда ей делать. Разумеется. Счастлива.

И ей вовсе не хотелось назад, в этот странный и пугающий дом, к этому непонятному и замкнутому мужчине. Нет-нет. Хотелось...

Она так и не сняла красную нитку со своего запястья. Не хватило духу. Не нашлось сил оборвать эту призрачно-эфемерную связь. Нарушить цепочку узелков.

Ей стало невыносимо находиться среди людей: одного-двух человек рядом Инга еще могла терпеть относительно спокойно. Но если вдруг людей становилось больше, на нее накатывала та же паническая волна, что и в поселке. Валентин Петрович обещал, что это пройдет, что скоро организм успокоится и реакции утихнут. И хорошо уже то, что на фоне применяемых лекарств к ней перестали «перестали приходить провалы», с полной потерей ориентировки в себе и в окружающей реальности. Ингу это тоже радовало. В конце концов, хоть какой-то прогресс и позитив. Таких событий с ней сейчас происходило не много. Собственно, с ней в принципе не особо много чего сейчас происходило: таблетки, капельницы, завтраки-обеда-ужины, прогулки в парке у центра вместе с родителями. Разговоры с Валентином Петровичем и визиты Карины. Все почти по расписанию. Глупо, конечно, так думать, но... Господи, Инге это стало безумно напоминать месяц с Нестором. С одной огромной разницей – его рядом не было. И оттого, именно от этого, кажется, у нее и возникло ощущение «небытия» жизни.

Из реабилитационного центра Ингу отпустили через пятнадцать дней, когда Валентин Петрович стал уверен, что повторения приступов не будет. А Инга почти научилась контролировать панику, возникающую при виде людей. Еще не довела это умение до совершенства, но уже справлялась с удушьем и дрожанием мышц, успешно прятала влажные ладони и незаметно вытирала покрывающийся испариной лоб.

Родители помогли ей собрать вещи, которыми за это время успела «обрасти» палата Инги, и довезли ее до квартиры. Мать убрала там, скрыв все последствия побега и многократных обысков милиции, после исчезновения дочери. И сейчас в комнатах практически ничего не было заметно – так, не хватало каких-то мелочей, или же ваза стояла на непривычном для Инги месте. Но это все казалось таким неважным, даже неощутимым почти. Потому как с первой же секунды, переступив порог квартиры, Инга думала только о том, как на вот этом самом пороге впервые лицом к лицу встретилась с Нестором. И с пистолетом. С тем проклятым пистолетом.

Она очень надеялась, что ей удалось ничем не выдать этих мыслей. И, кажется, так и было, потому как родители казались уже гораздо спокойней и счастливыми, что Инга идет на поправку. И, проведя с ней еще два дня, даже согласились вернуться домой, вроде бы удостоверившись, что с дочкой теперь все будет в порядке. Это она сама их поторопила. Даже с самыми родными людьми, Инга не могла теперь ощущать себя комфортно в настолько тесном пространстве. Словно после того проклятого месяца ее личное пространство подстроилось под одного-единственного человека. Который, похоже, уже никогда не окажется рядом.

Был у Инги и еще один повод торопить родителей – она хотела начать новую жизнь. Ощущение пустоты, вины и потерянности становилось невыносимым. И хлопоты, постоянная забота родных только усиливала ощущение давления на ее сознание. Как и вынужденное бездействие. И в этот раз, как уже дважды до этого, ей на помощь совершенно неожиданно и без всяких просьб со стороны самой Инги, пришла Карина Соболева. Она предложила Инге работу управляющего отелем, принадлежащим их семье.

Инга знала об этом отеле, он располагался на четырех этажах одного из самых современных центров их города, построенного так же на деньги Соболева. По словам самой Марины, она в последний год стала очень интересоваться отельным бизнесом, и муж с радостью позволил ей полностью заниматься этим отелем. И сейчас Карина, прекрасно знакомая с деловой хваткой и работоспособностью Инги, с удовольствием заполучила бы такого человека в свою команду.

Инга согласилась без раздумий, пусть и слабо ориентировалась на данный момент в тонкостях этого дела. Она нуждалась в смене. В смене всего: жизни, ритма, окружения. Она хотела избавиться хотя бы от части этих давящих эмоций, притаившихся у нее внутри. Не могла больше сквозь полуприкрытые веки следить за движением теней на стенах ее квартиры ночами. Станным движением, почти самостоятельным и живым. Так остро и горько напоминающих ей о Несторе и своей вине перед ним. После стольких дней анализа и самоанализа, размышлений и раздумий о том, что и как она сделала, а что не совершила – Инга испытывала дикое желание с головой погрузиться в что-то новое, тяжелое и неведомое. В нечто, что заставит ее работать на износ, отдавая все силы, из-за чего она будет отключаться, падая на кровать, а не всматриваться в потолок, следя за причудливыми играми темноты, и слушая переливы шелеста тишины.

Через месяц после своего возвращения в родной город, Инга вышла на свое новое место работы. Ее голову теперь украшала очень креативная и современная короткая стрижка, в которую мастер превратил отрастающий беспорядок и кошмар ее остриженных волос. Она даже доехала самостоятельно, поборов внутренний страх и сев за руль. И достаточно хорошо держалась, спрятав отчаянную потерянность и панику от обилия людей

вокруг, за внешний фасад профессионализма и акцентуировании на работе. Наверное, внешне, Инга почти смогла стать снова собой: сосредоточенной, готовой решить любую возникшую проблему и узнать все нюансы новой работы. Только вот вся прежняя одежда болталась на ней, как на вешалке. За все это время Инга похудела на два размера, и ничего не смогли изменить ни успокаивающие, приписанные ей Валентином Петровичем для постоянного приема, ни забота матери. Инга не хотела есть. Понимая, насколько это бесперспективная модель поведения, она заставляла себя питаться. Однако это всегда сводилось к минимально необходимому потреблению питательных веществ, не больше. И каждый раз, до сих пор, сопровождалось мыслью – насколько был бы недоволен Нестор ее нынешним внешним видом. Не Ингой. А тем, до какого состояния она дошла.

Бред, бред, бред... Она вроде бы и понимала это. Только как дальше жить – до сих пор не поняла, даже спустя полтора месяца после своего бегства. Старалась. Пыталась. Пробовала. А не жила, снова и снова и снова возвращаясь мыслями к этому мужчине и тому, что она с ним сделала. Что он сделал с ней.

Весна давно окончилась. Проходило и лето, душа город адской жарой, которую Инга почти не замечала. И кондиционированный воздух номеров и коридоров отеля заменил ей настоящий – душный, пыльный и жаркий. Все свои дни она проводила на работе, уйдя в это занятие не просто с головой, а вообще целиком, даже с кончиками своих коротких волос, которые теперь регулярно стригла. Не могла отрастить – они ее раздражали и злили, иногда доводя до злых и каких-то бессильных слез, стоило прядям хоть немного удлиниться.

Она продолжала принимать таблетки, прописанные ей Валентином Петровичем (если не забывала, что порою бывало, настолько Инга заставляла себя сосредоточиться на работе), и раз в неделю приходила на консультацию к психотерапевту. Он был не полностью доволен динамикой ее состояния и не особо это скрывал. Так же Валентин Петрович не очень одобрял интенсивность, с которой Инга погрузилась в работу. Он настоятельно рекомендовал ей больше гулять и постепенно возвращаться в социум. Инга кивала, про себя иронично размышляя над тем, что она ведь и так вернулась в социум – под ее началом сейчас находилось сто двадцать человек персонала отеля. Разве мало? Первую неделю ей приходилось принуждать себя заходить в зал, где собиралась хотя бы треть. Потом, более-менее разобравшись в ситуации, она выделила ответственных по различным направлениям и вела совещания уже с ними. Так и ей было легче, и команды работали эффективней.

Инга очень старалась. Она даже начала посещать занятия по йоге, чтобы найти хоть какую-то точку равновесия и научиться балансу. И какое-то время ей даже начало казаться, что что-то получается.

Но за все эти дни и недели она ни разу не проснулась с улыбкой. И не было ни единого часа, когда бы она о нем не вспоминала. Нестор снился ей. Он продолжал жить в ее мыслях и воспоминаниях. Ее тело помнило о нем, о прикосновении его рук: горячих, сильных, порою жестких, а порою – настолько аккуратных, что она просыпалась в слезах от понимания, насколько ей его не хватает. Она хотела его. Хотела таким, каким помнила – жесткого, молчаливого и сильного. Неумолимого, почти не знакомого с понятием уступок, окутывающего ее своей волей и заботой, от которой так сложно отказаться. Она страдала без него. Горевала по Нестору.

Да, Инга мечтала вновь стать хозяйкой самой себе. Хотела самостоятельно распоряжаться своей жизнью. Но, получив это – она поняла и иное.

Инге хотелось назад, в его объятия. Хотелось прижаться, «укутаться» его силой и надежностью, прижаться к Нестору. Потому что сейчас она поняла, что несмотря ни на что, несмотря на свою обиду и имеющееся недовольство от его отношения – именно там, в его руках, засыпая на его плече – ощущала себя в самом правильном, «своем» месте. Чего уже никогда, очевидно, не испытает. И это усиливало ее подавленность и чувство какого-то безграничного отчаяния, о котором Инга не рассказывала Валентину Петровичу. Из-за которого она продолжала просыпаться и плакать ночами, несмотря на всю свою усталость.

Могли ли они решить это? Возможно ли было устранить такие разногласия разговором, оставшись вместе? И хотел ли сам Нестор чего-то подобного? Или прав Валентин Петрович и Инга сейчас лишь идеализирует Нестора, покрывая реальные воспоминания глазурью своих желаний и мечтаний.

А даже если и так – то какой в этом смысл теперь, после того, что она сделала? Зачем размышлять о том, что уже не изменить? Но Инга оказалась не в состоянии прекратить думать об этом.

В августе ей стало хуже.

Наверное, Инга сама была виновата в ухудшении: она полностью перестала принимать препараты. В одну из ночей, проснувшись после очередного сна, слишком похожего на реальность, в котором Нестор был рядом, она почему-то решила, что это прописанные транквилизаторы и успокаивающие не дают ей выбраться из омуты подавленности. И решила больше не пить таблетки. Вероятно, решение было не самым верным, но Инга его приняла и планомерно ему следовала.

Тени в ее квартире стали «жить» активней, Инга почти постоянно слышала их невнятный шепот. Постоянно замечала какое-то движение на самом краю поля зрения. И даже перестала уже бояться, как-то свыкнувшись, почти не замечая, стараясь сосредоточиться на выполнении своих профессиональных обязанностей. А еще, ей стал мерещиться Нестор. Поддавшись настоятельным уговорам Валентина Петровича, Инга пыталась проводить больше времени «не на работе», но редко выдерживала, потому что стоило ей выйти в город, чтобы пройтись по магазинам или прогуляться в парке, как в любой толпе, за каждым углом ей начинала чудиться высокая и такая знакомая фигура в темной кепке. И самым мучительным для Инги оказалось раз за разом понимать, что это только кажется. В каждом лысом человеке, ей виделся Нестор. Инга даже несколько раз догоняла этих мужчин, борясь с самой собой и душащей ее паникой перед толпой. Но каждый раз, заглядывая в их удивленные лица – только усиливала собственное отчаяние и потерянность. Она извинялась и отступала назад. А через секунду вновь ощущала себя так, словно бы стоит ей обернуться – Нестор будет здесь, за ее спиной. В полушаге. И она оборачивалась. Однако его не было. И все внутри вновь обрывалось, а на глаза накатывали слезы. Но Инга не плакала. Она делала глубокий вдох и, стремясь оградить самое себя от новых нелепых ошибок, опускала голову, утыкалась глазами в плавящийся от жары асфальт. Возвращалась в машину, теребя пальцами уже потертую и истрепавшуюся красную нить на запястье, все равно ежесекундно чувствуя себя так, словно бы упускает возможность увидеть Нестора, который здесь, совсем рядом. И уезжала домой: к своим пустым комнатам и живущим в них мыслям, теням, шорохам. Туда, где ей уже было почти комфортно вместе со своим горем и болью.

Самое странное – Инга полностью отдавала себе отчет, что не выздоравливает, а словно бы из одной грани сумасшествия скатывается в другую. Однако у нее ничего не выходило с этим сделать, никак не получалось исправить. Инга старалась еще больше погрузиться в работу, чтобы отрешиться от мыслей. И этим сильнее беспокоила Валентина Петровича. Замкнутый круг какой-то, в котором не было видно ни конца, ни края. Нарастающая апатия и подавленность. А еще – тихо подкрадывающееся понимание бессмысленности жизни. Своей. Она так старалась спастись, доказать, что невиновна. Вытерпела одиночество в том доме, заключала договор с Нестором. Что-то ему пыталась доказать и объяснить. Не анализируя, так много получила от него, и столько потеряла, разрушительно убежав...

В чем смысл ее жизни теперь? Инга старалась вылечиться, делала все, что ей советовали, работала – но уже не понимала: для чего и зачем? Зачем это все? Сама ее жизнь для чего?

Ответа Инга не видела. Искала, и не могла найти.

В сентябре похолодало. Не резко, но схлынула душная жара. Инга пыталась воспользоваться этим и чаще гуляла после работы. Но теперь она избегала других людей. Несмотря на все советы психотерапевта, Инга больше не могла заставить себя войти в поток людей. Не было у нее больше сил вновь и вновь испытывать разочарование и метания в мыслях и душе. Весь скоп эмоций, которым Инга просто не могла найти выход, так и не успокоившееся после всех бесед с Валентином Петровичем чувство своей вины, отчаяние – они давили на ее сознание. Как та самая нить, скручивались, вились внутри, свиваясь в клубок все эти дни, недели, месяцы. И теперь этот клубок стал огромных размеров. Он давил на Ингу изнутри, перекрывая горло, не позволяя вдохнуть, заставляя сутулиться под какой-то непомерной невидимой тяжестью, лежащей на ее плечах.

Ее состояние заметила даже Карина, посоветовав Инге взять неделю отпуска. Нет, Соболева была очень довольна результатами работы Инги. Даже признала, что не ожидала настолько быстрого и глубокого понимания Ингой ситуации в отеле и такой самоотдачи. Однако Карина это повторила несколько раз, ей необходим отдых. И Соболева, как ее непосредственный начальник, и человек, которому судьба Инги не безразлична – настаивает на выходных.

Вот так она осталась дома, совершенно не понимая, что делать. Один на один с самой с собой, тенью, виной и приближающимися именинами. Родители хотели приехать, отпраздновать с дочерью тридцать третий день рождения. Она отказалась, слукавив, обманув, сказав, что будет работать, что в этом году не хочет праздновать. Да и вообще, такую дату не отмечают. Подводят итоги, размышляют о жизни – да. А праздновать не хочет.

Может родители не были согласны, но с дочкой не спорили. Позвонили утром, поздравили, наговорили огромное количество пожеланий. Мать расплакалась в трубку. Отец тоже едва сдерживал слезы. Инга это слышала, и сама плача. Она их очень любила, и честно сказала об этом. А вот остальное утаила. Двадцать раз пробормотала «спасибо» и пообещала, что обязательно будет веселиться. Отложила телефон и бессмысленно уставилась на свои руки.

Инга понятия не имела, чем заняться. И ей уже даже ничего не хотелось: ни праздника, ни чьих-то пожеланий. Хотелось забыться. Хоть на секунду избавиться от

давления внутри, иметь возможность просто свободно вдохнуть. Хотелось к Нестору...

Видимо, стремясь убежать от этой мысли, она вскочила с постели, кое-как приняла душ и выскочила из квартиры, впопыхах одевшись. Инга не позавтракала, как это часто случалось в последние недели. Даже волосы до конца не просушила. Не важно. Короткие, сами быстро высохнут. Рухнула на переднее сидение своей машины и отправилась ездить по городу. У нее не было цели или какой-то идеи. Она просто каталась, стараясь «уехать» от какой-то безнадежной боли, подкрадывающейся все ближе. А к середине дня – не выдержала. Увидела торговый центр, в котором работала раньше, и решила пройтись по магазинчикам, в глупой надежде, что сегодня толпа поможет ей избавиться от одиночества.

Это не сработало, разумеется.

Инга бродила по этажам, стиснув зубы и судорожно кивая в ответ на приветствия бывших сотрудников. Отводя глаза от их любопытных взглядов. И против своей воли все время возвращалась мыслями к тому дню, когда устроила здесь экскурсию Лютому, сама о том не ведая. Постояла у витрины магазина Боруцкого, повторяя путь. Дошла до отдела часов и безделушек. И вдруг увидела ножик. Маленький, красный, швейцарский. Точно такой, каким он вынимал занозы из ее ладони. Не имея понятия, зачем это делает, Инга поддалась порыву и попросила продавца упаковать этот ножик ей.

Станный подарок самой себе на день рождения. Но он почему-то показался Инге очень правильным. Сжимая этот ножик в ладони, она вышла из центра и поехала кататься дальше.

За целый день Инга так ничего и не съела. Зато, пока она кружила дорогами города, к ней пришла странная мысль, показавшаяся, тем не менее, до боли правильной. Она не видела смысла в своей жизни. И поняла, что не может теперь даже найти в себе мотивации бороться за нее дальше.

Впервые за эти месяцы Инга позволила себе заглянуть внутрь самой себя откровенно, руководствуясь только своими чувствами, а не советами психотерапевта, замечаниями Карины или своим «адекватным» пониманием того, что правильно. Ей был необходим Нестор. Она нуждалась в нем так, как никогда и ни в ком не нуждалась. Ни в Мише, за которого однажды вышла замуж, ни даже в родителях, хоть и любила их безгранично. Не в том, чтобы он решал все за нее или подавляюще заботился. Нет. Она просто хотела обнять его, поцеловать. Ощутить его тепло и силу. Быть рядом...

Любила ли она Нестора? Инга не знала, можно ли это назвать любовью. Чувство, которое она испытывала было больше похоже на одержимость и болезнь, охватившую все ее тело. Не только душу и разум, а и каждую клеточку, пропитавшую кожу, мышцы, въевшуюся в кости. Здесь не было романтики или каких-то светлых иллюзий. Их отношения оказались короткими, полными молчания, противостояния и настороженности. Но и такой потребности друг в друге, которой, Инга знала совершенно точно, никогда уже не испытает ни к кому.

И она не могла дальше жить, зная, что уже имела все. Имела. И разрушила своими руками, какими бы трудными эти отношения ни были.

Любовь? Не любовь? Бог знает.

Инга же просто была больше не в состоянии существовать без Нестора. А его, она уже не сомневалась, на этом свете больше не было. Это понимание вновь всколыхнуло притаившееся в ней море боли и вины. Жить так дальше показалось невыносимым.

Мало отдавая себе отчет, Инга выехала за город и направила машину к месту, которое

ей всегда нравилось. Там, если пройти от дороги метров двести вверх, на небольшой холм, открывался очень красивый вид на разлив Днепра: широкая, мощная река растекалась, казалось, под самыми твоими ногами на несколько километров вширь. Ей хотелось увидеть это еще раз. Вероятно, в последний.

Машин на дороге было мало, вечерело. Ей попало только пара встречных. Да одна ехала сзади, обогнав, когда Инга остановилась на обочине и вышла. Вдохнула несколько раз, так и не избавившись от ощущения нехватки воздуха, и пошла вверх, осторожно пробираясь через высокую, уже желтую траву. Опустила одну руку в карман кофты, сжав ножик. Это почему-то придало сил, словно подтверждая, что она все делает правильно.

Только родителей было очень жаль. И безгранично стыдно за то, что она оставляет их, причиняя, наверняка, невыносимую боль своим решением. Инга очень любила их, это правда. Очень. Но не так.

Она просто не могла больше так. Она хотела к Нестору. А его рядом не было.

Наверное, это могло показаться слабостью. Вероятно. Но, видимо, чтобы всегда оставаться сильной, была хоть изредка нужна поддержка самого близкого человека, того, кто являлся частью тебя самой, чтобы иметь силу жить дальше, несмотря ни на что. У Инги этого человека уже не было.

Река была красивой. И мощной. Наверняка, у этой воды хватило бы силы, чтобы преодолеть любую преграду на своем пути. Жаль, что Инга не была водой, не могла просто упасть на землю, впитаться в нее. Стать частью этой реки. Правда, если подумать, то у нее была подобная возможность. У части ее тела, по крайней мере.

В каком-то отрешенном трансе, слабо представляя себе, что же все-таки делает, словно организм сам создал себе анестезию, Инга достала нож и аккуратно раскрыла лезвие. Еще раз посмотрела на сильное течение реки, и прижала металл к запястью, чуть ниже красной нити, словно указывающей ей место. И с силой надавила, почти не ощущая боли, чертя линию, тут же набухающую темно-красными каплями. Они медленно росли и скатывались по ее коже в бок, по одной капая на траву.

Медленно. Очень.

Инге подумалось, что река бежит гораздо быстрее. Все в том же отрешенном состоянии, она подняла руку с ножом, подумав, что в шее кровь бежит быстрее. Но прижать острое к коже не успела.

Инга находилась в какой-то прострации, почти не замечая ничего вокруг, даже реки не слыша, полностью сосредоточившись на внутренней боли и ударах крови, вытекающей из ее вен. Потому, совершенно не ожидала чего-то, налетевшего на нее сзади. Сжавшего, встряхнувшего ее тело, подобно удару урагана, срывающего хлипкое строение со своего места. Нечто стиснуло обе ее руки, до дикой боли сжав порезанное запястье. Надавило на какую-то безумно болезненную точку на второй руке, заставив пальцы онеметь и выронить ножик. Дернуло, развернув все ее тело.

Но Инга даже рта не раскрыла. Не издала ни звука. И не успела ни удивиться, ни поразиться. Потому что оказалась лицом к лицу с человеком, которого мысленно уже похоронила в заброшенном доме. Смотрела прямо в невозможно-синие глаза, полные гнева, теней и... страха.

Вот это, последнее, наверное, показалось ей дико невероятным, нереальным. И она улыбнулась. Не вырывалась, не удивлялась, ничего. Просто смотрела в глаза Нестора, улыбаясь.

А потом смогла сделать вдох. Настоящий, полный, дающий ощущение свежести и свободы. И все еще скованная его пальцами и ладонями, подалась вперед, к нему. Выдохнула:

– Нестор!

И со всей силой накопившейся в ней бесконечной прорвы разнообразных безумных эмоций, прижалась ртом к его разъяренно сжатым губам. Всем телом прижалась к нему, игнорируя то, что ее руки неудобно от этого вывернулись. Даже, если это было окончательным сумасшествием, Инга вдруг испытала безграничное счастье.

Ярость пульсировала в его голове.

Ярость бурлила в крови, разносясь бешеным током по телу.

Ярость затягивала темной пеленой зрение.

А сердце оледеневшим камнем давило в груди, скованное диким, нереальной силы страхом. И это, совершенно несвойственное ему чувство – подпитывало и усиливало ярость. И необходимость. Потребность убедиться в том, что не опоздал. Нужда ощутить ее каждой своей клеткой.

Нестор знал, что тяжело дышит, глубоко, раздувая ноздри. Из-за этой ярости. Из-за потребности. Из-за необходимости прочувствовать ее даже легкими.

Он не мог сейчас анализировать ситуацию, не имел сил оценить обстановку и оказался не в состоянии вычленить решающие факты. Все, чего он сейчас хотел – это наорать на нее. Заорать по-настоящему, так, как никогда и ни на кого не кричал. Чего в принципе никогда не делал. Встряхнуть эту женщину так сильно, чтобы она поняла всю дурость того, что только что чуть не совершила. Чтобы выплеснуть весь свой ужас, охвативший каждую мышцу, когда понял, что именно Инга делает. Когда увидел, как меняется, затухая, окружающее ее свечение, присущее всему живому, из-за готовности Инги привести себя к смерти. Когда испытал леденящий страх, с максимальной скоростью сокращая имеющееся между ними расстояние, не позволяя думать, что может не успеть. И потеряет навсегда.

Она не имела права! Не обладала полномочиями забирать себя у него!

Все, что Нестор сейчас был в состоянии сделать – это пытаться хоть как-то удержать в руках контроль. И Ингу. Максимально пережать рассеченные сосуды на ее запястье, зная, что переступает границу боли. Ощущая, как по его пальцам стекают капли ее крови, усиливая весь этот чертоворот эмоций, разрывающих его голову. И дышать еще глубже, впитывая ее запах, доказывающий, что Нестор не опоздал.

Она принадлежит ему! Вся! До последней капли этой крови! Она...

Но у него не оказалось возможности ни додумать, ни высказать хотя бы часть всех этих мыслей Инге. Не успел Нестор и встряхнуть ее, приводя в чувство. Потому что в этот момент ни лице Инги появилась, по-настоящему расцветая, улыбка. Полная такой радости, такого счастья, какого он у нее не наблюдал ни разу за все эти месяцы. И смотрела Инга при этом прямо на него, глаза в глаза.

– Нестор! – выдохнула Инга.

Без страха, без отчаяние, без опасения. Счастливо.

Сбив его с ног и дезориентировав, покорив этим тембром голоса, поставив всю его суть на колени перед ней всего лишь одним словом. Его именем. Никто и никогда так не произносил его имя. Не смотрел так на него. Даже сама Инга еще недавно. Не осталось в ее глазах ни страха, ни настороженности, ни тени опасения перед ним.

Он потерял ориентир. По-настоящему растерялся.

Даже ярость стихла. И по коже начало расползаться тепло от ее тела, от ее радости, которую он физически ощущал. Осталась лишь огромная потребность в ней. В его женщине.

Но, как ни странно, и тут Нестор не успел, все еще переживая отголоски страха и злости. Инга первая подалась вперед со всей силой, сама себе выворачивая руки, потому что Нестор просто не мог ослабить захват пальцев. Он должен был быть уверенным, что

пережал порезанные сосуды. А она, игнорируя это, прижалась к его рту своими губами, окутывая собой, таким родным и знакомым запахом, настолько ему необходимым именно в этот момент; согревая мягким и только ей присущим теплом, почти реально ощутимым, заставляющим чуть прищуриться, от только ему уловимого свечения ее счастья и радости. И просто целовала, самозабвенно и отрешенно. Хотя, Нестор точно знал – Инга прекрасно уловила бушующую в нем ярость.

Сопротивляться и своей, и ее потребности – он не мог. Разжав пальцы, Нестор отпустил ее руку. Одну, пустую, продолжая сжимать израненное запястье. Подхватил Ингу, сжав пальцами ее затылок, заставляя опереться на него. С каким-то странным удивлением понял, что может погрузить ладонь в ее волосы, что показалось совершенно непривычным. Поддался этому.

И... Все, совершенно потерял контроль над собственной в ней нуждой.

Она целовала его губы. Нестор же, похоже, накинудся на ее рот, словно стремился напиться Ингой, впитать то тепло и радость, которой она в этот момент просто заискрилась. Ее губы, щеки, нос, ресницы – он жадными, горячими касаниями рта пытался дотянуться до всего, не умея делать этого, как Инга, и не в состоянии сейчас ограничиться. Надавил на ее спину, буквально притиснув Ингу к себе, продолжая при этом пережимать порезанное запястье. Прошелся губами по отросшим волосам на ее висках, вернулся к губам, набросился на ее рот, словно оголодавший.

Хотя, это правда – он оголодал по ней за эти месяцы. Сам себе не разрешал приблизиться, хотя вернулся еще месяц назад: изучил каждый ее шаг, рабочий кабинет, регулярно проверял безопасность квартиры. Следовал за Ингой везде, куда бы она ни шла, но не делал того, чего желал больше всего – не приближался. Только ночью, если точно знал, что сон глубокий, и она не проснется, разрешал подойти совсем близко. Но не касался.

Потому сейчас он буквально набросился на нее, пытаясь впитать в себя ощущение ее тела каждым миллиметром своей кожи. Ртом напиться Ингой. А она не замерла, не притихла, отдавая ему всю власть и руководство, как это чаще всего случалось раньше. Инга целовала его не менее жадно. Стремилась достать до любого доступного ей участка его тела. Толкала его самого, сталкиваясь с Нестором лбами, носами. И смеялась. А потом всхлипывала, и опять кидалась целовать его скулы, нос, подбородок. Распоряжаясь лишь одной рукой, она так вцепилась в его шею, будто бы думала, что Нестор попытается сейчас оттолкнуть ее от себя. Чуть ли не ногтями «заякорилась», для надежности видимо. И дышала так же тяжело, настолько же глубоко, как он сам.

Было в ней что-то непривычное, еще им не понятное.

Но он не успевал все обдумывать. Слишком много фактов, действий, событий. Слишком мало времени. Слишком сильная необходимость отключиться от всего, полностью сосредоточившись только на своей женщине.

Однако и через эту какофонию потребности, тоски и жажды, до него пробилось ощущение дрожи слабости и истощения, сотрясающей ее тело. Он остановил кровь своими тисками, но это было временно. Рану следовало перевязать, и как можно скорее. Кроме того, Нестор заметил это, как только вернулся и наблюдал все последующие недели, а в данный момент еще и ощущал своими руками – Инга отвратительно питалась, совершенно пренебрегая элементарными потребностями собственного тела. И сейчас, определенно, смена потрясений и эмоций, гормональный всплеск и, он надеялся на это ради ее же блага,

осознание дурости того, что она чуть не совершила – подточили ее силы. Инга все больше опиралась на него. Почти легла.

С глухим и резким рокотом, вырвавшимся из самой глубины горла, Нестор заставил себя остановиться.

Первостепенным было позаботиться о ней. В аптечке автомобиля у него имелись бинты. Но туда еще надо было добраться.

– Нестор, – Инга... возмутилась?

Она сжала пальцы на его шее почти судорожно, словно думала, что может его пересилить. Нестора это развеселило. Но понимание того, что ее состояние не настолько уж и улучшилось за эти месяцы без него, вернуло злость и ярость, хоть и не такой силы, что пригнала от машины сюда.

Он твердо и серьезно посмотрел Инге в глаза:

– Ты перешла черту, – голос хрипел.

Звучал так, будто он рычал на нее.

Нестор разозлился на свое тело. Но после трех месяцев молчания горло и связки с трудом подчинялись. На мгновение отпустив ее руку, Нестор ухватил край своей кофты и резко дернул, оторвав кусок ткани. Вновь сжал запястье Инги, не в состоянии смотреть отстраненно на багровые подсыхающие потеки. Ярость плеснулась внутри с новой силой, перемешавшись со страхом и необходимостью. Он с силой затянул импровизированный жгут, молча, сжимая губы. Пытаясь вернуть контроль. Поднял голову, посмотрев на свою женщину.

Но и сейчас во взгляде Инги не появилось настороженности или испуга. Собственно, там была эйфория, кураж. Словно она наркотика наглоталась. Или напилась. Хотя он точно знал, что и ничего подобного Инга не употребляла. Он ее не понимал. Не мог уловить направленность ее мыслей.

– Ты не имела права так поступать.

Говорить было сложно. Однако Нестор собирался донести до Инги все так, чтоб точно стало понятно. И больше такая ситуация не повторялась. Никогда. Иначе он за себя не ручался.

Обхватив рукой ее бедра, он поднял Ингу на руки и быстро пошел в сторону своей машины, которую бросил между деревьями, чтобы Инга не заметила наблюдение. Иногда ему казалось, что она буквально ощущает его присутствие рядом, хотя точно знал, что ничем себя не выдал.

Она прониклась его внушением? Как бы ни так.

Инга уткнулась лицом ему в шею, продолжала целовать его кожу, мешая Нестору сосредоточиться. И, судя по всему, вообще его не слушала.

Эта женщина переходила черту. Факт.

– Инга!

Он все-таки встряхнул ее, пытаясь привлечь внимание к своим словам. Дошел до машины и усадил на теплый капот. Она наконец-то посмотрела ему в лицо, таким каким-то жадным взглядом, словно боялась пропустить что-то, не увидеть.

Нестор не понимал, что именно. И в этот момент его «прорвало»:

– Ты не имела права такое делать! – еще раз акцентировал он, быстро достав из салона аптечку, оставив Ингу буквально на несколько секунд. – Так распоряжаться тем, что принадлежит мне.

Распаковав бинт, он снял с ее запястья кусок ткани. Достал перекись и начал вытирать кожу, стараясь не растревожить порез. И четко отдавая себе отчет – каждая новая капля ее крови, каждый подсохший потек – подпитывает его ярость.

– Ты должна была восстановиться. Вместо этого потеряла семь килограмм! И это...

– Пять с половиной, – прервала его Инга.

Протянула свободную руку и самыми кончиками пальцев обвела его щеку. Будто не верила, что видит его перед собой на самом деле.

Нестор нахмурился, бинтуя ее руку. По максимуму вкладывая в каждое прикосновение к ее коже все, что только мог, что умел и знал.

– Семь, – категорично отмел он ее возражения. – Ты на себя смотрела?

Он старался взять себя в руки.

– Даже не представляла, что ты умеешь ворчать, – разбивая эти попытки, заявила Инга, вдруг рассмеявшись. – Ой, не рви эту нитку, пожалуйста. Я ее так берегла. Ну, Нестор!

Разумеется, истершаяся нить сама лопнула в его руках. Инга фыркнула, продолжая веселиться. Ну, точно, как пьяная.

Он не видел ни одного повода для смеха.

Ни единого.

И ее откровенно несерьезное отношение к своему состоянию оказалось последней каплей.

– Ворчать?! – затянув узел бинта, Нестор ухватил Ингу за плечи. И опять встряхнул, Бог знает, на что надеясь. – Ты что делала?! – хрипло рявкнул он дерущим горлом. – Если бы я не успел? Что бы было?! Как ты посмела?!

Он встряхивал ее на каждую свою взбешенную реплику. Контроль улетучился без всякого следа.

– Чтобы я делал тогда?! Ты – моё! Как ты...

– Чтобы ты делал?! – не было похоже, что Инга испугалась его ярости.

Наоборот. Ее веселье вдруг схлынуло, сменившись таким же гневом. И каким-то отчаянием, причины для которого сейчас Нестор не видел.

– Ты?! Я три месяца думала, что убила тебя, понимаешь?! Три месяца! Убила!

Инга его толкнула. Со всей силы. Не то, чтобы это как-то повлияло, но... Хорошо, он слушал ее.

А Инга уже поднялась и уперлась коленями в капот, поравнявшись лицом с Нестором. Она задышалась.

– Я с ума сходила от того, что не могла найти дорогу назад. Черт! Я действительно сходила с ума, понимаешь?! Не знала, что делаю и куда еду. Я не помнила, где этот твой проклятый дом! И никто не знал! Никто! Никто не мог мне сказать, как к тебе вернуться! – Она вцепилась в его плечи и, кажется, не понимала, что по ее щекам уже катятся слезы. Нестор крепче обхватил ее за пояс. – Я не хотела стрелять, Нестор! Не хотела! – Инга уронила голову ему на плечо, судорожно сглатывая слезы этой нежданной истерики.

– И три месяца я минута за минутой погибала от мысли, что убила любимого человека, понимаешь?! Что бы ты делал, потеряв свою игрушку – понятия не имею! Я же не придурочный киллер! А я не могла так больше! Я без тебя не могла, не хотела жить!

Возможно, ему казалось, но было похоже на то, что и она пытается его встряхнуть подобно тому, как Нестор недавно встряхивал Ингу.

Это вызвало у него улыбку. «Придурочный киллер».

Это. И еще полная растерянность, оглушенность от всех слов Инги.

Она считала, что он мертв? Что она убила его? Пыталась вернуться?

Она его назвала «любимым»?

Он не был уверен, что до конца понимал, что именно это значит. Что он в принципе полностью понимает, о чем Инга говорит.

Его пульс грохотал в голове, заглушая любые звуки.

Хотя, Инга уже ничего и не говорила. Обхватив его лицо ладонями, она вновь, как там, на холме, принялась целовать горячими, короткими, полными боля и горя поцелуями глаза и скулы, щеки, подбородок Нестора.

– Ты не игрушка, – он сжал тело Инги руками, притиснул к себе.

Нахмурился, видя, что она не сосредоточена, будто потеряна вся. Опустил голову, прижавшись к ее шее, втягивая распахнутым ртом ее запах. Засасывая кожу до отметин, потому что не мог сдержаться.

– Ты моё всё, Инга. Все.

Нестор поднял голову и сжал ее щеку, заставляя смотреть на него, слышать. И честно сказал то, что казалось ему совершенно очевидным:

– Дыхание, сердце, мозг. Всё моё. Суть. Всего.

У нее не было сил выдохнуть. И вдохнуть.

И голова кружилась, словно Инга полбутылки шампанского залпом выпила. Даже язык онемел, и его покалывало, словно от пузырьков. И то и дело хотелось кричать: «Жив! Жив, Господи!», но времени не хватало, столько всего надо было осознать.

Нестор держал ее так крепко. А то, что говорил... оглушало.

Конечно, сначала еще разбирать слова приходилось. Его голос был сиплым настолько, словно бы Нестор ангиной болел. Все эти три месяца. Этот звук буквально физически царапал ее кожу, заставляя саму Игу ощущать боль в горле. Но не это было главным. А суть его тихих и вымученных слов.

У Инги в ушах шумело, и не хватало сил это осмыслить. Принять и осознать все происходящее.

То, что он в принципе жив. Она его не убила!

Что Нестор рядом. Не позволил ей сотворить необратимое. Что говорит с ней. Пусть даже орет. Или рычит. Но делится тем, что вертится в его дурной лысой голове.

Господи, как ей хотелось дать ему подзатыльник! Дурное желание, учитывая то, кто он такой, но Инге было все равно. Она реально разозлилась, когда поняла – Нестор ей не мерещился. Уже какое-то время он действительно находился рядом. И не показывался! Заставлял ее так мучиться! Он заслужил не просто подзатыльник, а полноценную истерику с хорошей взбучкой! Жаль, сейчас она была не в том состоянии, чтобы обеспечить ему нечто подобное.

Но и это не казалось основным.

Неужели правда? Тот смысл, который он ей только что объяснил. То, что подтверждалось сейчас отчаянной растерянностью, написанной на его, всегда спокойном и безэмоциональном лице? Вся глубина его души, казалось, кружащаяся темной воронкой в его синих глазах?

Неужели его «моё» – значит столько?! Не игрушку для взрослого мужчины, не забаву

для секса, как думала Инга. А готовность признать ее составляющей своей личности, своей души?! Ощущает ли он это так же, как болела им Инга? Не сумел бы и сам существовать без нее, подобно тому, как и она сегодня решила прекратить жить без Нестора?

Ей хотелось это выяснить, спросить, но не хватало сил. Смена отчаяния, решимости порвать с жизнью, безнадежной пустоты на эйфорию и какое-то сумасшедшее, пьяное счастье от его присутствия; растерянность и злость от его обвинений, и потрясение от только что услышанного – все это бурлило в ее теле. А еще – безграничная и безмерная потребность в нем. Та тоска, которая разъедала Ингу каждый день этих месяцев. Подсознательная и самая примитивная необходимость убедиться в том, что он живой. Действительно живой. И здесь, с ней.

Дыхание сбилось, частило и обжигало легкие уже давно. Голова кружилась от боли, от ударов крови по натянутым, закрученным узлами нервам, от нужды в нем.

Так ничего и не сказав на его откровение, не сумев подобрать слов, Инга наклонилась вперед. Прижалась к Нестору. Обхватила ногами его бедра, ухватила за шею, при этом буквально впиваясь в рот Нестора так, как он сам обычно целовал ее. Словно и не ласкал, а всю суть выпить пытался. Вдавливала пальцы в горячую кожу на его затылке, игнорируя боль в порезанной руке.

Нестор не медлил и секунды. Она почти физически ощутила, как такая же жажда выплеснулась из его глубины, растекаясь жаром по коже. Как дыхание Нестора стало сиплым и глубоким.

Он подхватил ее на руки, забираясь ладонями по кофту.

– Люблю тебя, – застонала Инга ему в рот, поняв, насколько безмерно, действительно соскучилась по ощущению рук, губ этого мужчины на своей коже.

Она никогда и никому не говорила этих слов с таким смыслом. Даже бывшему мужу не признавалась в любви. Обоюдная симпатия подразумевалась между ними само собой, и Михаила интересовало лишь то, выйдет ли Инга за него. Об этом и велся разговор. Здесь, сейчас, с Нестором – она испытывала потребность в голос произнести, сказать ему то, что рвало грудь изнутри.

Он застонал: хрипло, низко, больше напомнив Инге этой реакцией рев потерянного зверя:

– Моё. Не отдам. Не отпущу больше, – прохрипел Нестор, сминая ее губы.

И с такой отчаянной жадностью уложил ее на теплую металлическую поверхность капота. Накрыл собой. Стянул кофту Инги, и дорвался, буквально дорвался до ее тела. Будто, не зная слов, не умея высказать свои ощущения, пытался прикосновениями губ, рук, языка, всего своего тела показать Инге, что сам чувствует.

Так что теперь застонала она, выгнулась, желая еще полнее к нему прижаться. Стащила кофту с самого Нестора, пока он алчно, почти до боли втягивал в себя ее кожу, то ли целуя, то ли поглощая. Но боль уже не пугала. Их общее желание близости в этот момент определенно выходило за грань нормального. И эта боль его алчности, его силы – была даже необходима, доказывая Инге больше всего остального, что и он, и она – живы.

Ее пальцы скользили по его плечам, спине, груди. Наткнулись на какой-то шрам на левом боку. И Инга моментально поняла, что она одна повинна в его появлении. Ее затрясло от уже пережитого страха, от все той же вины. Она потянулась, пытаясь вывернуться, посмотреть, своими глазами увидеть, что сделала с любимым. Но, поняв это, Нестор не позволил двинуться. Прижал обеими руками ее руки к капоту, навис над ней, прожигая

душу настолько яростным, настолько «живым» взглядом, полным чувств к ней, какого она еще не видела. Отвлекая, переводя внимание.

Вновь принялся целовать, сдернув ее лифчик, покусывал, облизывал грудь, вынуждая Ингу стонать и почти умолять, то ли продолжить, то ли остановиться. Однако у нее сейчас не было терпения на то, к чему, однозначно, вел Нестор, сковывая свою жадность. Она не хотела оргазма. Она жаждала Нестора в себе. Самого соединения с любимым. Не просто механики тел. Чего-то большего, что давал ей только он. Слияния если не душ, то хотя бы примитивных, изначальных сущностей. Того, что и дарило не воссоздаваемое ничем иным понимание их целостности. Не по отдельности. Только вместе.

Сильнее обхватив его бедра своими, Инга отчаянно дернула руку, без слов прося Нестора освободить ее. Он замешкался, даже замер на мгновение. Но все же поддался, отпустив ее не пораненную кисть. Вторую продолжал держать. Не так, чтоб причинить боль, но словно не доверяя бинтам, будто пальцами продолжал удерживать края пореза сведенными.

Получив относительную свободу, Инга подалась вперед. Коротко и с подобной его жадностью поцеловала подбородок, губы, шею, плечо Нестора. А в это время свободной рукой скользнула между их телами, расстегивая его джинсы.

– Инга, – просипел он. Навалился, прижав ее крепче к металлу машины. – Хочу, чтобы ты кончила. Сначала ты, – было реально ощутимо, сколько усилий он тратит на что, чтобы сдержаться, когда она добралась до его каменной напряженно плоти. Когда ладонью обхватила его член.

– Потом, Нестор. Потом, – чувствуя почти боль от нужды в нем, попросила она, слизывая испарину с его кожи. – Я просто хочу тебя. Внутри. Просто, так нуждаюсь в этом...

– Инга, – весь его проклятый, сиплый тон говорил о том, что он не собирается уступать свое право определять, кто тут и кому подчиняется.

И это разозлило. Заставило Ингу натуральным образом зарычать. Она откинулась назад, стукнувшись затылком о капот. Голова закружилась с новой силой. Но Инга не отпустила его тело:

– Господи! Мужчина! Ты можешь просто дать женщине то, чего она хочет?! Без этого вот управления, а? В конце концов, у меня сегодня день рождения! Имей совесть! – возмущенно «упрекнула» Инга этого «командира», уже не выдерживая силы их общего желания.

Он на нее уставился. Seriously так. Будто укусить собирался.

А она вдруг поняла, что не боится, не опасается. Не стережется.

Смирившись со смертью, своей и его, с мыслью, что навсегда потеряла Нестора, она теперь чувствовала себя с ним самой собой. Он не подавлял ее больше. Не он даже, а весь тот ее страх и стресс, подавленность, которую она ощущала ранее. Сейчас она просто любила этого упрямого, в чем-то упертого, слово осел, часто непонятного, и такого нестандартного, но своего, только ее мужчину. И пусть он хмурится, сколько хочет, пусть насупливает свой лысый лоб, пытаясь показать, что не ей здесь что-то решать, пусть вокруг них снова что-то шуршит и переливается, почти глядя ее кожу, словно на нее вновь «свалились» какие-то приступы – Инга не боялась. Просто хотела его.

Она приподнялась на одном локте, прижалась губами к серьезной и суровой складке между его бровей, и это же ему на ухо и прошептала, хоть вокруг никого кроме них самих, деревьев и сумерек не было:

– Хочу тебя, Нестор. Я просто хочу тебя. До боли почти.

Он резко, шумно выдохнул с горловым хриплым рыком. Обхватил ее затылок пальцами, сжимая, зарываясь пальцами в короткие волосы. Рванул ее брюки вниз вместе с бельем, наконец-то отпустив и вторую руку Инги.

И уже через секунду мощно и жадно ворвался в ее тело одним толчком. Она и вдохнуть не успела. И не сказала ничего. Зато закричала, выгнувшись под ним дугой, вцепилась в шею, пока Нестор удерживал на весу ее тело, помогая совладать с неожиданной и сокрушающей дрожью такого неожиданного и ранее незнакомого ей мощного удовольствия. Настоящего оргазма просто от его движения внутри.

– О, Господи! – ничего умнее она выдать не смогла. Инга честно не ожидала от своего тела подобной реакции. – Нестор!

А он, однозначно, был доволен. Все равно по-своему вывернул. И стал совершенно бешеным. Словно полностью сорвался. Инга никогда еще таким его не видела, настолько не ощущала то, что Нестор чувствует.

Он лишь мгновение переждал, дав Инге прочувствовать дрожь этого бурного и совершенно неожиданного освобождения. А потом с какой-то безудержностью начал двигаться, погружаясь, толкаясь, врываясь в ее тело. Опустил лицо в ее короткие волосы. Наклонился еще ниже, начав жадно целовать. Совершенно не скрывая, насколько Инга ему самому необходима. И каждое его движение отзывалось в ее теле невозможно острыми ощущениями, на самой грани того, что вообще можно вынести. Так что она могла только стонать ему в рот. А он не отпускал ее губы, словно бы пил голос, стоны, удовольствие. Его дыхание становилось все тяжелее, обжигая горло Инги, а руки держали все крепче.

Пока в ее голове сквозь это возбуждение не «щелкнуло» актуальное понимание.

– Нестор, – невнятно простонала Инга в рот любимому. – Я не пью таблетки.

Он осмысливал ее слова меньше секунды. И тут же остановился, дыша так, что грудная клетка ходуном ходила. Подался назад, определенно, собираясь покинуть ее тело. Инга даже практически поняла, что он решил и как собирался заставить ее кончить еще раз, и что для себя определил. Однако она действительно хотела, чтобы он просто был в ней. Любым способом. И чтобы, испытав оргазм, кончил в нее. Тем более что они уже не раз решали эту проблему. Потому сама подалась вперед, приподнимая бедра, шепча:

– Пожалуйста, я так хочу.

И щедро смочив слюной свои пальцы, увлажнила кожу, облегчая Нестору проникновение в ее тело ниже, так, как только он ее и брал. Только чуть-чуть поморщилась, подстраиваясь под его движения. Привыкая.

Он не брал ее так с их первого раза. И сейчас все было по-другому. Это чувствовалось в каждом движении, в каждом касании Нестора. Сильном, мощном, но бесконечно аккуратном, пронизанным заботой о ней. И, разумеется, он все равно все вывернул по своему, да так, что у нее горло перехватило и в глазах потемнело от удовольствия, когда Инга ощутила, как он погрузил в ее влагалище пальцы, двигаясь синхронно с толчками его члена в ее попке. Ее тело не выдержало. Слишком много и остро. И только спустя несколько мгновений, еще сотрясаемая крупной дрожью удовольствия, осознала, что и Нестор рухнул на нее, придавив к машине, достигнув своего пика.

Она сейчас пахла лесом. И речкой. И страстью. Волосы, шея. Или это его запах пропитал ее вместе с потом и жаждой?

Нестор не знал. Но не мог оторваться – проводил по коже Инги губами, терся носом, щекой. И вдыхал. Всей грудью втягивал в себя ее еще тлеющий жар и запах.

Каким образом она умудрилась довести его до ярости, бешенства, развеселить и поразить в течение тридцати минут? Как заставила испытать парализующий ужас, едва не впервые в жизни, и такой силы оргазм, который даже с ней он еще не ощущал?

Он пока не осмыслил все факты, чтобы сформулировать однозначный ответ. И не чувствовал себя в состоянии вообще думать.

– Нестор, мы с тобой пытались разговаривать?

Он поднял голову и внимательно посмотрел на Ингу. Даже нахмурился, всматриваясь в ее глаза. Она смутилась. И улыбнулась:

– Не сейчас. До этого. Мы точно разговаривали. Хоть и с криками.

Он, кажется, никогда Ингу такой довольной и счастливой не видел.

Что настораживало и удивляло, учитывая, что меньше часа назад она резала себе вены.

В этот момент, словно подтверждая обоснованность его настороженности (весьма страной, учитывая, что он все еще накрывал ее обнаженное тело своим, да так и не вышел из Инги), она нахмурилась.

– Господи! Ты был рядом! И не сказал мне, что жив?! Я с ума сходила, мучилась из-за этого, не могла спать, есть. А ты просто был рядом?! Почему, Нестор? – с явным упреком возмутилась она, уперев руки в его плечи.

Он не уловил причину смены ее настроения.

– Я не знал, что ты считаешь меня мертвым.

Нестор аккуратно поднялся, продолжая поддерживать свою женщину, пока Инга садилась, продолжая хмуриться. Ее волосы были совершенно взъерошены. Она вдруг напомнила ему рассерженного и взъерошенного ежика. Такого: фыркающего, норовящего укусить тебя за палец, если чем-то посягнешь на его территорию. Его губы дрогнули, Нестору очень хотелось улыбнуться. Но видя, как ее кожа обтягивает кости, просвечиваясь над сосудами и мышцами – не смог. Сначала он должен был позаботиться о ней. О своей Инге.

– Ты позволил мне уйти!

Она его обвиняет? Нестор удивился. Действительно удивился. И посмотрел на нее с непониманием:

– Ты хотела свободы, – напомнил он.

Инга нахмурилась еще больше. И опять открыла рот, чтобы точно что-то еще сказать. Нестор протянул руку и накрыл ее губы, прервав этот нелепый разговор. Поднял кофту Инги, натянул ей через голову. Солнце садилось, и воздух ощутимо холодал. Меньше всего он хотел, чтобы она еще и простыла.

– Поехали, – он наклонился, чтобы снять ее с капота и усадить в салон машины.

Но Инга спрыгнула самостоятельно. И принялась натягивать брюки, балансируя на одной ноге.

– Я серьезно люблю тебя, Нестор, – заявила она и правда серьезным, решительным голосом, застегивая пуговицу на поясе. – Но нам стоит выработать иную тактику развития отношений. Потому что в данный конкретный момент мне очень хочется дать тебе подзатыльник.

Он резко выбросил вперед руку и поймал пальцами ее подбородок, зная, что в этот раз

проиграл сам себе и открыто улыбается.

– Попробуй, – предложил он Инге. – Один раз я просто постою. В честь дня рождения.

Инга покраснела, у нее самой дрогнули губы, растянувшись в улыбке. Но она фыркнула, видно, объективно признав, что ей с ним не тягаться в физическом плане. Легко повернулась и поцеловала его пальцы, обхватывающие щеку. После чего прошла мимо Нестора и села на переднее пассажирское сидение.

А он еще несколько мгновений просто смотрел на Ингу, размышляя над тем фактом, что последний раз она вела себя подобным образом при нем, когда показывала торговый центр. Спокойно, уверенно, весело. Свободно.

Ни прячась в его доме, ни живя самостоятельно эти три месяца она не проявляла подобных качеств своей натуры, о которых он знал, собирая на нее информацию.

Это было хорошим признаком?

Нестор рассчитывал, что это факт. Однако его все еще настораживало непонятное выражение хмельного куража в глазах Инги.

Ситуация изменилась через шестнадцать минут. Он только успел отогнать машину Инги вглубь посадки, чтобы она не так бросалась в глаза с дороги. Забрать ее отсюда Лютый планировал или вечером, или завтра. По обстановке.

Стоило ему вернуться и сесть за руль собственного автомобиля, как Инга, все это время спокойно просидевшая пристегнутой на переднем пассажирском сидении, проговорила, глядя на часы:

– Представляешь, я пропустила йогу.

С этими словами она повернулась лицом к нему.

И вот в этот момент взгляд Инги словно застыл, затянулся поволокой и полностью утратил весь кураж, целиком и полностью сосредоточившись только на нем, на Лютом. Потом она медленно-медленно моргнула. Полностью закрыла глаза.

Нестор застыл, ощущая, как почти неосознанно дыбятся, натягиваются нервы под кожей. В воздухе буквально пахнуло ощущением чего-то совсем нехорошего.

Инга вновь распахнула глаза и вдруг захрипела, будто бы кто-то сдавил ей горло, не позволяя вдохнуть. Она даже сама вскинула ладонь к шее, словно пыталась убрать невидимую глазу помеху для дыхания. Вторая рука Инги судорожно дернула ремень безопасности, давивший ей на грудь.

Лютый не анализировал причины возникшей ситуации, в данную секунду он целиком и полностью сосредоточился на облегчении состояния Инги. Вероятно потому, что чего-то подобного все это время и ждал. Резко наклонившись, он отщелкнул ремень Инги. Попытался ухватить ее ладонь, которой она царапала горло. Он уже видел ссадины. Инга продолжала задыхаться, хотя ей ничего объективно не мешало. Но она отклонилась от его помощи. И, рванув дверцу автомобиля, едва не вывалилась на улицу.

Нестор толкнул свою дверь, которую еще не успел захлопнуть, и сам выскочил из салона. Не обегая, оперся о капот, перепрыгивая, и уже через пару секунд оказался возле Инги. Подхватил ее под руки, заставил подняться, распрямиться.

Она еще хрипела, однако, вроде бы, на улице сумела хоть немного, но вдохнуть. Сейчас Инга не отстранялась. Наоборот, вцепилась в его руки, в его плечи, словно и сама искала опоры, чтобы набрать воздуха в спазмированные легкие. На ее горле, все еще судорожно дергающемся, осталось несколько царапин.

Воздух вокруг застыл вместе с ее судорогой. И с ледяным шорохом колотся на части.

У него что-то звенело, дребезжа, и дергало в виске, когда он смотрел на эти багровые полосы. Бог знает, что. Нечему там было дребезжать. Но Нестор умел хорошо отстраняться. Он продолжал поддерживать Ингу, которая, казалось, вся задрожала мелкой дрожью, и осторожно водил раскрытой ладонью по ее спине. Как она его иногда гладила.

Через несколько мгновений ей удалось сделать полноценный вдох. Потом второй. Хриплый, грубый, но глубокий. И Инга вся обмякла, полностью повиснув на нем на секунду. Сглотнула. И тут подняла голову и опять посмотрела на него. Улыбаясь вымученной и слабой улыбкой:

– Прости, – едва шевеля губами, прошептала она. – Я... Господи! Нестор, – она вдруг уткнулась лицом ему в грудь. Прижалась.

Он чувствовал шеей ее лоб и щекотное прикосновение коротких волос. Невозможно

сильно хотелось притиснуть ее к себе сильнее. Вдавить в себя. Чтобы убедиться – с ней все хорошо. Инга в порядке. Но он терпел, наоборот, заставляя Ингу давлением рук сильнее раскрыть грудную клетку. Дышать глубже.

Его руки словно бы горели. Но он держал Ингу очень аккуратно.

Кожу, мышцы, нервы буквально сводило от зуда, который мучил его каждую минуту всех этих месяцев, что он провел в Карпатах. Каждую секунду последнего месяца, когда он тенью следовал за ней. Днем, ночью. Беспреданно. Этот зуд не уняло и то, что всего полчаса назад он наконец-то овладел своей женщиной в полной мере. Тот зуд, потребность, которая сжигала его едва ли не с первых дней наблюдения за Ингой. Заставляющий его кровь пульсировать, барабанить по артериям, испаривать его связки и мышцы. Зуд, скребущий всю его суть, до самых костей, оставляя на тех борозды необходимости держать Ингу как можно ближе к себе.

Этот зуд бесновался и гудел в нем и сейчас. Но Нестор сумел удержать контроль над собой, и все еще очень аккуратно поддерживал свою женщину.

– Я так рада, что ты жив, – так же шепотом, пробормотала в этот момент Инга, чуть повернув голову.

Он легко наклонился, заглянул в ее глаза, влажные от усилий, с которыми она отвоевывала новый глоток воздуха (Лютый считал каждый вдох, отмеряя их достаточность в минуту). Провел пальцами по влажной щеке. Инга все еще улыбалась. И эта улыбка стала шире, когда он чуть приподнял бровь, напоминая, что этот вопрос они уже вроде бы прояснили.

– Да, я знаю. – Она прекрасно его поняла. – И мы же, только что. Вместе...

Инга опять прижалась лицом к его груди, но в ее голосе, все еще напряженном и немного свистящем, слышалась все та же улыбка.

– Хорошо, я не знаю почему, но я только сейчас действительно поняла, что ты... Что с тобой все в порядке. Когда с обычным порядком дня соотнесла. Господи! Я так рада! Просто, это как-то получилось, как с разбегу во что-то влетела.

Наплевав на все его попытки, она обняла его с такой силой, которой Нестор не очень мог бы ожидать от трясущихся рук. Но он продолжал себя сдерживать. Силы его «радости» она сейчас могла не выдержать. Провоцировать новый приступ нервного удушья на фоне заташающего шока он не хотел.

Однако и это не могло не радовать, Нестор отметил, что сейчас она более адекватна в разговоре. Взгляд Инги теперь действительно казался осмысленным и осозанным. Понимающим реальность. Там не было больше того куража и эйфории. Зато море искренней радости.

Хорошо. Это принесло ему удовлетворение. И осознанно, и неосознанно, она приняла его всем естеством.

– Что это за шорох? – Инга вдруг вся как-то напряглась и немного отклонилась от него.

– Какой?

Он тут же вернул ее назад, все-таки сжав сильнее. И внимательно осмотрелся. Лютый не слышал, не видел и не ощущал вокруг ничего, что могло бы быть опасным. Никакого шороха. Реального.

– Не знаю. Такой странный, – Инга откашлялась и вновь тяжело сглотнула перед очередным вдохом. – Словно колющий. – Она помолчала. Передернула плечами, отчего с пересохших губ сорвался новый хрип. – Ладно, не обращай внимания. Видно, это тоже мои

галлюцинации.

– Галлюцинации?

Ему не понравилось ее описание. Совсем не понравилось. Слишком оно напоминало, что слышал он. Но каким образом Инга могла уловить этот шорох?

Инга, кажется, немного смутилась. Его?

– Я часто слышала похожий шорох там, в твоём доме. Несколько раз потом. Даже сейчас. Мой психиатр говорит, что это тоже реакция мозга на стресс и травму.

– Когда?

– Что «когда»? – в этот раз Инга не поняла его скупой вопрос. Чуть нахмурилась.

– Когда слышала шорох?

Она вздрогнула, заставив руки Нестора против воли его разума сжаться еще чуть сильнее.

– Когда одна была. И потом иногда. Не помню конкретно.

То, что она хотела бы прекратить сейчас это обсуждение, буквально вибрировало в сорванном из-за удушья голосе. Нестор решил пока отодвинуть тему. Тем более в разуме все четче формировалось подозрение, что это он повинен в ее «галлюцинациях». Еще раз проведя по ее спине ладонью, он развернул Ингу и, поддерживая ее, попытался усадить назад, в машину.

Но Инга, с новой улыбкой, отодвинула его руку, крепко пожав ладонь Лютого перед этим:

– Все нормально Нестор. Я в состоянии сама сесть.

Она произнесла это достаточно четко, ясно и уверенно, несмотря на голос. И спокойно. Но и твердо. Так, что он присмотрелся к ней внимательней, вновь отмечая собранность и внутреннюю силу принадлежащей ему женщины. Вспоминая, как она вела себя таким же образом, когда он увозил ее из этого города, пряча. И, кивнув, отступил на полшага, позволяя Инге сесть в автомобиль самостоятельно. Хотя не мог не отметить, что руки сами тянутся поддержать и направить ее. Это желание он пока пригасил. Обошел машину и сел, заводя двигатель. Инга же, с достаточно довольным видом, как для того, кто всего десять минут назад был едва не на грани смерти от удушья, повернулась к нему и вновь одними губами прошептала:

– Спасибо.

Он кивнул. И тут, в тишине салона автомобиля, очень отчетливо раздался звук урчания в желудке. И прозвучал он точно от Инги. Лютый развернулся и еще раз выразительно осмотрел ее всю, будто бы напоминая, сколько именно она потеряла веса из-за того, что совершенно не следила за своим питанием. Инга откровенно смутилась. И от того, что тело выдавало ее с головой, и от этого «выразительно» упрека. Но почему-то все равно улыбнулась:

– Я так давно не чувствовала себя голодной, – даже удивленно тихо произнесла она. – Вообще есть не хотелось.

Нестор только крепче сжал руль, выезжая на дорогу.

– У тебя в доме еды почти нет, – заметил он, стараясь сохранить равновесие и спокойствие, хотя негодовал по этому поводу весь последний месяц.

И Инга это поняла, кажется. А так же то, что он за ней наблюдал очень пристально некоторое время. Он не раз отмечал ее ум. Сейчас это так было очевидно. Как и умение сохранять рассудительность, чего она почти лишилась за месяц с ним.

– Сколько ты находился рядом? Все эти три месяца?

Нестор покачал головой, чуть притормозив перед въездом в город.

– Месяц. Последний.

Инга промолчала и о чем-то задумалась.

– Знаешь, думаю, я понимала... Ощущала тебя, – наконец, после пяти минут тишины заметила она.

И все, ничего более. Не спрашивала, где он был и что дела еще два месяца.

Лютый тоже промолчал. Ему и самому часто казалось, что Инга чувствует его присутствие. И уточнять это казалось бессмысленным. А вот заехать за хоть какими-то продуктами представлялось первоочередным. Сыра, йогуртов, крекеров и яичницы Инга наелась на десять лет вперед. Как и кофе.

Впрочем, все это не мешало ему наконец-то заняться анализом последних событий.

Он много думал о том, что происходило с ним и с этой женщиной, пока находился в Карпатах. Бродя по лесу в поисках тропинок, которые почти забыл, умываясь в ледяных ручьях и речках, засыпая среди гор – Нестор размышлял над тем, мог ли он сам своим поведением довести Ингу до ужасного состояния потерянности и полной дезориентации личности? Могли ли его собственные «тени и демоны», заполнявшие мозг и душу Нестора, разрушать и Ингу? Вырываться из-под его раскрошившегося контроля и терзать ее?

Ведь она сохраняла самообладание и рассудок даже после недели полного одиночества в его доме. Здроаво оценивала ситуацию и искала выход. В тоже время, проведя с ним несколько недель, Инга, казалось, потонула в пучине каких-то кошмаров и страхов. Надломилась.

Он очень хорошо помнил тот день, когда к ним приезжали милиционеры. И то, как потерянно и безнадежно Инга тогда цеплялась за него. Проведя не одну ночь под открытым небом, порою даже не разыскивая укрытия среди деревьев, он в итоге пришел к одной мысли, поначалу показавшейся Нестору сумасшествием. Что если, подчиняя себе каждый ее шаг, оберегая и направляя каждое действие Инги, пусть и для ее ж безопасности, он «запирает» ее вместе с собой и своими «демонами»? Ведь, по сути, Нестор всегда стремился контролировать и управлять собой, чтобы не позволить вырваться той части собственной натуры, которой не мог управлять, которая этим его и настораживала.

Ладно, откровенность требовала признать большее – он с самого детства боялся этого знания и силы, которая была его составляющей. После своего первого убийства и обвинения бабки в том, что и Нестор, подобно матери, не умеет контролировать себя, он даже не пытался далее познавать эту силу. Не пробовал научиться ею управлять. Просто запер в себе. В самом отдаленном и глубоком угле сознания и души, сосредоточившись только на том, чтобы не позволить ей стать определяющей.

Однако если и дальше быть честным с собой, жажда и потребность, необходимость заполучить себе Ингу, практически полностью разрушила этот контроль. И возможно, только возможно, его сила оказала это подчиняющее влияние на Ингу, давя ее волю и стойкость, которую Нестор отмечал с самого начала наблюдения и изучения этой женщины. Ее силу духа.

Нестор оказался вынужден отступить. Но он ни за что в мире не собирался отказываться от Инги. Он просто не мог этого сделать. Физически. Сегодня он не соврал ей ни в одном слове – она была его частью. Его сутью. Дыхание рядом с ней становилось

легким и сладким. Само существование приобретало смысл. Причем, куда больший, нежели существование от заказа до заказа в попытке заглушить шорохи и голоса в своей голове.

Быть с ней. Заботиться об Инге – он не просто знал, что должен это делать, потому что взял на себя такое обязательство. Нестор хотел этого. Жаждал.

Именно для того, чтобы это стало возможно, чтобы в очередной раз не сокрушить ее, в этот раз доломав до конца, он начал пытаться познать свои возможности и то, кто он есть.

Нестор нашел хату своей бабки и матери. То, что осталось от нее за эти годы. Жители ближайшего села не позарились на этот кусок земли уже в самом лесу. Видимо, до сих пор осталась память о живших здесь мольфарках, и страх. Он вновь оформил этот участок у сельского головы на себя. Прошелся по самому селу, но внутри ничего не дрогнуло – он не бывал здесь ребенком, мать и бабка не брали с собой внука, даже если ездили в село. Так что Нестор только иногда смотрел на крайние хаты и улицы из-за деревьев. Его тоже никто не узнал. Да и не могли, откуда. Только одна пожилая женщина, убирающая двор небольшой сельской церкви, обернулась и долго смотрела ему в спину. Резко отвернулась, перекрестившись, когда Нестор остановился и прямо глянул на нее. А потом и вовсе убежала внутрь храма.

Он ее выследил, разумеется. Нашел хату, изучил маршруты ее редких походов на рынок или в магазин. Проследил за соседями. А через три дня пришел к ней во двор вечером, когда эта женщина была одна. И просто остановился перед ней. Лютый не знал, кто она. Но имел подозрения, исходя из тех сведений, что ему удалось собрать за эти три дня.

– Ты ее выродок! – взвизгнула женщина, перестав креститься. Видимо, отошла от испуга при его внезапном появлении в летних сумерках. – Я знаю! Ее! Ведьмы этой! Один в один в отца пошел. Зачем ко мне явился? Мало вы моей крови попили?! Всю жизнь изломали! Мать твоя – будь она проклята! Своего мужика не уберегла, так и моего больным сделала, лишила всякого ума. Еще и убила! Зачем пришел?! Я не боюсь ни тебя, ни силы вашей. Прочь пошел! Убирайся!

Под конец, видя, что он не отвечает, женщина уже почти визжала. Из соседних хат даже соседи вышли, выясняя, что тут творится. Но Нестор не обратил на них внимания, продолжая наблюдать за женой того, кого убил первым в своей долгой череде убийств. Она врала. Он чувствовал ее страх. Животный ужас перед ним. Тот распространялся от нее в воздухе противным и липким привкусом, дрожью, пульсацией. Однако Нестор не думал ее пугать, когда пришел. Не испытывал он и вины перед этой женщиной. Не он сделал ее мужа тем зверем. Он всего лишь прекратил и его метания.

Его мать... Она и была проклята. Все они были такими.

Так ничего и не сказав, он отвернулся и молча вышел из двора, прошел по улице, прекрасно ощущая провожающие его взгляды жителей села. Эта женщина ничего не могла сообщить ему о нем самом, кроме того, видимо, что Нестор был очень похож на отца, которого не помнил. Даже не знала, очевидно, что его мать скончалась пять лет назад все в той же психиатрической больнице, в которой ее лечили с момента обвинения в убийстве. Лютый выяснил это едва ли не первым, когда только добрался до районного центра, где эта самая больница располагалась.

В тот вечер он вернулся к своему дому и еще раз внимательно все осмотрел. Он не знал точно, зачем ему эта загнивающая развалина, но отчего-то захотел восстановить бревенчатое строение. Оно оставалось его единственной связью с прошлым и самим

смыслом жизни Нестора. Оно, и шепчущие голоса в голове.

В эту ночь, как и несколько предыдущих, пока наблюдал за селом, Нестор ночевал в сарае, который сохранился немногим лучше хаты. Во всяком случае, не было угрозы, что крыша вот-вот рухнет на его голову. Он старался шаг за шагом вспомнить свое детство. Любое слово, любое замечание бабки или матери. Все, чему они его когда-то учили, осознанно или нет. Искал отклик этим воспоминаниям внутри самого себя, среди шепчущего многоголосья в своей голове.

И думал об Инге. Потребность в ней перекрывала собой все.

Утром он принялся расчищать хату, то и дело прерываясь, если находил какой-то знакомый предмет: осколок тарелки, старую алюминиевую кружку, целую коробку с мотками ниток. Больше всего целых вещей обнаружилось в подвале. В самом доме кто-то все же бывал: может бродяги, может детвора из села не обращала внимания на моральный запрет и страх тех, кто был постарше. А вот наружный подвал, выкопанный за хатой, остался цел и неприкосновенен. Только сильно зарос кустарником. Нестор даже вспомнил, как бабка брала его с собой, набирая здесь квашеную капусту или моченые помидоры.

Каждая находка будила в нем какие-то воспоминания. Иногда смутные, едва осязаемые, из глубокого детства, как старый, истрепавшийся жилет из овечьей шкуры. Он помнил, как носил его еще ребенком. Иногда же воспоминания оказывались яркими и четкими, как вышитый рисунок на потрепанной холщовой торбе, в которую бабка собирала с ним травы в лесу.

Так что к вечеру он не столь уж сильно продвинулся в своем деле, постоянно отвлекаясь на что-то. Но вспомнить и понять как можно больше казалось ему важным. Чтобы быстрее разрешить себе вернуться к Инге.

Около шести вечера его и вовсе оторвали от уборки. На небольшом участке перед хатой, где он и не думал косить траву, появилась женщина лет тридцати. Она то и дело останавливалась, тяжело и испуганно дыша. Оглядывалась назад, будто сомневаясь.

Нестор вышел на крыльцо, буквально слыша, как дрожат легкие незваной пришелицы. Ей было страшно не меньше, а может и больше, чем его вчерашней собеседнице. Но не от того дыхание гостьи так сбилось. Женщина несла на руках ребенка, мальчика лет пяти. Несмотря на то, что дети в таком возрасте весьма охотно бегают сами, зачастую оставляя родителей далеко позади, этот мальчишка даже не пытался высвободиться из крепких материнских объятий. Нестор видел тяжелое и душасщее ребенка марево болезни, окутывающее голову, руки и ноги. Даже пожелав, мальчик не смог бы пошевелиться. Вероятно, он еще ни разу в жизни самостоятельно не ходил. Возможно, сидел. Верхняя часть тела мальчика была чуть свободней от этого темного, переливающегося клубка хвори.

Завидев его, мать с ребенком остановилась. Нестор ощутил, как в ней плеснулся дикий ужас. Это разрасталось сильнее в нем, чем больше Нестор проводил времени в Карпатах, чем больше вспоминал и открывал в себе и своем прошлом. Он ощущал эмоции и страхи, порывы и желания людей. Но все же, словно сквозь плотную шерстяную ткань. Не так, как Ингу. Никого он не ощущал настолько полно, будто самого себя.

Пришелица боялась сейчас. Но женщина все же пересилила это. И начала приближаться к нему, продолжая крепко держать сына. Нестор уже знал, для чего они пришли. Отчаяние оказалось сильнее страха. Сильнее здравого смысла и доводов рассудка. Отчаяние и материнская привязанность, которую Нестор так же видел в женщине, привели ее сюда, видимо, едва успели разнестись по селу слухи о его появлении.

и прошлом семьи Нестора.

Шорох становился громче с каждым шагом приближавшейся гостыи. Как и голоса в его голове. И каким-то образом, куда отчетливей, нежели ранее, Нестор осознал – он знает, что делать. Возможно потому, что сейчас был готов принять себя.

– Он не выздоровеет полностью, – произнес Нестор первые слова после расставания с Ингой, едва женщина остановилась перед ним, не успев еще и рта открыть. – Но сможет управляться сам. И ходить. Это будет долго, больно и мучительно.

Женщина задохнулась, а потом разрыдалась.

– Пусть. Я согласна. На все. Только бы ему лучше стало, – сквозь рыдания прошептала она.

– Приходи завтра.

Больше ничего не добавив, он отвернулся и ушел назад в дом. Точно, как делала его бабка, которую сейчас стал больше понимать. Не потому, что был так занят или нуждался во времени. Это было первым шагом в лечении, испытанием этой женщины: действительно ли она готова к тому, что ее ждет. Обладает ли хотя бы терпением.

Женщина на следующий день пришла опять. Он больше с ней не разговаривал. Только жестами показывал, что она должна делать, пока сам занялся мальчишкой.

Инга не разговаривала, почему-то не испытывая желания нарушать тишину между ними. Такую непривычную. Уютную. Счастливую. Спокойную. Нет, не спокойную даже. Умиротворенную.

И дело было не только в том, что она сама испытывала безграничное и искреннее счастье от его присутствия рядом: настоящего, осязаемого, живого. Но и в самом Несторе.

Он всегда был образцом невозмутимости и уравновешенности. Спокойствия. Ну, почти всегда. Когда дело не касалось тех безумных всплесков страсти и секса между ними, когда речь шла не о ее «якобы страдающей с его точки зрения» безопасности. Но в остальное время он демонстрировал безупречную собранность и контроль над собой. Однако она все равно тогда ощущала, что это его волевое усилие – контроль и спокойствие. Под всем этим, в самой глубине натуры Нестора что-то бушевало и бурлило, вырываясь на волю, едва он добирался до нее, едва касался Инги. И этот шорох, про который она сегодня проговорила: у Инги была совсем сумасшедшая теория (впрочем, ей же простительно), что этот шорох напрямую был связан и зависел от самого Нестора и испытываемых им эмоций. Но она об этом как-то не решилась ему сказать, когда сама устроила такое «представление с шумовыми эффектами». Честно, не специально. Инга понятия не имела, откуда на нее свалилась эта невротическая истерия с удушьем от полного понимания, что он – здесь и жив. Вообще от себя такого не ждала. А стоило бы, наверное, учитывая то, что уже бывало. Возможно, стоит это так же обсудить с Валентином Петровичем на следующей консультации. Вполне вероятно, что он вновь назначит ей какие-то препараты. Правда, придется признаться, что Инга самовольно прекратила их принимать почти месяц назад. Но ей было настолько некомфортно от такого «фокуса» своего организма, что она готова была явиться к врачу с повинной.

Потому что Инге вовсе не улыбалось вновь предстать перед Нестором слабой и покоренной.

Ладно, в некоторых моментах «покоренность» можно оставить, иногда ей очень даже нравилось позволять ему носиться с ней. Но если Инга и вынесла что-то из трех месяцев

своих бессмысленных, как ей на тот момент казалось, обдумываний случившихся событий, так это понимание – Нестору стоит давать отпор. Иначе он поглотит кого угодно. И более волевого человека, чем сама Инга, хоть она и себя слабовольной не считала. Однако каким-то образом позволила ему внушить ей чувство своей полной от него зависимости.

Да, она сейчас понимала (и быть может, во стократ отчетливей), насколько дорог и важен для нее Нестор. Но все-таки, она бы предпочла ценить его не становясь неким подобием голема, выполняющего все указы своего хозяина. Собственно, Инга и не хотела быть подчиненной ему, пусть и надеялась, что теперь, возможно (ну, ведь может же это быть), они попробуют построить отношения. Или некоторый их аналог, который в принципе возможен с таким человеком. Так вот, в этих отношениях Инге хотелось если не равноправия, то максимально возможного внимания к ее мыслям и мнению. И чтоб это внимание не ограничивалось только моментом его «выслушивания».

И если еще вчера, когда она думала о чем-то подобном, то хотелось лишь горько и иронично рассмеяться, то сегодня, после его появления, после их... Она не могла назвать это сексом. Потому что это слово не отражало сути. В том, что произошло между ними, было заключено намного, намного больше. И после этого всего, а в особенности после их разговора, пусть не особо ловкого и плавного, но зато настоящего, после реакции Нестора на ее поступок, на ее поведение и слова – у Инги появилась надежда. Некоторая уверенность, что есть возможность изменить развитие происходящего с ними, свернуть с уже проторенного пути. Потому что именно в Несторе она ощущала главный оплот той умиротворенности, которой наполнился салон автомобиля. Он словно бы унял всю ту бурю, что бушевала в нем ранее. Каким-то образом не просто ограничил ее своей волей, а успокоил.

– Я хочу торт. Или пирожное, – сообщила Инга совершенно откровенно, когда поняла, что Нестор тормозит у небольшого магазина, неподалеку от ее дома.

Он повернулся к ней только после того, как полностью остановил машину. И в этом взгляде Инга очень отчетливо уловила его сомнения в том, что подобные сладости ей необходимы. Сразу вспомнилась очень похожая ситуация с их первой совместной трапезой.

– Ты нормально поешь, – прочистив горло, веско ответил Нестор, словно не собирался развивать данный вопрос. – Мясо, картошку. Суп вечером. Овощи.

Она видела, что ему все так же сложно говорить. Но он старается. И она это ценила, действительно ценила. Но при всем своем трепете, радости и восторге от его присутствия рядом с ней, при нежности, затопившей ее от этих его попыток и стараний – Инга не собиралась сдаваться. Хватит. Один раз она уже согласилась есть суп. И чем все закончилось? Для их же общего блага, Инга точно решила, что возьмет торт.

И именно это она и сделала. Правда, торта в магазине не оказалось. Зато имелось несколько видов пирожных. И Инга уверенно взяла коробку с шоколадно-бисквитными (очень аппетитными для ее голодных глаз) пирожными. Так же уверенно она подошла к кассе, где уже стоял Нестор с продуктами, которые он выбрал, и подвинула сладости к покупкам.

Нестор, ни слова не сказавший в магазине, и только жестами принимающий или отрицающий какие-то вопросы продавца, глянул на ее выбор искоса и мельком, и просто отодвинул в сторону. Так же молча. Что, кстати, похоже, пугало и несколько настораживало самого продавца. Парень несколько раз уже поглядывал то под стойку, где, возможно,

имелась тревожная кнопка или, может, какое-то средство защиты. То смотрел на улицу, может, проверяя: есть ли там люди, в случае чего. Видимо, парень был неглупым и ощущал проблемы, которые в принципе мог принести Лютый кому угодно.

У Инги вдруг появилось странное предположение, что он мог молчать все эти три месяца. Сколько он, вообще, разговаривает с другими людьми? Но и это, понимание ценности его слов, обращенных к ней, не умалило решимости Инги.

– Я хочу их взять, – твердо, пусть и тихо, проговорила она.

Нестор покачал головой, расплачиваясь за все остальное.

– Я хочу эти пирожные, – не уступила она.

Он косо глянул на нее, чуть приподняв бровь. С глубоко спрятанным в глазах весельем. Молча предлагая ей и купить. А ведь наверняка прекрасно знал, что все ее деньги находились в кофте, валяющейся на заднем сидении машины, так и оставшейся в посадке.

– Нестор, – еще тише обратилась к нему Инга, привстав на носочки и шепча ему почти в ухо. – У меня день рождения. – Она сделала паузу. – Настоящий. Второй раз в жизни. А могли быть похороны, если бы не ты. Дай, я отпраздную. Мы.

Он застыл. И она чуть ли не физически «услышала», как его взгляд метнулся к ее запястью. Из-под рукава кофты выглядывал край бинта. Нестор заскрипел зубами. Самым настоящим образом. И на какое-то мгновение плотно, даже яростно закрыл глаза. Открыл. Повернул к ней голову, буквально буравя ее своими синими глазами. И вот так, не отрывая глаз от Инги, он медленно протянул руку и ухватил коробку, подвинув ее продавцу, который все это время с некоторой осторожностью следил за ними.

Парень быстро провел и этот товар, аккуратно упаковав сладости в пакет, к остальным продуктам. А Инга так же тихо прошептала Нестору на ухо:

– Спасибо.

И легко коснулась губами его щеки и скулы, подумав, что сегодня он ни разу не заявил, будто бы не нуждается в ее благодарности.

Разумеется, у Инг не хватило бы никакого терпения дожидаться, когда они приедут домой. Хоть здесь было и недалеко. К тому же, Нестор поставил пакет с продуктами на заднее сидение. Так что тех секунд, пока он обошел автомобиль и сел на место водителя, ей оказалось вполне достаточно, чтобы забраться в покупки и, вытащив коробку с пирожными, достать одно.

– Инга!

Она глянула на него: Нестор точно собирался ей делать еще одно внушение о «здоровой и полезной» пищи. Если не словами, так вот этим суровым взглядом под нахмуренными бровями.

– Я голодная, – заявила она, храбрясь и подавляя отголоски того трепета, который испытывала перед ним раньше.

Не чувственного. Заставляющего подчиняться. Здесь и сейчас подобным эмоциям не было никакого основания. Да и знала она, что ей нечего опасаться Нестора. Он только что ее спас, в конце концов. И вообще, в ней было столько чувств к нему, только потребности, необходимости и любви, что казалось глупым вспоминать о прошлых страхах, вызванных больше полным незнанием этого мужчины.

Не то чтобы она сейчас досконально знала всю его биографию. Однако на базовом, осознанном и бессознательном уровне, Инга знала его, как никого иного. Своего.

Видимо потому она взяла и почти демонстративно откусила огромный кусок шоколадного бисквита, делая вид, что хмурый взгляд Нестора вовсе не мешает ей жевать.

– Это – бесполезная еда, – процедил он, все же садясь за руль.

– Угу, – продолжая жевать, согласилась Инга. – Но такая вкусная! – лукаво улыбнувшись, она вдруг наклонилась вперед и поднесла пирожное прямо к носу Нестора. – Хочешь? – полностью преодолев рудименты прошлых эмоций, предложила Инга, все с той же хитринкой.

Нестор гневно фыркнул и чуть отклонил голову, продолжая сосредоточенно вести машину.

Похоже, он пирожного не хотел.

А ее это так рассмешило вдруг, что Инга заливисто рассмеялась, безвольно опустив руку с выпечкой и уткнувшись головой в плечо Нестора. Ей было легко-легко. Она ощущала себя почти воздушной, каким-то чудом избавившейся от всей тяжести событий и боли предыдущих нескольких месяцев. Может и ненадолго, но в эту секунду она почти парила.

Нестор аккуратно припарковал машину прямо под ее подъездом. После чего медленно повернул и чуть наклонил голову, глядя на Ингу с некоторым неодобрением. Но тоже веселым. А еще в его глазах читался вопрос о том, что же именно вызвало у нее такой смех?

– Господи! – с трудом переводя дыхание, Инга попыталась успокоиться. Откусила еще кусочек пирожного. – Я тебя так люблю. А тогда – так боялась. Парализующе, просто. И только сейчас это поняла.

Она откусила еще кусочек, прежде чем поняла, что сейчас «парализовало» Нестора. Мышцы под ее щекой, которой Инга продолжала упираться в плечо любимого мужчины, буквально застыли. Он весь вдруг показался ей напряженным, почти каменным. Не совсем поняв, что заставило его так насторожиться, Инга подняла глаза, встречаясь с Нестором

взглядом.

– Я не хотел страха. Не хотел, чтобы боялась. Ты.

Он казался действительно растерянным.

И совершенно опустошенным ее замечанием.

Инга уже видела такой его взгляд: когда они говорили о боли. И когда с ней случилась та дурацкая истерика из-за гормонов.

Все веселье разом схлынуло. И пирожное стало поперек горла.

Инга откашлялась и выпрямилась, ощутив себя неуютно и некомфортно. Отложила остатки пирожного в коробку. Опять глянула на Нестора – он продолжал в упор смотреть на нее. И его слова словно бы висели в небольшом пространстве машины между ними.

– Я... – Инга не смогла сразу подобрать слов. Потому замолкла, едва начав. Но тут же заставила себя снова говорить. – Хорошо, я знаю и верю, что это не было твоей целью, Нестор.

Она отстегнула ремень безопасности и зачем-то принялась тщательно отряхивать пальцы от крошек, которые бы могли прилипнуть, хоть ни одной и не видела. Он все еще молчал. Это только усиливало общий дискомфорт от такой смены полной открытости на душашее несовпадение.

Инга глубоко вздохнула и резко выпрямилась:

– Серьезно, Нестор. С твоим опытом по части определенных ситуаций – я уверена, что ты прекрасно понимал, что я испытываю страх. Мне было страшно. Очень долго. Несмотря на то, что потом страх был уже не всем, что я испытывала.

Она искренне попыталась компактно и крайне толерантно изложить то, что тогда чувствовала.

Он продолжал молчать и смотреть на нее этим ужасным взглядом: все еще крайне растерянным. И таким... как был у той их собаки, после того, как Нестор ударил животное по морде, не дав напасть на Ингу. Полный непонимания и крушения каких-то основополагающих точек ориентировки в реальности.

– Я не хотел твоего страха, – медленно и хрипло повторил он.

Очень хрипло.

Инга выдохнула полной грудью. Поговорили, называется. Хотя, наверное, глупо было даже предполагать, что все в одну секунду станет легко и просто после его чудесного появления и ее «спасения» от попытки свести счеты с жизнью. Это был Нестор. Только очень оптимистичный и совершенно оторванный от жизни человек мог бы посчитать его «беспроблемным субъектом общения и отношений». Да и Инги на данный момент к таковым не относилась.

За плечами обоих имелся огромный ворох проблем. И с этим надо было разбираться. Медленно и постепенно. Потому как, со всей очевидностью, она могла констатировать, что без него ей куда хуже, чем с ним и со всеми его «особенностями».

Потому она протянула руку и обхватила пальцами его ладонь, сжимавшую все это время руль так крепко, что Инга бы не удивилась бы, если бы пластик сломался.

– Пойдем? – предложила она, действительно сомневаясь, что машина – лучшее место для подобного разговора. – Еду еще надо приготовить. – Более весомого аргумента для его убеждения у нее не имелось.

Но это оказалось действенным, как ни странно. Нестор медленно моргнул, словно задвигая глубоко назад все, что только что выплеснулось его взглядом. Скупое кивнул и

отстегнул свой ремень безопасности. А потом вышел из машины, прихватив пакет и, став около двери с ее стороны, дождался пока выйдет Инга, разумеется, моментально осмотрев все вокруг. Ей показалось, что он делает это рефлексивно, даже не задумываясь. И Инга не стала акцентировать, просто пошла к подъезду, только у двери вспомнив, что и ключи с брелоком от магнитного замка остались в ее машине. Но сообщить об этом Нестору она не успела, как и о том, что им будет проблематично попасть в ее квартиру, потому как он спокойно достал из кармана комплект ключей вместе с брелоком (не ее, однозначно, на кольцо отсутствовал набор подвесок, подаренный Инге родителями), и открыл двери подъезда.

– У тебя есть ключи, – заметила она нейтрально, вспоминая, что он имел их и в день ее... бегства.

Думать о вероятных планах на убийство в свете все еще «висевшего» между ними разговора – не хотелось.

– Сделал, – так же нейтрально и характерно скупое подтвердил этот факт Нестор, вызвав лифт.

Инга промолчала. Какая разница? Ясно, что профессионал такого класса не стал бы оставлять следов и взламывать ее замок. И, вероятно, для него не составило трудности сделать дубликат ее ключей. Может он тогда в центре это и провернул? Она ведь особо вещи никогда и не прятала.

Тут ей в голову пришла другая мысль, переключившая Ингу на не столь отдаленное прошлое:

– Ты ко мне в квартиру приходил? Недавно? На этой неделе, на прошлой? – уточнила она, посмотрев на него с зародившимся подозрением, пока Нестор шел к ее дверям на этаже.

– Иногда, – так же скупое ответил он, ловко и быстро открывая замок.

Так, что Инга только шумно выдохнула, стараясь овладеть своим возмущением, и зашла в квартиру, едва не печата шаг.

Нестор немного нахмурился и, войдя следом, захлопнул двери.

– Это... тоже... пугает? – как-то непривычно осторожно и аккуратно уточнил он, отставив пакет. Приблизился к ней со спины впритык.

Инга сильно-сильно закрыла глаза и сжала губы. Попробовала сосчитать до десяти, вспомнить, как там ее учил успокаиваться Валентин Петрович? Но ничего не придумала и только зло засопела носом. Совсем по-детски глупо, кстати. Но у нее внутри все аж узлом свернулось от возмущения!

– Нет! – она резко развернула и запрокинула голову, глядя ему в глаза. – Нет! – повторила Инга, ткнув Нестора в грудь пальцем от избытка эмоций. – Это не пугает! Это бесит, Нестор! Я... Я... – Она оказалась вынуждена закрыть глаза и сглотнуть, потому что злость ее буквально душила, а он снова не видел смысла в ее эмоциях. Инга это прекрасно улавливала в глазах любимого непробиваемого мужчины. – Господи, Нестор!! Ты видел, в каком я состоянии была? Если приходил, если следил за мной?! Ты же не мог не заметить, что со мной творится?! И ты со мной не... Грх! Я не знаю, не общался?

У нее не хватало слов, терпения, выдержки. Ничего не хватало. Снова захлестнуло просто бурей эмоций, как на холме недавно.

И словно подтверждая, что они так никуда с того «холма» и не продвинулись, Нестор сдержанно заявил:

– Видел. Я видел твоё состояние. И считал, что являюсь ему причиной.

– Да так же и есть! – почти крикнула Инга. Оборвала себя. Заставила вдохнуть, хоть и сомневалась, что это поможет. – Я и мучилась так, потому что тебя не было! Потому что считала...

Тут она умолкла и закрыла глаза. Глупо. Это они уже выяснили. Да, она мучилась и переживала его смерть. Но он об этом был совсем не в курсе, пока Инга сама не просветила час назад.

Хорошо. То есть плохо. Она снова ведет себя как истеричка.

– Извини. – Она прекратила давить на кисть руки, палец которой все еще упирался ему в грудь. – Это глупо, Нестор, я знаю. Ты был не в курсе моих мыслей. Я не знала, что ты жив и рядом, потому что ума сходила. Это мы уже выясняли.

Сказав это, Инга развернулась и пошла в кухню, по пути захватив пакет. Она не представляла, что именно Нестор собирался готовить. Даже не могла бы с уверенностью сказать, что до сих пор голодна: то ли пирожное, то ли нервы полностью погасили любые порывы насытиться. Но Инга хотела занять руки и свернуть с того пути, который их не приведет ни к чему хорошему. Она это точно знала.

Потому Инга достала мясо, решив, что хочет бульон. И даже вспомнила, что где-то в холодильнике валяется хлеб, который вполне можно порезать на сухарики. Нестор, разумеется, ни на шаг от нее не отступал и уже так же находился на кухне. Причем, он достаточно властно забрал у нее из рук пакет, Инга чудом выхватила кусок говядины. Да и то, все свидетельствовало, что и эту «добычу» Нестор планирует у нее изъять. И самостоятельно приготовить то, что сам посчитает для нее лучшим.

Ну, уж нет! Не на ее кухне!

– Инга.

Как и обычно, Нестор одним словом умудрился подтвердить ее подозрения, намекнуть, что он сам тут со всем разберется, и что ей стоит просто сесть и оставить все ему. Даже табурет ногой выдвинул, намекая на то, где она должна устроиться. И протянул руку за пакетом с мясом, в который она вцепилась, как ненормальная.

– Я хочу бульон и сварю его. Сама, – уверенно заявила Инга, деля вид, что ничего этого не поняла и не увидела.

Нестор чуть повернул голову и приподнял уголок губ.

Ладно, она любила, когда он улыбался. Но сейчас это не имело значения. Тем более что веселье у него вызвала ее попытка непокорности. Наверняка, он не сомневается, что сейчас быстро подавит «бунт», и все вернется на круги своя. Станет вновь таким, как ранее. Как ему казалось верным.

И это вновь возвращало их на точку разговора в машине, который так и не был окончен. Однако, имея некоторый положительный пример своей способности отстоять собственное мнение и желание, благодаря чему он все же купил сладости и даже не выхватил их у нее изо рта, Инга не собиралась и теперь отступать. Она отвернулась и, открыв один из кухонных шкафчиков, достала кастрюлю.

– Я приготовлю.

Он решил, что она и правда не поняла его взгляда и намерений? Хм. Инга двинулась с кастрюлей к раковине. Нестор тут же плавным шагом перешел ей дорогу и обхватил руки Инги, не позволяя ей двинуться. Она вздохнула в очередной раз и обернулась лицом к нему.

– Нестор. Такая позиция вернет нас на исходную. К тому вечеру, когда мы заключили соглашение. Ты этого хочешь?

Он пристально смотрел на нее, буквально отмечая малейшее движение. И снова с тем потерянным выражением. Наконец, спустя несколько секунд, он медленно покачал головой. Но продолжал ее держать. Что ж, по крайней мере, он ее слушал. Уже прогресс.

– Хорошо. Я совсем не хочу возвращаться к тем исходным. И снова сходить с ума от ужаса, – она вымученно улыбнулась.

Нестор медленно, с силой закрыл глаза. И отпустил ее руки. Даже отступил на шаг.

– Я этого не хотел для тебя, – открыв глаза, тихо произнес он. – Ни страха. Ни ужаса.

Инга с трудом улыбнулась, понимая, что в этот раз надо проговорить все до конца, иначе они так и будут ходить по кругу, как заедающая пластинка. Видимо, десятки бесед с психотерапевтом не прошли даром, Инга начала искать причины и мотивы своих чувств, поступков и решений. Да и мотивы Нестора тоже.

Но не в состоянии сохранять полное спокойствие, стараясь занять руки, она все же дошла до раковины и включила воду, набирая в кастрюлю.

– Я верю. Но... Хорошо, – в который раз за последние часы повторила Инга. – Смотри. Ты держал меня на прицеле. Наверняка бы убил, не вмешайся Карина, верно? – выключив воду, она поставила кастрюлю на плиту и, не заботясь уже о том, чтобы нормально разделать мясо, просто плюхнула кусок в воду.

Видит Бог, ей было не до того.

– Не знаю.

Она не такого ответа ждала от Нестора. Потому, наверное, резко повернулась, удивленно его рассматривая и вытирая руки полотенцем.

Он выглядел сосредоточенным. И напряженным. И ей очень хотелось подойти и поцеловать его. Но Инга осталась на месте. И он никуда не сдвинулся.

– Я не знаю, что произошло бы, не позвони Соболева, – верно истолковав ее изумление, медленно и неохотно повторил он. – Верным было бы убить тебя сразу. Но я не мог. Все в этом казалось неправильным. Не таким, как должно было быть.

Инга непроизвольно засмеялась. Или издала некий звук, который предпочла бы считать смешком. Не то, чтобы ей полегчало от его объяснений.

– Ладно, ты не знаешь, я не знаю. Тем более у меня был повод для страха, разве не так? Я совершенно не понимала, что происходит с моей жизнью. Тут ты с пистолетом. Потом этот стремительный побег. И та жуткая неделя. Кажется, я никогда в жизни так не мерзла, – Инга даже сейчас ощутила ледяную зябкость, растекающуюся по коже от одних воспоминаний о тех днях. И попыталась взять себя в руки, используя все, о чем говорил ей Валентин Петрович, уча успокаиваться. – А потом наш уговор и твое... твоя... Я не знаю, Нестор!

Не очень справившись с эмоциями, она придавила лоб ладонью, посмотрела на него: лицо Нестора казалось каменным, а синие глаза едва ли не почернели. Или это тень так падала?

– Ты был таким... властным, что ли. И забрал у меня все – любую волю. Я ничего не могла решать. Ты не оставлял мне для этого пространства. Свободы в элементарном. Это подавляет. Так что да, я испытывала страх. Я тебя не понимала тогда. Да, что там! – Инга с досадой скривилась. – Я сейчас не уверена, что тебя понимаю, несмотря на то, что как оказалось, жить без тебя мне вообще не хочется.

В этот раз она ему действительно улыбнулась. Может жалко, но это точно была улыбка.

– Так что, может, попробуем опять поговорить? – предложила Инга. – О том, что было. Что теперь есть. Потому что я пока слабо представляю себе – что будет дальше.

Он снова сжал челюсти. На резком лице Нестора, казалось, прорезалось такое количество острых углов и каких-то линий, теней, словно он надел какую-то маску. Однако в остальном он остался совершенно неподвижным. И продолжал смотреть прямо на нее с выражением в глазах, которого Инга не могла понять, как ни старалась.

– Мне... хотелось... позаботиться о тебе. Привести в хорошее состояние, – очень медленно и достаточно оригинально на взгляд Инги подбирая слова, начал говорить Нестор после минуты полной тишины. – Страх я не хотел. Ты сильная. Хорошо держалась. Это мне понравилось тогда. Я тебя захотел иметь. Получить для себя. Не только... – он замолчал, как-то одним взглядом охватив ее всю, что Инга почти почувствовала. – Всю. Целиком. Чтоб только мне принадлежала.

Он замолчал.

Инга тоже молчала, пока не зная, что сказать, да и стоит ли прерывать Нестора, раз уж он заговорил.

– Потом... мне захотелось, чтобы ты была счастлива. Это стало первоочередным. Основным. Очевидно, я тогда с этим плохо справился. Ты убежала.

Нестор опять умолк. И так на нее посмотрел, что Инга поняла – все. Это максимум его красноречия по прошлой ситуации и потолок того, что он будет вслух говорить. Подумалось, что она вовсе не отказалась бы от способности читать его мысли. Но следовало прекратить мечтать и вернуться в реальность.

– Я тебя не понимала тогда. Ты стал мне очень дорог. Но твой контроль, – она тяжело выдохнула. – Как и сейчас, Нестор. Это слишком. Явный перебор. Мне необходимо некоторое личное пространство и какая-то свобода воли. Рядом с тобой, без сомнения. Но я взрослый самостоятельный человек. И я могу принимать решения, касающиеся меня или нас. Понимаешь? Ведь так люди и строят отношения, правда? – Инга попыталась ему ободряюще улыбнуться, показывая, что не пытается вновь убежать.

Наоборот, ищет путь навстречу.

Но Нестор смотрел на нее так же тяжело и пронизывающе. Инге казалось, что она физически ощущает тяжесть этого взгляда: макушкой, шеей, плечами. И продолжал молчать.

Возможно, он нуждался во времени, чтобы это осмыслить?

Да, конечно, Нестор всегда отличался умением почти молниеносно принимать решения и разрабатывать планы исходя из ситуации. Но некоторые моменты, как с ее сексуальным удовлетворением, к примеру, явно выходили за границы этих рамок. И ведь тогда он после некоторого времени понял: насколько Инге некомфортно и тяжело. Может и сейчас он все обдумает и сделает свои выводы.

Надеясь на это, да и сама нуждаясь в какой-то мере в передышке, Инга отвернулась к плите: вода в кастрюле кипела. Она только собралась слить эту воду и набрать новую, как Нестор предупредил ее порыв. Выступив вперед, он оттеснил Ингу от огня и сам взялся за огнеупорные ручки кастрюли. Сам же заменил воду и поставил кастрюлю обратно на огонь.

Инга вздохнула:

– Нестор, это очень наглядный пример. Я вполне справлюсь с приготовлением бульона. Понимаешь? Ты должен мне доверять хотя бы настолько. Чтобы мы могли построить

нормальные отношения. Если ты хочешь этого, конечно.

Он не повернулся, почему-то, хотя Инга постаралась сказать это с улыбкой. Так и стоял лицом к раковине и спиной к ней самой. И линия его плеч показалась ей очень жесткой под свитером. Настолько, что Инга поддалась желанию и протянула руку, коснулась его затылка, легко и немного робко провела по правому плечу. Вернулась, ощущая, как движение и ласка становятся все уверенней. Погладила левое плечо. Но Нестор не казался расслабившимся. А словно наоборот.

Неожиданно он резко развернулся, проделав это настолько стремительно и быстро, что Инга не успела убрать руку. И он этим воспользовался, крепко, но осторожно ухватив ее кисть. Сжал ее пальцы. А у Инги, словно в ответ на это движение, сердце в груди вдруг сжалось. Не от боли. А от темного синего взгляда, полного чего-то настолько глубокого и мутного, словно она с разбегу бухнулась с головой болото. И сейчас тонула, путаясь в водорослях и трясине, захлебывалась, погружалась все глубже.

Только дна в этих глазах не было.

И тут Нестор заговорил. Заговорил очень низким, но странно глубоким и ровным голосом, от чего по коже Инги прошла дрожь:

– Мой отец умер в горах, когда мне было около двух. Я его не помню. Когда мне было где-то шесть, я увидел, как моя мать убивает моего брата, которого только что родила. Тогда я этого не понял, конечно. Мне объяснила бабка. В десять – я впервые убил человека: любовника матери, который насиловал и избивал ее. Бабка признала меня неуправляемым и ушла в горы. Мать арестовали и, признав сумасшедшей, закрыли в больнице. Там она и умерла. В четырнадцать психологи интерната впервые признали меня социопатом, поскольку я убил котенка, которого не сумел вылечить и записали в секцию биатлона для реабилитации. В армии меня признали подходящим для особых заданий и тренировали в спецподразделении. Снайпером. Я участвовал в локальных конфликтах. После увольнения устранял цели, намеченные заказчиками.

Он замолчал, продолжая буравить ее этим темным и неподъемным взглядом. А у Инги в ушах шумело, и сердце билось через раз. На коже выступила испарина. Холодная. Почти ледяная, заставляя все ее тело промерзать до косточек. Воздух был настолько плотным, что она не могла им дышать.

– И еще – я мольфар. Как и все в моем роду, – добавил Нестор после нескольких секунд обоюдного молчания. – Не знаю, как строят отношения. Но знаю о тебе практически все. Теперь и ты знаешь обо мне. Я тебе доверяю. Но не вижу смысла подвергать риску там, где могу защитить.

Сказав все это, Нестор прошел мимо нее и, достав овощи для салата, принялся их мыть. Так просто. Будто ничего и не было. И вся эта информация, эти слова, содержащийся в них смысл – были самыми обычными. Не стоящими особого внимания, эмоций или размышлений. Просто краткое изложение биографии.

А Инга стояла в шаге от него полностью раздавленная. Размозженная этими словами. И отчаянно пыталась собрать ошметки своего разума и души хоть в какую-то удовлетворительную кучку, чтобы попытаться как-то дальше дышать, двигаться и жить дальше. После этих секунд.

Ей хотелось просто сесть на пол, зажать уши ладонями и замотать головой. Сильно-сильно. Возможно, так Инга сумеет убедить себя, что ничего не слышала. Может быть, еще хотелось закричать. Или завывать от ужаса, который испытывала.

Но вместо этого, каким-то совершенно невероятным и нереальным образом, она умудрилась почти спокойно повернуться и достать из холодильника хлеб. Взяла доску, нож, встала рядом с Нестором, готовящим салат, и начала аккуратно нарезать черствый хлеб для будущих сухарей.

Он косо глянул в ее сторону, но ничего не сказал и не забрал у Инги нож. Не помешал.

Она понятия не имела, как строить отношения с человеком, который называл себя социопатом и мольфаром одновременно. Который работал наемным убийцей. Даже предположений не было.

С другой стороны, вроде как и самой понятно – просто так, с бухты-барахты, профессиональными киллерами не становятся. Это ведь не в порыве гнева или ненависти кого-то убить. Нет, это совсем другое. Образ мышления, нереальный и непонятный для большинства. И для нее в какой-то степени тоже. И, видимо, следовало ожидать чего-то в таком роде. Но Инга все еще ощущала себя разmozженной по асфальту вязкой жижей. И при это умудрялась резать сухарики.

Возможно, это ей необходимо время, чтобы все осмыслить. Может быть тогда она поймет, как строить отношения с таким человеком. Пока Инга этого даже представить не могла.

Зато она очень хорошо представляла, как ей живется без него. Так что...

Да и ее саму в последнее время нельзя было назвать совсем нормальной. Даже наоборот.

К тому же, Нестор ей доверяет, оказывается. Нож, вот, не забирает. Хочет сделать счастливой и беспокоится. У многих пар такого и спустя годы нет, а они, можно сказать, начинают с этого отношения.

Против воли у Инги вырвался какой-то странный, задушенный смешок. Совсем не веселый. Даже наоборот. Но она только отрицательно махнула головой, когда Нестор на нее глянул. И наклонившись, уткнулась в его плечо, закончив с хлебом.

И все-таки она не готова была начать разговор. Совсем не готова.

Господи! Инга даже не представляла, что все может быть так... непросто. Но и уходить уже не хотела. Не могла.

Они не разговаривали весь вечер.

Не потому, что сказать было нечего. Было. Во всяком случае, Инге. Но, с другой стороны, за эти несколько часов, они сказали уже столько всего, что это стоило осмыслить. Очень хорошо осмыслить, чтобы все принять до последней мелочи. А это не казалось Инге простым делом. Однако только такой вариант виделся единственно верным: они оба должны были понять и принять друг друга целиком и полностью. Потому она и молчала, обдумывая все новое, услышанное от Нестора, позволяя этим фактам о жизни настолько дорого человека, прорости в ее душу, сплестись с ее представлениями о мире.

Нестору же, кажется, было комфортно и в полной тишине, как и обычно. Да и не чуралась ни она его, ни он ее. Тишина не мешала им то и дело касаться друг друга. Тем более не служила помехой Нестору, если он вдруг с силой обнимал ее, обхватывая руками так, что Инга пошевелиться не могла. И они оба застывали: она – уткнувшись ему в шею, а он буквально вжимал свое лицо в ее волосы, кожу. И дышал настолько глубоко, с такой жадностью вдыхал ее запах, что у Инги по коже дрожь шла.

Хотя и нельзя сказать, что Инга совсем молчала. Ей позвонила мама, так что говорить пришлось, хочешь или нет. Не зря, видимо, все-таки ходят эти истории про «материнское сердце и чутье»: что-то ее мать почувствовала. И голос у нее был очень напряженным, когда она интересовалась делами Инги, выясняя, как дочь провела день рождения.

– Нормально, мам. Тихо, – лукавя, ответила Инга, сомневаясь, что стоит упоминать о своем срыве и попытке покончить с собой.

Прошло и прошло. Хотя, при первом же звуке маминого голоса, стыд за свой порыв и намерение, понимание, какую боль она могла причинить родным людям, накинудись на нее с новой силой. Чтобы справиться с этим, Инга протянула свободную руку и переплела свои пальцы с пальцами Нестора. Он удивленно глянул, но ничего не сказал и ладонь не забрал, наоборот, крепче сжал руку Инги.

– Тихо? – зачем-то переспросила мама. – Это хорошо. Хорошо. Иногда нужна передышка. И тишина. – Чувствовалось, что она очень беспокоится, но не хочет лишний раз это показывать. – А сейчас, что делаешь?

– Ужинаем, мам, – ни секунды не задумавшись, ответила Инга.

Потом появилась мысль, что может не стоило упоминать о компании? Но Инга ее быстро отбросила. Если она собирается строить отношения с этим мужчиной, то ей вряд ли удастся его скрывать от родителей. Да и не хотела она Нестора прятать ни от кого. Конечно, он и сам мог не особо жаждать общаться с ее родней, но так или иначе, упоминать о нем и рассказывать Инга собиралась. Даже если это пока все, что он ей позволит.

И, разумеется, мама тут же уловила мысль:

– У тебя гости? – кажется, она даже обрадовалась.

– В каком-то смысле, – уклончиво ответила Инга, с некоторым напряжением вглядываясь в синие глаза Нестора. Но ничего в них не видела, кроме абсолютного спокойствия. – Гость, – еще менее уверенно поправила она маму. Хоть эта характеристика и не казалась ей верной для Нестора.

Ну, какой он гость? Он для нее... Он...

В голове вертелись только те слова, которые сам Нестор казал сегодня относительно

Инги – он всё. Просто всё в ее жизни теперь. Так уж сложилось и вышло.

Мама ее неуверенность уловила но, наверное, истолковала по своему:

– Хорошо, празднуйте тогда, не буду вам мешать, – даже с воодушевлением, быстро «свернула» она разговор. – Я завтра позвоню. Мы тебя любим.

– И я вас, – ответила Инга уже гудкам в трубке.

Отложила телефон в сторону, махнув головой, когда Нестор с некоторой долей вопроса приподнял бровь, словно бы интересуясь: «все ли нормально?». И вернулась к своему бульону с салатом.

После ужина была ванна. Разумеется. Как это она могла даже подумать, что Нестор исключит этот момент из своего «ритуала»? Хорошо, что хоть поест дал сперва.

Правда, по большому счету, Ингу это не напрягло. Разве что самую малость. И купаться хотелось, и просто, сейчас она относилась ко всему с позиции не «пленницы», а полноценного партнера действия, влияющего на события. Ну, пытающегося это делать настолько, насколько Нестор был готов позволить.

К тому же, ванны, как «посудины» у Инги не имелось в наличие. И она с чистой совестью затащила Нестора в душевую кабинку вместе с собой. Он хочет ее мыть, заботясь таким образом? На здоровье, ей даже очень приятно. Но и Инга имела желание таким же способом позаботиться о нем. Показать, что и он для нее так же важен методом самого Нестора. Ну и еще не позволить забыть своему любимому, что намерена добиваться равноправия в заботе и решениях.

Это оказался интересный опыт. И пусть в том, что Нестор моет ее после близости уже не было ничего странного или непривычного, наоборот, Инге были очень приятны его касания. Тем более что Нестор очень старался помнить о мягкости, это чувствовалось. Она бы даже рискнула сказать, что в его прикосновениях к ней появилась некоторая трепетность. Конечно же, за всей силой, волей и настойчивостью, которые никуда не делись. Просто у нее было много опыта, чтобы отметить тонкие нюансы изменений. А вот ее стремление обмыть его, подарить и Нестору это удовольствие простых нежных прикосновений и заботы, столкнулось с проблемой: он был к подобному не готов. С недоумением и даже какой-то настороженностью воспринимал любое ее касание. То и дело перехватывал руку Инги, пытаясь перенаправить акцент вновь на нее, ее кожу намылить пеной, провести рукой по ее телу. Словно бы не мог поверить, что и о нем могут и хотят заботиться, воспринимая ее действия как нечто запредельное и не нормальное.

В какой-то степени это расстраивало Ингу. В какой-то – забавляло. Но она упорно пресекала все старания Нестора сместить «ударения» на нее и снова, и снова настойчиво пыталась помыть его самого так же, как он мыл Ингу недавно. Даже когда этот упрямец попытался использовать отвлекающий маневр и принялся целовать ее (что само по себе все еще поражало Ингу, эта его попытка не просто «проглотить» ее посредством давления рта, а настоящее старание быть ласковым, с поправками на индивидуальность), она не поддавалась. Да, Инга ответила на поцелуй Нестора. Да, ей очень понравилось. Но она все равно упрямо продолжала водить мочалкой по его животу и груди. И даже, немного в отместку, чтоб показать, что может использовать подобные приемы, оторвалась от его рта и прошлась губами по шее, подбородку Нестора. Собрала языком капли воды с его кожи, чувствуя внутреннюю дрожь от его взгляда и резкого звука короткого выдоха, который вырвался у Нестора от этого ее поступка.

Она возбуждала его, Инге это прекрасно было видно. Да и сама Инга уже успела загореться. Тем более знала, что в магазине Нестор купил и презервативы. Однако стоило ей опустить руки ниже, с явным намерением перевести это все уже не в игру, как он перехватил ее кисти. И в этот раз не собирался их отпускать. Покачивая головой, Нестор отобрал у нее мочалку, всем своим видом демонстрируя, что в этот раз любые споры будут бесполезны. Выключил воду и, закутав Ингу полотенцем, которое висело у самой дверцы душа, спокойно взял Ингу на руки и вынес из ванной. Будто бы это и не его тело предательски свидетельствовало о желании, сжигавшем не только Ингу. Но он, видимо, решил, что она слишком измождена и должна отдыхать, поскольку принес Ингу в спальню и уложил на кровать.

Ей и хотелось бы поспорить. Настоять. Но было бы ложью заявлять, что весь этот вечер не измотал ее. Честно говоря, Инга устала настолько, что даже ее молчание уже объяснялось не просто желанием все осмыслить, но и банальной нехваткой сил о чем-то говорить или спорить.

Так что она без всяких возражений удобно устроилась под одеялом, полностью довольная тем, как крепко руки Нестора обняли ее. И провалилась в сон, даже не заметив этого, что кардинально отличалось от всех ночей за последние месяцы, когда Инга буквально боролась за сон, спасаясь зачастую лишь снотворным.

Проснулась Инга через несколько часов. Резко. Отвратительно. С хрипом, в который вылился ее же крик, разрывающий сознание во сне: Инга снова стояла перед Нестором в той хате. С пистолетом. Уже выстрелив. И на футболке Нестора опять расплывалось красное пятно, а ее захлестнуло ужасом, отчаянием и обидой.

Даже проснувшись, Инга продолжала хватать ртом воздух, и оказалась вынуждена сесть, чтобы хоть немного стряхнуть с себя все это. И только тут, почувствовав явное сопротивление этому порыву, наконец, полностью осознала, что все прошло. И Нестор жив. И рядом сейчас. Более того – моментально выпрямился и сел на кровати вместе с ней, продолжая обнимать Ингу. Это как-то разом уняло всю тревогу, весь страх и отчаяние, которые тянулись к ней из этого сна. С облегчением сделав глубокий вдох, она спряталась у Нестора между шеей и плечом.

– Что? – тихо потребовал он ответа, ухватив ее подбородок пальцами.

Повернул голову Инги, словно бы видел что-то в этой темноте. Хотя, Бог знает, может и видел, он же мольфар... Эта мысль, отчего-то, стерла последний отвратительный привкус страха, вызвав легкую улыбку.

– Ничего, – так же тихо ответила она, устроившись щекой на его плече. – Просто сон. Неважно.

Нестор еще какое-то время на что-то смотрел в ее лице, после чего кивнул, Инга ощутила это движение. И потянул ее назад, опять устраиваясь на подушке. Но Инге не хотелось спать. Вообще. Может из-за опасения, что стоит открыть глаза, и вновь увидит все, что было. Может, просто, выпалась. Потому что она только недовольно покачала головой, упираясь ему в грудь ладонью.

– Тебе надо отдохнуть, – основательно и веско напомнил он.

Но она только усмехнулась:

– У меня еще два дня отпуска, выплусь.

Его это не убедило:

– Инга? – в голосе Нестора, определенно, прорезались такие свойственные ему властные нотки.

Ее начала умилять его привычка вкладывать так много смысла в одно-единственное слово, тоном передавая и повеление лечь рядом с ним, и недовольство ее своеволием, и настоящую уверенность, что он точно знает, как лучше. Или это она так настроилась на Нестора, что улавливала все эти «подледные» течения? Заметил бы кто-то другой, незнакомый человек, сколько всего кроется за простым обращением к ней по имени?

Точного ответа она не имела. Но эта мысль натолкнула ее на другие, смешавшие в себе и остатки впечатлений сна, и воспоминания о недалеком прошлом, и новые впечатления. Потому, так и не отреагировав на «повеление» Нестора лечь назад, она немного наклонилась вбок, все еще продолжая опираться на его грудь рукой, и включила лампу на прикроватной тумбочке.

Нестор едва-едва прищурился, продолжая смотреть прямо на нее, но Инга ничего не сказала. Она не совсем могла бы объяснить, что именно собирается делать. Просто вспомнилось, как он однажды несколько часов подряд изучал ее. И теперь Инге захотелось так же досконально изучить Нестора: чтоб до последней линии, до малейшей детали его узнать. Потому она только покачала головой, когда он в очередной раз попытался заставить ее лечь. Но и не сказала ничего, а уселась поверх ног Нестора и, протянув руку, провела пальцами по его бровям. Прошла по спинке носа, очертила скулы. Даже потерла немного пальцы между собой, словно пыталась запомнить ощущение его кожи, понять – не меняется ли что-то в ее коже после такого полного соприкосновения с ним.

Вновь принялась изучать тело Нестора, обводя контуры мышц на шее, обрисовывая своими пальцами плечи, спускаясь ниже. Нестор не мешал, похоже, и без объяснений поняв ее намерения. А может, даже считал подобное естественным и нормальным. Он просто свободно устроился на подушке и наблюдал за Ингой.

Однако спустя минут пятнадцать, стало очевидно, что это ее занятие пробило ощутимую брешь в его невозмутимости и сдержанности – она ощущала бедрами его твердеющую плоть. И все же Нестор лежал абсолютно спокойно, позволяя Инге делать, что пожелается и изучать его самого любыми методами, которые она считала для этого подходящими. Однако Инга и сама не могла не реагировать на это все: на его возбуждение, на собственное желание, вновь проснувшееся от того, что она сама и делала. И если честно, с каждой секундой ее прикосновения к телу Нестора становились все менее изучающими, и все более походили на ласки.

В конце концов, спустя еще несколько минут, она не выдержала и с легким вздохом, больше отражающим ее возбуждение, нежели какие-то трудности с дыханием, наклонилась и прижалась к его губам. Но сейчас Инга не испытывала безумной, бешеной страсти, как на холме несколько часов назад, или даже в душе. Нет, страсть была, такая же огромная и сильная. Но при этом – тягучая, сладкая, полная нежности к этому мужчине, ставшему частью ее сущности, ее души. Переплётшаяся со счастьем от его присутствия рядом. И все это в какой-то мере смыло разрушительный ужас, который принесли слова Нестора о своем прошлом. Сделало тем, что Инга сумеет вынести и принять. Не сразу смириться и сродниться, но... выдержит.

Именно это она вкладывала в каждое прикосновение своих губ к его рту, в каждое касание к его коже, которую продолжала гладить и ласкать, даже целуя Нестора. И возможно, ощутив это чувство, какие-то границы, которые она умела в себе переступить, в

этот раз Нестор откликнулся. Не подавил ее порыв своей силой, велел отдыхать дальше, а ответил на поцелуй. Сам крепко обнял Ингу, еще полнее притиснув к своему телу. Резко перевернулся, подмяв ее под себя, сильнее впился в губы Инги. Она тихо застонала от переполняющих ее эмоций, от какого-то тихого и уютного удовольствия, ощущая, как он раздвигает ее бедра своей ногой: властно, но аккуратно, явно стараясь контролировать свои движения, доставить ей наслаждение.

И вдруг Нестор застыл. Отстранился немного от ее лица, заставив Ингу недоуменно нахмурить брови. Замер, глядя прямо ей в глаза ничего не говоря и не объясняя. Инга не понимала, что он делает: Нестор продолжал лежать сверху и его пах все так же сильно давил на ее бедра. И он точно не собирался это менять. Но до того, как Инга успела бы что-то спросить, Нестор чуть приподнялся, уперев локоть в матрас, и обхватил ее щеки ладонями. Так осторожно. Так бережно.

У нее горло сжалось и глаза запекло от такой трепетности, которую он столь явно вкладывал в свои касания. Однако, не дав ей сильно увязнуть в этих переживаниях, Нестор вновь наклонился, опять целуя ее губы. Правда теперь и в этом прикосновении ощущалась та же его попытка быть нежным. Или, по крайней мере, максимально осторожным и мягким. А потом его рука соскользнула с ее щеки, прошлась теми же осторожными касаниями по шее, накрыла грудь. И Инга перестала отмечать детали и нюансы. Просто приняла этого мужчину таким, каким он был, со всем, что он мог или был в состоянии ей дать, в ответ отдавая не меньше.

Следующие два дня Нестор упорно пытался ее откормить и заставить отоспаться за все те месяцы, которые она, по его мнению, отвратительно относилась к собственным потребностям. Инга же чувствовала себя каким-то непослушным «медвежонком», которого бдительная мать-медведица пытается образумить и заставить нагулять жирок перед спячкой. О чем она не постеснялась ему и сообщить. Это на какое-то время застопорило гиперопеку, вызвав явное недоумение со стороны Нестора.

А Инга, воспользовавшись этим моментом, начала тут же выяснять: сколько же времени он следил за ней так близко? Где сам жил все это время, и каким образом умудрялся наведываться в ее квартиру так, что она не заметила?

Большую часть этих вопросов Нестор просто проигнорировал, посмотрев на нее с некоторой долей превосходства и снисхождения. После чего взял ее за руку и вывел из квартиры, ничего не объясняя. Инга не поняла этого поступка, но пошла, радуясь хоть такой коммуникации. Следом за Нестором поднялась на один этаж. Правда, немного удивилась, когда он, достав какие-то ключи, спокойно и уверенно вдруг начал открывать двери чужой квартиры. Однако, с некоторой осторожностью ступив внутрь и осмотревшись, поняла необоснованность опасений. Да и Нестор скуп, одним словом «снял», объяснил ей свое право пребывания здесь. Но Инга в тот момент думала уже о другом: о том, что он был настолько близко, а она даже ни разу его не заметила! И еще, продолжая смотреть на единственную совершенно пустую комнату, в которой из мебели имелся только один старенький стул, ноутбук на нем и несколько одеял, аккуратно разложенных в дальнем от окна углу, зайдя в такую же пустую кухню, где даже холодильника не было – ей стало как-то безумно больно и неудобно. Она не могла понять в первый момент, зачем он жил в таких условиях? Зачем так себя «мучил»?

Однако через несколько секунд, когда первый пик эмоций схлынул, и Инга сумела

поразмыслить, когда вспомнила условия дома, в котором прожила несколько недель, и где хоть иногда до этого, но жил Нестор – поняла иное, хоть так и не спросила ничего, да и Нестор молчал. Для него это не было мучительными условиями или чем-то ненормальным. Как его мытье на улице холодной водой в середине весны, и отсутствие света или дверей. Наличие в жилье каких-то современных удобств.

Такого минимума Нестору вполне хватало для жизни, «комфортной» в его понимании. И оттого еще больше она оценила вдруг все те мелочи, которые он делал и тогда, и сейчас, явно понимая, что Инга имеет иное понимание удобства и другую потребность в комфорте. Больше, чем просто изолированное и безопасное место, где можно отдыхать. Таким «говорящим» вдруг стало воспоминание о том, как он регулярно грел воду для нее, всегда привозил свежие продукты, отапливал дом и обеспечивал практически все, что Инга хоть раз упоминала. Даже если это случалось в момент истерики.

Так ничего и не озвучив из этих мыслей, она плотнее переплела их пальцы, которые Нестор и не размыкал, и еще ближе прижалась к его боку. Хотя казалось, куда уже теснее? И только кивнув, показывая, что поняла про квартиру и его здесь проживание, задала другой вопрос:

– А где ты был до того, как приехал сюда? В том доме?

Нестор медленно наклонил голову, глядя на нее с каким-то серьезным и сосредоточенным выражением, и так же плавно покачал головой:

– Когда ты уехала с Соболевой – в Киеве. День. Потом – в Карпатах. Восстановил дом, который принадлежал бабке.

«Кратенько» изложил он ей. Инга захотелось фыркнуть и намекнуть, что она не отказалась бы от более подробного рассказа. Тем более что он, похоже, нашел ее практически сразу, если видел, как Инга уезжала с Кариной. Но вместо этого всего она только вздохнула. Этого мужчину было невероятно сложно понять и терпеть. Но Инга этому понемногу училась, осознавая, что готова перетерпеть и на некоторые аспекты человеческого общения посмотреть с иной точки зрения.

Он не собирался упоминать о том, что имелся в его разъездах по стране и еще один пункт. Хотя Нестор и озвучил пребывание в столице, но не упомянул, что заезжал туда и по пути из Карпат. Найдя некоторое равновесие внутри себя самого, поняв, что готов ехать к своей женщине, он отчетливо осознал и еще один факт. Был один момент, который его нервировал. Подспудно и неявно из-за внутренних демонов, отвлекающих все внимание Нестора в последние месяцы, но непрерывно. И сейчас он это отчетливо знал.

Заказчик. Человек, который посчитал необходимым устранить Ингу, несмотря на изначально иной план. Независимо от того, что иные участвовавшие лица, по всей видимости, не считали это обязательным. Даже наоборот. И который, по-видимому, вполне мог попытаться еще раз совершить нечто подобное, если узнает, что Инга жива, ведь теперь она вернулась в свой город и в свой круг общения. Хоть он и покинул пределы страны.

Сам факт такого изменения заказа и поспешности, с которой то было принято, указывало на то, что этот человек видел в Инге личную угрозу. И это все равно оставалось опасным.

Нестор провел тогда в Киеве два дня, с помощью всех своих возможностей, контактов и связей, с которыми поддерживал лишь электронную переписку в целях безопасности,

выяснив, что этот мужчина сбежал в Чехию. Где и скрывался до того момента.

Этого Нестору было достаточно.

Нет, он не поехал сам. Он нашел старого знакомого, давно промышляющего в Европе тем, чем зарабатывал и Нестор. Сослуживца. И сделал ему заказ. С условием предварительно выяснить, чего же так боялся этот Балашенко в Инге?

Ответ, вместе с отчетом о выполненном заказе, пришел через пять дней, когда Нестор уже был в этом городе. Внимательно изучив фото и видеофайлы, чтобы исключить любую возможность подделки, подобной той, что сам провернул с Ингой, Нестор уничтожил все доказательства. После чего прочитал отчет. Его это удивило: Балашенко считал, что во время последнего ужина, Михаил мог сообщить Инге о подозрениях, которые, по всей видимости, у него появились. И на которые он намекнул своему «другу» накануне, очевидно, подозревая неладное и допуская участие Балашенко в этом всем. И тот видел в Инге непосредственную угрозу своему положению и достатку.

Михаил не говорил ничего подобного. Нестор прекрасно знал все содержание их беседы, простояв недалеко от приоткрытых дверей веранды, пока ожидал подходящего для своего плана момента. Но именно этот страх, в итоге, и сгубил Балашенко. Из-за Инги он и был убит. Чтобы ей больше никто и ничто не угрожало.

Но все эти подробности он не собирался ей открывать, не считая необходимым раскачивать психику Инги, состояние которой до сих пор не казалось ему полностью стабилизировавшимся.

В понедельник утром у Инги не проходило ощущение, что ей вновь десять лет и мама собирает ее в школу. Немного странно. И забавно, если честно.

Отпуск подошел к концу, и она намеривалась идти на работу. Первоначально, проснувшись утром, она и не подумала, что у Нестора может быть свое мнение по этому поводу. Правда, он ничего и не говорил. Поднялся вместе с ней, даже не уточнив причин такого раннего пробуждения, включил кофеварку, пока Инга принимала душ, чем немало ее удивил. Судя по всему, он действительно досконально изучил ее расписание, привычки, да и просто – весь образ жизни.

Да, он говорил об этом. Однако, вот такие мелочи, делали слова – не только словами, а чем-то осязаемым, материальным. И таким веским, что Инга даже замерла посреди кухни с чашкой кофе, которую Нестор мимоходом сунул ей в руки, пока сам готовил яичницу им обоим. Разумеется, о том, чтобы оставить приготовление завтрака ей, он даже не подумал. Но ее не это настолько ошарашило. Бог с ней, с его непробиваемостью и упорством в этом вопросе, когда все она буквально отвоевывала. Инга уже приняла данный момент, как особенность их «нормальных» отношений. Не это заставило ее остановиться в ступоре. А очень простой ответ Нестора, на ее вовсе несложный вопрос:

– А ты что будешь сегодня делать? – поинтересовалась она, имея в виду то время, пока сама планировала работать. После всех этих месяцев Инга практически нуждалась в твердой уверенности, что будет знать его местонахождение.

Забавно. Возможно, его желание контроля – заразно.

Улыбнувшись про себя, Инга сделала первый глоток кофе.

– Буду рядом.

Вот тут она и отставила чашку, едва заставила себя сглотнуть уже отпитого кофе и молча уставилась в его лысый затылок.

«Буду рядом». А сколько он уже вот так «был рядом»? Весь последний месяц?

Ее каждый раз это поражало и цепляло. Но именно сейчас, почему-то, накрыло пониманием, что конкретно стояло за каждым действием любимого. Не знание, оно существовало давно, а именно осмысление всех действий Нестора. Ежеминутно находится около нее, посвящать ей практически все время, сосредоточив вокруг Инги все свои интересы, поступки, действия – кажется, никто еще не делал ее смыслом своей жизни. Разве что родители в глубоком детстве, возможно. Но это ведь иное.

Возникшее озарение не то, чтобы затормозило, но как-то остановило Ингу. Морально. Заставило погрузиться в осмысление и обдумывание этой ситуации и такого отношения любимого мужчины. И проявилось в каком-то меланхоличном и медлительном настроении, разом завладевшим всем ее существом. Не хотелось говорить. Или, скорее, не ощущалось готовности к словесному общению. Однако, и потребности остаться в одиночестве – не возникло. Она хотела быть рядом с Нестором. Даже с таким «сосредоточенным».

Он уловил ее эмоции. Это читалось и в выражении прищурившихся синих глаз, и в напрягшихся чертах лица. Но, возможно потому, что настроение Инги тоже не было негативным, ничего не сказал. Подошел, поставив перед ней тарелку с завтраком. Медленно провел рукой по щеке Инги. Как-то тщательно и плотно соприкасаясь с ее кожей. И кивнул, да и только. Чуть надавив на ее плечо, Нестор подтолкнул Ингу к столу.

Она села, в данном случае не видя никакого смысла о чем-то спорить. Ей в самом деле необходимо было поесть, на работе на это зачастую не хватало времени. Да и мысли ее все еще крутились вокруг Нестора. А еще вокруг сна, приснившегося ей сегодня и о котором у Инги остались только смутные, расплывчатые воспоминания. Даже не воспоминания, скорее, а какие-то нечеткие ассоциации, всколыхнувшиеся после ее осознания отношения Нестора.

Он ей снился, кажется. Ничего удивительного, Нестор почти всегда снился ей теперь. Но в этот раз сон был какой-то не такой. Она не помнила ни страха, ни отчаяния, которые обычно наполняли в последние месяцы ее сны-воспоминания о Несторе. Да этот сон, собственно, и не был воспоминанием или переживанием о случившихся с ними событиях. Кажется, такое ей снилось впервые: деревья, такие высокие и какие-то непривычные, что она долго стояла во сне, запрокинув голову, пытаясь увидеть верхушки. Ее окружали тени: и от этих деревьев, и еще какие-то, будто живые, мешающиеся со слабыми проблесками света, скользящие по ее коже и лицу Нестора, который был в этом сне все время рядом. Но и сам Нестор запомнился ей не таким, каким-то. Непривычным, чем-то отличающимся. Но суть этого отличия Инга в данный момент никак не могла уловить в своих воспоминаниях.

Более того, из-за попытки точнее все вспомнить, в висках появилась неприятная глухая тяжесть, вот-вот грозящая превратиться в боль. Решив, что это постотпускной синдром, вызванный нежеланием организма вновь напрягаться и заниматься работой, Инга встряхнула головой, помассировала переносицу и рассеянно взъерошила короткие волосы. Стоило, видимо, отвлечься от сна, ночь прошла и ему туда дорога.

Нестор все это время внимательно следил за Ингой. Хотя, когда он этого не делал? И сейчас он поднялся, подошел к ней со спины, опустил руки на голову Инги, как-то так легко провел вверх-вниз пальцами. Они были прохладными и твердыми, Инге сразу стало легче от этого жеста, почему-то, и тяжесть из висков словно растворилась.

Тут Нестор наклонился и через ее плечо заглянул Инге в глаза.

– Нет, – даже не ожидая, откроет он рот или нет, Инга мотнула головой. – Даже не надейся. Я пойду на работу, Нестор. И чувствую я себя прекрасно, подумаешь, голова немного мутная, – она отмахнулась. – Это просто от того, что я расслабилась и наконец-то успокоилась, теперь напрягаться лень. Но это всего лишь лень, Нестор. Да сны мутные снились. Но чувствую-то я себя замечательно. И работать буду. Так что и не пытайся мне это запретить.

Она улыбнулась и, протянув руку, коснулась его щеки, погладила, почти как он несколько минут назад, но нежно и ласково. И почувствовала, как Нестор сжал зубы. Ему явно хотелось все же запретить ей двигаться с места. Но таким же очевидным было и то, что Нестор помнил все их разговоры. Так что он лишь кивнул и отошел, вернувшись к своему завтраку, и внимательно следил за тем, чтобы Инга так же все доела.

На работу Инга приехала чуть раньше положенного срока, как и планировала. После недели отпуска и последнего месяца, полного отчаяния, ей вдруг захотелось с новой силой и энергией окунуться в работу. Надо было войти в курс всего, что происходило, пока она «отдыхала», поэтому Инга и торопилась. Разумеется, Нестор был с ней, он и привез ее к зданию, провел до служебного входа, а там остановился:

– Я рядом, – очевидно, напоминая, проговорил он.

И отступил, внимательно осматривая окрестности. А Инга отчего-то вдруг

занервничала. Дернулась за ним:

– Нестор, подожди! Ты что, в машине сидеть собираешься? – ее расстроило подобное предположение.

Это же ужас, просто. Да этого момента она даже не задумывалась, где именно планировал находиться Нестор. Почему-то казалось, что он расположится максимально близко. Правда, если взглянуть здраво, то и его постоянное пребывание в шаге от Инги может стать проблемой. И теперь она просто не представляла, как это лучше решить.

Нестора же, похоже, это все волновало куда меньше. На его лице мелькнула такая редкая, но столь любимая Ингой усмешка, и он вновь завладел рукой Инги:

– Я буду рядом, – медленно повторил он, крепко сжав ее пальцы. – Иди.

После чего, еще раз внимательно осмотревшись, причем, зачем-то глянув даже на верхние этажи здания, кивнул Инге, поправил свою кепку, словно натягивая ее сильнее, и пошел в направлении стоянки. А Инга, без поддержки его руки вновь ощутившая себя почти потерянной, усилием воли встряхнулась. Она сама пыталась отстоять собственное право на индивидуальность в их отношениях, так что теперь точно не стоило поддаваться минутной слабости. Тем более что Нестор ясно сказал – он рядом и никуда ей от него не деться. И ему от нее, если уж на то пошло.

Улыбнувшись этой мысли, которая приободрила ее, Инга вошла в здание.

Суматоха работы захватила Ингу с головой. И радовало то, что сегодня она почти наслаждалась этим, а не пыталась убежать от боли и вины. Один момент только напрягал Ингу – Карина Соболева. Они встретились еще утром, и ее непосредственная начальница, а так же, как ни крути, благотельница, оказалась очень довольна и настроением подчиненной, и ее внешним видом. В ответ на ее похвалы Инга решила не упоминать, что еще четыре дня назад намеревалась свести счеты с жизнью. Однако некоторое чувство вины появилось: Инга подозревала, что все эти изменения не радовали бы так Карину, узнай она, что в корне их – Нестор, который не просто жив, но и вернулся. У Соболевой сформировалось стойкое предубеждение против него, и невнятное состояние самой Инги, когда она толком не могла сформулировать и описать случившееся с нею, похоже, только укрепило подобное отношение.

Инга была искренне и глубоко благодарна за всю ту помощь, которую Карина ей оказывала все эти месяцы, тем более что сама она даже не просила, да и не ждала подобного. Так что сейчас, разговаривая с Кариной о делах отеля, она вроде бы понимала, что ей стоит обсудить с Соболевой и возвращение Нестора, а еще объяснить, насколько ей дорог этот мужчина, и что он в свою очередь дорожит ею. Этого было не избежать, ведь теперь Инга не сомневалась, что Нестор будет постоянно рядом (он ведь сам так утром сказал), и ей вовсе не хотелось возникновения неловкой для всех, да и просто неудобной ситуации, которая может возникнуть из-за полной уверенности Карины в негодяйстве Нестора. Но как именно завести этот разговор, она в тот момент не смогла придумать, да и Карина куда-то торопилась, упомянув, что хочет лично отвезти детей на какое-то занятие, после чего они с мужем улетаю по делам на три дня и весь отель останется на Инге. Им было что обсудить сейчас не затрагивая личную жизнь самой Инги, дел и так оказалось «с головой».

В общем, она решила обговорить данную, довольно деликатную тему в более подходящий момент, и вернулась к своим непосредственным обязанностям. От которых

была совершенно неожиданно для себя оторвана звонком Нестора:

– Спускайся. Немедленно.

Она даже рассмеялась. Романтиком Нестору точно не стать. Ну и ладно. Ее давно перестала злить такая немногословность любимого мужчины. Но Инга все же попыталась выяснить, что случилось:

– Нестор, подожди, что-то произошло? У меня еще минут двадцать такая суматоха будет...

– Спускайся. Или я тебя заберу.

И он оборвал звонок.

Теперь Инге стало не до смеха. Она вдруг вспомнила, что Нестор не простой человек и работает не на заводе или офис-менеджером. И ее тут же накрыло волной панического страха. Так что она, забыв обо всех своих срочных вопросах, кинулась к лифту.

На первом этаже здания, в отличие от утра, сейчас находилось достаточно много людей: уже давно открылись и магазины, и кафе, и офисы. Так что, едва выскочив из лифта, Инга немного растерялась, совершенно не представляя, где именно должна искать Нестора. Вокруг ходили десятки людей и их одежда, гомон разговоров, смешивались, отвлекая слух и заставляя лихорадочно метаться взгляд.

Но разнервничаться еще больше Инга не успела. Одним четким и плавным движением Нестор оказался в ее поле зрения. Так, что сразу становилось ясно – он ее ждал и заметил моментально. А вот сам открылся только тогда, когда он считал это необходимым.

Однако, вместо того, чтобы кинуться ему навстречу, Инга отчего-то замерла на месте, рассматривая любимого.

Нет, в нем не появилось ничего нового с утра. Не изменились и ее чувства к нему, Нестор оставался частью ее сущности. Просто глядя на него сейчас, посреди множества других людей, где он вроде бы чувствовал себя как рыба в воде и владел ситуацией, понимая, что именно Нестор определяет – кто и когда его замечает, Инга испытала в то же время какое-то смутное и муторное ощущение. Неясная ассоциация. Совсем как с тем сном утром.

Что-то было не так.

Инга не смогла бы сформулировать, что именно. Лишь смотрела на Нестора и понимала – есть какое-то несоответствие.

Станные мысли. И еще более непонятные ощущения, чем-то напомнившие ей полную одиночества неделю в его хате. Внутренним «привкусом» тихого шороха, которому неоткуда было взять в многолюдном и суматошном холле.

Но додумать Инга не сумела. Нестор нахмурился, видимо, недоумевая из-за ее ступора, и быстро приблизился к Инге. Это заставило ее встряхнуться и вспомнить все волнение, с которым она сюда торопилась.

– Что случилось, Нестор? – Инга кинулась к нему, испытав острое удовольствие от возможности обнять его, прижаться к любимому. – У нас какие-то проблемы? У тебя что-то произошло?

Нестор нахмурился сильнее и наклонился, внимательно вглядываясь в глаза Инги. Его руки крепко обнимали ее, плотно прижимая к самому Нестору. И в синих глазах ей почудилось недоумение.

– Обед. Тебе пора есть, – снизошел он для объяснений, уже ведя ее в сторону одного

из кафе.

Обед?! Инга даже фыркнула. В какой-то мере от облегчения, что ошиблась со всеми своими предположениями. А с другой – от какого-то веселого бессилия добиться от Нестора хоть каких-то вразумительных пояснений своих поступков, что помогло бы избежать многих сомнений и тревог самой Инге.

– Господи! А ты не мог мне об этом сказать по телефону? – она даже не сопротивлялась, идя за ним следом, такое облегчение испытала, что все ее догадки ошибочны. – У меня столько там еще дел, я бы все решила и спустилась. А так – все бросила, испугалась...

– Тебе пора есть. Все остальное – потом.

Похоже, Нестора ее проблемы и заботы не впечатлили.

А когда Инга увидела, что в кафе, куда он ее привел, уже не просто столик заказан, но и сами блюда готовы, поняла, что что-то доказывать Нестору бесполезно. Видимо теперь ей придется очень жестко придерживаться графика дня, чтобы согласовывать свою работу и представления Нестора об этом самом графике.

Он не собирался сидеть в машине, как это решила Инга. И не сидел в ней. Факт, что он вообще сидеть не собирался. Находясь на одном месте никогда и ничего не узнать об окружающей обстановке. А Нестор предпочитал держать события под контролем. Так что он планировал находиться рядом с Ингой, о чем и сказал ей.

Однако в связи с этим возникла проблема иного порядка. Весь последний месяц он бывал здесь, изучая обстановку и наблюдая за Ингой. Но тогда его задачей, помимо ее безопасности, как основополагающего факта, было остаться незамеченным самой Ингой. Да и системой охраны. Что, в общем-то, для Нестора трудности не представляло. Хотя, и он не мог не отдать этому должного, охрана Соболева, которому и принадлежало здание, знала свою работу. И будь задачей Нестора пробраться куда-то, чтобы осложнить работу центра или поставить под угрозу безопасность самого владельца или его супруги – все было бы не так уж просто.

Но у него таких задач не стояло. И надо было всего лишь оставаться незамеченным всеми, наблюдая. Теперь же он не прятался от Инги. Более того, прекрасно уловил испуг и панику в ее глазах, когда по выходу из лифта она не сумела сразу его обнаружить. В будущем он не может больше допустить такого просчета.

И все же, это порождало иную проблему: он не хотел «светиться» службе безопасности Соболева. Это противоречило самому принципу его деятельности и образу жизни. Факт. К тому же, начальник этой самой службы, Никольский, имел с ним дело, пусть и путем посредничества Борова, и мог узнать. Попытаться выяснить, по какой причине Лютый здесь находится. А у Нестора не было ни потребности, ни желания привлекать к себе подобное внимание. Но как полностью исключить такую вероятность и всегда быть максимально «на виду» для Инги, он пока не рассчитал, что и заставляло быть настороже. А это, в свою очередь, вызывало беспокойство Инги, потому как она словно бы неосознанно улавливала его напряженность. Он заметил это пару дней назад, да и отмечал еще тогда, когда они с ней жили вдвоем в старом доме – то ли из-за его нелюбви к пространственным объяснениям, то ли потому, что просто они были действительно чем-то целым, но Инга каким-то образом полностью эмоционально подстраивалась под него, и словно бы «считывала» эмоции и настроение Нестора, не настаивая на вербальном их объяснении.

Так что ему предстояло решить каким-то образом эту проблему.

Спустя четыре дня

Борис Никольский с огромным удовольствием провел бы утро этого четверга дома, с женой и внуком, которого их дочка привезла сегодня в гости, сама уехав по делам. Однако именно сегодня его непосредственный начальник и друг Константин Соболев, вернулся из поездки в Чехию, где подписывал какие-то контракты. Какие именно, Борис не знал, не особо разбираясь в экономических вопросах, настолько любимых Костей. А вот что он прекрасно понимал и в чем разбирался побольше многих – так это в безопасности. Почему и оставил дома трехлетнего внука, а сам приехал сюда, в здание, где располагался офис Соболева и отель, которым руководила Карина.

Кто-то мог бы сказать, что он уж очень придирчив и педантичен, в конце концов, ребята из охраны, большую часть которых он принимал на работу лично, прекрасно справлялись с возложенными на них обязанностями. И лишний раз устраивать проверку кто-то бы посчитал глупым. Но у Никольского имелась привычка лично навещать все объекты, на которых часто бывал Соболев хотя бы раз в неделю. А то и ежедневно, если того требовала обстановка.

Так что сегодня, после трехдневного отсутствия Соболевых, он посчитал нелишним посмотреть, как работает охрана здания. Проверил посты, поговорил с парнями, оставшись всем довольным. А сейчас вернулся в офис охраны и, остановившись на пороге комнаты где отслеживались данные с камер наблюдения, перекинулся с ребятами парой слов о вчерашнем футболе. Вот никак не ждал он, что их команда, у которой и состав такой, что половина Европы завидует, и тренер маститый, возьмет да проиграет вчистую новичкам Лиги. Разочаровали они Бориса. Оставалось, конечно, еще две игры, и шансы еще были, но Никольский все равно расстроился. И ребята полностью разделяли его чувства.

В общем, обсудив ляпы защиты и полную несуразность рывков нападающего их команды, Борис уже собирался уходить, подумав, что еще успеет наиграться с Колькой, когда краем глаза на одном из мониторов уловил что-то, заставившее все внутри насторожиться.

Прервав шуточный диалог с охранниками, он стремительно подошел к экрану и всмотрелся в черно-белую картинку.

Вроде бы, ничего такого: ну стоит высокий мужчина в темной кепке около одной из колон холла. Посматривает иногда по сторонам, никого не трогает. Позвонил кому-то, что не заняло много времени. Видно, что ждет кого-то. Таких людей на первом этаже сейчас – пруд-пруди. Только вот все настораживало в нем Никольского, более двадцати лет проработавшего в органах и, слава Богу, еще не утратившего свое внутренне чутье. Видно оно и заставило его обращать внимание на детали: что человек этот не поднимает голову, так что его лицо ни разу не попало в объектив камеры, да и стоит на самом краю охватываемого поля обзора. И в объектив других, соседних камер, нигде не попадал, парни это сейчас проверяли на всех позициях по его приказу. И на записях ближайших нескольких часов нигде не попадался, что тоже уже отследили. Словно мужчина внезапно появился на этом месте десять минут назад, из ниоткуда. Но Никольский в магию не верил. А вот то, что в перекрытии обзора камер наблюдения могли быть какие-то лазейки, вполне допускал. Вопрос: знал ли об этом этот человек и использовал ли это, или «случайно» прошел так, что нигде не попал в объектив?

В случай, кстати, Борис тоже верил не особо.

Так что вариант оставался один. И скорее Никольский предположил бы, что и сейчас этот мужчина стоял на самой периферии поля обзора камеры только потому, что никак не мог этого избежать. А еще, Никольский обладал хорошей памятью, и мог бы поспорить, что знает – кого видит на мониторе. Пусть и сталкивался с этим человеком лишь раз и то, мимоходом при посредничестве Боруцкого. А вот что в холле здания, где сейчас находится и Константин Соболев, и его жена, делает наемный убийца высшего класса – он понятия не имел. Но ничего хорошего от этого ждать не собирался. А приказал всем перейти на экстренный режим и вместе с еще четырьмя охранниками, лично пошел к лифту, удостоверившись, что его пистолет заряжен и свободно извлекается из кобуры.

Сегодня она чувствовала себя не настолько уж и бодрой. Так что даже требование Нестора спуститься, чтобы пообедать, скорее порадовало Ингу. Она не выпалась, и суматоха дел отеля только усилила внутреннюю напряженность, которую Инга ощущала с самого утра. Ей вновь снился тот же сон, что и в воскресенье, и вчера, и позавчера, собственно. Или очень-очень похожий. Инга не стала бы спорить, что все детали совпадали стопроцентно, однако в целом, сны эти ежедневно повторялись. И вроде бы хорошие сны, полные какого-то неторопливого и размеренного спокойствия, абсолютной гармонии внутри Инги – ощущения, от которого она так давно отвыкла.

Причем, эта гармония и покой касались не ее одной. Нестор, так же присутствующий в этих снах, тоже буквально излучал ощущение равновесия и спокойствия, правильности своего места в мире. В этом конкретном месте, в лесу из высоких деревьев, на узких каменистых тропинках, поднимающихся вверх среди мощных стволов, у каких-то мелких, совершенно неизвестных Инге ручейков.

И вот это вот различие, даже в чем-то несоответствие с реальностью, и заставляло Ингу просыпаться среди ночи, пытаясь все понять и осмыслить. Чем, само собой, она вызывала недовольство любимого, ибо он считал, что ее отдых, да и весь график жизни, должен быть соблюден именно так, как Нестору это видится. И Инге даже казалось, пусть она все еще не до конца приняла и поверила в то, что он как-то сказал про мольфара, но, ладно, за время их знакомства много чего странного происходило, так что Инга уже вполне могла допустить, что Нестор каким-то образом влияет на ее сон. Потому что ей ни разу не удалось нормально все обдумать или обсудить с ним. Просыпаясь среди ночи, она едва ли не сразу словно проваливалась в летаргию, уже без снов и воспоминаний.

А Нестор только и снизошел допустить, что ей Карпаты снятся, когда один раз потребовал рассказать, почему Инга просыпается. На этом обсуждения с его стороны закончились. Да Инга и не настаивала особо. Ну что такого? Ну снятся Карпаты. Ну и что, что она там ни разу не была. Зато всегда хотела побывать, еще с детства, это правда, просто никак не удавалось время выкроить, у нее отпусков лет десять не было. Ну а последний год вообще не считается. Вот, видимо, и начали они ей сниться после немногословных рассказов Нестора о последних месяцах.

Но и просто забыть про эти сны – не могла. Слишком непривычным там выглядел Нестор. Таким, каким она его не знала и не видела никогда, даже несмотря на то, что сейчас он был куда уравновешенней и спокойней, чем ранее. И ей очень хотелось бы, чтобы Нестор и в жизни стал таким, как в этих снах.

И вот тут возникал диссонанс, так она впервые задумалась еще об одном, о чем знала давно, однако не соотносила с их жизнью и новой, совместной реальностью. Инга помнила, кем «работал» Нестор. Странно ли то, что только во сне наемный убийца может быть спокойным и расслабленным? Вряд ли. С другой стороны, он ведь не работал в последние месяцы, как она могла это представить. Он же рядом с ней был, как неоднократно акцентировал это. Значит, вряд ли брал и... исполнял «заказы».

Во всяком случае, она надеялась и очень хотела в это верить. Инга не могла без Нестора, она знала точно, но вот принять специфику его работы как данность... Над этим Инга все еще работала, и не сказать, чтоб успешно. Более того, могла откровенно

признаться себе, что ей очень не хотелось, чтобы он возвращался к «рабочей деятельности».

Может быть потому она и видела все эти сны? Могло ли ее подсознание решить, что в Карпатах Нестор нашел мир с собой? Или это просто сны и ей стоит послушать любимого, выкинуть все из головы и нормально выспаться?

Инга пока не определилась с вариантом.

Лифт тихо прозвенел, останавливаясь на этаже холла, и она вышла, уже зная, где ее ждет Нестор, он теперь всегда заботился о том, чтобы оказаться первым, кто попадает в ее поле зрения. Потому Инга с радостью улыбнулась ему, почти позабыв о своих размышлениях и снах, и поторопилась отойти, потому как услышала звоночек прибытия соседнего лифта – не хотелось столпотворения. Как бы там ни было, но даже рядом с Нестором ей пока не было совсем комфортно среди множества незнакомых людей. Точнее, только с ним она хоть как-то могла это адекватно выносить.

Однако, уже через несколько секунд, поведение самого Нестора ее насторожило, заставив пульс участиться, а мышцы груди напряженно сжаться.

Не успела Инга пройти и пяти шагов, как Нестор, до этого спокойно и даже с удовольствием наблюдавший за ней (пусть это удовольствие и читалось только в его глазах), вдруг резко «включил» тот самый свой режим, которого Инга не ощущала уже довольно долго. А сейчас ее это словно по нервам ударило, по коже прошло волной наэлектризованного воздуха, расходящегося от Нестора. Вытянувшись, словно стал еще выше, Нестор неожиданно стремительно двинулся к ней навстречу, быстро осматриваясь. Он вдруг стал предельно собран и сосредоточен, изучая нечто за спиной Инги, на что она еще даже оглянуться не успела. В два широких шага оказался впритык с Ингой, которая, все еще не понимая, что происходит, уже начинала уступать расползающейся по телу панике, ощутив себя перенесшейся на несколько месяцев назад.

И она не успела ничего спросить у Нестора, как он крепко обхватил ее рукой и одним движением задвинул Ингу себе за спину, одновременно отступив с нею в бок. Теперь Инга оказалась между любимым и колонной холла. Слева от нее стояла кадка с раскидистой пальмой, а впереди, перед Нестором, прикрывающим ее собой, Инга с удивлением увидела Никольского, начальника безопасности Соболевых. Вместо с ним в их сторону подходило еще четверо охранников, и двое двигались справа. Причем, судя по их настороженным и сосредоточенным выражениям лиц, по напряженным движениям и такой вот сгруппированности, становилось понятно, что Нестор им известен. И, видимо, по роду своей профессиональной деятельности.

Однако, глядя прямо на Никольского, Инге показалось, что его весьма удивило присутствие здесь ее самой. А так же того, что сделал Нестор. И несмотря на всю панику, которая все настойчивей пыталась завладеть ее разумом, подумалось, что надо бы как-то объяснить: Нестор здесь именно из-за нее и не несет никому угрозы. Правда, Инга вполне могла допустить, что такое положение дел может и измениться, если что-то всерьез начнет угрожать им. Или ей. А несколько человек с оружием, которое они не очень-то и прятали, Нестор очень даже мог расценить, как такую угрозу.

Но он был один, а охранников минимум семь, и может она еще и не всех видела. Оттого страх за Нестора перекрыл все остальное, и Инга постаралась выдвинуться хоть как-то вперед, чтобы все прояснить Никольскому. Впрочем, кажется, Нестор и сам понял, что необходимо внести некоторые пояснения.

Вновь задвинув ее назад, едва только Инга попыталась сделать шаг, он обратился к Борису:

– Я не работаю. Это только мои дела, – медленно и раздельно, с паузами произнес Нестор.

И даже выставил перед собой руки, словно показывая, что у него пустые ладони.

Никольский в этот момент показался Инге несколько растерявшимся. И все же не выглядело так, словно бы он расслабился после слов Нестора. Наоборот, Борис еще больше нахмурился и постарался поймать ее взгляд.

– Инга, с вами все в порядке? – подойдя к ним уже чересчур близко, насколько Инга понимала предел, воспринимаемого Нестором комфортного расстояния с другими людьми для относительно спокойного общения, обратился Никольский к ней.

Инга моргнула и даже улыбнулась, хоть и нельзя сказать, что расслабилась:

– Да, разумеется. Все хорошо. Мы обедать собирались, – привстав немного на носочки, чтобы хоть как-то выглянуть из-за плеча Нестора, попыталась объяснить она.

Никольский, кажется, совсем не успокоился. Его взгляд метнулся от Инги к Нестору, который продолжал закрывать ее собой и держать руки на виду. Но Инга очень хорошо чувствовала, насколько он напряжен и насторожен.

Взгляд Бориса вернулся к ней:

– Инга, вы, конечно, знаете, кто это? – зачем-то уточнил он. – Учитывая все, что было весной. И вы уверены, что собирались обедать с этим человеком?

Несмотря на понимание неразумности подобного поступка, ему хотелось сильно врезать Никольскому. Все эти дурацкие вопросы отнюдь не помогали Инге расслабиться. Как и толпа охранников, сгрудившихся вокруг них.

Он великолепно ощущал сковавший ее страх и панику. А учитывая то, что случилось всего неделю назад, Нестор не мог исключить вероятность нового срыва у Инги. И это вызывало ярость у него внутри. А сейчас контроль был как никогда необходим, факт. Особенно для того, чтобы уладить все скорее и быстрее успокоить Ингу.

Тем не менее, прекрасно понимая, отчего Никольский настолько насторожен и для чего явился в такой компании, и даже осознавая, что этим он в какой-то мере признает умения Лютого, оставалось лишь сохранять неподвижность и демонстрировать отсутствие какого-либо скрытого намерения. Что он и делал.

Инга же в этот момент, откровенно игнорируя его попытки полностью прикрыть ее, оперлась на его плечо и выглянула из-за спины Нестора.

– Да, я прекрасно знаю, кто он, Борис. И почему вас удивляет то, что я собираюсь обедать с человеком, который трижды спасал мне жизнь? И с которым я живу?

Нестор даже растерялся. И не смог бы вот так, сразу сказать, какая из эмоций в нем преобладает: удовольствие и гордость от того, что она и не пытается ничего скрыть; дискомфорт от этой открытости его, их жизни перед кем-то еще (Нестор не привык и не считал необходимым перед кем-либо отчитываться); или веселье от довольно ошарашенного вида Никольского. Очевидно, для него стало новостью, что одна из помощниц Карины живет с наемным убийцей. Просчет, который недопустим ни для одного главы службы безопасности. Разумеется, Никольского извинял тот факт, что жила Инга с Нестором лишь неделю, и когда ее проверяли – ничего подобного обнаружить не могли. Однако Инга этот момент упустила из виду и, кажется, не могла понять, чем так расстроила Никольского. Зато

отвлеклась немного, Нестор ощущал, как выравнилось ее дыхание. И потому решил обратить внимание Инги на этот нюанс позже.

Кроме того, именно сейчас, прерывая немую удивленную паузу, у Никольского зазвонил мобильный и он не преминул ответить, кивком головы велел помощникам следить за Нестором.

Факт, что это, а также вынужденное бездействие раздражали все сильнее. Но безопасность Инги перевешивала это раздражение. Так что он просто стоял, внимательно наблюдая за всем.

– Борис, что творится?

Голос Соболева ясно указывал на то, что начальник Бориса заметил усиление охраны и хочет быстро и точно узнать, с какой радости это случилось.

– У нас в холле – Лютый, – достаточно лаконично и емко, все объяснил Никольский.

Он точно знал, для Константина этого достаточно. И не ошибся.

Тихо ругнувшись в трубку, наверняка, чтобы не услышала Карина, которую по приказу Бориса должны были «настоятельно попросить» перейти к мужу в кабинет, Константин на несколько секунд замолчал.

– Кто его нанял, ты выяснил? Предложил сотрудничество? На кого...

– Он говорит, что не работает и здесь в личных целях, – быстро отрапортовал Борис, прерывая Соболева. – Обедает с Ингой Поныненко. Она тоже здесь. Администратор отеля, которая...

– Я помню. – Теперь Костя прервал его. Еще пару секунд обдумал. – Что ж, мы с тобой были правы, когда усомнились, что она сумела убить Лютого. Однако совместный обед... Совсем неожиданный поворот, учитывая то, как они расстались.

Что тут возразить? Борис был полностью согласен с мнением Константина.

– А давай их сюда, пригласи ко мне в офис. На месте со всем и разберемся, – велел Соболев после некоторого обдумывания, и положил трубку.

Борис вновь посмотрел на Лютого, почему-то испытывая странное и довольно неприятное ощущение, что этот человек если не знает все, о чем они с Константином говорили, то о многом догадывается. Слишком пронизательным был его взгляд и каким-то... Пронзительным, что ли.

Никольский много кого и чего повидал за время службы в органах, один кум Соболева, Боруцкий, чего стоил, а уж творил что когда-то. И ничего вот, сейчас и не скажешь о нем такого, если на улице встретишь. Научился скрывать свое нутро Вячеслав, или ради жены и дочери старался. А Лютый, напротив, даже не пытался сейчас хоть как-то пригасить опасность, которую просто излучал.

– Вас Соболев приглашает к нему, чтоб все обсудить, – спрятав телефон, передал приглашение Борис.

Он не видел повода что-то выяснять с Соболевым. Лютый не задел ни один его интерес и ничем, даже на каплю, не поставил под угрозу жизнь или интересы самого Константина и его семьи. В конце концов, он четко объяснил все Никольскому, да и Инга ничего не скрывала.

Но в то же время Нестор прекрасно понимал, что именно это за «приглашение», да и расклад сил здесь был не в его пользу. Факт.

Кроме того, и это был основной аргумент для Нестора, Инга снова прижалась к нему всем телом и тихо принялась шептать на ухо:

– Пожалуйста, Нестор. Мне необходимо все объяснить Карине.

Ему в какой-то мере даже стало интересно, действительно ли Инга считала, что он сейчас откажется и, убрав всех этих охранников, уведет ее отсюда? Настолько безграничная вера его женщины действительно вдохновляла. Тем более что у него при себе имелся лишь нож, огнестрельное оружие Нестор преднамеренно не брал из машины, не желая в случае чего обострять конфликт с охраной, чтобы не подставлять Ингу. Мысленно усмехнувшись, Нестор кивнул и крепко сжал ладонь Инги. После чего глянул на Никольского, демонстрируя, что они готовы «принять приглашение».

Инга с самого начала знала, что любые попытки объяснить ситуацию – станут проблемой. Потому, пусть и не намеренно, но тянула с разговором. Теперь откладывать было не куда. Однако задача от этого не стала легче.

Стоило им зайти в кабинет Константина Соболева, где Инга до этого момента еще не была, как атмосфера стала совсем напряженной. Карина, однозначно, еще не избавилась от уверенности, что Нестор – воплощение вселенского зла. Во всяком случае, взгляд ее говорил именно об этом.

– Инга, – Карина поднялась с дивана и обратилась к ней, едва Никольский закрыл двери кабинета.

Кроме них самих, в помещении находилось еще двое охранников, не тех, что были с Никольским внизу. Эти находились в кабинете вместе с Соболевыми.

– Карина, – так же решила не ждать Инга, надеясь все объяснить до того, как ситуация станет критичной. – Все не совсем так, как это вам показалось. Просто я тогда была не в том состоянии и не могла нормально объяснить.

Она попыталась обойти Нестора и приблизиться к Карине. Но он не отпустил, словно бы не понимал, что это важно. Инга оглянулась и с мольбой глянула на Нестора, надеясь, что он поймет ее и без слов. Но он вместо этого покачал головой, внимательно глядя в ее глаза. А потом повернулся и посмотрел на Соболева.

Константин уже так же встал и подошел к жене. И смотрел на Нестора очень сосредоточенно.

Словно дожидаясь этого, внимания Соболева, Нестор произнес:

– У меня нет заказа. Я не перейду дорогу Борову. Вы – кумовья.

Он сказал тихо, но, как и обычно, Инге показалось, что низкий и скрипящий голос Нестора перекрыл все шорохи от присутствия такого количества людей в ограниченном пространстве кабинета. И это четко услышал каждый.

Соболев некоторое время (на протяжении которого в кабинете продолжала держаться звенящая тишина) смотрел на Нестора. А потом так же молча кивнул. Перевел взгляд на Никольского, который так же показался Инге несколько успокоившимся.

Но Карина, похоже, не разделяла всеобщего взаимопонимания.

– Инга, я не знаю, чем он заставил тебя подчиниться, но знаю, что такие люди умеют насаждать свое мнение. А ты должна вспомнить, в каком состоянии вернулась. И что он с тобой сделал!

Карина не казалась беспокоящейся о том, что говорит сейчас о наемном убийце и обвиняет его. Наоборот, было заметно, что ею владеет сдерживаемая ярость.

– Он не влияет, Карина, – Инга пыталась найти слова и аргументы, чтобы объяснить.

А еще, не зная, сколько именно этим людям известно о Несторе, но памятуя, как именно он сообщил ей свое имя, попыталась собраться и следить за словами, чтобы не сказать ненужного и лишнего.

Мужчины же, похоже, уже все выяснили и молча наблюдали за ними, даже не пытаясь вмешаться. Это немного напрягало – выяснять отношения при таком скоплении людей. Тем более что у Инги начало формироваться стойкое убеждение, будто Нестору довольно забавно наблюдать за ее попытками объяснить и обелить его репутацию. Вот светилось нечто такое, веселое и смешливое в самой глубине его синих глаз.

Что как-то раздражало.

– Я просто люблю его. И на самом деле мне с ним хорошо. Очень, – отвернувшись от Нестора, она вновь глянула на Карину.

– Я видела, как тебе было с ним хорошо, – даже с грустью какой-то, но ничуть не поверив ей, скривилась Соболева.

– Вы же сами сказали, что я выгляжу и явно чувствую себя намного лучше. В понедельник, когда я вернулась, – прибегнула к последнему аргументу Инга, почему-то испытывая какую-то внезапную апатию. Стало как-то ясно, что Карину будет очень сложно переубедить, если вообще возможно.

– Да, отдых пошел тебе на пользу, как и Валентин Петрович советовал. – С этим Карина не спорила.

– Я чуть с жизнью не покончила в прошлый четверг, – опустошение как-то нарастало. – Уже начала резать вены, когда он меня остановил. Он больше месяца рядом был, я даже не знала.

Инга отдернула кофту, чтобы под рукавом стали видны шрамы, за заживлением которых Нестор до сих пор внимательно следил.

Карина нахмурилась и даже дернулась в ее сторону, похоже, искренне удивленная этой новостью.

Но в этот же момент Нестор яростно рыкнул и перехватил ее руку, крепко оплел запястье своими пальцами и сжал.

Инга знала, что ему до сих пор это тяжело дается. Вспоминать, как она резала вены. И он до сих пор не очень доволен Ингой за такой поступок. Ему было больно и опустошающе видеть эти шрамы.

Но остальные, похоже, поняли этот поступок иначе. И в кабинете опять сгустилось напряжение. Взгляды всех сосредоточились на Несторе. Он это ощутил и тоже собрался, вновь отодвинув Ингу назад, «спрятав» ее между собой и стеной.

А Ингу вдруг словно озарило. И решение стало очевидным до невероятности.

Она не сможет никому ничего доказать. Не потому, что Карина или Соболев не хотят ей верить. Хотят, наверное. И в какой-то мере даже могут постараться сделать вид, что все в порядке. Но для них он всегда будет наемным убийцей. И любой его поступок, любое движение или действие будем в первую очередь восприниматься ими как насилие или угроза, возможно даже подсознательно.

Она не хотела, чтобы он так жил из-за нее. Сама не могла представить, как сможет жить в подобной атмосфере и ситуации. И сны вспомнились, и ее утренние мысли.

Потому Инга мягко провела ладонью по плечу Нестора, словно пытаясь дать ему почувствовать, что все в порядке. И осторожно выступила на пол шага из-за его спины,

стараясь не пересекать границу комфорта любимого.

– Карина, – обратилась Инга к женщине, которая столько ей помогала. – Я бесконечно признательна вам за все, что вы для меня сделали. Никогда в жизни не забуду об этом, и если что-то будет только в моих силах – всегда помогу и сделаю все для вас. Но... – Она замолчала и прикусила губу. А потом улыбнулась. – Я увольняюсь. Очень вас прошу, не воспримите это, как неблагодарность. Я просто не могу иначе. И не хочу, чтоб он так... – Инга взмахнула рукой, обводя кабинет, словно делая акцент на ситуации. – И не потому, что он заставляет меня или к чему-то принуждает. Он просто мой человек. Понимаете?

Казалось, что едва Карина услышала об увольнении, она собиралась резко оспорить идею Инги. Но что-то в последних словах заставило ее промолчать. И она почему-то повернулась к Константину, который подошел к ней ближе.

Молчали и остальные, похоже, не считая себя в праве вмешиваться. Только Нестор потянул ее за руку и попытался одернуть, призывая к разуму. Но Инга погладила его пальцы, показывая, что все хорошо. И с ней все нормально.

– Инга? – хрипло позвал он тогда, видимо, не желая отступать и не будучи согласным с ее поступком. Похоже, Нестор решил, что из-за него она отказывается от своей жизни и возможности свободы воли, принятия самостоятельных решений.

Она повернулась лицом к нему:

– Все в порядке... – Инге пришлось замолчать, чтобы не сказать вслух его имя. Но Нестор, казалось, это понял и «услышал». – На самом деле, даже хорошо. Я в Карпаты хочу. Странно, правда? – Она улыбнулась совершенно искренне. – Отвези меня туда, а? Очень хочется посмотреть. Всегда хотелось.

Нестор казался удивленным. Что для любого другого человека, наверное, выглядело бы как шок и ошеломление.

И в этот момент заговорила Карина:

– Я понимаю, Инга. Это я понимаю. Хоть и не уверена, что ты не совершаешь ошибку.

А вот Инга не сразу сообразила, что Соболева ответила на ее вопрос про родного человека. А когда осознала, кивнула, действительно испытывая благодарность к этой женщине.

– Спасибо, Карина, – больше не пытаясь ее переубедить, искренне поблагодарила она. Соболева кивнула, хоть по ее лицу и нельзя было сказать, что она довольна.

– Я выполню любой заказ без оплаты. Если вам это когда-то потребуется. В благодарность, что тогда позвонили Инге, – совершенно неожиданно вдруг произнес Нестор.

Обращался он к Константину и Карине. Соболев, казалось, взвешивал это предложение пару секунд, а потом сдержанно кивнул. Даже с каким-то уважением и признанием Нестора, что ли.

Инге этого меньше всего бы хотелось. Однако... Она понимала, что Нестор предлагает то, что считает правильным и достаточно ценным.

На этом все слова вдруг показались Инге исчерпанными, и она ощутила потребность выйти и из кабинета, и из самого здания. Странно, но ей сейчас просто невыносимо захотелось в Карпаты. Немедленно. Хоть прямо сейчас выезжай.

– Я вещи свои заберу, поможешь? – попросила она Нестора, и так прекрасно видя, что он ее одну не оставит. Но в тоже время нуждаясь в каком-то предлоге, чтобы уход отсюда не выглядел бегством.

Нестор кивнул и первым пошел к двери, ведя за собой и Ингу. Их никто не остановил, так что они спокойно вышли из офиса Соболева и направились к лифту.

Собирали вещи как-то молча. Хотя, им тишина не мешала. Да и собирала в основном Инга, Нестор просто находился рядом, то и дело помогая что-то достать или поддержать. Вещей оказалось не особо много, так что с этим она управилась быстро.

– Отнесешь в машину? – наблюдая, как легко Нестор поднял коробку, попросила она. – Я еще немного задержусь, мне надо передать ведомости и рассказать, что к чему. Карине же потом кого-то другого надо будет в курс дела вводить.

Любимый кивнул не сразу, но все же согласился с ее планом. Правда она чувствовала, что именно в этот момент Нестор не очень хотел ее оставлять.

Так как Инга посвящала достаточно много времени работе все эти месяцы, да и в принципе очень скрупулезно вела отчетность и документы, передача дел прошла так же быстро. Карина все это время молча слушала отчет Инги и просто брала документы, которые она ей отдавала. И только в самом конце, когда Инга уже замолчала и поднялась, чтобы уйти, Соболева внимательно глянула на нее:

– Я очень надеюсь, что ты не ошиблась, Инга. И он действительно тот, с кем ты на месте. Но если все же что-то случится...

– Он действительно тот, Карина. – Инга прервала ее сомнения. – Но я очень благодарна вам. За все. И даже не представляю, как смогу отблагодарить за всю вашу помощь.

– Мне не нужна благодарность, Инга, – Карина почему-то слабо улыбнулась. – Просто не ошибись. Это будет лучшей благодарностью. Но... – Она помолчала. – Я знаю, что значит встретить своего человека. И если это действительно так... Надеюсь, вы сумеете со всем справиться. – Карина не казалась убежденной, когда это ей говорила.

Это заставило Ингу улыбнуться:

– Справимся, Карина. Спасибо.

После этого она вышла из кабинета, почему-то уверенная, что они больше никогда с Кариной не встретятся. Это рождало легкую грусть внутри, Карина стала ей не чужим человеком. Но в то же время, в сердце Инги откуда-то родилась убежденность, что это к лучшему. Для обеих. И у каждой из них все, собственно, и будет хорошо, потому и не случится больше встреч.

Нестор ждал ее в машине, как Инга и просила. Спокойно сев на место пассажира, она наклонилась, и сама крепко обняла его, со всей силой, так что руки даже заболели.

– Люблю тебя, – прошептала Инга ему в шею.

Он обхватил Ингу своей рукой поверх ее рук, делая объятия еще крепче. И с такой характерной для Нестора жадностью прижался губами к макушке Инги.

– Ты не должна уходить. Или в Карпаты. Это не то, что ты обязана или... – ему трудно было подобрать слова, чтобы выразит свои эмоции и чувства.

Там, где дело касалось логики и расчета, Нестор не испытывал никаких затруднений, она уже это замечала, и не раз. А вот чувства – это было нечто, словно на грани понимания Нестора. И оттого, он будто наощупь брел в этом пространстве, по наитию или беря пример с нее самой, а выразить все словесно – получалось с трудом.

– Но я и правда хочу в Карпаты. Честно, – она подняла голову, чтобы он мог видеть ее глаза. – Еще с детства хотела.

Он смотрел с каким-то сомнением и недоумением. Но больше ничего не говорил. Еще раз с нуждой прижался к ее лицу, глубоко вздохнул. После чего отпустил Ингу, повернулся к рулю и завел машину.

Выехали они только следующим утром. Рано, еще и пяти не было. Хотя, если откровенно, Инге хотелось отправиться в Карпаты едва они вчера покинули отель. Но Нестор, видимо, так и не получивший веских доводов, оправдывающих ее внезапное рвение отправиться через всю страну, не торопился. Инга же никак не могла подобрать убедительной причины и, что хуже, теряла слова, глотая буквы, почему-то меняя местами слоги, невнятно старясь все ему объяснить: и то ощущение, что сам Нестор не будет здесь на своем месте, и свою растерянность, грусть из-за этого. Пыталась донести, как хочется, чтобы он был умиротворен, счастлив. Спокоен. И чтобы люди его не воспринимали, как...

Сложно было все это говорить, когда Нестор просто сидел напротив и молча слушал сбивчивые и путанные слова.

– Меня и в Карпатах не особо любят.

Вот и все, что он ответил. Причем, без каких-то эмоций.

Это на какое-то время сбило Ингу с толку. Она умолкла и в полной тишине сама смотрела на него. Нет, у нее и сомнения не возникло, будто бы Нестор переживает по подобным причинам. Но она переживала. И ее это задевало. И расстраивало, и злило такое отношение к ее любимому, пусть рациональной частью сознания она понимала подоплеку. И Инга попыталась это ему рассказать. А еще то, что самой очень хочется в Карпаты. И даже не прихоть, а какая-то потребность в этом вдруг в вены въелась, и нарастает. Даже сейчас зудит внутри, разъедает, подталкивает, сотрясает тело дрожью. Но она не требует, чтобы он оставался там надолго, если не будет иметь такого желания. Просто ей очень хочется попасть в Карпаты. На какое-то время. А после они могут отправиться туда, куда он посчитает более верным.

– Завтра утром. В пять.

Потратив несколько мгновений на внимательное изучение ее лица и глаз, и увидев там нечто, доступное только ему одному, очевидно, наконец выдал Нестор. И Ингу обдало неожиданным облечением, словно теплым ветром, унимая этот непонятный тремор. Она даже выдохнула и как-то беззаботно улыбнулась, впервые за весь день. Увидев это, Нестор и сам будто бы расслабился: и пусть внешне это проявилось лишь мимолетной сглаженностью напряженных линий у синих глаз, Инга заметила. И почувствовала себя еще лучше.

Вещи он собирал сам. Понаблюдал минут десять за тем, как Инга растерянно стоит у шкафа, подошел и отодвинул ее, отправив за документами, а сам принялся перебирать полки, вынимая то, что считал необходимым.

Ехали они с остановками: так как Нестор не видел причин для сумасшедшей гонки в этом путешествии, то и предложения Инги о перекусе в машине при движении – не учитывались. Не верил он и ее заявлениям о том, что она ничуть не устала. Впрочем, тут Инга не настаивала, понимала, что отдых необходим и самому Нестору, который не допускал ее за руль. Так что обедали они в кафе в городах, которые проезжали.

Разумеется, на ночь они тоже остановились. Правда, Инге становилось все сложнее справиться с нетерпением и вернувшейся потребностью немедленно добраться до Карпат. И Нестор, как и всегда, прекрасно улавливая ее настроение, не настаивал на долгом отдыхе, так что, ближе к вечеру второго дня они все-таки добрались до его дома.

Последние часа три Инга не могла оторваться от окон, всматриваясь в пейзажи, которые они проезжали. Местность менялась, неуловимо, но так очевидно. А она всматривалась в эти непривычные высокие деревья и вздымающиеся холмы, покрытые уже сухой травой, в уже проглядывающие на горизонте очертания гор – и не могла насмотреться. С каждым преодоленным километром у нее усиливалось странное ощущение какой-то жажды, которую Инга словно бы утоляла этими видами, воздухом этих краев, который отчаянно вдыхала. Ей казалось, что она никогда не «напьется», не утолит этой жажды, если хоть на секунду оторвет взгляд. Вот Инга и вглядывалась. Нестор не возражал, позволяя ей наслаждаться. Ничего не сказал и тогда, когда Инга в каком-то немыслимом переизбытке ощущений и чувств, которые даже не могла внятно выразить, молча схватила его за руку. Крепко сжал, сплел их пальцы, не мешая, не препятствуя ей пропитываться этой атмосферой, а словно поддерживая. И дело было даже не в красоте пейзажей, не в их непривычности для нее. Нет. Просто Инга словно очутилась там, где должна была сейчас быть. В правильном в этот момент для себя месте. И вспомнилось, как она практически так же чувствовала себя, когда Нестор остановил ее, не дав перерезать вены, когда она в его руках очутилась.

Сам дом Нестора, куда они добрались уже в сумерках проехав какое-то село, которое Инга не смогла толком рассмотреть, заставил ее улыбнуться. Не в приступе веселья, и не потому, что он был смешным. Просто опять нахлынули воспоминания: теперь о том времени, когда они жили в старой хате, прячась. И пусть этот дом отличался внешне кардинально, ощущение было очень схожим.

Сразу бросалось в глаза, что дом восстанавливали совсем недавно и большая его часть была практически отстроена заново, из дерева. Инга в этом не разбиралась, потому не могла определить на глаз, из какого именно. Были в нем и кирпичные части: задняя стена, вроде бы. Но Нестор ее не пустил на осмотр, заявив, что для этого будет время завтра. Вообще, она в принципе мало что смогла рассмотреть: нависающий козырек крыши над открытой верандой-крыльцом, темнеющий силуэт какого-то сарая сбоку. И темную массу леса, подступающего едва ли не к самой задней части дома. Леса совершенно другого, отличного от того, что рос за той хатой. Он даже шумел иначе. И, что странно, совершенно Ингу не испугал. И, конечно же, довлеющие над всем этим горы, которые просто казались частью всего, самой жизни тут.

Потом она мало что могла конкретизировать из своих воспоминаний о первых днях в Карпатах: впечатлений было настолько много, и каждое казалось таким ярким, отчетливым, рельефным, что сознание просто не успевало их все осмысливать и анализировать. И они, эти впечатления, мгновения, эмоции, просто сбивались в закромах ее памяти пушистым ворохом, внося сумбур. Но в тоже время, этот бардак странным образом гармонизировал ее сознание. И Инге стало гораздо легче и лучше уже через несколько дней. Это заметили они оба. Более того, к вящей радости Нестора, она набрала вес. Килограмма два точно. Не вернула, конечно, тот вес, что имела весной, но это итак показалось Инге огромным достижением, учитывая печальный опыт последних месяцев.

Через неделю, в какой-то мере насытившись странно-необходимым единением с природой, небом, даже влажной и сырой землей, впитав пальцами непривычно-приятное ощущение мягкого мха под руками; наконец-то изучив до последних мелочей заросшую поляну впереди дома, заменяющую двор, исследовав под наблюдением Нестора сарай –

Инга попросилась в село. До этого Нестор дважды ездил за покупками и продуктами один, она же, с каким-то детским восторгом, пыталась «освоить» все то, что сейчас являлось их домом.

Правда, дважды же за эту неделю их уединение было нарушено: к Нестору приходил пожилой уже мужчина, а через день, так же, не особо молодая женщина. Приходили они за помощью и советом, с удивлением поняла Инга, сидя в небольшой комнате, которую они использовали как спальню, и прислушиваясь к тому, что говорилось в соседнем помещении. А еще, пришли эти люди со страхом.

Возможно от того, что он уже говорил ей об этом, или из-за в принципе нетривиальных событий последнего полугодия – Инга теперь как-то моментом приняла, что любимый – мольфар. Тогда, пару недель назад, в реальности кухни ее квартиры, поверить и принять подобное утверждение своим умом Инге казалось непростым делом. А сейчас, только увидев этих людей на краю поляны – сразу поняла и встроило эту константу в свою новую картину мира. Инга не пряталась, хоть ей пока и не хотелось чужого общества. Не была она и против того, чтобы Нестор следовал своей сути. Но сам он попросил ее побыть в это время в другой комнате.

– Не хочу, чтобы глазели на тебя. Чтобы болтали, – пояснил он.

Инга не спорила, хоть и сомневалась, что ее так и так не будут обсуждать.

Так прошли их первые дни, и вот Инге захотелось поехать за продуктами с Нестором. Он не очень обрадовался этому, кажется. Не хотел «демонстрировать» Ингу в селе. Но и не запретил, только чуть нахмурился, но кивнул.

Отправились они пешком: день выдался очень хорошим, солнечным, несмотря на то, что предыдущие дни то и дело срывался дождь. Да и температура воздуха была достаточно высока, хоть и не бабье лето уже, конечно. Однако Нестор, собирая их вещи, сгреб чуть ли не весь зимний гардероб Инги, так что она немного тонула в великоватых нынче вещах, но зато не зябла. Идти предстояло не особо далеко, до села было километра полтора. Но раскисшая от дождей дорога, и неумное любопытство Инги, желающей рассмотреть едва ли не каждое дерево и холмик – значительно замедляли продвижение. Нестор не был против.

А вот само село, в отличие от впечатлений предыдущей недели, запомнилось Ингой нечеткой и смазанной картиной. Почему? Она не знала. Но ярких вспышек-кадров, подобных тем, которыми она напилась от природы, в памяти почти не осталось. Только общая атмосфера какого-то настороженного наблюдения за ними со стороны тех людей, которые Нестора знали, похоже, да любопытство тех, кто не имел такого представления. Гул местного переливчатого гортанного говора, в котором Инга почти не разбирала слов, чувствуя себя иностранкой. Да толкотня достаточно типичного сельского рынка. А еще звон колоколов церкви, которую в это посещение Инга так и не увидела.

Она поняла, почему Нестор говорил, что его и здесь не любят, хотя не совсем была согласна именно с такой формулировкой. Она бы скорее сказала, что его опасаются, и даже, в какой-то степени, испытывают мистический трепет. Но уважают. А кроме того, чувствовалось, что даже при таком настороженном отношении, Нестор словно бы превалировал над всеми вокруг. Довлел. И люди это не оспаривали.

К ним никто не подходил на улицах, с ними не пытались заговорить. Быстро взвешивали и продавали то, что Нестор выбирал или, о чем Инга его просила. И у нее даже возникла забавная мысль, что их точно никто не попытается обвесить или обсчитать, не рискнут так

обидеть мольфара.

Но было и исключение из этой прогулки. То, что действительно запомнилось Инге ярко и до последней детали. Вышивка. Стежки красными и черными нитями, которые укладывались замысловатым узором на белое полотно ткани. И морщинистые руки старой женщины, которые держали иглу и пальцы.

Она увидела это не на рынке, а уже позже, когда они возвращались домой, выбрав другую улицу по настоянию Инги. Ей хотелось увидеть, как можно больше, и хоть Нестор, казалось, не особо хотел менять маршрут, все-так молча позволил ей выбирать улицы, следя лишь за направлением, поскольку (и это они оба признавали), ориентироваться Инга совершенно не умела. У одной из хат она и увидела эту старуху. Видимо, из-за теплой погоды, женщина вышла на улицу, чтобы насладиться последним осенним солнцем, и занялась вышивкой здесь же. На лавке около хозяйки стояла небольшая корзинка, из которой торчали мотки нитей всевозможных расцветок и оттенков, а еще подушечка с несколькими иглами.

Двор не был обнесен забором, в отличие от соседних, и даже не осознав этого, Инга приблизилась к старухе. Ее полностью поглотили ловкие и сноровистые движения таких старых на вид рук, очаровало то, как «ныряет» в ткань и вновь появляется игла, оставляя не совсем привычный, местный узор. Хотелось рассмотреть получше, увидеть ближе, вот она и пошла, словно манило ее это полотно и нить.

Хозяйка ничего не сказала. И Нестор ее не остановил. И тоже зашел. Только остановился не рядом с Ингой, а в двух-трех шагах позади, почему-то. А Инга подошла совсем близко, еле удержалась, чтобы не наклониться, чтобы еще тщательней рассмотреть.

– Пробачте, що так. Що без запрошення. Дуже гарно. Можна подивитись?* – понимая, что нарушает все правила приличия и может обидеть хозяйку, попросила Инга, не отрывая глаз от полотна. И очень надеясь, что она поймет обычный украинский, а не их местный говор, который Инга совсем не знала.

– Дивись, дитино. Хіба мені шкода?* – медленно и с улыбкой ответила старуха, не отрываясь от своей вышивки.

Кажется, она догадалась о ее затруднении, и сама постаралась говорить разборчивей, чтобы Инга ее поняла.

Так прошло минут сорок, наверное: в тишине, нарушаемой только звуками улицы, хозяйка продолжала работать иглой, Инга с замершим дыханием следила за этой ворожкой нити, а Нестор без возражений стоял позади.

Наконец, старуха завершила очередной ряд и вколола иглу в полотно, встряхнула кистью руки, будто расслабляя пальцы. Инга с сожалением вздохнула, поняв, что у нее озябли ноги, и как-то сама встряхнулась, словно так и задремала стоя.

– Дякую, – тихо проговорила она, почему-то не в состоянии выразить то, что испытала, наблюдая за работой старухи. Вздохнула, облизала сухие губы. – Дякую, – повторила еще раз, так и не придумав ничего другого.

Хозяйка снова улыбнулась и кивнула. Инга тоже кивнула, на прощание. И уже даже начала отступать, чтобы отвернуться и подойти к Нестору, как вдруг старуха протянула руку и коснулась ее ладони. Пальцы у хозяйки были сухими и очень теплыми. И мягкими.

Инга удивленно обернулась и посмотрела на небольшой моток красной шерстяной нити, которую женщина ей протягивала.

– Йому віддай, – она махнула головой в сторону Нестора, который наблюдал за ними

чуть нахмурившись, но так и не приблизился. Сумки стояли рядом с ним. – Він знає, що з цим робити*.

Инга взяла подарок, чувствуя себя как-то неловко. Но и отказаться после того, как сама напросилась в наблюдатели, виделось некрасивым. К тому же, ей показалось, что и она догадывается, для чего Нестор может эту нить применить.

– Дякую, * – еще раз повторила она, и взяла нитку.

После чего подошла к Нестору. Он все еще молча взял у нее этот моток, глянул на старуху, так и сидящую со своими пальцами. Коротко кивнул. Поднял их покупки и, взяв Ингу за руку, повел ее на дорогу. А она еще три раза оглянулась, заметив, что и старуха смотрит им вслед.

Нестор ничего ей не сказал по поводу этого случая. Даже когда Инга попыталась извиниться, что поддалась порыву, и он оказался вынужден стоять там. Нестор прервал ее оправдания, покачав головой.

– Все нормально, – только и заметил он.

И, конечно же, украсил ее запястье новым браслетом с узелками из той самой красной шерстяной нити.

– Тут такой интересный говор, я почти ничего не понимаю, – поделилась она с ним своей проблемой, наблюдая, как Нестор вяжет узелки. – А ты совсем обычно говоришь. – Инга с интересом глянула Нестору в глаза. – А в детстве ты тоже так разговаривал?

Он кивнул, не отрываясь от своего занятия.

Инге стало весело, когда она попыталась себе это представить.

– Никогда бы не подумала. Честно. Тут все так быстро говорят. И гортанно. И все эти местные слова. А ты – обычно, – она снова не могла подобрать другого определения.

Нестор завязал последний узелок на ее руке. Взял оставшийся моток и аккуратно смотал.

– Я очень старался избавиться от всего, что меня с этим связывало. От всего. Даже от речи, – негромко, спокойно объяснил он.

Инга больше не спрашивала.

Они продолжали обживаться. Уезжать Инге совершенно не хотелось, а Нестор ее не торопил. Даже не спрашивал, когда она планирует возвращаться, и думает ли о таком вообще. Он доделывал в доме то, что было возможно, учитывая сезон и погоду. Провел по всем помещениям электричество, разведя проводку от единственной точки, имевшейся на момент их приезда. Правда, теперь у них провода шли поверху, но Инга смеялась, что сейчас такой стиль в дизайне помещений даже моден. Нестор улыбался, но кажется, только чтобы вместе с ней. Они купили кое-что из мебели: кровать, несколько табуреток и стульев, посуду, которой в доме практически не было. Инга купила занавески, в попытке добавить еще больше уюта дому. Хотя, если честно, и так чувствовала себя очень комфортно и уютно, возможно из-за дерева, которого было здесь так много. Оно казалось ей теплым и светлым.

А вот обеденный стол она попросила сделать Нестора. Сама не знала, откуда такое желание взялось. И он оказался совершенно не против. Более того, Инга была уверена – ему это нравится. Все это: и что-то мастерить, ремонтировать в их доме. И работать с деревом. Стол вышел основательным. Совсем не изящным, но таким добротным и надежным, настолько отшлифованным и гладким, что Инга не могла удержаться, постоянно подходила и касалась досок, словно энергией от него подпитывалась. А Нестор это все

замечал. И был очень доволен. Она это чувствовала.

Инге все так же мало позволялось делать по дому, Нестор то и дело пытался и вовсе усадить ее на табурет. Но она настаивала, без истерик и скандалов. Инга вообще заметила, что стала гораздо спокойней и счастливей, уравновешенней. И мало-помалу ей даже позволялось готовить и помогать ему с уборкой. Правда не всегда, и не сильно. Но она уже и это считала прогрессом. Ну и за покупками они почти всегда теперь ходили вместе. А так же в лес. И в горы. Нестор ее водил по таким тропкам, о которых, казалось, и не знает и не помнит никто, кроме него. Показывал ей совсем маленькие роднички и бурные горные потоки, и позволял наслаждаться всем этим, не торопя и не высмеивая детский восторг Инги.

-
- * – Извините, что так. Что без приглашения. Очень красиво. Можно посмотреть?
  - Смотри, дите. Разве мне жалко?
  - Спасибо.
  - Ему отдай. Он знает, что с этим делать.

Старуху звали Соломией. И вышивала она так давно, что некрасиво было ее об этом спрашивать. Инге она очень нравилась, и чем больше они общались, тем сильнее становилась эта симпатия. А она навещалась в гости к Соломии часто, раза три в неделю точно. Практически всегда, когда они ходили за продуктами. Впрочем, Нестор моментально понял, что для Инги закупки стали лишь предлогом и оправданием желания понаблюдать за тем, как рождается вышивка. Однако, и зная это, он не возражал против визитов Инги. Как и сама Соломия. Наоборот, она всегда радовалась, заведя их в веранде, охотно приглашала заходить внутрь, ведь на улице окончательно похолодало и вот-вот «грозились» выпасть снег. Так что хозяйка давно переместилась поближе к печи. Инга ее понимала, и сама охотно садилась к теплу. А вот Нестор, который, само-собой, и не думал позволять Инге гулять в одиночестве, всегда оставался в веранде. Поначалу Инга поражалась, как это он позволяет ей находиться вне пределов его внимания, да еще и с кем-то чужим, хоть и с пожилой женщиной?

Но Нестор ограничился на ее интерес достаточно скупым ответом:

– Не причинит зла.

Инга не сразу поняла, что он имел в виду, вроде и так ясно, что не будет старушка на нее кидаться, а любимый не особо торопился пояснять свои слова. Однако, поскольку не препятствовал ее визитам и этому общению, особо на ответах она не настаивала, решив «не будить лихо».

Так что она продолжала ходить в гости к Соломии. Завороженно наблюдала за тем, как ловко эти старые и даже какие-то сухонькие пальцы управляют с иглой, нитями и тканью. Слушала ее рассказы, еще во многом малопонятные из-за говора, стремительные и перекастистые, словно горные родники, которые ей показывал Нестор. И искренне наслаждалась этим временем. Иногда, когда они бывали у Соломии в гостях, к ней заглядывали и другие жители села. Правда, присутствие Нестора заставляло их вести себя настороженно. И они боязливо, пряча осторожное любопытство при виде Инги, проскальзывали бочком в двери веранды, чтобы забрать вещи. Те, которые Соломия и вышивала: рушники, сорочки, платки, и многое другое. Как-то раз Инга даже с удивлением увидела вышитую тонкую ленту, то ли на руку, то ли на волосы, и пеленку. Настоящую детскую пеленку, вышитую таким замысловатым и, в тоже время, настолько простым узором, что сложно было отвести глаза от стежков. Казалось, они завораживали взор. И сколько бы раз она не приходила сюда, какое количество часов бы не наблюдала за появлением вышивки – не утрачивала того же внутреннего трепета, который испытала, увидев Соломию за работой впервые.

А Соломия не скупилась на разговоры. И о своих соседях рассказывала немало, снабжая каждого проходящего к ней емкой и очень красочной характеристикой. И не обидной, не насмешливой, чтобы там она об этих людях не знала. А просто описывающей. Но, вроде как, даже с пониманием ко всем людским слабостям, которые этих самых людей обуревали. Так что и в сплетнях ее невозможно было бы, да и не хотелось обвинить. И спустя несколько недель Инга ощущала себя знакомой едва ли не со всем селом, правда заочно.

Однажды, спустя месяца два после их первого знакомства, Соломия ее удивила: зайдя в дом при очередном посещении, она заметила, что на столе лежит небольшой отрезок полотна, несколько мотков ниток, и подушечка с иглами. Зачем это все там находилось, казалось совершенно непонятным, поскольку сама Соломия сидела в другом углу у печи. И у ее ног стояла неизменная корзинка с похожим набором. А склонностью к беспорядку хозяйка не отличалась, насколько Инга успела заметить.

Впрочем, недоумение ее длилось недолго.

– Давай, присоединяйся. Хватить глазеть. Уже насмотрелась за это время, – едва заведя ее на пороге, сурово распорядилась Соломия. И вернулась к своему шитью.

Инга растерянно оглянулась на Нестора, который стоял на пороге комнаты. Ей нравилось наблюдать, однако даже в голове не укладывалось, что и сама может попробовать. Или что у нее может выйти нечто, хоть отдаленно подобное творениям Соломии.

Нестор молчал. И хмуро сверлил взглядом хозяйку дома. Соломия, будто почувствовав этот его взгляд, вновь вскинула голову. Посмотрела прямо в глаза Нестора. Поджала губы. Хмыкнула.

– Нечего глядеть. Не станет с ней ничего плохого. Игла и нить ее не отяготят. И не твое дело в это мешаться. Сам знаешь: не нам выбирать.

Нестор нахмурился еще больше. Но так и продолжал молчать. Инга же даже нервничать стала отчего-то, не совсем понимая: о чем именно они говорят. Против он или не против? И хочет ли она сама заниматься чем-то подобным?

– Не стой, дите, – уже ее одернула Соломия. – Бери иголку и иди сюда. Глупое это занятие, просто смотреть. Пора уже приложить свою руку.

И Инга послушалась. У нее так и не появилась какого-то логичного обоснования для того, чтобы последовать указу хозяйки. Ну, разве что из вежливости, в благодарность за то, что ее в этом доме столько терпели. Однако и логичных же доводов для отрицания так же не имелось. А уходить не хотелось. Что-то внутри противилось такому выбору. Да и Нестор не возражал, вроде бы. Вслух, во всяком случае.

Так что она подошла ко всему этому «снаряжению» и, слабо представляя, что и как делать, взяла все в охапку. А потом под села к Соломии.

Но, несмотря на понукание и некоторое насмешливое подтрунивание со стороны хозяйки, Инга не принялась тут же вышивать. Да она в принципе не знала, как именно это делать! Не просто заправить нить в иглу и проколоть ткань, а конкретно создавать такие узоры, как это делала Соломия, причем, не сверяясь и не рисуя никаких схем. Все эти недели, наблюдая, она даже не пыталась запомнить и понять, как Соломия это делает. Инга просто наслаждалась наблюдением за процессом.

Так что сейчас она только попыталась хоть что-то перенести на полотно. Правда, результат оказался ожидаем: первая попытка, как и несколько последующих, не увенчались успехом, хоть Инга и прилагала усилия, чтобы повторить все, что сейчас делала хозяйка. Не более удачными оказались и вторая, и третья попытки.

Однако это не отбило у нее желания приходить к Соломии в гости. Да и сама хозяйка, на самом деле, не особо рьяно настаивала. И пусть вышивать Инга теперь старалась регулярно, Соломия только посмеивалась над простыми и довольно косыми стежками. Узорами это назвать даже Нестор не решался, хоть и было видно, что он очень опасался, чтобы ее не обидеть, если Инга интересовалась его мнением о своей вышивке.

Разумеется, они жили не только этими походами к Соломии. А то, что она именно живет, Инга ощущала очень ярко и сильно, остро переживая каждую минуту дней и ночей, наслаждаясь холодным и кристальным воздухом, гуляя по их двору, касаясь коры мощных деревьев, ловя снежинки первого снега.

Они с Нестором побывали в гостях у родителей Инги. Этот визит был достаточно коротким. Учитывая все нюансы, Инга решила, что не стоит рисковать и растягивать пребывание, ограничились одним днем. Но и так, она перед этим трижды звонила родителям тайком от любимого и старалась их «подготовить» к тому, что человек, с которым ей так хорошо, не особо общителен, а также не очень быстро сходится с людьми. И не совсем разговорчив. В общем, составила довольно подробный план: что им делать и как себя вести. Родители, к счастью, не спорили и пообещали, что с уважением отнесутся к тому, кто определенно сделал их дочь гораздо более спокойной и счастливой. Нестор, кажется, был в курсе ее подготовки, несмотря на все попытки это скрыть, но акцента не делал и ничего не спрашивал.

В целом знакомство прошло неплохо, как ей показалось. Нет, конечно, ее родители и Нестор не стали моментально лучшими друзьями. Они были взаимно вежливы, и Инге этого пока хватило. А еще, именно во время этой поездки с ней впервые случилось то, чего, похоже, и опасался Нестор, недовольно хмурившись недавно на желание Соломии обучать ее вышивке. Инге захотелось вышивать.

Нет. Не так.

Ее буквально обуяла невыносимая потребность схватить в руки иголку с ниткой. Красной, толстой, ворсистой, шерстяной. Подобной той, которая и сейчас оплетала запястье Инги узелками. Это желание овладело ею с такой невыносимой силой, что даже в глазах на мгновение потемнело, заставив Ингу прервать разговор с матерью. И не пробивались в сознание обеспокоенные вопросы, не улавливался их смысл.

Она видела перед глазами узор. До мельчайшего стежка. Знала его. Чувствовала. Понимала, что он необходим ее родителям, что принесет в их жизнь облегчение, покой, убережет. И она должна была немедленно начать, чтобы дать выход этому ощущению потребности, распирающему ее изнутри.

У Инги даже руки задрожали от этой необходимости. И никаких сомнений в том, получится ли, не возникло. Вот только с реализацией предвиделась проблема – Инга ничего из необходимого не брала с собой. Ей даже в голову не приходило, что может случиться нечто подобное.

Зато, похоже, об этом подумал и догадывался Нестор. Это стало очевидно, когда Инга увидела, как он (до этого просто сидевший рядом, следя за ее общением с родителями), после недолгого и внимательного взгляда на нее, поднялся и ушел в коридор, где стояла их сумка. А буквально через несколько мгновений вернулся с пакетом, который аккуратно вложил в ее подрагивающие руки. Там имелись и нити, и иголки, и ткань.

От нахлынувшего облегчения, вздох Инги вышел излишне громким, почти похожим на всхлип. Что обеспокоило родителей, не вполне понимающих, что с ней происходит.

– Инга, что такое? Все нормально? Может устала, приляжешь?

Мама немного наклонилась и коснулась ее плеча. Было видно, что она растерянна.

– Нет, мам, все хорошо, – благодарно улыбнувшись любимому, Инга с удовольствием, которое впервые испытала от ощущения нити в руках, начала разматывать моток. – Хочу вам подарок сделать. – Стежок лег на удивление гладко и ровно.

– Я даже не представляла, что ты вышивкой увлеклась, – заметила мать с настоящим удивлением.

Поскольку Инга не знала, что ответить, просто улыбнулась. А Нестор почему-то сел рядом с ней, прямо на пол, так, что касался своим плечом ее колена. Словно давал ей поддержку. И это не было лишним.

Инга не испытывала растерянности от случившегося. Точнее, эта эмоция как-то затерялась, затерлась необходимостью укладывать нить по полотну. Затушевалось неожиданным пониманием какой-то глубинной сущности страха и слабости своих родителей, о котором она даже не думала ранее, осознанием, насколько они истощены всем, случившемся с их единственной дочерью. Она вышивала стежок за стежком, создавая оберег, и вместе с этим, как-то веку за векой принимала происходящее: этот неожиданный порыв, понимание ранее бессмысленных намеков Соломии, которые Нестор раскусил сразу, похоже, ее неожиданную одержимость вышивкой.

«Не в нашей воле выбирать». Теперь Инга знала, что имела в виду старая Соломия. Это знание пришло сразу и полным, охватило, пропитало ее. И не нужны были схемы и рисунки вышивок. Она теперь знала, что не бывает двух одинаковых узоров, как нет двух одинаковых людей. И настолько, насколько различны их беды и горести, с которыми они будут встречаться Инге на пути, настолько же будут различаться узоры, которые она сделает для них. Иногда без всякой просьбы. Просто потому, что это отныне часть ее самой. Не то сила, неведомая ранее, не то просто глубже, нежели у других, знание.

А еще пришло более полное понимание любимого. Всего того, что стояло за его давним скупым объяснением: «я мольфар». Да уж, такого не объяснить человеческим языком. Не разложить по полочкам для того, кто никогда даже отдаленно не представит, что значит обладание подобной силой. В какой-то степени Инге даже стало страшно. Но теплое плечо Нестора, и правда, поддерживало и ободряло. Он знал. Все. Очень точно. И это придавало уверенности. Словно еще больше связывая их.

Она вышила небольшую салфетку за пару часов и подарила ее родителям. Странное состояние, больше похожее на помешательство или одержимость, покинуло Ингу с последним стежком, оставив после себя опустошенность и невероятную усталость, что послужило неплохим оправданием для скорого отъезда. Инге хотелось, как можно скорее попасть домой, в их спальню, где стены были оббиты деревом и так сильно грела печь, сооруженная Нестором собственноручно. Несмотря на всю любовь, которую испытывала к родным, она нуждалась сейчас в уединении, в тени гор за окном и полной тишине объятий Нестора. Будто вся ее энергия и все силы остались в небольшом кусочке полотна с красными шерстяными стежками.

– Со временем легче, – тихо заметил Нестор, помогая ей сесть в машину.

Видимо, для него не осталось тайной ее состояние. Хотя, он ведь всегда все в ней замечал. Инга слабо усмехнулась и на мгновение прижалась к его ладони щекой, впитывая тепло.

С этого момента такое случалось с ней достаточно часто. И люди забирали вещи теперь не только у Соломии, но и у Инги, что стало происходить само собой. Словно все вдруг оказались в курсе того, о чем сама Инга догадывалась лишь интуитивно.

Поняла все и сама Соломия. Они с Ингой даже как-то не вдавались в детали или обсуждение, однако стало очевидным изменение – теперь старуха относилась к ней практически как к равной, только более молодой и еще набирающей опыта.

Однажды Инга провела у Соломии целый день. Одна, без Нестора. Любимый остался дома, следя за тем, как им в дом рабочие проводили газ, и даже как-то сам настоял на том, что Инге там не стоит находиться, может простудиться. Она не спорила. Все еще не до конца понимая происходящее с ней, когда не была охвачена потребностью вышивать для кого-то, Инга с радостью пользовалась любой возможностью набраться опыта и чуть больше себя понять. Хотя, Соломия не всегда вдавалась в пояснения, иногда только больше путая Ингу. Не в этот раз, однако.

– Не простого человека ты себе выбрала, дитино, – задумчиво глянув в окно на уходившего Нестора, вздохнула Соломия.

Отошла к печи, протянул руки, словно стараясь впитать больше тепла. Инга внезапно будто впервые увидела ее: как-то резко бросилась в глаза сутулость, которой будто бы раньше не было, зябкие пожевания, тяжелые, нездоровые вздохи. Но она не успела поинтересоваться здоровьем Соломии, которая раньше казалась ей вполне бодрой и моложавой.

– Непростого и тяжелого, – явно продолжая первую реплику, повторила хозяйка, не поворачиваясь к ней.

Инга промолчала. Нестор был для нее незыблемым. Константой ее сущности и она не видела смысла убиваться по поводу того, что он не блистал общительностью.

– Знаю я, знаю, – Соломия косо и весело глянула на нее через плечо, словно бы услышала. – Может это и правильно. И он заслужил облегчение. Какое-то счастье. Ты принесла ему покой. Он долго к нему шел. Они все шли... – Старуха вновь замолчала.

А Инга не решилась перебивать. Не так уж много у нее было шансов узнать что-то большее о Несторе или его семье, не хотелось сбить Соломию, которая, точно, помнила Нестора с детства.

– Тяжелый человек. Все они непростые были, – после недолгого молчания продолжила хозяйка, словно чувствуя желание Инги узнать больше. – И каждый только отягощал ношу, которую передавал дальше. Твоему Нестору неподъемный тягар достался. Да и он постарался, ничего не скажешь, – Соломия повернулась к Инге и с осуждением покачала головой. – Хотя, чего же требовать от мальчишки, которого бросили в пекло. – На этот раз в голосе старухи прозвучала печаль. Она глянула прямо на Ингу. – Но ты его успокоила. Это хорошо, – вновь повторила Соломия.

Отошла от печи и как-то неспешно, тяжело взялась за свое рукоделие. С кряхтением уселась на лавку. В комнате горел свет, но казалось, что зимняя пасмурность все равно проникает внутрь через застекленное окно, щели. И окутывает, клубится, свивается вокруг хозяйки хаты. Но не мрачно или угрожающе, а как-то по-зимнему тихо, спокойно. В своей черед. Потому что так все шло. И внутри Инги, то, что было частью ее теперь, понимало это без страха или ужаса, со смирением. Дни идут. И у всего они сочтены.

Понимала это и сама Соломия, Инга увидела это в ее взгляде, когда старуха вновь подняла голову.

– Не будет у вас деток. Не кара это. Просто пора прекратиться этому мучению. Хватит всего, что их семья накопила. Он искупит. Ты уже часть его ноши искупила. И теперь вам вместе быть. Продолжения рода не будет. Но вам и вдвоем хорошо, да? – Соломия хитро улыбнулась, по-доброму.

Инга моргнула. Она вообще еще не думала о том, хочет ли иметь детей. Скорее нет. Ни разу за собой не замечала тяги угнаться за биологическим «будильником», о котором так

беспокоились ее знакомые. И да, ей было с Нестором хорошо. И всего достаточно. Потому слова Соломии ее не обеспокоили. Скорее она приняла их. И осмыслила, даже не подумав сомневаться.

– Да, хорошо, – сама себе и ответила хозяйка, пока Инга взвешивала ее слова. – Ты ведь тоже непроста, дитино. Всех успокаиваешь. И мне покой принесла. Долго я тебя ждала. Теперь и передохнуть можно.

Соломия снова улыбнулась, похоже, не беспокоясь, что Инга так ни слова и не сказала, склонилась над своей вышивкой. Занялась делом и Инга. Может она еще не все знала умом, а вот сердцем понимала, что ничего говорить и не нужно. И во всем права хозяйка.

Соломия умерла через неделю. Как раз перед сильной метелью, когда облака почернели и набухли, закрывая горы едва не до подножий. Лес застыл, словно ожидая, и даже воздух, пусть и холодный, казался стоячим.

Инга просто поняла, что пора, ехать надо. Поднялась с кровати, куда еще утром устроилась с книгой, и пошла к Нестору, который занимался в сарае деревом, выстругивая табурет.

– Отвези меня, – просто попросила она, замерев в дверях ничего не поясняя.

Любимый поднял голову, посмотрел мгновение, и кивнул, отложив инструменты. Он тоже понял, пусть некогда доминирующая, рациональная часть Инги сейчас забилась в укромный уголок сознания, и просто билась в истерику. Но теперь в ее жизни существовали иные правила. И Инга более доверяла интуиции, нежели разуму.

Добрались быстро, подмерзшая земля, укрытая уже утоптанном снегом, словно сама помогала. Соломия же будто бы только ее и ждала, оставаясь при сознании и разуме. Двадцать минут Инга просидела в хате. Одна. Нестор и сейчас не зашел. Да Инга и ощущала, что ему там сейчас не место.

Не обсуждали они это время ни когда Инга вышла, после того, как хоть как-то приняла то, что далось ей со слабым пожатием сухой и уже прохладной руки, да и никогда потом. Нестор пошел по дворам соседей, собирать их для омовения и прощания. А Инга запрокинула голову, жадно вдыхая горящим горлом кристальный морозный воздух. Поймала губами первые снежинки. Зажмурилась. Слез не было, хоть и хотелось плакать. Но не с болью, а скорее с грустью от прощания. Однако эти слезы еще не пришли. А глаза пекло. Зато тихо и медленно кружился снег, а Инга следила за ним.

И с глубоким вздохом словно встряхнулась вся, ощутив, как любимый вновь подошел впритык. Повернулась к нему. Мимо, опасливо косясь на них, просеменила пожилая женщина. Но тут же остановилась и медленно кивнула, уважительно здороваясь, когда Инга обернулась в ее сторону. Инга ответила таким же кивком соседке Соломии, зная, что ее приняли и признали. И теперь не только к Нестору начнут приходить нежданные гости, оббивая их порог.

Горячая ладонь любимого легла на ее затылок, пробралась до кожи под шарфом и шапкой, и тепло, казалось, проникло до самых костей, прогоняя это все.

– Как думаешь, наша собака тут бы прижилась? – тихо спросила она у Нестора, прижавшись щекой к его запястью.

Он не отрываясь смотрел на нее.

– Можем попробовать, – пожав плечами, тихо ответил Нестор, второй рукой обняв ее.

Чуть отодвинул Ингу с дорожки, по которой к дому подходило все больше народу. Все с

ними здоровались.

– Давай попробуем, чего ей одной там быть? – Инга прижалась головой к его плечу. Рядом с ним ей было легче. И хорошо, права оказалась Соломия. – Послезавтра съездим?

Нестор кивнул. И она зачем-то кивнула, ощущая, что по щеке все-таки покатались слезы. Горячие и грустные. Но тихие и спокойные.